

DOI: 10.21202/2782-2923

Издается с января 2007 года, периодичность издания – 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Клейнер Г. Б., доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Со главный редактор:

Бикеев И. И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан, первый проректор, проректор по научной работе Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)

Заместители главного редактора:

Андрюшин С. А., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Кабанов П. А., доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии, Нижегородская академия МВД России (г. Нижний Новгород, Россия), куратор направления юридических наук

Крамин Т. В., доктор экономических наук, профессор, директор НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова, куратор направления экономических наук (г. Казань, Россия)

Ответственный секретарь:

Григорьев Р. А., доктор философии в области экономики (Великобритания), заместитель директора НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)

Антонова И. И., доктор экономических наук, доцент, проректор по инновационно-проектной деятельности Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)

Баранов В. М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию (г. Нижний Новгород, Россия)

Бегисhev И. Р., доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)

Вольчик В. В., доктор экономических наук, доцент, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Гилинский Я. И., доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия)

Голиченко О. Г., доктор экономических наук, профессор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Головчин М. А., кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Вологодского научного центра Российской академии наук (г. Вологда, Россия)

Ефимцева Т. В., доктор юридических наук, профессор Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Оренбург, Россия)

Качалов Р. М., доктор экономических наук, профессор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Корытцев М. А., доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Кудрявцева О. В., доктор экономических наук, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

Лазарев В. В., главный научный сотрудник Центра фундаментальных правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Латов Ю. В., доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Левин С. Н., доктор экономических наук, доцент, профессор департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Липень С. В., доктор юридических наук, доцент Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва, Россия)

Макарова О. А., доктор юридических наук, доцент кафедры коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия)

Петрянин А. В., доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ (г. Нижний Новгород, Россия)

Подольный Н. А., доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Казанского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (г. Казань, Россия)

Тарасенко Н. А., доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва, Россия)

Хисамова Э. И., кандидат юридических наук, начальник отделения планирования и координации научной деятельности научно-исследовательского отдела Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Краснодар, Россия)

Шафиров В. М., доктор юридических наук, профессор Сибирского федерального университета (г. Красноярск, Россия)

Шестаков Д. А., доктор юридических наук, профессор Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Шинкевич А. И., доктор экономических наук, доктор технических наук, профессор Казанского национального исследовательского технологического университета (г. Казань, Россия)

Щепельков В. Ф., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Алм Дж., доктор философии в области экономики, профессор экономики Тулейнского университета (г. Новый Орлеан, США)

Апосталакис А., доктор философии в области экономики, профессор Греческого Средиземноморского университета (г. Ираклион, Греция)

Шаббар Дж., доктор философии в области экономики, профессор Университета г. Портсмут (г. Портсмут, Великобритания)

Каменков В. С., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, заведующий кафедрой Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)

Кури Х., доктор психологических наук, профессор Фрайбургского университета (г. Фрайбург, Германия)

Мешко Г., профессор, руководитель Института уголовного правосудия и безопасности в FCIS Университета в Мариборе; президент Европейской ассоциации кримиологов (ЕСС) (г. Марибор, Словения)

Рубин Э. Л., профессор права и политики Школы права Университета Вандербилта (г. Нешвилл, шт. Теннесси, США)

Серрано-Майло А., профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Национального университета дистанционного образования (г. Мадрид, Испания)

Турецкий Н. Н., доктор юридических наук, проректор по научной работе Академии правоохранительных органов Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, председатель Союза кримиологов Казахстана имени Е. Каиржанова (г. Астана, Республика Казахстан)

Фидрмук Д., доктор социальных экономических наук, профессор Университета Зеппелин (г. Фридрихсхафен, Германия)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:

ПИ № ФС77-81556 от 27 июля 2021 г.

Территория распространения:

Российская Федерация; зарубежные страны.

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 28,25. Тираж 1000 экз. Подписано в печать 27.08.2023. Заказ № 77.

Дата выхода в свет 27.09.2023. Цена свободная.

© ЧОУ ВО «КИУ им. В. Г. Тимирязова», ООО «ТЦО «Таглитат», 2023.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Вестфалика»: 420111, г. Казань, ул. Московская, 22.

Рецензирование статей в журнале – двойное слепое. При цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

Учредитель:

ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова»

Издатель:

ООО «ТЦО «Таглитат»

Адрес редакции:

420111,
Республика Татарстан,
г. Казань,
ул. Московская, 42

Тел.: (843) 231-92-90,

Факс: 292-61-59

E-mail: rusjel@ieml.ru

Сайт: rusjel.ru

Журнал включен

в Перечень ВАК

по специальностям:

5.2.1. Экономическая

теория;

5.2.3. Региональная

и отраслевая экономика;

5.1.4. Уголовно-правовые

науки

Индексируется в HeinOnline,

CyberLeninka, RePEc, DOAJ,

ProQuest

Подписка на журнал

по Объединенному каталогу «Пресса России»

Наш индекс – 86303

Ответственный за выпуск:

Г. Я. Дарчинова

Редактор:

Г. А. Тарасова

Компьютерная верстка:

С. А. Каримова

Дизайн обложки:

Г. И. Загретдинова

Дизайн логотипа:

В. А. Крайков

Переводчик:

канд. пед. наук,

член Гильдии

переводчиков РТ

Е. Н. Беляева

Аудиоконтент сайта:

ООО «Голос Науки»

DOI: 10.21202/2782-2923

Published since January 2007, publication frequency: quarterly

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief:

G. B. Kleyner, Doctor of Economic Sciences, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Scientific Supervisor of Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Co-Editor-in-Chief:

I. I. Bikeev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, First Vice-Rector, Vice-Rector of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov on Scientific work (Kazan, Russia)

Deputies of the Editor-in-Chief:

S. A. Andryushin, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

P. A. Kabanov, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Criminology of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia), **supervisor of Law section**

T. V. Kramin, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor, Head of the Chair of Financial Management, Director of Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, **supervisor of Economic section** (Kazan, Russia)

Executive secretary:

R. A. Grigoryev, PhD (Economics), Deputy director at Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

I. I. Antonova, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Vice Rector on innovative and project activity of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

V. M. Baranov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Development (Nizhny Novgorod, Russia)

I. R. Begishev, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Professor of Department of Criminal Law and Procedure of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

V. V. Volchik, Doctor of Economic Sciences, Professor of Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

Ya. I. Gilinskiy, Doctor of Juridical Sciences, Professor of Saint Petersburg Juridical Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, of Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen (Saint Petersburg, Russia)

O. G. Golichenko, Doctor of Economic Sciences, Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

M. A. Golovchin, Candidate of Juridical Sciences, Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Russia)

T. V. Efimtseva, Doctor of Juridical Sciences, Professor of Orenburg Institute (branch) of Moscow State Juridical University named after O. E. Kutafin (Orenburg, Russia)

R. M. Kachalov, Doctor of Economic Sciences, Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

M. A. Korytcev, Doctor of Economic Sciences, Professor in Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

O. V. Kudryavtseva, Doctor of Economic Sciences, Professor in Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

V. V. Lazarev, Doctor of Juridical Sciences, Chief Researcher of the Center for Fundamental Legal Studies of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation of the Institute for Legislation and Comparative Legal Studies at the Russian Government, Professor (Moscow, Russia)

Yu. V. Latov, Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher of the Center for Comprehensive Sociological Research of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

S. N. Levin, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Economics of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

S. V. Lipen, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia)

O. A. Makarova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor of Saint Petersburg University (Saint Petersburg, Russia)

A. V. Petryanin, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Director of Nizhny Novgorod branch of Saint Petersburg Academy of Investigative Committee of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

N. A. Podolnyy, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminology of Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (Kazan, Russia)

O. A. Tarasenko, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia)

Z. I. Khisamova, Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of planning and coordination of scientific activities of the research Department of the Krasnodar University Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Krasnodar, Russia)

V. M. Shafirov, Doctor of Juridical Sciences, Professor of Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)

D. A. Shestakov, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen, President of Saint Petersburg International Criminological Club, Honored Researcher of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

A. I. Shinkovich, Doctor of Economic Sciences, Doctor of Engineering, Professor of Kazan National Research Technological University (Kazan, Russia)

V. F. Shchepelkov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

FOREIGN MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD:

J. Alm, PhD (Economics), Professor and Chair Department of Economics of University Tulane (New Orleans, USA)

A. Apostolakis, PhD (Economics), Assistant Hellenic Mediterranean University (Irakleion, Greece)

J. Shabbar, PhD (Economics), Professor of University of Portsmouth (Portsmouth, United Kingdom)

V. S. Kamenkov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of Belarus Republic, Head of Department of Belorussian State University (Minsk, Belarus Republic)

H. Kury, Doctor of Psychological Sciences, Professor of Universität Freiburg (Friburg, Germany)

G. Meško, Professor, Head of the Institute of Criminal Justice and Security at the FCJS of Maribor University; the President of the European Society of Criminologists (ESC) (Maribor, Slovenia)

E. L. Rubin, Professor of Law and Political Science of Vanderbilt University Law School (Nashville, TN, USA)

A. Serrano-Maillo, Professor, Chair of the Department of Criminal Law and Criminology of Universidad Nacional de Educación a Distancia (UNED) (Madrid, Spain)

N. N. Turetskiy, Doctor of Juridical Sciences, Vice Rector on Research of the Academy of Law-enforcement Bodies of the Prosecutor General's Office of Kazakhstan Republic, Head of Criminologists Union of Kazakhstan named after E. Kairzhanov (Astana, Kazakhstan Republic)

Ja. Fidrmuc, Doctor of Social and Economic Sciences, Professor of Zeppelin University (Friedrichshafen, Germany)

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.

Registration number and date of decision on registration:
ПН № ФС77-81556 of July 27, 2021.

Distribution area: Russian Federation; foreign countries.

Format 60x84/8. Printing sheets: 28,25. Circulation 1000 copies. Signed for printing 27.08.2023. Order № 77.

Date of publishing 27.09.2023. Free price.

© PEE HE "KIU named after V. G. Timiryasov", Tatar Educational Center "Taglimat" Ltd., 2023.

Printed at printing house "Vestfalika" LLC: 420111, Kazan, 22 Moskovskaya Str.

Reviewing of the articles in the Journal is double blind. When citing the materials, the reference to the Journal is obligatory.

Materials of the Journal are available under the Creative Commons Attribution License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

The founder:

Private educational establishment of higher education "Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov"

The publisher:

Tatar Educational Center "Taglimat" Ltd

Editors Office's address:

420111,
Tatarstan Republic,
Kazan, 42 Moskovskaya st.

Tel.: (843) 231-92-90,

Fax: 292-61-59

E-mail: rusjel@ieml.ru

Site: rusjel.ru

The journal is included in the List of Higher Attestation Commission the group of specialties:
Economic Theory;
Regional and Branch Economics;
Criminal-legal sciences

The Journal is indexed in HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ, ProQuest

Subscription for journal

through the United Catalogue "Press of Russia"
Our index – 86303

Responsible for issue:

G. Ya. Darchinova

Editor:

G. A. Tarasova

Computer lead out:

S. A. Karimova

Cover design:

G. I. Zagretdinova

Logo design:

V. A. Kraikov

Translator:

PhD (Pedagogics), member of the Republic of Tatarstan Translators' Guild
E. N. Belyaeva

Website audio content:

"Golos Nauki" LLC

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

473

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

- Яковлева Е. Л.** Монетизация эмоций в бытии
электронного кочевника 473

490

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

- Гафурова Г. Т., Нотфуллина Г. Н., Ковалева Э. Р.**
Тренды развития паевых инвестиционных
фондов в условиях санкций 490
- Королева Е. А.** Экстерналии политики санкционного
давления и ее последствия для развития
российского малого и среднего бизнеса 515
- Селиверстова Н. С., Шкутько О. Н., Григорьева О. В.**
Структурные изменения среднетехнологичных
отраслей экономики в условиях цифровой
трансформации промышленности 532

548

КРИПТОМИР И ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСЫ

- Варламова Ю. А., Подкорытова О. А.** Влияние
трансграничных потоков данных на потоки
товаров и услуг в рамках международной
торговли 548

571

ЦИФРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

- Шутова А. А.** Криминальные риски оборота
медицинских роботов 571

586

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Кобец П. Н.** Научное творчество выдающегося
отечественного правоведа М. Н. Гернета
и его роль в развитии наук уголовного права
и криминологии в дореволюционный период 586

473

ECONOMIC THEORY

- E. L. Iakovleva.** Monetization of emotions
in the existence of an electronic nomad473

490

REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS

- G. T. Gafurova, G. N. Notfullina, E. R. Kovaleva.**
Trends of the development of unit investment
funds under sanctions490
- E. A. Koroleva.** Externalities of the sanction pressure
policy and its consequences for the Russian small
and medium business development516
- N. S. Seliverstova, O. N. Shkutko, O. V. Grigoryeva.**
Structural changes of medium-tech economic
sectors under digital transformation
of industry533

548

CRYPTO-WORLD AND DIGITAL FINANCE

- J. A. Varlamova, O. A. Podkorytova.** Impact
of cross-border data flows on goods
and services flows in international
trade548

571

DIGITAL SECURITY

- A. A. Shutova.** Criminal risks of medical robots
turnover.....571

586

THEORETICAL-HISTORIC LEGAL SCIENCES

- P. N. Kobets.** Scientific creativity of an outstanding
Russian jurist M. N. Gernet and his role
in developing criminal legal sciences and
criminology in the pre-revolutionary period586

602

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Глухова А. А., Иудин А. А., Шпилев Д. А.

Деструктивные социальные движения
«Маньяки. Культ убийств» и «Мир маньяков
и серийных убийц»: формирование
криминальной идеологии..... 602

630

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ

Румберг М. Проблема отмывания денег в индустрии
видеоигр: когда выпуск игр превращается
в услугу по передаче денег? 630

Ходжен Ш., Вушке К. Трава всегда зеленее:
анализ концентрации и видов преступности
в городских зеленых пространствах..... 645

Эвертон Ш. Ф., Каннингэм Д. Устойчивость темных
сетей в условиях враждебного окружения:
оптимизация централизации и плотности 667

689

ИНФОРМАЦИЯ О РЕДАКТОРАХ РУБРИК

690

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

602

CRIMINAL-LEGAL SCIENCES

A. A. Glukhova, A. A. Iudin, D. A. Shpilev.

Destructive social movements “Maniacs.
Killing cult” and the “World of maniacs
and serial killers”: forming a criminal
ideology 602

630

TRANSLATED ARTICLES

M. Roomberg. The video game industry’s money
laundering problem: when do game
publishers become money transmitters? 630

Ch. Hodgen, K. Wuschke. The Grass is Always Greener:
Analyzing Crime Concentration and Specialization
in Urban Greenspace Environs 646

S. F. Everton, D. Cunningham. Dark network resilience
in a hostile environment: optimizing centralization
and density 668

689

INFORMATION ON THE RUBRICS EDITORS

690

RULES FOR THE AUTHORS

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ / ECONOMIC THEORY

Редактор рубрики Г. Т. Гафурова / Rubric editor G. T. Gafurova

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.473-489>

УДК 004:130.2:316:330.1:659

JEL: A1, D11, D8, D91, M37

Е. Л. Яковлева¹

¹ Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, Казань, Россия

Монетизация эмоций в бытии электронного кочевника

Яковлева Елена Людвиговна, доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-политических дисциплин, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

E-mail: mifoigra@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4940-604X>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/U-4147-2017>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 3784-8642, Author ID: 623628

Аннотация

Цель: осуществление философского анализа проблемы монетизации эмоций, которая в современности расширяет масштабы проявлений и воздействия, а также раскрытие причин и особенностей данного процесса.

Методы: экзистенциально-феноменологический, аналитический и логический методы, а также структурный и системно-функциональный подход. Материалом для теоретического осмысления проблемы послужили идеи Д. Харви, Ж. Бодрийяра, Н. Срничека, Р. ван ден Аккера, Э. Гиббонса и Т. Вермюлена о состоянии современного общества.

Результаты: в ходе исследования выявлено, что монетизация эмоций сегодня играет значимую роль как в жизни современной личности, проводящей огромное количество времени в сетях и называемой нами электронным кочевником, так и производителей товаров/услуг, рекламодателей и посредников, принося последним большие прибыли. Монетизации эмоций способствуют идеология консюмеризма и общество потребления, а также двоемирие, хаотичность и фрагментарность здесь-бытия электронного кочевника, его одиночество и нестабильная структура чувств. Потребление современным индивидом не рационализировано, связано с желанием излишка и подвержено смене эмоций и чувств. Кочевник в удовлетворении своих потребностей полагается на рекламу, где в превосходной форме ему предлагается товар/услуга в качестве соблазнительной нехватки. Для конструирования рекламного мифа сегодня подключаются базы данных и различные платформы, осуществляется таргетирование потенциальных клиентов, что позволяет манипулировать их эмоциями и принуждать к выбору. При этом приобретение товара/услуги сопряжено с быстрым забыванием эмоций, а возможно, и с последующим разочарованием. Сам электронный кочевник, поддаваясь эмоциям, демонстрирует безволие, собственную манипулируемость, отсутствие рефлексивности над происходящим.

Научная новизна: результаты анализа современного состояния общества потребления позволяют поставить проблему монетизации эмоций, выявить причины интенсивного развития этого процесса у электронного кочевника, а также обнаружить особенности тактик манипуляции, приводящих к конвертации эмоций в денежный эквивалент.

Практическая значимость: использование результатов исследования для дальнейшего изучения монетизации с использованием баз данных, распознавания манипуляционных тактик, эксплуатирующих эмоции электронного кочевника, а также проблематизации тотальности монетизации эмоций и повышения качества товаров/услуг, распространенных в современном обществе.

Ключевые слова

Электронный кочевник, идеология консюмеризма, монетизация, монетизация эмоций, структура чувств, манипуляция, реклама, рекламный миф, капитализм платформ, покупатель, экономический агент, сознание, рассудок

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Яковлева, Е. Л. (2023). Монетизация эмоций в бытии электронного кочевника. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(3), 473–489. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.473-489>

Scientific article

E. L. Iakovleva¹

¹ Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia

Monetization of emotions in the existence of an electronic nomad

Elena L. Iakovleva, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Culturology, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social-Political Sciences, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

E-mail: mifoigra@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1799-0883>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/U-4147-2017>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 3784-8642, AuthorID: 623628

Abstract

Objective: to perform a philosophical analysis of the problem of emotions monetization, which is currently expanding the scope of manifestations and effects, as well as to disclose the causes and features of this process.

Methods: existential-phenomenological, analytical and logical, as well as structural and system-functional approaches. The ideas of D. Harvey, J. Baudrillard, N. Srnicek, R. van den Akker, A. Gibbons and T. Vermeulen on the state of modern society served as material for theoretical comprehension of the problem.

Results: the research revealed that today the emotions monetization plays a significant role both in the life of a modern individual spending a lot of time in social networks, whom we call an electronic nomad, and of producers of goods and services, advertisers and intermediaries, bringing large profits to the latter. The consumerism ideology and the consumer society contribute to the emotions monetization, as well as the two-world, chaotic and fragmented here-existence of an electronic nomad, their loneliness and unstable structure of feelings. Consumption is not rationalized by a modern individual; it is associated with the desire for excess and is subject to a change of emotions and feelings. The nomad relies on advertising to satisfy his needs, where they are offered a product/service in an excellent form as a tempting deficiency. Today, to construct an advertising myth, databases and various platforms are used, targeting of potential customers is carried out, which allows manipulating their emotions and forcing them to make a choice. At the same time, the purchase of a product or service is associated with quickly forgetting the emotions, and possibly with subsequent disappointment. The electronic nomad, yielding to emotions, demonstrates lack of will, manipulability, and lack of reflexivity over what is happening.

Scientific novelty: the results of the analysis of the current state of consumer society allow posing the problem of emotions monetization, identifying the reasons for the intensive development of this process in an electronic nomad, and discovering the features of manipulation tactics that lead to the conversion of emotions into monetary equivalent.

Practical significance: consists in using the research results for further study of monetization using databases, recognizing the manipulative tactics exploiting the emotions of an electronic nomad, and problematizing the totality of emotions monetization and improving the quality of goods/services common in modern society.

Keywords

Electronic nomad, ideology of consumerism, monetization, monetization of emotions, structure of feelings, manipulation, advertising, advertising myth, platform capitalism, buyer, economic agent, consciousness, reason

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Iakovleva, E. L. (2023). Monetization of emotions in the existence of an electronic nomad. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(3), 473–489. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.473-489>

Введение

Скорость бесконечных перемен и нестабильность современного мира, в том числе обусловленных цифровой революцией социального, влияют на состояние индивида. Интенсивное распространение цифровой среды, множество осуществляемых в ней операций и действий превращают индивида в *электронного кочевника* (Яковлева и др., 2017; Яковлева, 2019). Он представляет собой постчеловека/техночеловека, зависимого «от высоких технологий и новых медиа», посредством которых «кочует по виртуальным мирам, получая необходимую информацию и встраивая ее в свою жизнь», а «наличие электронных устройств, круглосуточный доступ к Сети, пребывание *on-line* и *палец на кнопке* оказываются главными показателями его жизни» (Яковлева, 2019). Данный тип личности трудно назвать гармоничным. Вместо самодостаточного человека, имеющего четкие жизненные позиции и ценности, цели и задачи, мы видим мятушную личность, постоянно меняющую зоны своего пребывания: кочевник переходит из реальности в виртуальный мир и наоборот. Весомый вклад в раздробленность существования кочевника вносит и логика потребления, полностью захватывающая культурный ландшафт и подчиняющая его себе. В современном обществе, живущем под знаком «цифры», усиленно продвигается *идеология консюмеризма* (Яковлева, 2022), чьи манипулятивные тактики оказываются прозрачными. Бесконечный конвейер производимой и рекламируемой продукции, встраиваемый во все культурные пространства, вынуждает кочевника (сознательно/бессознательно) следить за новинками и, покорно соблазняясь, покупать излишнее и ненужное ему. Консюмеризм влечет за собой развитие процесса *монетизации*, в котором объект, не имеющий дохода, трансформируется в денежные средства. В результате большая часть электронных кочевников, оказываясь субъектами экономических отношений, помогает за счет собственных капризов и прихотей получить прибыль меньшинству (производителям товаров/услуг, рекламодателям, посредникам).

Перечисленное делает объектом анализа проблему такого аспекта процесса монетизации, как эмоции, что стало характерной чертой современности.

Сегодня эмоции оказываются незамечаемыми, но неотъемлемыми составляющими любого товара/услуги. Они интегрируются в стратегические тактики продвижения товара/услуги, что наиболее ярко демонстрируется в рекламе. Суть конкурентного преимущества компании и поддержания ее финансово-экономической устойчивости на рынке заключается в виртуозном умении преподносить товар, вызывая эмоции потенциальных покупателей (в том числе в рекламе до покупки, в процессе выбора и после приобретения). Грамотное продвижение товаров/услуг на всех этапах имеет своей целью манипуляцию потребительским интересом и программирование людей на их приобретение. Информационная манипуляция посредством рекламы, социальных медиа и социальных сетей поддерживает в потенциальных покупателях постоянное вожделение, обладающее пролонгированным эффектом. Современный кочевник оказывается одержимым навязчивой идеей приобретения чего-нибудь. Мультиплицирование потребительского спроса поддерживается цифровой средой

и разного рода сообществами в социальных сетях, где превозносятся свойства определенного бренда, его товаров/услуг и критикуется подобная продукция иной/конкурирующей фирмы. Таким образом (нередко неосознанно для человека) в современном обществе складывается ситуация зависимости, формирующая в людях архетип Голлума (персонажа толкинского «Властелина колец»). Сам образ жизни кочевника выстраивается вокруг его эмоциональных вожделений и приобретений.

В контексте выделенной нами проблемы монетизации эмоций выстраивается следующая логическая последовательность изложения философско-теоретического материала: 1. Проблематизация процесса монетизации в научном дискурсе. 2. Электронный кочевник как объект манипуляции. 3. Алгоритмы манипулятивных практик.

Методами исследования статьи избраны экзистенциально-феноменологический, аналитический и логический, а также структурный и системно-функциональный подходы. Данные методы позволяют осуществить диалектический анализ избранной проблемы – монетизацию эмоций в бытии электронного кочевника. Методологической основой исследования стали идеи Д. Харви о современных культурных продуктах в обществе постмодерна, Ж. Бодрийяра о специфике общества потребления, Н. Срничека о капитализме платформ, Р. ван ден Аккера, Э. Гиббонса и Т. Вермюлена о структуре чувств метамодернизма.

1. Проблематизация процесса монетизации в научном дискурсе

В научном дискурсе тема монетизации не нова и уже имеет достаточный блок теоретических исследований, особенно экономической направленности. Даже за последний год проблема монетизации рассматривалась с различных позиций, на макро- и микроуровнях.

В общем виде монетизация представляет собой процесс перевода чего-либо в овеществленную денежную форму. В научном дискурсе условно выделяют монетизацию бизнеса, стартапа, а также рассматривают ее в качестве сегмента различных бизнес-моделей. Так, экономисты С. В. Орехова и А. Е. Плахин справедливо заключают, что метавселенные способствуют эволюционному переходу к новым бизнес-моделям, позволяющим создавать стратегии управления ресурсами, внедрять инновационные способы монетизации и обеспечивать общественно-экономические эффекты (Орехова, Плахин, 2023).

Довольно большой блок исследований посвящен монетизации различных социально-культурных сфер. Например, К. Р. Романенко и А. Ю. Макарьева изучают феномен образовательных блогеров, которые записывают неформальное видео об учебных заведениях и информируют об условиях обучения, затрагивая проблемы психологического благополучия в течение всего учебного процесса. Как значимые акторы высшего образования подобные блогеры рекламируют образовательные сервисы, языковые школы, аксессуары, связанные с обучением, что свидетельствует о монетизации их деятельности (Романенко, Макарьева, 2023). Группа исследователей во главе с М. В. Козловым, анализируя факторы влияния цифровизации на туристический бизнес, устанавливает, что монетизация туристических компаний связана с подключением больших данных и созданием прогностических моделей регулирования туризма (Козлов и др., 2023). А. В. Тропарев, проводя сравнительный анализ трансляций спортивных событий в Интернете, выявил популярные платформы (*Twitch, YouTube, Facebook*¹ и др.) и их инструменты монетизации контента, включая платные подписки, партнерские программы, донаты (Тропарев, 2023). Исследователь О. Б. Серостанова, изучая перспективы культурных индустрий в условиях цифровизации, отмечает их экономический потенциал и затрагивает проблему монетизации (Серостанова, 2023). О. Н. Миргородская и Ю. Э. Поздняковская анализируют монетизацию анимационного контента и особенности маркетинговых приемов для привлечения детской аудитории (Миргородская, Поздняковская, 2022). А. Р. Акопян с группой авторов изучает процесс реализации цифрового художественного контента на платформе *Gumroad*, позволяющий творческим людям монетизировать искусство и создать личный бренд (Акопян и др., 2023).

Особого внимания заслуживают исследования по монетизации в медиасреде. Исследователь С. С. Распопова рассматривает монетизацию медиапредприятий, выдающих информацию в качестве товара (Распопова, 2021). Р. Н. Магомедов утверждает, что использование интернет-рекламы как эффективного способа

¹ Организация признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

монетизации сайта становится в современности значимым инструментом для продвижения бизнеса в онлайн-среде (Магомедов, 2023). А. А. Негрышев обращает внимание на механизмы когнитивных «ловушек», встречаемых в баннерных кликбейт-заголовках. Привлечение внимания и ложные ожидания в отношении новостей имеют для коммуникатора, переходящего по гиперссылке, материальное выражение – монетизацию интернет-портала (Негрышев, 2023).

Еще одна группа исследований проблемы монетизации, где разрабатываются рекомендации для практического осуществления бизнес-моделей в различных сегментах, имеет методологическую направленность. Н. А. Шувалова предлагает методические рекомендации по разработке финансовых моделей монетизации стартапов, учитывающих отраслевую специфику и особенности товара. При этом автор диалектично подходит к проблеме, называя плюсы/минусы создаваемых моделей (Шувалова, 2023). Группа исследователей во главе с В. Г. Шадринным, изучив сегмент, связанный со здоровым образом жизни, дает рекомендации по специфике продвижения инфопродуктов в данной сфере, основным подходам к ведению блогов и монетизации (Шадрин и др., 2023). Проблема монетизации рассматривается и в сфере общественного питания, бизнес-модели которого переходят в цифровой формат. Авторы В. В. Бахарев, Г. Ю. Митяшин и Г. Г. Чаргазия предлагают варианты «монетизации услуги ресторанов честных цен в цифровой среде», примеры «установления цен на продовольственный и непродовольственный компонент комплексной ресторанной услуги» (Бахарев и др., 2023). Учитывая интенсивное развитие российского рынка цифровых услуг, В. В. Соколов обращает внимание на постоянную разработку цифровыми компаниями новых бизнес-моделей, в том числе способствующих их монетизации и помогающих сохранять свои позиции на рынке (Соколов, 2023).

Не обходят вниманием исследователи и проблемы морального характера. Например, Л. А. Брушкова и И. А. Владимиров затрагивают нравственный аспект монетизации онлайн-видеоигр. Авторы предупреждают, что монетизация способствует не только финансовым затратам, но и формирует у молодого поколения игровую зависимость (Брушкова, Владимиров, 2023). Исследователи О. Н. Гуров и Т. А. Конькова (Кураева) считают, что монетизация морали является необходимым и довольно сложным элементом цифровой экономики, способствуя созданию этических услуг и продуктов, а также внедрению в бизнес-операции этических практик, связанных с социальной ответственностью. Авторы подчеркивают, что «в условиях цифровой экономики роль этики и морали становится все более важной как для бизнеса, так и для потребителей»: те акторы, для кого нравственные «принципы являются приоритетными, с большей вероятностью завоевывают доверие клиентов, создают положительную репутацию и выделяются на фоне конкурентов» (Гуров, Конькова (Кураева), 2023).

Как видно из небольшого обзора литературы последнего времени, процесс монетизации оказывается широко распространенным и динамично развивающимся в современном обществе, захватывая все большие сегменты социально-культурного пространства. Проблема имеет онтологическое, гносеологическое и аксиологическое измерение, что создает трудности в ее изучении и требует комплексного подхода. Данный факт обуславливает дальнейшие научные исследования феномена, многие аспекты которого остаются вне научного ракурса.

Мы считаем, что монетизация представляет собой необходимую составляющую коммерческой деятельности индивида/фирмы, позволяя конкурировать в современных условиях, создавать популярный бренд и приносить прибыль. Сегодня благодаря цифровой среде создаются контенты, которые делают процесс монетизации довольно прозрачным и всеохватывающим, позволяя перевести любой элемент в денежный эквивалент. В цифровой среде осуществляется мощное управление ресурсами электронных кочевников, которые живут в ситуации зависимости от товаров/услуг. Цифровая среда стимулирует появление и распространение невероятных и изощренных способов монетизации. В результате рождается порочный круг общества потребления, связанный с желанием приобретения и усталостью/равнодушием от покупок/новинок, и невозможность вырваться из него. Данный факт позволяет «вспомнить ленту Мебиуса, обладающую свойствами неориентируемости, односторонности, парадоксальности, непрерывности и связности», а ее изворотливость обеспечивает продолжительность процесса монетизации, «приятного массовому потребителю, без(д)умно движущемуся по ней» (Яковлева, 2018).

Монетизация эмоций электронного кочевника осуществляется в два этапа: первый этап – воображаемо-символический, рождающий эмоционально-чувственное вожделение, второй этап – реальный, выражаемый в денежном эквиваленте. Первоначально индивид приобщается к товару/услуге посредством информации о них, оказываясь захваченным манипулятивной программой и растрачивая свою энергию и внимание на

рекламируемое. Потом кочевник, принимая манипулятивное решение, оплачивает собственные прихоти-потребности, в действительности являющиеся навязанными ему. Особую роль в процессе играет реклама, обладающая манипулятивными свойствами. Безобидная, на первый взгляд, реклама предвосхищает ментальные конструкции личности, формируя у нее навязчивую идею в потребности того или иного продукта, конструируя эмоции, влияя на принятие решений и программируя позитивное будущее преобразование, связанное с приобретением товара/услуги, но оказывающееся чаще иллюзорным. Даже рациональное, критическое и/или ироничное отношение к рекламе не является в современности гарантом страховки от вождения о покупке и его прогрессирующего эффекта. Электронный кочевник, в том числе посредством рекламы в цифровой среде, оказывается загруженным избыточной информацией, заставляющей тратить на нее свои внимание и энергию. Сопротивление манипулированию консюмеристским тактикам требует от индивида самодостаточности, довольно развитого критического мышления, рассудительности и стойкости, позволяя определить реальную ценность продукта и его необходимость для существования. Но современный кочевник не обладает подобным набором качеств либо блокирует их проявление.

Прежде чем перейти к анализу проблемы монетизации эмоций, обратимся к манипулируемому объекту – электронному кочевнику – и выделим его характеристики, а также условия внешней и внутренней среды, в которых он бытийствует.

2. Электронный кочевник как объект манипуляции

Современное общество, в котором осуществляется интенсивная «пересборка социального» (Б. Латур), называют обществом изобилия. В нем каждый человек оказывается приобщенным (реально, виртуально) к многочисленным благам цивилизации. Ж. Бодрийяр справедливо говорит «о фантастической очевидности потребления и изобилия» (Бодрийяр, 2020, с. 9), наблюдаемой сегодня. Данному процессу не в последнюю очередь способствует и цифровая среда. Все большее количество населенных пунктов представляют собой рациональные пространства, подчиненные цифровым системам и образующие усложняющиеся социальные взаимодействия (не только реальные, но и виртуальные). Пребывание в реальной («естественной интеллектуальной среде, заключаемой в самой сущности общества и выражаемой посредством интерпретации интеллектуальных смыслов и артефактов цивилизации» (Звездин, 2022, с. 102)) и виртуальной («искусственной интеллектуальной среде в формате объединенной мыслительной площадки на базе искусственной среды обитания, составившей к настоящему времени глобальную эмерджентную интеллектуальную общность людей» (Звездин, 2022, с. 102)) сферах удовлетворяет тягу человека к двоимирию и расширяет его возможности. Современный индивид привыкает соединять в своей жизни оба пространства, лавируя между ними. При этом электронные кочевники предпочитают производить действия и операции в цифровой среде, что оказывается необременительным и доставляет им большое количество удовольствий. Но одновременно индивид дезориентируется в жизни, теряя ощущение действительного существования как здесь-бытия. В жизни кочевника сталкиваются два вида реальности (реальной и виртуальной), что причиняет ему ощущаемый/неощущаемый дискомфорт и становится источником стрессов. Более того, кочевник своими переходами между разными видами реальности дробит свою жизнь на фрагменты, лавирует среди случайностей, устает и не рефлексировать над происходящим, что формирует в нем без(д)умный формат жизни, способствует разрушению навыка прогнозирования, приводит к халатности и отсутствию ответственности за себя и свои поступки. Как справедливо считает М. Берман, современный прогресс, связанный с интенсивным развитием технологий, «воссоздает пустоту внутри у самого субъекта развития», тем самым являя его трагедией (Харви, 2021, с. 66).

Несмотря на двоимирие и интенсивное взаимодействие с людьми (особенно в виртуальной среде), современный кочевник оказывается одиноким и всеми забытым. Безусловно, *одинокость* есть экзистенциальное состояние, на которое обречен каждый. Но в условиях цифрового общества оно проявляет себя наиболее остро. Современный индивид, осуществляя дистанционное общение в цифровой среде, испытывает коммуникативные трудности при контактном общении, все чаще стараясь избегать его. Отсутствие контактного общения или его минимализация не формируют у индивида эмпативности и восприимчивости к окружающим людям. Несмотря на то, что в бытии кочевника появляются случайные/спонтанные (чаще дистанционные) коллаборации, связанные с удовлетворением его желаний и потребностей, все они носят временный и даже отчужденный/лицемерный характер. Пока существует определенный реальный/виртуальный альянс, кочев-

ник проявляет заинтересованность и старательность, но распад коллаборации влечет и распад отношений. Электронный кочевник оказывается открытым для следующего (непредсказуемого) взаимодействия. Положительным моментом подобной ситуации оказывается формирование у индивида таких качеств, как гибкость и мобильность, а отрицательным – отсутствие навыка продолжительного общения и чувства привязанности, что не рождает пространств приятельства и дружбы. Сам кочевник привыкает к переменам, что становится его экзистенциальной потребностью. Он постоянно меняет площадки для общения в Интернете, свой ник и адрес электронной почты, что говорит о его непостоянстве и даже укрывательстве в определенных (негативных/неприятных) ситуациях. Несмотря на взаимодействия со множеством людей (особенно в виртуальной среде), кочевник оказывается в своих проявлениях замкнутым в/на себе. В силу солипсизма кочевник в центр бытия ставит себя, свои чувства и убеждения, живя с уверенностью в своей правоте/власти.

Еще одной проблемой современного электронного кочевника, вытекающей из предыдущих, оказывается отсутствие стабильности в сфере эмоций и чувств в его здесь-бытии. Переменчивости эмоциональных состояний способствуют постоянные скачки из реальности в виртуальность, сетевая реструктуризация, метания в цифровой среде (нередко в поисках неизвестного), одиночество. Ментальные установки современного кочевника и алгоритмы его действий в большей степени обусловлены *структурой чувств*, зависящей от непостоянных эмоций. Структура чувств, играя роль культурной надстройки и соответствуя «специфическому опыту жизни на определенном временном этапе или определенном пространстве» (Р. ван ден Аккер и др., 2022, с. 43), оказывается главенствующей в бытии кочевника. Как известно, эмоции и вызванные ими чувства влияют на мировоззрение, жизненные ориентиры, шкалу ценностей, потребности кочевника. Но в современности происходит сдвиг не только к эмоционально-чувственному восприятию здесь-бытия, но и в самой структуре чувств. Отказ от грандиозных целей приводит к сосредоточенности каждого кочевника только на себе. Большая часть его эмоций и чувств меняется в зависимости от актуальных тенденций, сиюминутных влечений и капризов. Эмоции кочевника становятся «имперсональными, скользящими по поверхности ощущений, доходящими до эйфористической непосредственности большого количества дробных, расщепленных вариантов настоящего» (Р. ван ден Аккер и др., 2022, с. 64). Здесь-бытие кочевника подчиняется довольно большой амплитуде колебаний внезапно возникающих, противоречивых и беспорядочных эмоций, смутных чувств и желаний.

В современности эмоции и структура чувств определяют экзистенциальные проявления индивида и его ценностные установки. Смена эмоций и чувств позволяет кочевнику постоянно менять жизненные позиции и приоритеты, не придерживаясь их. В этом отношении кочевник оказывается истинным сыном современной эпохи – эпохи *метамодернизма*. Для нее характерна довольно подвижная и нестабильная амплитуда эмоциональных проявлений. Колебание эмоций охватывает большой диапазон, размах идет от положительной шкалы к отрицательной (или наоборот) за небольшой промежуток времени.

Электронного кочевника можно считать представителем новой культурной чувственности, колеблющейся между крайностями (радостью и горем, созиданием и разрушением, искренностью и иронией, наивностью и осознанием величия своего Я). Перечисленное свидетельствует о новом витке романтизма, который сегодня можно назвать *техноромантизмом*, а самого кочевника охарактеризовать как *техноромантика*. Он живет с ощущением романтической невозможности превращения конечного в бесконечное, желает постичь непостижимое и непонятное ему трансцендентальное, осознает драматизм и абсурдность бытия. Кочевник как техноромантик «без конца мечется из стороны в сторону, пытаясь запечатлеть все моменты волнения» (Р. ван ден Аккер и др., 2022, с. 83). В его внутреннем мире обнаруживает себя пессимизм, вызванный (не) пониманием противоречий в социальном, где «желание приобрести значимый эмоциональный опыт» сталкивается с осознанием его искусственности в социальных отношениях (Р. ван ден Аккер и др., 2022, с. 153), особенно в виртуальной среде. Усугубляют ситуацию постоянная смена реального и цифрового пространств, неопределенности и риски в цифровой среде. Перечисленное делает кочевника неуверенным, постоянно находящимся в замешательстве от того, как проявлять себя среди людей при контактном общении. Современный электронный кочевник как техноромантик радикально незащищен. Но он пытается спрятать собственную уязвимость в том числе побегами из реальности в виртуальность (и наоборот), а также демонстративным выражением эмоций и чувств. Эмоционально кочевник подлинность выказывает *отчужденностью*. Довольно часто он проявляет эмоции с каменным лицом, показывая видимое/иллюзорное равнодушие. Искренность кочевник выражает с ироничной отстраненностью, свой оптимизм он приглушает скептицизмом, отчаяние

прикрывает недоверчивой улыбкой, а радость проявляет в тисках тревоги. В выражении эмоций преобладает пренебрежительный оттенок, влияющий и на алгоритмы действий. Современная симпатия между кочевниками «проистекает... не столько из видимого аффекта, сколько, напротив, из видимой ситуации, которая вызывает этот аффект» (Бодрийяр, 2020, с. 109). Непостоянство эмоций и чувств влияет на шкалу ценностей, где все быстро устаревает и практически выбрасывается (даже из памяти).

Хаотичность, фрагментация, прерывистость, неопределенность, непостоянство, в том числе в эмоциях и структуре чувств, жажда перемен характеризуют существование электронного кочевника. Недостаток рационального подхода к здесь-бытию заставляет его принимать в качестве должного сложившееся положение дел, в чем обнаруживает себя определенная доля пассивности. Постепенно накапливаемое недовольство здесь-бытием становится источником (неосознаваемого) беспокойства, толкая кочевника на поиски неизвестного ему или *То-Чаво-Не может быть* (Л. Филатов) в виртуальной среде. Собственные усилия кочевник тратит «на очередные спекулятивные операции, на решение текущей задачи, что требует самоподчинения» эмоциям (Р. ван ден Аккер и др., 2022, с. 177). Он буквально гоняется за новой порцией эмоций. Кочевник испытывает желание чего-то (события, приключения), что могло бы доставить ему еще не испытанные эмоции и чувства. Индивиду неважно, где осуществится событие (на земле, под землей, в небе, на воде, под водой), главное – острота эмоций и ощущений.

Заметим, электронный кочевник не анализирует эмоции, источник происхождения и причины их смены. Он даже активно сопротивляется рационализации своих эмоций, подчиняясь их случайности и спонтанности. Индивид часто не способен рационально объяснить появляющиеся и исчезающие эмоции и чувства. Их подвижность при поверхностной интерпретации рождает определенное правдоподобие происходящего, в котором «отвергается реальность правды в качестве законного регистра значения» (Р. ван ден Аккер и др., 2022, с. 265). Тем самым индивид выказывает желание оправдать себя, собственные эмоции и связанные с ними поступки.

Жажда новых впечатлений, сопровождаемых эмоциями, делают электронного кочевника желанной добычей для манипуляторов. Неустойчивые и поверхностные эмоции и чувства современного индивида, идущего на поводу своих капризов и прихотей, становятся основой для их *манипуляции* производителями товаров/услуг, рекламодателями и посредниками. Необходимо признать, в современности эмоции превращаются в эффективное средство создания капитала (производителей товаров/услуг, рекламодателей и посредников), опустошая бюджет кочевника. Сегодня в социокультурном пространстве реальность и цифровая среда, новостные блоки и реклама, искусство и социальные сети спекулируют на эмоциях, монетизируя их. Происходит конвертация доходов кочевника в платежеспособный спрос, а самому кочевнику внушается мысль о привилегированности данного процесса. Как известно, «культурные продукты создаются для того, чтобы извлекать из них экономическую выгоду» (Р. ван ден Аккер и др., 2022, с. 23), а «креативное предпринимательство впряглось в производство фантастического», создавая *империализм вкуса* и подкрепляя его «иерархией ценностей и смыслов» (Харви, 2021, с. 51). Эмоции кочевника становятся мощным средством управления и спекуляции на них. В современной эпохе «заряд "подлинных эмоций", свойственных образам личной интимности, превращается в новую социальную "валюту"» (Маккуайр, 2014, с. 274–275). Осуществленный нами обзор литературы за последний год по проблемам монетизации, не затрагивая проблемы монетизации эмоций, в большей/меньшей степени сводится к ней. Дело в том, что на современном этапе эмоции, как мы писали, становятся определяющей составляющей здесь-бытия (онтологический аспект), обуславливая формирование (непостоянной) ценностной шкалы (аксиологический аспект) и алгоритмов действий/проявлений кочевника, вытекающих из его познаний (гносеологический аспект).

Несмотря на то, что мы переживаем вхождение в новое цифровое состояние культуры, в нем сохраняются способы накопления капитала. Согласимся с классической позицией Ф. Энгельса о том, что экономика всегда была определяющим фактором культурного развития. В современности эксплуатация эмоций электронного кочевника и их нестабильности подчиняется экономическому производству. Эмоции оказываются включенными в закон меновой стоимости, способствуя обогащению одних и надувательству других. Современное «производство рождает потребление, а потребление становится возможным в результате производства», при этом «сама необходимость потребления делает производство необходимым» (Медиареальность..., 2017, с. 21). Сегодня наблюдается не столько эмоциональное потребление товаров, сколько эмоциональное потребление разного рода услуг (индивидуальных, образовательных, деловых, косметологических, медицинских, досуговых

и пр.), а значит, и манипуляция ими. Другое дело, что виртуальная среда с ее пространственно-временным сжатием становится более прозрачным и гибким средством манипуляции как поддержки и накопления капитала (производителей товаров/услуг, рекламодателей и посредников).

Запутанный в хаосе двух миров и фрагментарности своего здесь-бытия кочевник устает от бесконечных переходов (из реальности в виртуальность и наоборот) и перестает понимать происходящее. Это делает индивида привлекательным объектом для манипуляции с целью конвертации его эмоций в деньги. Пространственно-временное сжатие в цифровой среде, потеря ощущения реальности существования, одиночество и потребность перемен подводят индивида к желанию попасть в приключенческую/необычную ситуацию, приобрести эксклюзивный/дикий опыт и, возможно, изменить свою жизнь, испытав при этом новые (или забытые) эмоции. «Приоритетом становится потребность поиска в мировой сети аутентичных образов для "эксклюзивного" потребления, что и представляет зерно возникающих ценностей, а "выживание" приобретает психоэмоциональное значение» (Звездин, 2022, с. 106). Еще одной причиной поиска новых ощущений и жажды потребления, как справедливо замечает Ж. Бодрийяр, оказывается статус кочевника в социальном и поиск компенсации «несовершенства вертикальной социальной лестницы» (Бодрийяр, 2020, с. 76). Нереализованность собственных амбиций кочевник перенаправляет в русло потребления, а оно оказывается обусловленным непостоянными эмоциями.

3. Алгоритмы манипулятивных практик

Обратим внимание на *алгоритмы захвата* электронного кочевника в манипуляционные сети общества потребления, активно поддерживаемые «развитием медиаимитаций сущего и усиливающими возможности сознания искусственной интеллектуальной среды („пространства сознаний“»)» (Звездин, 2022, с. 103)² (см. обзор метавселенных в работе (Филипова, 2023)). Начнем с *потребности*, которая сегодня оказывается изобретаемой и внушаемой. Сегодня интенсивно осуществляется «производство потребностей и нужд», «желаний и фантазии, политики отвлечения внимания в качестве неотъемлемой части продвижения достаточной жизнеспособности спроса на потребительских рынках» (Харви, 2021, с. 137). Кочевник живет в пространстве, где осуществляется бомбардировка стимулами с постоянным обновлением актуальных/модных тенденций. К этому располагает и сам электронный кочевник, чья «личная идентичность оказывается мягкой, текучей, бесконечно открытой к упражнению воли и воображения» (Харви, 2021, с. 49), а также эмоций. Чтобы осуществить упражнение с эмоцией и перевести ее в экономический формат, осуществляется операция по ее переводу в разряд *нехватки*. Кочевнику внушается потребность в товаре/услуге, который вызывает у него определенные эмоции, но он не способен их испытать из-за отсутствия в здесь-бытии данного товара/услуги. При этом нехватка товара/услуги в современности оказывается не нуждой, а излишком. Нередко индивид даже не подозревает об этом, неожиданно узнавая из рекламы о своей нехватке как мечте. Кочевник постепенно/внезапно начинает жить с внушенной идеей, что в его жизни отсутствует товар/услуга, заряженные определенными эмоциями. Электронный кочевник еще не обладает данным товаром/услугой, а значит, и не испытывает колоссальной палитры позитивных эмоций, необходимых ему в здесь-бытии. Нехватка доставляет (нередко иллюзорное) страдание кочевнику, соблазняя своей недоступностью и желанием ее потребить, т. е. сделать своей собственностью. Кочевник проявляет страстность эмоций в своем вождении и приобщении к товару/услуге.

Сделанная в рекламе ставка на нехватку подтверждается вербально и образно. Реклама, создавая дискурс о товаре/услуге, своей вербальной и образной сторонами вбирает в себя всю патетику реальности и переносит на рекламируемый продукт (товар/услугу), внушая индивиду определенное отношение к нему. При этом «стратегическое значение и хитроумие рекламы проявляются именно в следующем: она хочет дойти до каждого в *его* отношении к другим, в его стремлении к овеществленному социальному статусу»: реклама «метит через каждого из потребителей во всех других» (Бодрийяр, 2020, с. 77, 185). Рекламный текст подчеркивает ценность и значимость товара/услуги. Реклама нехватки осуществляется с помощью (образа

² Graham, T. (2022, June 18). *Can humanity be recreated in the metaverse?* <https://venturebeat.com/2022/06/18/can-humanity-be-recreated-in-the-metaverse/>

и текста) *соблазна*, а кочевник легко поддается манипуляции им. Как гласит рекламный текст, товар/услуга *предназначены только для кочевника*. Акцент делается на соблазнительном аспекте товара/услуги, имеющем абсолютную единичность и бесценную уникальность. Сам продаваемый товар/услуга симулирует привилегированный статус, что способствует его высоким продажам.

Как правило, в рекламной манипуляции эмоциями, вкусами и мнением кочевника осуществляется вариативная повторяемость идей, связанных с темой власти/секса/имиджа/богатства/успеха и встраиваемых в предлагаемый в качестве нехватки дискурс вокруг товара/услуги. Данные темы привлекают внимание кочевника, потому что они близки его солипсизму и помогают презентовать себя в социальном пространстве. В рекламе с учетом персонализации делается акцент на личности и том, что доставит ей громадное количество эмоций, впечатлений, удовольствий (обязательный рекламный посыл: *Вы этого достойны*). Преподносится материал чаще в игровой форме, стимулируя в кочевнике азарт и желание попробовать рекламируемый товар/услугу. Событийность, связанная с приобретением желаемого излишка как нехватки, подарит кочевнику большую палитру эмоций. Виртуальная среда и реклама в ней, выступая «медиумом "тончайших" функций высшей нервной деятельности – психики» (Звездин, 2022, с. 105), позволяют имитировать субъективность кочевника, в том числе касающуюся его эмоциональности, чувственности и телесности, что влияет на его алгоритмы действий, свидетельствующие о зеркальном эффекте. Ситуацию подтверждает тезис В. Савчука о том, что «медиа внутри нас», а кочевник оказывается *агентом саморазвития медиа*³.

Осуществляется прозрачный процесс манипуляции сознанием кочевника посредством *рекламного мифа*. Он привлекает внимание своей *изящной формой* (Н. Луман), искажающей действительность. В его содержании утаивается реальное положение дел, а товар/услуга преподносится в превосходной степени и прославляется. Акцент в рекламном мифе сделан на актуальности, значимости, эксклюзивности, роскошности, грандиозности, причудливости, непосредственности, аутентичности, эффектности, сенсационности, применении новейших технологий, мгновенном эффекте (преображения), зрелищности товара/услуги, повышающих статус кочевника-потребителя и дарующих ему абстрактное счастье/гармонию/благополучие. В риторике мифа активно используется эстетика всячества, когда *все годится*, обыгрывается случайное/абсурдное, проявляется озабоченность означающим (формальной стороной), разрываются значения в цепочке означающих (Д. Харви), вуалируется финансовая сторона. Подчеркнем, рекламный миф намеренно создают, конструируют, «изготавливают», комбинируя разные черты или элементы реальности, заставляют их «разыгрывать» событие» или ситуацию (Бодрийяр, 2020, с. 188), воздействуя таким образом на эмоции кочевника и его выбор. При этом информация мифологизированной рекламы является самодостаточной и законченной, выступая в роли современной разновидности соблазна и заклания на перемены.

Рекламный миф играет «обманом и прозрением, незнанием и познанием, мотивационно-управляемым представлением и генерализированным подозрением в такой мотивированности» (Луман, 2012, с. 97). Рекламный текст, сопровождаемый образом, сгенерирован так, что не дает кочевнику понять истинный смысл ситуации и симулятивное назначение товара/услуги. Рекламный миф не обладает смыслом. Но постоянное его тиражирование влияет на манипуляцию сознанием. В результате у кочевника значительно сужается интеллектуальная планка и он неверно трактует рекламный текст. Современный индивид не способен «обнаружить пункта средоточия... власти» рекламной информации (Харви, 2021, с. 117). Содержание рекламного послания индифферентно. Сама реклама есть маркетинговая коммуникация, способствующая увеличению потребления и монетизации эмоций.

Электронному кочевнику эмоционально и образно внушается, что данный товар/услуга необходим в современной ситуации, полезен для него и сделает счастливым/гармоничным/благополучным. Очарованный вниманием к себе (в своем одиноком пространстве) и значимостью товара/услуги индивид буквально растворяется в языковых играх рекламного мифа, что запутывает его в собственных неустойчивых и навязываемых ему эмоциях. Как справедливо заметил Ж. Бодрийяр, «потребителю вменяется *обязанность наслаждаться*, он становится предприятием по *наслаждению и удовлетворению*», «он как бы обязан быть счастливым» (Бодрийяр, 2020, с. 105). Кочевнику при приобретении товара/услуги обещается «головокружение от целостного

³ Савчук, В. *Неизбежность медиафилософии*. Исследовательский центр медиафилософии. http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/savchuk_inevitability/

присутствия в событии», что позволит «почувствовать Великое Содрогание Живого» (Бодрийяр, 2020, с. 24). Данный фантазм, лежащий в основе рекламного мифа, позволяет производителям товаров/услуг, рекламодателям и посредникам создать иллюзию своей солидарности с потребителем, соучастия в его жизни, теплоты и заботы о нем. Реклама выполняет функцию «смазывания общественных отношений институциональной улыбкой» (Бодрийяр, 2020, с. 252), чего не хватает кочевнику в хаосе и фрагментарности его одинокого здесь-бытия. Но данная рекламная тактика есть не что иное, как улыбка Чеширского кота, обладающая обманчивой непосредственностью, видимостью подлинности и симуляцией взаимности.

Подчеркнем, счастье/гармония/благополучие не зависит от потребления и не нуждается в доказательствах, а потребность должна быть естественной, а не искусственно сформированной. В результате навязывания товаров/услуг «отношение человека к объектам потребления и к самому себе является фальсифицированным» (Бодрийяр, 2020, с. 96). Данный факт обрекает на односторонность процесса монетизации эмоций: кочевник не получит того, что ему обещает рекламный миф, но производители товара/услуги, рекламодатели и посредники всегда будут в выигрыше.

Рекламный миф сегодня создается с привлечением высоких технологий и сгенерированного контента, что привлекает внимание к нему и расширяет количество пользователей. В современности мы наблюдаем расширение очередной формы капитализма – *капитализма платформ*, выстраивающегося «вокруг задачи извлечения и использования особого типа сырья – данных» и способствующего развитию экономики впечатлений и внимания (*the attention economy*) (Срничек, 2019, с. 29, 27). В нашем контексте речь идет о *рекламных (advertising platforms)*, *продуктовых (product platforms)* и *бережливых (lean platforms) платформах* (например, Google, Facebook⁴, Microsoft, Uber, Amazon, Alibaba и др.). Сами платформы есть «цифровые инфраструктуры, которые позволяют двум и более группам взаимодействовать, поэтому они позиционируются как посредники, соединяющие между собой различных пользователей – покупателей, рекламодателей, поставщиков услуг и товаров, производителей и даже физические объекты» (Срничек, 2019, с. 32). Данные представляют собой тот тип сырья, который постоянно расширяет свои объемы, разрешает их использовать и становится источником обогащения. Существует закон, согласно которому обладание большим количеством данных способствует и большему диапазону использования возможностей, что инициирует динамичное развитие платформ при их низкой себестоимости. Платформа суть довольно эффективная бизнес-модель, посредством которой извлекаются, обрабатываются и контролируются многочисленные данные, разрешается производить контент и обмениваться им, осуществляется бесплатно или по символической цене предоставление услуг (например, доступ по подписке). Базы данных помогают прогнозировать тенденции и создавать эффективные инструменты решения проблем, отслеживать поведение потребителей, их предпочтения, истории поисков и запросов в браузере, что содействует влиянию на покупательскую способность кочевников. По справедливому замечанию Н. Срничека, с помощью баз данных «можно превращать продукты с невысокой торговой наценкой в услуги с высокой наценкой» (Срничек, 2019, с. 31). Чем больше времени кочевник проводит в Интернете и на различных сайтах, тем более детальными становятся данные о нем, что оказывается ценным для производителей товаров/услуг, рекламодателей и посредников.

На основе базы данных посредством высоких технологий сегодня изобретаются невообразимые и немислимые потребности, а они инициируют создание (полностью/частично) эстетизированного и привлекательного рекламного продукта, стирающего «в сознании потребителя сам принцип социальной действительности», но «ведущего к потреблению образов» (Бодрийяр, 2020, с. 20). В рекламе конструируются впечатляющие образы, преподносимые вместе с выразительными идеями, что гарантирует принятие кочевником решений в пользу рекламируемого товара/услуги. Подчеркнем, производство образов как симулякров современности и их трансформаций посредством высоких технологий не представляет особых трудностей. Стратегия влияния созданной посредством цифровой среды рекламы не вызывает сомнений, принося огромнейшие прибыли тем, кто сегодня монетизирует эмоции. При этом электронный кочевник не замечает (или не хочет замечать) осуществляемого за ним прозрачного контроля и внедряемых в его здесь-бытие манипуляционных практик.

Круг того, чем интересуется электронный кочевник, легко определяется в виртуальной среде. Здесь у индивида появляется *цифровой след*, или *тень*, помогающий собрать информацию о нем, обработать ее,

⁴ Организация признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

смоделировать рекламу нехватки товара/услуги, спекулируя на эмоциях. Обратим внимание на метафору *цифровой след*, или *тень*. С одной стороны, она есть показатель активности личности в Интернете, нередко инициируемой и поддерживаемой самой цифровой средой. С другой – настораживает само слово *след*, или *тень*, т. е. то, что осталось от личности, но не она сама. Данный факт свидетельствует об отсутствии самодостаточности кочевника и его кризисе. Тем не менее кочевник игнорирует ситуацию, не желая ее замечать/понимать. Но проблема остро заявляет о себе, ставя вопросы: какова природа возникновения потребности? В какой степени она естественная или искусственная? Действует электронный кочевник самостоятельно, принимая решение при выборе товаров/услуг, или его подталкивают к нему производители товаров/услуг, рекламодатели и посредники, предлагающие их? Кем оказывается индивид при выборе товара/услуги – игроком или играемым? Б. Латур отвечает однозначно: кочевник – это «главный источник неопределенности, касающейся происхождения действия», которое у него «по определению *смещено*», т. е. «заимствуется, распределяется, внушается, подвергается влиянию, управляется, предается, переводится» (Латур, 2014, с. 69).

Реклама выстраивается вокруг позитивных и интенсивных эмоций. В ней кочевнику внушается, что он не может испытать их в здесь-бытии до тех пор, пока не приобретет рекламируемые товары/услуги. Здесь мы встречаемся с очередной неосознаваемой проблемой. Эксплуатируя идею свободы выбора, рекламный миф ограничивает его, мягко подчиняя своим требованиям, связанным с рекламируемым товаром/услугой. Кочевник оказывается принужденным не только к определенному выбору, но и к проявлению рекламируемых эмоций. В действительности субъективно кочевник нередко не получит и сотой доли обещанных ему удовольствий, а большей частью испытает разочарование.

Современный индивид, поддаваясь соблазнам рекламируемых товаров/услуг, обнажает свои слабости, связанные со следованием эмоциям и игнорированием рационального подхода к здесь-бытию, что предприимчивые производители товаров/услуг, рекламодатели и посредники превращают в доход. Производимый ими рекламный миф, создавая иллюзию заботы об индивиде, выступает в роли средства экономики внимания, помогая заинтересовать кочевника и превратить его эмоции в доход. Ауру притягательности мифу о товаре/услуге создают тактики спекуляции на эмоциях и постоянное навязчивое их рекламирование. При этом создатели обращаются к эмоциям и структуре чувств кочевника, подражая их амплитудности: при выборе товара/услуги подчеркивается позитивность эмоций, а игнорирование товара/услуги или отказ от них демонстрирует негативность эмоций или их полное отсутствие, что рано или поздно индивид ощутит как нехватку в здесь-бытии.

Обращает на себя внимание и такой организационный сдвиг в приобретении товара или оказании услуги, как сокращение времени. Технические достижения современности отвечают сиюминутности эмоций и потребностей кочевника. Как справедливо заметил Д. Харви, «ускорение времени оборачиваемости в производстве предполагает параллельное ускорение в обмене и потреблении», в том числе касающееся «жизненных стилей и досуговых видов деятельности» (Харви, 2021, с. 452, 453). Кочевник, испытывая эмоцию, рождающую желание, практически мгновенно/довольно быстро потребляет товар/услугу. Нередко только после осуществления процесса начинается осознание случившегося, сопровождаемое укорами или оправданиями себя за совершенные действия.

Осуществленное приобретение товара/услуги, базирующееся на симулякрах и переведшее эмоции в капитал, оказывается неспособным заполнить пустоту духовной жизни кочевника. Он пассивно, безынициативно потребляет все в своей жизни, включая предлагаемые товары/услуги. Они оказываются излишком или носят поверхностный, развлекательный характер: в них отсутствует глубина. Проявляя эмоции нередко на основе пустой информации или бессмысленного (развлекательного) опыта/дискурса, кочевник не испытывает удовлетворения. Эмоции обнажают собственную сиюминутность и нестабильность, что свидетельствует о поверхностности натуры кочевника. Собственную глубину современный индивид утратил или перестал обращать на ее развитие внимание. Эмоции не стимулируют смысловых поисков, а выражают мгновенную реакцию, большей частью непосредственную, бессознательную. Потребление товаров/услуг демонстрирует волю к власти и могуществу кочевника, которую он не способен осуществить в контактном общении и взаимодействии.

Соблазняясь товаром/услугой, кочевник осуществляет попытку стабилизировать и гармонизировать здесь-бытие, заполнить собственную экзистенциальную пустоту, преодолеть одиночество и придать жизни наполненность. Но в полном объеме ему не удастся осуществить свою романтическую мечту. Духовный вакуум требует не только потребления товаров/услуг, обладающих развлекательным форматом, от которого он

устал. Следование эмоциям, неумение рационально подходить к собственным проблемам и анализировать их делают кочевника уязвимым. Он постоянно повторяет собственные ошибки, уделяя внимание не столько трудовой деятельности, самообразованию/саморазвитию и рефлексированию над здесь-бытием, сколько производству собственных потребностей и их обновлению в зависимости от актуальных тенденций и нестабильных эмоций. Современный индивид одержим потреблением и испытывает страх пропустить какие-то удовольствия и эмоции. При этом бесконечный поиск очередных удовольствий, связанный с процессом монетизации эмоций, утомляет кочевника и истощает его. Стремление к потреблению товаров/услуг становится обыденным явлением, не давая удовлетворения, а разрушая его, оставляя негативный эмоциональный эффект и тоску в душе кочевника. Подчеркнем, после приобретения товара/услуги индивид внезапно испытывает охлаждение к приобретенному. Данную ситуацию Ж. Бодрийяр характеризует иронически: через *рождение и смерть в системе вещей*. Приобретенный товар/услуга помогает индивиду эмоционально переживать свое существование, заполняя его незначительной ситуационностью в виде покупки посредством монетизации эмоций. Воля к власти, осуществляемая в потреблении товаров/услуг, оборачивается неосознаваемой волей к смерти, где все потребленное, в том числе сам кочевник, обесценивается, превращаясь в Ничто.

Обсуждение и выводы

Электронный кочевник есть существо парадоксальное. Являясь активным пользователем Интернета, он оказывается пассивным потребителем, находясь в состоянии перманентного вожделения. Подчинение и следование своим непредсказуемым и непостоянным эмоциям и чувствам свидетельствуют о его поверхностности, безволии и даже беспомощности. На это накладывается двоемирие, хаотичность и фрагментарность его жизни. Электронный кочевник, постоянно переходя из реальности в виртуальность и наоборот, дрейфует в своей нестабильной эмоциональности и чувствительности. Перечисленное делает электронного кочевника пассивной добычей экономических отношений. Он живет в *безжалостном круговороте изменений* (К. Шорске) и должен быть хорошо *укомплектован* товарами/услугами, которые постоянно производятся и обновляются в современном обществе. Электронный кочевник находится в состоянии вожделения (с элементами экстаза), которое оказывается для него привычным. Брожение его ума как определенное волнение стимулирует реклама, в сторону которой личность сдвигается, фокусируя на ней внимание и осуществляя соответствующий ей выбор. Реклама, играя роль стратегии убеждения в превосходстве товара/услуги, оказывается для кочевника определенной конструктивной программой, запускающей его энергетические (психические, мыслительные, действенные) процессы. Эмоции индивида становятся своеобразной ловушкой, приобретая рыночную стоимость: предприимчивыми производителями товаров/услуг, рекламодателями и посредниками они переводятся в капитал. Удержание внимания на товаре/услуге, позиционируемом как соблазнительная нехватка и способном вызвать недостающие/желаемые эмоции, конвертируется в денежном эквиваленте. Ситуация парадоксальная. Современный индивид, чтобы испытать и проявить собственные эмоции, платит за них производителям товаров/услуг, рекламодателям и посредникам, изобретающим потребности и организующим его досуг. Но сам товар/услуга и выстроенный вокруг них рекламный миф создают видимость полезности и необходимости. Двоемирие, имеющее место в жизни современного индивида, делает его мобильным, но одновременно рассеивает внимание и ограничивает интеллектуальные способности, в результате чего кочевник не способен в полном объеме рефлексировать над навязываемыми ему потребностями и желаниями, а также анализировать рекламный миф и осознавать манипулятивные тактики.

Как мы отметили, особую роль в манипулировании эмоциями кочевника играет реклама, создаваемая все чаще искусственным интеллектом или с его помощью. Реклама на основе баз данных и цифрового следа кочевника учитывает его потребности и желания и оказывается восприимчивой к текущим тенденциям либо формирует их, что делает ее мощным средством конструирования эмоций индивида, образа его жизни и потребительского спроса. Социокультурное изобилие с тактикой нехватки и соблазнения, влекущее за собой приобретение/потерю эмоций, составляют ядро манипулятивных тактик рекламных мифов. Они сегодня внушают кочевнику определенную идею и управляют его потреблением.

Кочевник оказывается манипулируемым и несвободным в своем выборе и даже в выражении эмоций. Алгоритмы его действий контролируются. Индивид, осуществляя действие, оказывается несамостоятельным, а побуждаемым к нему другими людьми и созданным ими рекламным мифом. Электронный кочевник, делая

выбор, в конечном итоге не способен рационализировать его, что есть показатель безволяности и отчужденности от самого себя. Ставка на эмоции оправдывается тем, что их недостает кочевнику, а приобретение оказывается средством спасения от одиночества, личного кризиса, духовной пустоты, возможностью стать счастливым/гармоничным/благополучным. Товары/услуги олицетворяют сегодня эмоции, в которых нуждается кочевник, но нередко он об этом даже не догадывается. Индивидуализм подавляется рекламируемым товаром/услугой, предназначенным для всех, но создающим флер персонализма. Такова двойная логика рекламы.

Еще один парадокс заключается в том, что кочевник, внося в разные базы свои данные, добровольно разрешает их обработку с последующей манипуляцией его интересами и монетизацией эмоций, что очередной раз подчеркивает его безволяность и пассивность. Можно говорить о том, что монетизация эмоций сегодня играет роль *созидательного разрушения* (В. Зомбарт). Внешне процесс имеет благоприятную форму, направленную на комфортность бытия электронного кочевника, но внутренне – существуют определенные негативные моменты и риски, в том числе нравственного характера. Среди них выделим надзор за кочевником, сбор данных о нем с последующим анализом и искусственным формированием его потребностей, продажи данных в виде мониторинга онлайн- и офлайн-действий кочевника, симуляционные основания рекламируемого товара/услуги, не приносящего ожидаемого удовлетворения и эмоций ввиду того, что они обладают сиюминутным эффектом или он вообще отсутствует. Перечисленное не гармонизирует индивида, обрекая его на очередные поиски, связанные с монетизацией эмоций. Перед нами модель абсурда цифрового общества, заставляющая вспомнить образ Сизифа А. Камю. Другое дело, что у большинства электронных кочевников отсутствует понимание бессмысленности некоторых своих поступков, связанных с монетизацией эмоций.

Впечатления общества потребления, которое лучше охарактеризовать как общество вождения, выступают в качестве специфического коммерческого подлога, не восполняя лакун внутреннего мира и не давая содержательной глубины, по которой (нередко неосознанно) испытывает тоску кочевник как техноромантик. Глянцевые стереоскопические иллюзии развлечений современности с их товарами и услугами – не более чем симулякр. Кочевник, позволяя манипулировать эмоциями, способен только выражать их, но не переживать, что свидетельствует об отчужденности его бытия. В условиях цифровой среды и нарастающего алармизма перекося в сторону удовлетворения эмоций оказывается для электронного кочевника иллюзией выхода из кризисной ситуации. Но неудовлетворенность полученным товаром/услугой, быстрое забывание эмоций, связанных с приобретением товара/услуги, поиск новых впечатлений свидетельствуют о том, что решение проблемы обладало временным, а значит иллюзорным, характером. Электронный кочевник в погоне за очередным получением эмоций не обращает внимания на качество товаров/услуг, на проблему их необходимости или функциональности. В этом очередной раз обнаруживаются определенная хаотичность, фрагментация и бесцельность в бытии кочевника, его одиночество, нереализованность амбиций. Тем не менее монетизация эмоций оказывается в современном социокультурном пространстве характерной чертой. Электронному кочевнику необходимо признать изменения, происходящие в окружающем пространстве и его здесь-бытии, привыкнуть к переходам между реальным и виртуальным мирами, научиться контролировать ситуацию, собственные эмоции и дисциплинировать их, начать осмысливать происходящее и совершаемое им. Только в таком случае процесс монетизации эмоций станет более рационализированным, ограниченным по количеству и начнет доставлять удовольствие от действительно необходимого и качественного.

Предлагаемая статья проблематизирует множество сюжетов современного общества: в том числе необходимость поиска разумного баланса между стремлением производителей/компаний увеличить свои продажи путем изощренных практик продвижения товаров/услуг и здоровым образом жизни человека/общества, формирование устойчивого к разного рода манипуляциям современного типа личности – электронного кочевника. Но в ближайшей перспективе, к сожалению, невозможно ожидать социально-нравственной ответственности от корпораций, чья деятельность связана с увеличением прибыли, а значит, распространением конsumerистских установок. Довольно часто из-за разнообразных рисков в современном обществе, цифровизации среды и конкуренции корпорации ведут себя незачинно. Освоение рынка и рыночных ниш в угоду сверхприбыли берет верх над человечностью. В итоге в ближайшем будущем нас ждет более изощренное мифотворчество, с использованием искусственного интеллекта (Бахтеев, 2023), внедряемое в том числе посредством рекламы в сознание человека. В нем будут поддерживаться аномальные/чувственно-сексуальные/истеричные/агрессивные образы и идеи, привлекающие к себе внимание, но травмирующие психику личности. Вспомним пример с трансгендером, где навязанный рекламный миф создал целые индустрии и рынки по обслуживанию людей,

обнаруживших или сформировавших в себе подобное отклонение. В результате появились соответствующие потребностям трансгендеров сегменты экономики (фармацевтика, пластическая хирургия, модная и косметическая индустрия, службы специальной психологической помощи) и медиаиндустрии, а также цифровые платформы, доступ к которым открыт для любого желающего (в том числе для испытания новых эмоций). Подобные манипулятивные эксперименты над психикой ни к чему хорошему не приведут. Данный пример показывает, что экономика может быть убийственной для отдельных групп населения, оказывая деструктивное воздействие на сознание электронных кочевников. При этом навязанный миф есть не что иное, как конструкт из асоциальных сознаний корпораций, грезящих новыми рынками с высокой маржинальной доходностью. К сожалению, подобное мифотворчество не классифицируется в качестве экстремизма (например, секты скопцов (Кутепов, 1882; Лукьянов, 2019; Ерофеев, 2017)), хотя по числу жертв оно способно сравниться с запрещенными экстремистскими организациями. Данный факт заставляет актуализировать проблему монетизации эмоций на государственном уровне.

Список литературы

- Акопян, А. Р., Аракелян, А. М., Воронцова, Ю. В., Крысов, В. В. (2023). Пути реализации художественного контента на платформах электронной коммерции. *Вестник университета*, 3, 13–20. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-3-13-20>
- Бахарев, В. В., Митяшин, Г. Ю., Чаргазия, Г. Г. (2023). Стратегия цифровизации ресторанов true cost. *Научный результат. Технология бизнеса и сервиса*, 9(2), 104–121. <https://doi.org/10.18413/2408-9346-2023-9-2-0-9>
- Бахтеев, Д. В. (2023). Этико-правовые модели взаимоотношений общества с технологией искусственного интеллекта. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(2), 520–539. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.22>
- Бодрийяр, Ж. (2020). *Общество потребления*. Москва: АСТ.
- Брушкова, Л. А., Владимиров, И. А. (2023). Лутбокс-монетизация в онлайн-видеоиграх как социально-экономическая проблема современного общества. *Modern Economy Success*, 1, 181–185. <https://www.elibrary.ru/fzzbph>
- ван ден Аккер, Р., Гиббонс, Э., Вермюлен, Т. (2022). *Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма*. Москва: РИПОЛ классик.
- Гуров, О. Н., Конькова (Кураева), Т. А. (2023). Монетизация этики в цифровой экономике. *Искусственные общества*, 18(1). <https://doi.org/10.18254/s207751800025016-6>
- Ерофеев, К. Б. (2017). Понятие «изуверские секты» в отечественном законодательстве. *Юридическая мысль*, 4(102), 22–28. <https://www.elibrary.ru/zuggon>
- Звездин, Л. А. (2022). К горизонтам ментальности человека в континууме медиа. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки*, 22(1), 100–110. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V159>
- Козлов, М. В., Брыксин, В. Е., Немчинова, Е. Е. (2023). Факторы влияния цифровизации на туристический бизнес. *Вестник Алтайской академии экономики и права*, 2-1, 52–56. <https://doi.org/10.17513/vaael.2691>
- Кутепов, К. В. (1882). *Секты хлыстов и скопцов*. Казань: Тип. Имп. ун-та.
- Латур, Б. (2014). *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Лукьянов, С. А. (2019). Элементы антигосударственной и антиобщественной пропаганды в вероучении русского «христоверия». *Пробелы в российском законодательстве*, 5, 18–22.
- Луман, Н. (2012). *Реальность массмедиа*. Москва: Канон+, 2012.
- Магомедов, Р. Н. (2023). Важность использования интернет-рекламы в предпринимательской деятельности. *Экономика и предпринимательство*, 3(152), 793–797. <https://www.elibrary.ru/qxahft>
- Маккуайр, С. (2014). *Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство*. Москва: Strelka Press.
- Миргородская, О. Н., Поздняковская, Ю. Э. (2022). Маркетинговое обеспечение монетизации анимационных проектов. *Вестник Ростовского государственного экономического университета*, 2(78), 120–130. <https://doi.org/10.54220/vrsue.1991-0533.2022.78.2.017>
- Негрышев, А. А. (2023). Механизм когнитивной «ловушки» в баннерном кликбейт-заголовке. *Русский лингвистический бюллетень*, 7(43). <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.43.33>
- Орехова, С. В., Плахин А. Е. (2023). Метавселенные: переход к новой бизнес-модели или образ будущего? *Управленец*, 14(2), 35–46. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2023-14-2-3>
- Распопова, С. С. (2021). Особенности монетизации в качественных СМИ. *Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*, 27(1), 208–214. <https://doi.org/10.15826/izv1.2021.27.1.023>
- Романенко, К. Р., Макарева, А. Ю. (2023). Стадитьюб: образовательные блогеры в экосистеме высшего образования. *Высшее образование в России*, 32(4), 156–168. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-4-156-168>

- Савчук, В. В. (глав. ред.). (2017). *Медиареальность: концепты и культурные практики*. Санкт-Петербург: Фонд развития конфликтологии.
- Серостанова, О. Б. (2023). Культурные индустрии в условиях цифровизации общества: проблемы и перспективы. *Наука. Искусство. Культура*, 1(37), 83–103. <https://www.elibrary.ru/prifwl>
- Соколов, В. В. (2023). Современные особенности управления доходами и генерирования прибыли в российских цифровых компаниях. *Вестник евразийской науки*, 15(52). <https://www.elibrary.ru/jgbvql>
- Срничек, Н. (2019). *Капитализм платформ*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Тропарев, А. В. (2023). Технологии трансляции спортивных событий в интернете: сравнительный анализ. *Экономика и предпринимательство*, 5(154), 1336–1339. <https://elibrary.ru/lhtbrf>
- Филипова, И. А. (2023). Создание метавселенной: последствия для экономики, социума и права. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(1), 7–32. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.1>
- Харви, Д. (2021). *Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Шадрин, В. Г., Горбачев, Д. А., Дмитриева, Н. В. (2023). Анализ продвижения инфопродуктов в сфере здорового образа жизни. *Креативная экономика*, 17(3), 1061–1080. <https://doi.org/10.18334/ce.17.3.117312>
- Шувалова, Н. А. (2023). Методические основы разработки финансовых моделей монетизации стартапов. *Экономические системы*, 16(2), 63–75. <https://doi.org/10.29030/2309-2076-2023-16-2-63-75>
- Яковлева, Е. Л. (2018). Философское осмысление специфики гламурной идеологической конструкции. *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*, 18(1), 90–101. <https://doi.org/10.15507/2078-9823.041.018.201801.090-101>
- Яковлева, Е. Л. (2019). Этюд об иллюзиях электронного кочевника. В сб. «Общество 5.0»: парадоксы цифрового будущего. VII Садыковские чтения: материалы Международной научно-образовательной конференции (с. 269–275). Казань: Издательство Казанского университета. <https://elibrary.ru/bccilm>
- Яковлева, Е. Л. (2022). Амбивалентные черты идеологии консюмеризма: философский аспект проблемы. *Russian Journal of Economics and Law*, 16(4), 702–715. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.702-715>
- Яковлева, Е. Л., Селиверстова, Н. С., Григорьева, О. В. (2017). Концепция электронного кочевника: риски развития цифровой экономики. *Актуальные проблемы экономики и права*, 11(4), 226–241. <https://doi.org/10.21202/1993-047x.11.2017.4.226-241>

References

- Akopyan, A. R., Arakelyan, A. M., Vorontsova, Yu. V., & Krysov, V. V. (2023). Ways to implement artistic content on e-commerce platforms. *Vestnik Universiteta*, 3, 13–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-3-13-20>
- Bakharev, V. V., Mityashin, G. Yu., & Chargaziya, G. G. (2023). True cost restaurant digitalization strategies. *Research Result. Business and Service Technologies*, 9(2), 104–121. <https://doi.org/10.18413/2408-9346-2023-9-2-0-9>
- Bakhteev, D. V. (2023). Ethical-Legal Models of the Society Interactions with the Artificial Intelligence Technology. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(2), 520–539. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.22>
- Baudrillard, J. (2020). *The consumer society*. Moscow: AST. (In Russ.).
- Brushkova, L. A., & Vladimirov, I. A. (2023). Loot box monetization in online video games as a socio-economic problem of modern society *Modern Economy Success*, 1, 181–185. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/fzzbph>
- Erofeev, K. B. "Fanatical sect" concept in domestic legislation. *Yuridicheskaya Mysl*, 4(102), 22–28. (In Russ.).
- Filipova, I. A. (2023). Creating the Metaverse: Consequences for Economy, Society, and Law. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(1), 7–32. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.1>
- Gurov, O., & Konkova, T. (2023). Monetizing of ethics in the digital economy. *Artificial societies*, 18(1). (In Russ.). <https://doi.org/10.18254/s207751800025016-6>
- Harvey, D. (2021). *The condition of postmodernity: the enquiry into the origins of cultural change*. Moscow: HSE University Publishing House. (In Russ.).
- Iakovleva, E. L. (2022). Ambivalent features of consumerism ideology: philosophical aspect. *Russian Journal of Economics and Law*, 16(4), 702–715. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.702-715>
- Iakovleva, E. L., Seliverstova, N. S., & Grigoryeva, O. V. (2017). Concept of digital nomad: fundamental risks of digital economy development. *Actual Problems of Economics and Law*, 11(4), 226–241. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/1993-047x.11.2017.4.226-241>
- Kozlov, M. V., Bryksin, V. E., & Nemtchinova, E. E. (2023). Factors of the impact of digitalization on the tourism business. *Vestnik Altaiskoi Akademii Ekonomiki i Prava*, 2-1, 52–56. (In Russ.). <https://doi.org/10.17513/vaael.2691>
- Kutepov, K. V. (1882). *Sects of Khlysty and skoptsy*. Kazan: Typography of Emperor's University. (In Russ.).
- Latour, B. (2014). *Reassembling the social: introduction to actor-network theory*. Moscow: HSE University Publishing House. (In Russ.).

- Luhmann, N. (2012). *Reality of mass media*. Moscow: Kanon+. (In Russ.).
- Lukyanov, S. A. (2019). Anti-state elements and hostile propaganda in the dogma of the Russian «hristoverija». *Gaps in Russian Legislation*, 5, 18–22. (In Russ.).
- Magomedov, R. N. (2023). The importance of using Internet advertising in business activities. *Journal of Economy and Entrepreneurship*, 3(152), 793–797. (In Russ.).
- McQuire, S. (2014). *The media city: media, architecture, and urban space*. Moscow: Strelka Press. (In Russ.).
- Mirgorodskaya, O. N., & Pozdnyakovskaya, Yu. E. (2022). Marketing support monetization of animation projects. *Vestnik of Rostov State Economic University (RINH)*, 2(78), 120–130. (In Russ.). <https://doi.org/10.54220/v.rsue.1991-0533.2022.78.2.017>
- Negryshev, A. A. (2023). Cognitive "trap" mechanism in a clickbait banner headline. *Russian Linguistic Bulletin*, 7(43). (In Russ.). <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.43.33>
- Orehova, S. V., & Plakhin, A. Ye. (2023). Metaverses: Transition to a new business model or the image of the future? *Upravlenets (The Manager)*, 14(2), 35–46. (In Russ.). <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2023-14-2-3>
- Raspopova, S. S. (2021). Features of monetization in top rated Russian media. *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*, 27(1), 208–214. (In Russ.). <https://doi.org/10.15826/izv1.2021.27.1.023>
- Romanenko, K. R., & Makareva, A. Yu. (2023). Studytube: Educational Bloggers in the Higher Education Ecosystem. *Higher Education in Russia*, 32(4), 156–168. (In Russ.). <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-4-156-168>
- Savchuk, V. V. (chief editor). (2017). *Mediareality: concepts and cultural practices*. Saint Petersburg: Fond razvitiya konfliktologii. (In Russ.).
- Serostanova, O. B. (2023). Cultural industries in the conditions of digitalization of society: problems and prospects. *Science. Arts. Culture*, 1(37), 83–103. (In Russ.).
- Shadrin, V. G., Gorbachev, D. A., & Dmitrieva, N. V. (2023). Analyzing the promotion of infoproducts in the field of healthy lifestyle. *Creative Economy*, 17(3), 1061–1080. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/ce.17.3.117312>
- Shuvalova, N. A. (2023). Methodological foundations for the development of financial models for monetization of startups. *Economic Systems*, 16(2), 63–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.29030/2309-2076-2023-16-2-63-75>
- Sokolov, V. V. (2023). Modern features of revenue management and profit generation in Russian digital companies. *The Eurasian Scientific Journal*, 15(52). (In Russ.).
- Srnicek, N. (2019). *Platform capitalism*. Moscow: HSE University Publishing House. (In Russ.).
- Troparev, A. V. (2023). Technologies of live broadcasts of sports events on the internet: comparative analysis. *Journal of Economy and entrepreneurship*, 5(154), 1336–1339. (In Russ.).
- van den Akker, Gibbons, A., and Vermeulen, T. (2022). *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism*. Moscow: RIPOL klassik. (In Russ.).
- Yakovleva, E. L. (2018). Philosophical understanding of the specifics glamorous ideological construction. *Humanitarian: actual problems of the humanities and education*, 18(1), 90–101. (In Russ.). <https://doi.org/10.15507/2078-9823.041.018.201801.090-101>
- Yakovleva, E. L. (2019). Etude about electronic room illusions. In *"Society 5.0": paradoxes of a digital future. 7th Sadykov Readings: works of an International scientific-educational conference* (pp. 269–275). Kazan: Kazan University Press. (In Russ.).
- Zvezdin, L. A. (2022). The Horizons of Human Mentality in the Media Continuum. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*, 22(1), 100–110. (In Russ.). <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V159>

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 28.06.2023

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 02.08.2023

Дата принятия в печать / Accepted 10.08.2023

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА / REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS

Редактор рубрики *Т. В. Крамин* / Rubric editor *T. V. Kramin*

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.490-514>

УДК 330.322:336:338.2

JEL: E22, F51, G1

Г. Т. Гафурова¹,
Г. Н. Нотфуллина¹,
Э. Р. Ковалева¹

¹ Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань, Россия

Тренды развития паевых инвестиционных фондов в условиях санкций

Контактное лицо:

Гафурова Гульнара Талгатовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит», Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова
E-mail: gafurova@ieml.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2810-3656>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/D-8923-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 2632-8102, AuthorID: 616682

Нотфуллина Галина Николаевна, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой «Финансы и кредит», Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова
E-mail: belitskaya@ieml.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6151-4134>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 2805-1198, AuthorID: 272146

Ковалева Эльвина Рустамовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит», Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова
E-mail: kovaleva@ieml.ru

eLIBRARY ID: SPIN-код: 6743-3459, AuthorID: 621771

Аннотация

Цель: определение перспективных направлений исследований, ограничений и факторов развития рынка паевых инвестиционных фондов (ПИФов) для разработки методологических рекомендаций по управлению их средствами.

Методы: содержательный анализ и систематизация материалов публикаций научных журналов и аналитических изданий; обзор научной литературы, вертикальный, горизонтальный анализ, трендовый и коэффициентный анализ, корреляционно-регрессионный анализ.

Результаты: развитие института коллективных инвестиций в России характеризуется определенными особенностями. Несмотря на сложные экономические и геополитические условия последних лет, розничные инвесторы проявляют значительный интерес к паевым фондам. На фоне ковидных ограничений, активного развития дистанционных услуг, а также агрессивного маркетинга управляющих компаний число пайщиков значительно возросло. В работе проанализированы основные тенденции развития рынка ПИФов за период 2018–2022 гг., сформулированы основные факторы развития коллективных инвестиций. Определено, что ключевыми факторами, препятствующими развитию

рынка, являются низкий уровень финансовой грамотности розничных инвесторов, низкое качество управления портфелями ПИФов, приводящее к убыткам для пайщиков, а также возросшие риски в результате санкционной нагрузки на российский финансовый рынок. По результатам проведенного исследования сформулированы основные рекомендации, которые могут способствовать развитию рынка и повышению качества управления активами пайщиков.

Научная новизна: проведен обзор исследований по вопросам эффективности функционирования паевых фондов, в результате которого определено, что исследования рынка коллективных инвестиций как такового слабо представлены, а проблемы эффективности рынка в условиях санкций не рассматриваются. Сформулированы основные вызовы и ограничения развития института коллективных инвестиций в сложившихся экономических условиях: (1) цифровизации финансовой сферы, (2) блокировки иностранных активов, (3) низкого уровня финансовой грамотности населения. Разработаны рекомендации по развитию рынка ПИФов: (1) правовое регулирование прозрачности работы фондов, (2) создание системы уступки прав требований по активам пайщиков, (3) создание системы вознаграждения за успех по ПИФу с активными инвестиционными стратегиями.

Практическая значимость: основные результаты работы могут быть использованы в практической деятельности управляющих компаний при управлении средствами паевых инвестиционных фондов в условиях неопределенности внешней среды.

Ключевые слова

Региональная и отраслевая экономика, паевой инвестиционный фонд, ПИФ, управляющая компания, коллективные инвестиции, санкции, эффективность управления

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Гафурова, Г. Т., Нотфуллина, Г. Н., Ковалева, Э. Р. (2023). Тренды развития паевых инвестиционных фондов в условиях санкций. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(3), 490–514. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.490-514>

Scientific article

G. T. Gafurova¹,
G. N. Notfullina¹,
E. R. Kovaleva¹

¹ Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia

Trends of the development of unit investment funds under sanctions

Gulnara T. Gafurova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the “Finance and Credit” Department, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
E-mail: gafurova@ieml.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2810-3656>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/D-8923-2016>
eLIBRARY ID: SPIN-код: 2632-8102, Author ID: 616682

Galina N. Notfullina, Candidate of Economic Sciences, Head of the “Finance and Credit” Department, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
E-mail: belitskaya@ieml.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6151-4134>
eLIBRARY ID: SPIN-code: 2805-1198, Author ID: 272146

Elvina R. Kovaleva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the “Finance and Credit” Department, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
E-mail: kovaleva@ieml.ru
eLIBRARY ID: SPIN-code: 6743-3459, Author ID: 621771

Abstract

Objective: to identify promising areas of research, limitations and factors of UIF market development in order to elaborate methodological recommendations for the management of UIF assets.

Methods: content analysis and systematization of materials published in scientific journals and analytical publications; review of scientific literature, vertical and horizontal analysis, trend and coefficient analysis, correlation and regression analysis.

Results: the development of the collective investment institution in Russia is characterized by certain features. Despite difficult economic and geopolitical conditions of the recent years, retail investors show considerable interest in unit funds. Against the background of COVID restrictions, active development of remote services, and aggressive marketing of management companies, the number of shareholders has increased significantly. The paper analyzes the main trends in the development of UIF market in 2018-2022; the main factors of the development of collective investments are formulated. It was determined that the key factors hindering the development of this market are the low level of financial literacy of retail investors, the poor quality of UIF portfolio management, leading to losses for unit holders, and the increased risks as a result of the sanctions burden on the Russian financial market. Based on the study results, the basic recommendations are formulated that may contribute to the development of the market and improve the quality of managing the assets of unit holders.

Scientific novelty: a review of research on the unit funds effectiveness was conducted, as a result of which it was determined that research on the collective investment market as such is poorly represented, and the problems of the market efficiency under sanctions are not considered. The main challenges and limitations of the collective investment institution development under the current economic conditions are formulated: (1) digitalization of the financial sector, (2) blocking of foreign assets, (3) low level of financial literacy of the population. Recommendations were made for the UIF market development: (1) legal regulation of the transparency of funds, (2) creation of a system of assignment of claims on the unit holders' assets, (3) creation of a system of remuneration for the UIF success with active investment strategies.

Practical significance: the main results of the work can be used in the practical activities of managing companies in the management of unit investment funds under uncertainty of the environment.

Keywords

Regional and sectoral economy, unit investment fund, UIF, managing company, collective investments, sanctions, management efficiency

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Gafurova, G. T., Notfullina, G. N., & Kovaleva, E. R. (2023). Trends of the development of unit investment funds under sanctions. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(3), 490–514. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.490-514>

Введение

В последние годы вопрос осуществления финансовых инвестиций в российской практике заметно активизировался. Тенденции связаны как с повышением уровня финансовой грамотности, так и с расширением перечня финансовых инструментов, масштабными действиями кредитных и некредитных финансовых организаций по привлечению новых клиентов. Не последнюю роль в этом процессе играет и уровень доходов населения.

При этом активность повысилась как в части активных, так и пассивных стратегий инвестирования. В то же время меры защиты клиентов финансовых рынков, предпринятые Центральным банком в последние годы, нацелены на превращение клиентов, прежде всего, в долгосрочных инвесторов, поскольку зачастую им не хватает ни знаний, ни навыков для реализации высокорискованных инвестиционных стратегий. Так появились индивидуальные инвестиционные счета, расширены возможности по инвестициям в паевые инвестиционные фонды (далее – ПИФ).

Последний инструмент достаточно давно представлен в российской практике, однако развитие его идет достаточно неравномерно, прежде всего, в силу специфики российского финансового рынка, а также условий его функционирования с момента первого пакета санкций, сформированного во втором десятилетии XXI в.

Управляющие компании столкнулись с блокировкой активов, работы национального расчетного депозитария, что повлекло за собой невозможность эффективного управления портфелями многих ПИФов.

Научная литература изобилует исследованиями, посвященными практике функционирования ПИФов. Новые геополитические условия определили новые тренды и новые проблемы в развитии отрасли коллективных инвестиций. Трудности и вызовы, с которыми столкнулись управляющие компании в последние три года в условиях сначала локдауна, а затем введения беспрецедентного пакета санкций, определили нестандартный и малоожидаемый вектор развития.

Цель статьи заключается в определении перспективных направлений исследований, ограничений и факторов развития рынка ПИФ для разработки методологических рекомендаций по управлению средствами паевых инвестиционных фондов. Объектом исследования является рынок коллективных инвестиций. Предметом исследования – деятельность управляющих компаний по формированию и управлению паевыми инвестиционными фондами.

Дальнейшее изложение результатов исследования дано в следующих параграфах: 1. Анализ научных подходов к исследованию рынка паевых инвестиционных фондов; 2. Тенденции развития паевых инвестиционных фондов в России; 3. Направления развития рынка ПИФ в условиях санкций; Заключение.

1. Анализ научных подходов к исследованию рынка паевых инвестиционных фондов

В научной и практико-ориентированной литературе вопросам функционирования ПИФов уделяется достаточно много внимания в контексте проблем развития рынка, обеспечения эффективности коллективных инвестиций. При этом условно научные подходы разделились на два лагеря: тех, кто видит в развитии ПИФов стимулы для экономического развития, и тех, кто подчеркивает отрицательные стороны коллективных инвестиций. Так, С. Кокин, Ф. Рамасанов с соавторами определяют, что в «международной практике паевые инвестиционные фонды являются наиболее популярными среди инвесторов. С их помощью западные страны решают некоторые свои проблемы, такие как финансовая безопасность предприятий, управление портфелями пенсионных накоплений и т. д. В России эти процессы развиваются медленнее. Можно сказать, что взаимные фонды не вызывают достаточного уровня доверия» (Kokin et al., 2019). Д. М. Шингареева в своем исследовании акцентирует внимание на таких достоинствах ПИФов, как:

- государственное регулирование и информационная прозрачность фондов;
- доступность (низкий порог вложения);
- соотношение риска/доходности и возможность диверсификации инвестиций;
- минимизация издержек при инвестировании и высокая ликвидность рынка (Шингареева, 2019, с. 43).

Кроме того, такой вариант инвестиций можно отнести к пассивным инвестициям, поскольку он не требует активной аналитической работы со стороны инвестора, который имеет возможность передать эту функцию управляющей компании. Как отмечает в своей работе П. А. Яковлев, «самому инвестору в данном случае не приходится самостоятельно заниматься анализом рынка, диверсификацией портфеля, осуществлять операции купли-продажи ценных бумаг. Всем вышеперечисленным занимается управляющая компания ПИФа» (Яковлев, 2021). Т. В. Полтева и Н. В. Мингалев определяют в качестве главного преимущества ПИФа возможность диверсифицировать свой портфель ценных бумаг (Полтева, Мингалев, 2013, с. 35).

В то же время можно встретить и альтернативные точки зрения. Например, П. А. Царева и Л. В. Казанцев считают вложения в ПИФы контрпродуктивными, поскольку они несут повышенные риски для инвесторов, особенно неопытных (Царева, Казанцев, 2021, с. 86).

А. И. Кобзева выделяет следующие недостатки ПИФа как инвестиционного инструмента:

1. Выплата управляющей компании комиссии независимо от прироста или убыли стоимости чистых активов паевого инвестиционного фонда.
2. В случае активного роста стоимости доли пая инвестору не полагаются дивидендные или процентные выплаты. Инвестор сможет получить свой доход только при продаже своего пая.
3. Введение управляющими компаниями надбавок и скидок для возмещения своих расходов, связанных с выдачей или погашением паев (Кобзева, 2022, с. 48).

В своем исследовании И. Катывшевский с соавторами указывают, что «ПИФы могут показывать как относительно высокую доходность, так и приносить собственникам убытки при неблагоприятных рыночных

условиях как за счет общего снижения стоимости, так и за счет того, что доходность не перекрывает обязательную комиссию за управление фондом» (Катышевский и др., 2020, с. 106).

Отдельно можно выделить исследования, в которых поднимаются проблемы правового характера в функционировании ПИФа. Например, А. И. Фридман в своей работе акцентирует внимание на том, что «определение паевого инвестиционного фонда не содержит указания, что целью создания такого инвестиционного фонда является осуществление инвестиционной деятельности» (Фридман, 2017, с. 70). Автор также подчеркивает ряд вопросов, связанных с определением сущности ПИФа как имущественного комплекса, которое дает Закон «Об инвестиционных фондах». В качестве аргумента приводится позиция Т. Т. Оксюка, который указывал в своем исследовании, что нельзя «...квалифицировать паевой инвестиционный фонд как имущественный комплекс» (Оксюк, 2005) по причине того, что значительное количество фондов имеют в составе активов денежные средства, а также облигации, т. е. обязательства. Большинство юристов при этом сходятся во мнении, что обязательства не могут быть объектом вещных прав.

Вместе с тем следует учитывать, что в силу отсутствия собственной практики формирования институтов коллективного инвестирования при разработке правовых актов, регламентирующих вопросы работы ПИФов, во многом за основу брались опыт и правовая база США (Гасанова, 2021). В то же время системы управления фондами в США, Европе и России серьезно отличаются. Так, в США и Великобритании в основе лежит конструкция траста – доверительной собственности, а фонды в континентальной правовой системе основаны на договоре доверительного управления. При этом в США доверительным собственником могут быть только банки (Ломовцева, 2020, с. 159).

Также группы исследований посвящены вопросам оценки эффективности функционирования паевых инвестиционных фондов. Данный аспект имеет важное значение, поскольку во многом позволяет получить ответы на вопросы относительно перспектив развития и в целом необходимости существования такого института. Как отмечает в своем исследовании А. В. Семушин, в большинстве случаев для анализа деятельности фондов чаще всего используются данные о рядах доходностей, что обусловлено ограниченностью законодательных требований по раскрытию ими информации и нежеланием управляющих раскрывать состав портфеля с достаточной степенью частоты (Семушин, 2012, с. 20). Это затрудняет оценку работы менеджеров. Также стоит отметить исследование Отеро-Гонсалеса и Дюран-Сантомилы (Otero-González & Durán-Santomil, 2021), в котором отмечается, что инвесторы очень заинтересованы в критериях для выбора и идентификации взаимных фондов с высокими ожиданиями относительно будущих результатов, поэтому они обращают пристальное внимание на прошлые результаты. Данное исследование представляет значительный интерес с точки зрения выбора фонда, однако не дает комплексного представления об эффективности системы управления фондами. Схожее исследование провели Грау-Карлес П., Донсель Л. М. и Сайнс Дж. (Grau-Carles et al., 2019), которые рассматривают оценку эффективности фондов через призму рисков, а точнее, через коэффициент Шарпа, который измеряет взаимосвязь между премией за риск и стандартным отклонением доходности фонда. Но коэффициент Шарпа основан на парадигме средней дисперсии, которая требует, чтобы доходность следовала эллиптическому распределению (например, распределению Гаусса). Следовательно, коэффициент Шарпа является предвзятым в случае ненормально распределенных доходов. В изученной статье представлен новый метод, который обеспечивает стабильное ранжирование, основанное на понятии выбора стабильности. На недостатки метода Шарпа при оценке инвестиционных фондов также указывает Э. Шарич с соавторами, указывая на тот факт, что невозможно сравнивать между собой несколько фондов, если в выборку попадают фонды с разными распределениями доходности. Доходность фондов также становится невозможно сравнивать, если она оказывается ниже безрисковой ставки (Шарич, 2019, с. 67). При этом авторы высказываются о показателе коэффициента информации (*Information Ratio*), разработанном Трейнером и Блэком, как одном из наиболее эффективных методов оценки ПИФов. Опираясь на данный показатель, инвестор может делать выводы об эффективности работы управляющего фондом (Rizvi et al., 2020).

К схожим выводам приходят в своем исследовании А. В. Семушин и П. А. Паршаков, которые подчеркивают, что метод Шарпа «не подразумевает взвешивания результата, полученного фондом, на соответствующий риск, а определяется в большей степени неустойчивостью результатов, что не позволяет однозначно трактовать полученных при ее применении оценок» (Семушин, Паршаков, 2012, с. 24).

Еще одно исследование, посвященное вопросам оценки эффективности фондов, заслуживает внимания своим подходом к оценке с точки зрения устойчивости фондов и надежности инвестиционных портфелей инвесторов. Авторы определили семь критериев оценки фондов с позиций устойчивого развития: (1) двой-

ная существенность, (2) надежность, (3) учет жизненного цикла, (4) всесторонность категорий воздействия, (5) совместимость с научно обоснованными целями (SBT) устойчивого развития, (6) перспективность и (7) дополнительность инвестора. При этом авторы утверждают, что ни одна из существующих методик оценки с точки зрения устойчивого развития не соответствует этим критериям (Popescu et al., 2021).

Интересный подход к оценке работы паевого фонда можно встретить в работах Д. В. Кандаурова (2020), а также Дж. Шевалье и Г. Эллисон (Chevalier & Ellison, 1997), которые указывают на два взаимосвязанных фактора: доходность фонда зависит от числа средств в управлении, а число средств, в свою очередь, зависит от притока средств пайщиков. Таким образом, постоянный рост числа пайщиков и стоимости чистых активов становится еще одним показателем эффективности работы управляющего. Еще один подход к оценке качества управления активами можно встретить в работе А. Ольковой, которая предлагает оценивать эффективность работы управляющего на основе сопоставления достигнутых результатов поставленным целям. Для этого автор предлагает сопоставлять доходность с некоторым нормативным значением (Олькова, 2016, с. 43).

Предполагается, что инвестиционный фонд может управляться на основе пассивной и активной стратегий. Активно управляемые ПИФы предполагают получение доходности портфеля, превосходящей уровень доходности индексных фондов (фондов, в портфели которых входят акции из того или иного биржевого индекса). Пассивно управляемые фонды, напротив, предполагают стратегию следования тому или иному индексу. В первом случае вознаграждение за управление будет выше. В результате, как отмечают в своем исследовании А. Абрамов с соавт. (2019), «эффективность активно управляемого портфеля измеряется его избыточной доходностью, или альфой, а для пассивного портфеля более важными являются критерии того, насколько точно этот портфель следовал показателям доходности и риска того или иного индекса (бенчмарка)».

При этом мнения экономистов относительно необходимости активного управления средствами фондов разделились. В целом большинство исследователей исходит из того, что активное управление фондом не несет в себе особой ценности для инвестора. Например, в качестве аргументов указывается, что:

- средний фонд отстает после сборов по доходности от пассивного фонда;
- производительность лучших фондов не сохраняется;
- некоторые управляющие фондами обладают квалификацией, но лишь немногие обладают навыками, превышающими затраты (Сорокина, Дедюшко, 2022, с. 356).

К схожим выводам приходит, например, П. А. Паршаков (2015), который указывает, что только 5 % успехов фондов можно связать с эффективностью работы управляющих. И поскольку активное управление обходится инвестору дороже (в результате действия фактора транзакционных издержек, связанных с финансовыми операциями) (Иноземцев, Тарасов, 2018), получаемый инвестором доход не окупает затрат, понесенных в процессе управления (Абрамов и др., 2019). Опираясь на экономико-математическое моделирование, Я. Сонг в своем исследовании показывает, что активно управляемые взаимные фонды с положительной доходностью в прошлом, связанной с факторами, накапливают избыточный объем активов в управлении, что приводит к значительным отрицательным показателям доходности в будущем. Эти фонды получают больше активов, чем может быть оправдано их навыками активного управления (Song, 2020, с. 2580).

В то же время в зарубежной литературе ранее определенные концепции неэффективности активного управления уже пересматриваются. Например, в исследовании К. Дж. Кремерса и соавт. (Cremers et al., 2019) подчеркивается значимость активного управления фондом, хотя авторы и признают, что управляющие взаимными фондами обладают более ограниченными возможностями, чем управляющие хедж-фондами, создавать ценность для инвесторов посредством активного управления. В этой связи представляет интерес исследование Ризви с соавт. (Rizvi et al., 2020), в котором на основе результатов анализа влияния качества управляющих на устойчивость фондов в период пандемии *Covid-19* показано, что в фондах с низким уровнем человеческого капитала имело место ухудшение показателей. Таким образом, обосновывается роль активного управления в период стрессовых ситуаций в экономике.

Анализ научной литературы в целом позволяет резюмировать, что основное внимание исследователей сосредоточено на оценке преимуществ и недостатков рынка ПИФов, а также подходах к оценке эффективности работы конкретных фондов, управляющих фондов. С макроэкономической точки зрения рынок практически не рассматривается. В отдельных исследованиях можно встретить анализ рынка, который сводится преимущественно к оценке тенденций без анализа причинно-следственных связей (см., например, Абысов, 2023; Киселева, 2022), а также вне поля санкционной нагрузки, которая стала характерной тенденцией последних

пяти лет. Исследования рынка ПИФов в условиях санкций характерны преимущественно для представителей не научной, а практической сферы. В связи с этим систематизация проблем, подтвержденных эмпирическими данными, а также разработка рекомендаций по решению проблем является одним из актуальных направлений для исследований в российской экономике.

2. Тенденции развития паевых инвестиционных фондов в России

Рынок коллективных инвестиций интенсивно развивается последние несколько лет. Среди большого количества вариантов финансовых инвестиций в некоторой степени успех управляющих компаний объясняется двумя взаимосвязанными факторами. Прежде всего, низкий уровень грамотности населения определяет его склонность к пассивным вариантам вложений. Второй фактор кроется в аффилированности многих управляющих компаний с банками, в результате которой банки иногда навязывают, а иногда не пренебрегают мисселингом при предложении инвестиций в паевые инвестиционные фонды. Под мисселингом понимаем недобросовестные практики профессиональных участников финансовых рынков, продающих одни финансовые продукты под видом других.

Не способствует формированию доверительного отношения к инструментам коллективных инвестиций и тот факт, что система формирования портфеля и сама отчетность фондов совершенно непрозрачны и малопонятны розничному инвестору. К аналогичным выводам приходят многие исследователи (см., например, (Кирюхина, Еркина, 2021; Малиева, Приходько, 2021)). Как отмечает в своем исследовании В. В. Литвин (2022), нехватка информации о деятельности ПИФа и ее непрозрачность сокращают круг потенциальных коллективных инвесторов, а также затрудняют естественную конкуренцию между ПИФа, которая должна осуществляться на основе сравнительного анализа некоторых показателей их деятельности. В настоящее время в источниках нет единого подхода к оценке эффективности деятельности ПИФа, к выбору бенчмарка, отсутствует универсальный способ оценки отклонения результатов деятельности ПИФа от него (Литвин, 2022, с. 548–549).

Вместе с тем регуляторная политика Центрального банка России, а также нестабильность экономической ситуации вносят свои коррективы в развитие рынка коллективных инвестиций. Прежде всего рассмотрим показатели объемов предложения услуг паевых фондов на российском рынке (рис. 1).

Данные рис. 1 демонстрируют некоторое снижение числа паевых фондов в 2018 г., однако начиная с 2020 г., несмотря на достаточно сложную экономическую и политическую ситуацию, число фондов постоянно увеличивалось. В 2019 и 2020 гг. драйвером развития паевых фондов стало снижение ключевой ставки Центрального банка, которое вынудило инвестора изменить отношение к классическим банковским вкладам.

Характерной при этом является картина управляющих компаний – несмотря на рост числа ПИФов, количество управляющих компаний сокращается (на 18 % за рассматриваемый период), что может свидетельствовать о поглощении слабых игроков. Отчасти сокращение числа управляющих компаний также было связано с ужесточением лицензионных требований Центрального банка России в части размера собственных средств управляющей компании. В 2016 г. за один год к сентябрю 2017 г. компаниям потребовалось удвоить минимальный капитал – с 10 до 20 млн рублей.

Также обращает на себя внимание структура ПИФов по типам – основной удельный вес в числе зарегистрированных ПИФов занимают закрытые фонды (далее – ЗПИФ), ориентированные преимущественно на корпоративных клиентов либо частных клиентов с большим объемом ресурсов. Интерес частных инвесторов к ЗПИФам обусловлен их широкими возможностями инвестирования и использования инструментов, включая управление средствами одного инвестора или семьи, упрощение процесса передачи наследства и совместное приобретение пайщиками коммерческой недвижимости¹. Интересной также выглядит статистика биржевых фондов, доля которых к концу 2022 г. составила уже 6 %, хотя всего четыре года назад был зарегистрирован всего один такой фонд.

Рассмотрим структуру ПИФа с точки зрения инвесторов (рис. 2), а также активов (рис. 3).

Данные рис. 2 свидетельствуют о том, что основной удельный вес в структуре составляют фонды, предназначенные для квалифицированных инвесторов, на долю которых в 2018 г. приходился 61 % всех зарегистри-

¹ Центральный банк России. (2019). *Обзор ключевых показателей паевых и акционерных инвестиционных фондов в IV квартале 2019 года*. http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/27853/review_paif_19Q4.pdf

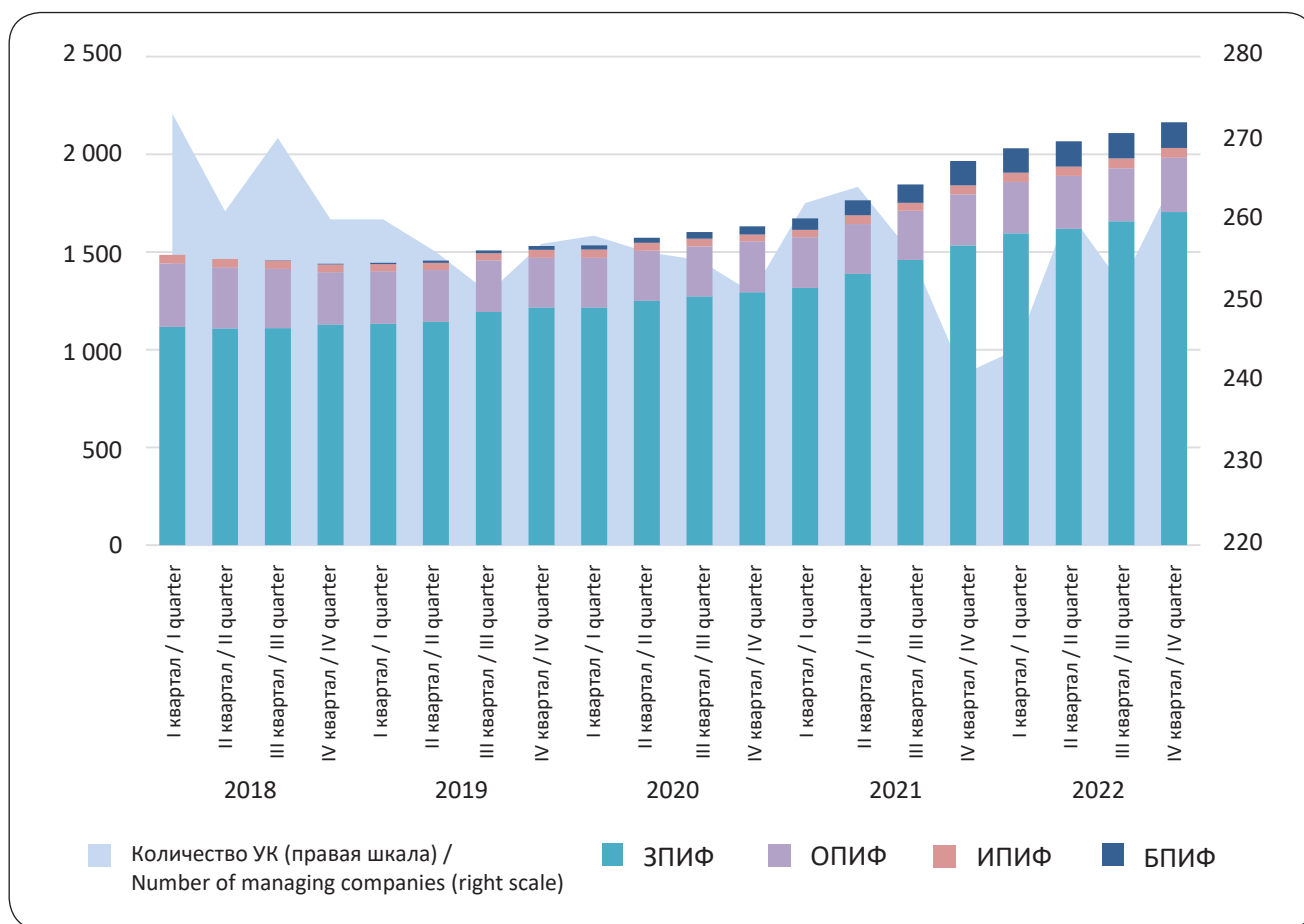

Рис. 1. Динамика числа зарегистрированных ПИФов по типам

Источник: Центральный банк России. (2023). Статистические данные к обзору ключевых показателей паевых и акционерных инвестиционных фондов. http://www.cbr.ru/analytics/rsci/review_pif_aif/

Примечание: ЗПИФ – закрытый ПИФ, ОПИФ – открытый ПИФ, ИПИФ – интервальный ПИФ, БПИФ – биржевой ПИФ.

Fig. 1. Dynamics of the number of registered UIFs by types

Source: Central Bank of Russia (2023). Statistical data for the review of the key indicators of unit and joint stock investment funds. http://www.cbr.ru/analytics/rsci/review_pif_aif/

Note: ЗПИФ – closed UIF, ОПИФ – open UIF, ИПИФ – interval UIF, БПИФ – stock exchange UIF.

стрированных фондов. К 2023 г. эта доля возросла уже до 72 %. Основной прирост обеспечен ростом доли закрытых ПИФов для квалифицированных инвесторов.

Основной удельный вес занимают фонды, имеющие смешанную структуру активов. Такие фонды позволяют сформировать достаточно диверсифицированный портфель с пассивным управлением.

Рассмотрим, как менялись вложения пайщиков в активы ПИФов на протяжении рассматриваемого периода (табл. 1).

В 2018 г. наблюдалось некоторое снижение чистого притока средств по сравнению с 2017 г. Причем основное снижение динамики было характерно для открытых ПИФов. Вместе с тем чистый приток средств инвесторов составил 235 млрд рублей, преимущественно за счет закрытых ПИФов. В 2019 г. чистый приток средств вырос почти в три раза по сравнению с 2018 г. Росту инвестиций в ПИФы способствовал приход новых пайщиков: совокупное количество владельцев паев увеличилось на 14,3 %, до 1,9 млн единиц².

² Центральный банк России. (2019). Обзор ключевых показателей паевых и акционерных инвестиционных фондов в IV квартале 2019 года. http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/27853/review_paif_19Q4.pdf

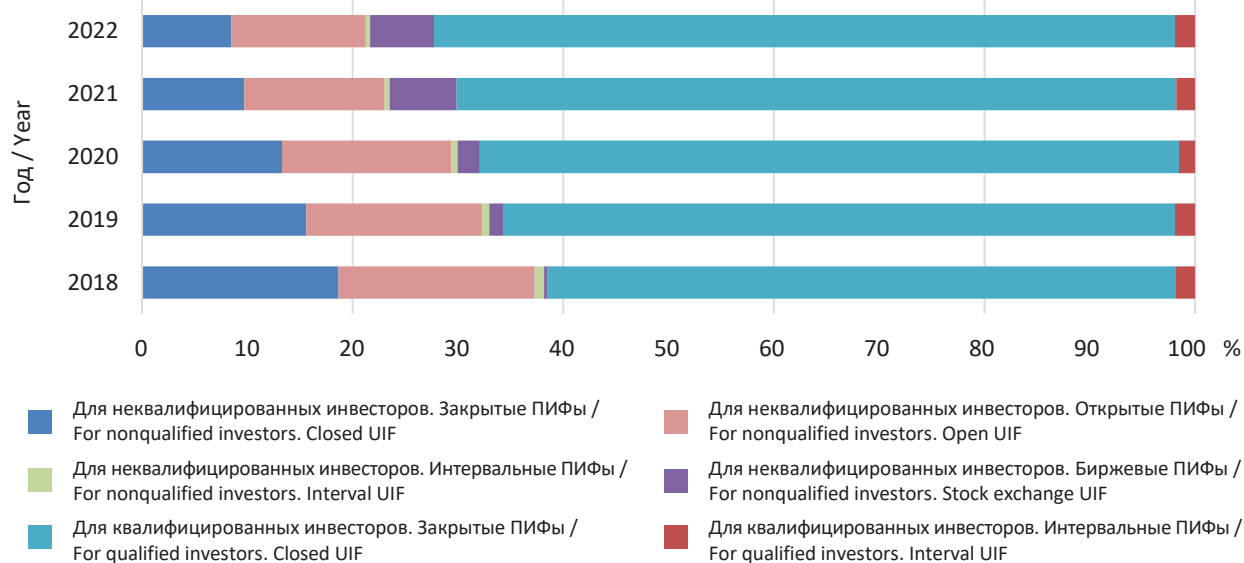

Рис. 2. Структура ПИФов по типу инвесторов

Источник: Центральный банк России. (2023). Динамические ряды основных показателей деятельности паевых инвестиционных фондов и акционерных инвестиционных фондов. http://www.cbr.ru/statistics/rsci/activity_uk_if/stat_pif_aif/

Fig. 2. UIF structure by types of investors

Source: Central Bank of Russia (2023). Time series of the key performance indicators of unit and joint stock investment funds. http://www.cbr.ru/statistics/rsci/activity_uk_if/stat_pif_aif/

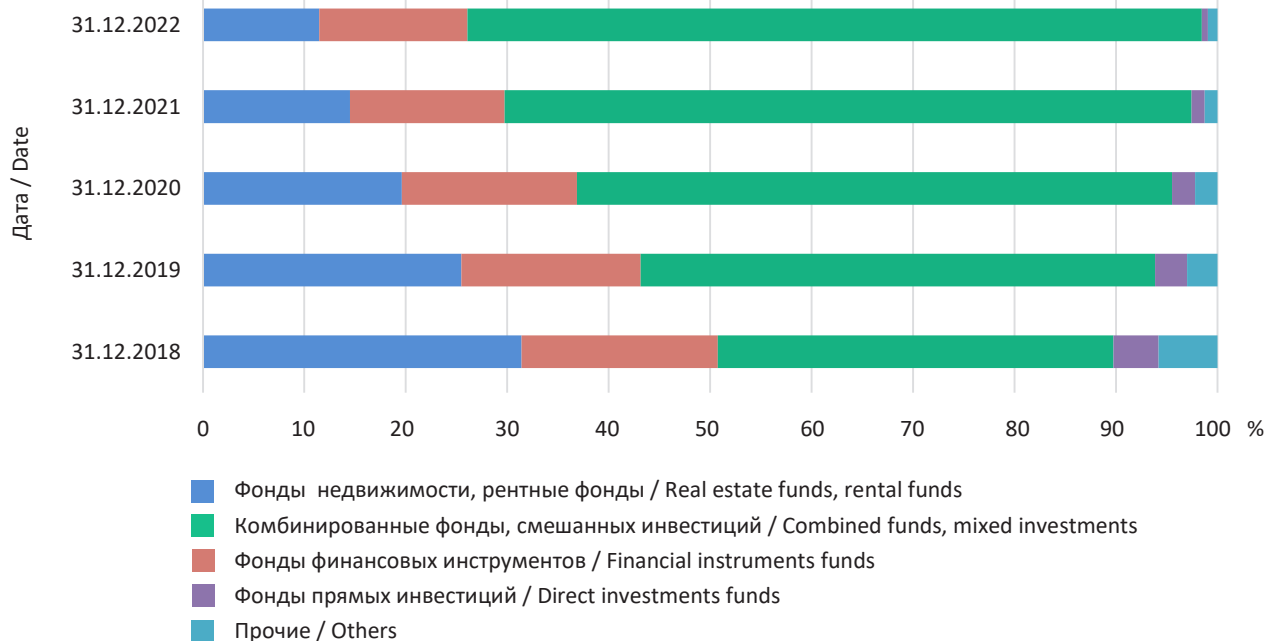

Рис. 3. Структура ПИФов по типу актива

Fig. 3. UIF structure by types of assets

Таблица 1

Динамика притока/оттока средств в ПИФы, млрд рублей
Table 1. Dynamics of inflow/outflow of funds in UIF, bln rubles

Тип фонда / Type of fund	Показатель / Indicator	Год / Year					Прирост, % / Growth, %
		2018	2019	2020	2021	2022	
ЗПИФ / Closed UIF	Нетто-приток/отток / Net inflow/outflow	142,4	523,2	248,9	631,5	1139,1	700,0
	Объем выдачи / Output volume	222,3	594,0	329,1	732,5	1412,1	535,3
	Объем погашения / Debt servicing volume	79,9	70,8	80,3	101,0	214,1	168,0
ОПИФ / Open UIF	Нетто-приток/отток / Net inflow/outflow	84,3	90,6	103,4	205,1	-15,4	-118,3
	Объем выдачи / Output volume	164,5	186,9	220,3	438,5	111,7	-32,1
	Объем погашения / Debt servicing volume	80,2	96,3	116,9	233,4	128,2	59,9
ИПИФ / Interval UIF	Нетто-приток/отток / Net inflow/outflow	8,6	19,9	9,7	32,7	9,3	9,1
	Объем выдачи / Output volume	9,7	21,0	12,8	51,7	15,9	62,9
	Объем погашения / Debt servicing volume	1,2	1,1	3,1	18,8	1,9	56,2
БПИФ / Stock exchange UIF	Нетто-приток/отток / Net inflow/outflow	0,0	12,0	54,5	119,9	-2,9	-124,2
	Объем выдачи / Output volume	0,0	12,3	55,1	130,0	33,0	169,5
	Объем погашения / Debt servicing volume	0,0	0,3	0,7	10,1	15,2	4 977,4
Нетто-приток/отток, всего / Net inflow/outflow, total		235,3	645,7	416,6	989,2	1130,1	466,7

Драйвером развития рынка ПИФов в 2020 г. стал массовый приход на рынок розничных инвесторов, вызванный снижением ставок по депозитам, а также в целом проявлением интереса к финансовым рынкам в период локдауна. Основной интерес инвесторы проявили к фондам облигаций, которые традиционно показывают относительно невысокий уровень рисков и приемлемый уровень доходности. Этим объясняется рост чистого притока средств в открытые ПИФы, в то время как по закрытым фондам наблюдался спад притока средств. Привлекательность ПИФов выросла, в том числе за счет прихода массового инвестора на фондовый рынок и повышения их доступности в связи с развитием дистанционных продаж финансовых инструментов в условиях самоизоляции и действия ограничительных мер. Кроме того, в 2020 г. значительно повысился уровень сбережений граждан в связи с мерами поддержки граждан в период пандемии, а также в связи с введением ограничительных мер, когда возможности трат средств на товары и услуги резко сократились³.

Наиболее существенный рост чистого притока средств в ПИФы наблюдался в 2021 г., когда чистый приток вырос практически в три раза относительно уровня 2020 г. Прежде всего, такой рост обусловлен ростом числа инвесторов – физических лиц практически на треть. Также выросло и число инвесторов – юридических лиц (рис. 4).

Особенностью 2021 г. стало увеличение притока средств в ПИФы, а также увеличение числа пайщиков, несмотря на рост ставок по депозитам. Такая ситуация может свидетельствовать о начавшихся структурных изменениях спроса населения на финансовые активы⁴. Основной приток обеспечили ЗПИФы (64 %), еще треть пришлась на розничные открытые ПИФы (далее – ОПИФ), которые также показали рекордные притоки в 2021 г. Вероятно, изменение предпочтений населения в вариантах вложения средств может быть обусловлено несколькими факторами, такими как расширение опыта инвестирования на финансовых рынках, более активная работа банков по продажам услуг управляющих компаний, а также активный рост продаж финансовых инструментов, осуществляемых дистанционно.

³ Центральный банк России. (2020). Обзор ключевых показателей паевых и акционерных инвестиционных фондов в IV квартале 2020 года. http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/32224/review_pif_aif_20Q4.pdf

⁴ Центральный банк России. (2021). Обзор ключевых показателей паевых и акционерных инвестиционных фондов в IV квартале 2021 года. http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/39840/review_pif_aif_21Q4.pdf

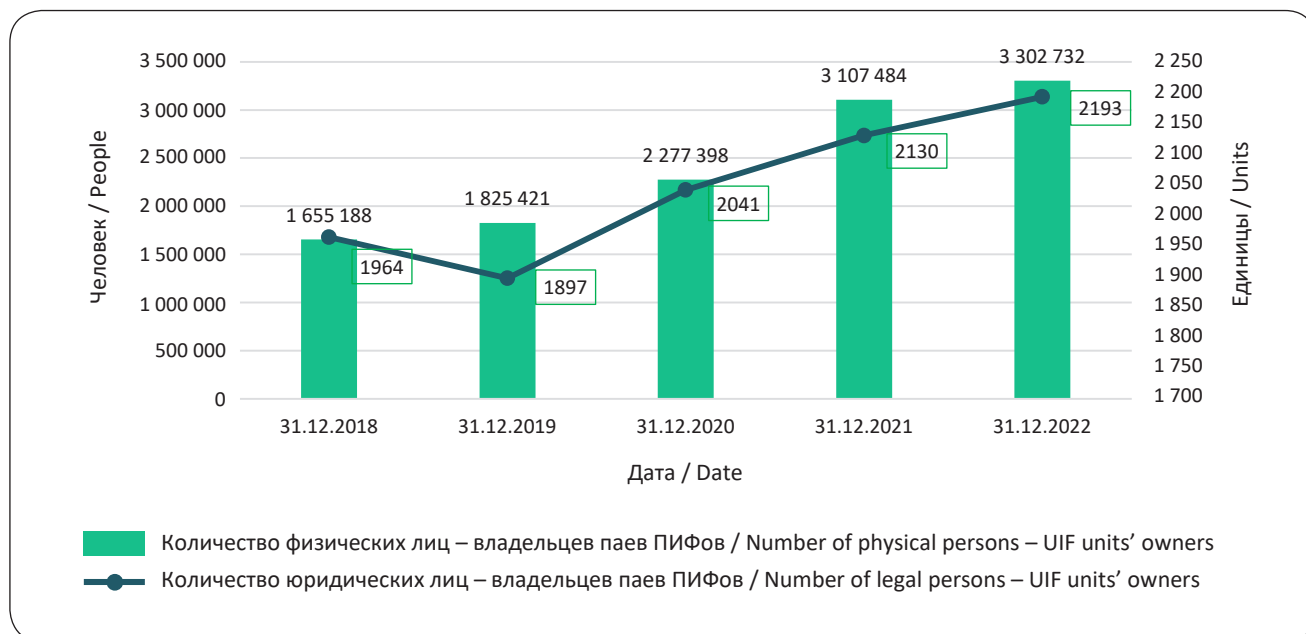

Рис. 4. Динамика численности физических и юридических лиц – владельцев ПИФов

Источник: Центральный банк России. (2023). Динамические ряды основных показателей деятельности паевых инвестиционных фондов и акционерных инвестиционных фондов. http://www.cbr.ru/statistics/rsci/activity_uk_if/stat_pif_aif/

Fig. 4. Dynamics of the number of physical and legal persons – UIF units' owners

Source: Central Bank of Russia (2023). Time series of the key performance indicators of unit and joint stock investment funds. http://www.cbr.ru/statistics/rsci/activity_uk_if/stat_pif_aif/

Вместе с тем еще одной тенденцией 2021 г. стал не только двукратный рост вложений в ОПИФ, но и двукратный отток средств из фондов⁵. Центральный банк России связывает такую тенденцию с тем, что во второй половине 2021 г. наблюдалось снижение доходности ПИФов, в результате чего часть пайщиков фиксировала прибыль. Кроме того, наблюдался массовый приток розничных инвесторов на рынок биржевых фондов. За 2020 г. их число выросло с 70 тысяч до 1,3 млн человек, за 2021 г. это число выросло еще в четыре раза, до 5,6 млн человек. Таким образом, можно предположить, что отток средств из ОПИФов был связан с переходом к более простому и менее затратному инструменту инвестиций.

2022 г. ознаменовался самым большим приростом стоимости чистых активов за всю историю наблюдений. При этом рост наблюдался в сегменте закрытых ПИФов, куда за год нетто-приток составил более 1 трлн рублей. Почти половина всех поступлений пришлось всего на один фонд, инвесторами которого являются институциональные инвесторы, однако в семи фондах из десяти, входящих в топ по привлечению пайщиков, активными инвесторами являются физические лица. Проявленный физическими лицами интерес связан с ростом волатильности российского финансового рынка и поиском инвесторами альтернативных вариантов вложений. Поскольку многие ЗПИФ предлагают вложения в недвижимость, а также снижают порог входа, инвесторы переходят в такие фонды. Притоку инвестиций граждан в ЗПИФ также могла способствовать повышенная норма сбережений, которая отчасти обусловлена тем, что из-за внешних ограничений и ухода иностранных компаний люди не могли купить то, что хотели, и отложили эти средства про запас⁶.

В то же время в 2022 г. можно было наблюдать увеличение оттока средств из открытых ПИФов, особенно во II и IV кварталах. Такая тенденция связана с отрицательной доходностью ПИФов на фоне роста ставок по депозитам, а также сжатием фондового рынка. Отток капитала из открытых ПИФов также можно связать

⁵ Центральный банк России. (2021). Обзор ключевых показателей паевых и акционерных инвестиционных фондов в IV квартале 2021 года. http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/39840/review_pif_aif_21Q4.pdf

⁶ Центральный банк России. (2022). Обзор ключевых показателей паевых и акционерных инвестиционных фондов в IV квартале 2022 года. http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/43798/review_pif_aif_22Q4.pdf

с блокировкой иностранных активов в национальном расчетном депозитарии, а также расширением практики мисселинга со стороны банков – продавцов услуг управляющих компаний. Центральный банк отметил рост жалоб на управление ПИФаами более чем в пять раз, а в структуре всех обращений, связанных с мисселингом, доля жалоб по реализации паев ПИФов выросла более чем в два раза, до 9,7 %. На фоне сложившейся ситуации Центральный банк выпустил указание⁷, которое обязывает банки информировать клиентов об особенностях и рисках инвестиционных продуктов⁸.

При анализе 2022 г. следует учитывать, что в этом году из-за заморозки иностранных активов управляющим компаниям, в фондах которых были такие активы, предоставлено право не определять стоимость паев и не предоставлять отчетность. В связи с этим данные по второму, третьему и четвертому кварталам 2022 г. носят оценочный характер и не в полной мере сопоставимы с итогами прошлых периодов⁹.

Описанные тенденции, таким образом, определили интенсивное развитие рынка ПИФов в последние годы, о чем свидетельствуют данные рис. 5.

Таким образом, можно отметить рост стоимости чистых активов (далее – СЧА) на протяжении всего рассматриваемого периода. Основной рост пришелся на период 2019 и 2020 гг. Как уже отмечалось, в этот период две взаимосвязанные тенденции определили вектор развития рынка – цифровизация предложения услуг, а также снижение ставок по депозитам:

– в части цифровизации основными тенденциями стали развитие системы быстрых платежей, маркетплейсов. Особенно остро ситуация проявилась в условиях пандемии, когда в отсутствие возможности покидать свои дома население обратило внимание на возможности получения пассивного дохода. В результате с начала 2019 до конца октября 2021 г. многократно увеличилось количество клиентов на брокерском обслуживании

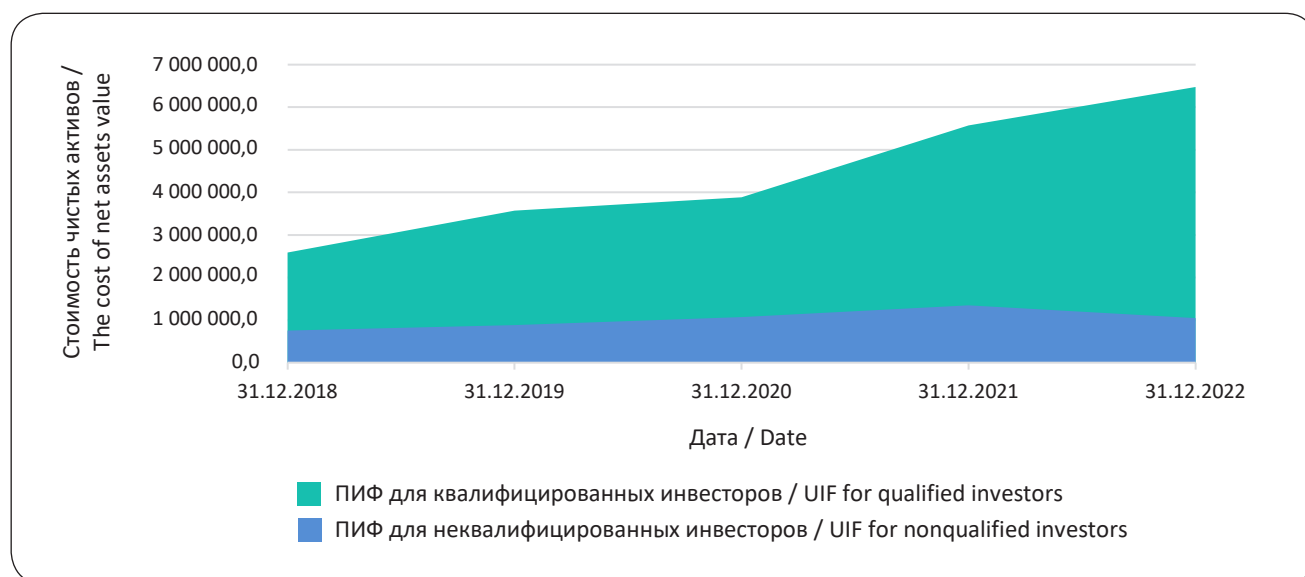

Рис. 5. Динамика стоимости чистых активов ПИФов в разрезе категорий ПИФов

Fig. 5. Dynamics of the cost of UIF net assets by UIF categories

⁷ О минимальных (стандартных) требованиях к объему и содержанию информации, предоставляемой кредитной организацией, действующей от своего имени при совершении сделки с физическим лицом по возмездному отчуждению ценных бумаг, при заключении договоров, являющихся производными финансовыми инструментами, либо действующей от имени и (или) по поручению некредитной финансовой организации при заключении с физическим лицом договоров об оказании финансовых услуг, в том числе об их условиях и рисках, связанных с их исполнением, а также о форме, способах и порядке предоставления указанной информации: Указание Банка России от 10 января 2022 г. № 6057-У. (2022). *Вестник Банка России*, 25.

⁸ Центральный банк России. (2022). *Обзор ключевых показателей паевых и акционерных инвестиционных фондов в II квартале 2022 года*. http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/43798/review_pif_aif_22Q4.pdf

⁹ Анализ рынков и показателей ПИФ за IV квартал 2022 года. Обзор НАУФОР. *НАУФОР. Коллективные инвестиции*. <https://pif.naufor.ru/tree.asp?n=25425>

(более чем в восемь раз, до 18,2 млн) и клиентов в доверительном управлении (почти в пять раз, до 725 тыс.)¹⁰. Таким образом, пандемия трансформировала модели поведения потребителя и продавца услуг в сторону дистанционного обслуживания;

– в 2019 г. средневзвешенная ставка по депозитам опустилась до 6,6 %, а в 2020 г. еще ниже – до 3,4 %. На этом фоне Центробанк отметил ориентацию розничных инвесторов на сравнение доходности по вкладам и ПИФам и выбор последнего инструмента при снижении ставок.

Сравнительный анализ притока средств в ОПИФ и ставок по банковским вкладам за предыдущий период свидетельствует о наличии корреляции между этими показателями, что может свидетельствовать о том, что население по-прежнему сравнивает доходности двух инструментов, не принимая во внимание риски вложений в ПИФ. В то же время в ПИФах, характеризующихся более рискованными стратегиями инвестиций, такая тенденция не прослеживается, что может свидетельствовать о более квалифицированных и склонных к риску инвесторах, приходящих в такие фонды.

Для подтверждения данного тезиса проведем корреляционно-регрессионный анализ между переменными (табл. 2).

Для анализа показателей было принято решение об исключении из данных показателей за I квартал 2022 г., представляющий по сути статистический выброс, поскольку в этот период не только была удвоена ключевая ставка Банка России, но и остановлена работа фондовых бирж, что кардинально изменило расстановку

Таблица 2

Выборка исходных данных
Table 2. Source sample

Период / Period	Ставка по депозитам, % / Deposit rate, %	Средневзвешенная доходность ОПИФ, % / Weighted average return of open UIFs, %	Чистый приток активов ОПИФ, в млрд руб. / Net inflow of assets to open UIFs, bln rubles
II кв. 2018 / II quarter of 2018	5,51	4,7	40,7
III кв. 2018 / III quarter of 2018	5,21	6,9	10,1
IV кв. 2018 / IV quarter of 2018	5,83	7,3	-2,7
I кв. 2019 / I quarter of 2019	6,40	2,6	-5,5
II кв. 2019 / II quarter of 2019	5,78	6,7	5,7
III кв. 2019 / III quarter of 2019	5,18	8,7	28,1
IV кв. 2019 / IV quarter of 2019	4,71	13,8	62,3
I кв. 2020 / I quarter of 2020	4,37	-3,9	18,4
II кв. 2020 / II quarter of 2020	4,08	26,2	25,2
III кв. 2020 / III quarter of 2020	3,10	24,6	38,1
IV кв. 2020 / IV quarter of 2020	3,57	12,1	40,1
I кв. 2021 / I quarter of 2021	3,18	12,7	69,4
II кв. 2021 / II quarter of 2021	3,47	12,4	56,8
III кв. 2021 / III quarter of 2021	3,67	9,8	43,2
IV кв. 2021 / IV quarter of 2021	4,73	7	35,7
I кв. 2022 / I quarter of 2022	19,76	-39,5	-9,6
II кв. 2022 / II quarter of 2022	6,76	-31,8	-18,3
III кв. 2022 / III quarter of 2022	5,29	-23,3	11
IV кв. 2022 / IV quarter of 2022	5,33	12	-8

¹⁰ Банк России. (2021). Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов. https://cbr.ru/Content/Document/File/131935/onrfr_2021-12-24.pdf

сил на всех финансовых рынках. Кроме того, корреляционно-регрессионный анализ используется как разведочный, поскольку ввиду ограниченного количества доступных уровней временных рядов нет возможности получить надежные оценки тестовых статистик, проверяющих наличие коинтеграции для исключения «ложной» корреляции и регрессии.

Исходя из представленных данных, наблюдается обратная связь между показателями расширения ПИФ и ставкой по депозитам, а также умеренная прямая связь между доходностью ПИФ и притоком средств (табл. 3).

Таблица 3

Корреляционная матрица связи между переменными
Table 3. Correlation matrix of connection between variables

Переменная / Variable	Ставка по депозитам / Deposit rate	Средневзвешенная доходность ОПИФ / Weighted average return of open UIFs	Чистый приток активов ОПИФ / Net inflow of assets to open UIFs
Ставка по депозитам / Deposit rate	1		
Средневзвешенная доходность ОПИФ / Weighted average return of open UIFs	-0,61324	1	
Чистый приток активов ОПИФ / Net inflow of assets to open UIFs	-0,79211	0,515951	1

Корреляция доходности ПИФа с притоком средств средняя, поэтому для оценки факторов, влияющих на поток поступлений, уравнение решено построить без этой переменной.

Рассмотрим парную корреляцию между переменными (рис. 6).

Диаграмма рассеяния (рис. 6) демонстрирует обратную взаимосвязь между переменными.

Оценка коэффициента регрессии также предсказывает обратную взаимосвязь между средневзвешенными ставками по депозитам (X) и чистым притоком средств в ОПИФ (Y) (в скобках приведены стандартные ошибки коэффициентов):

$$Y = 112,7176 - 18,3251x$$

(17,316) (3,530)

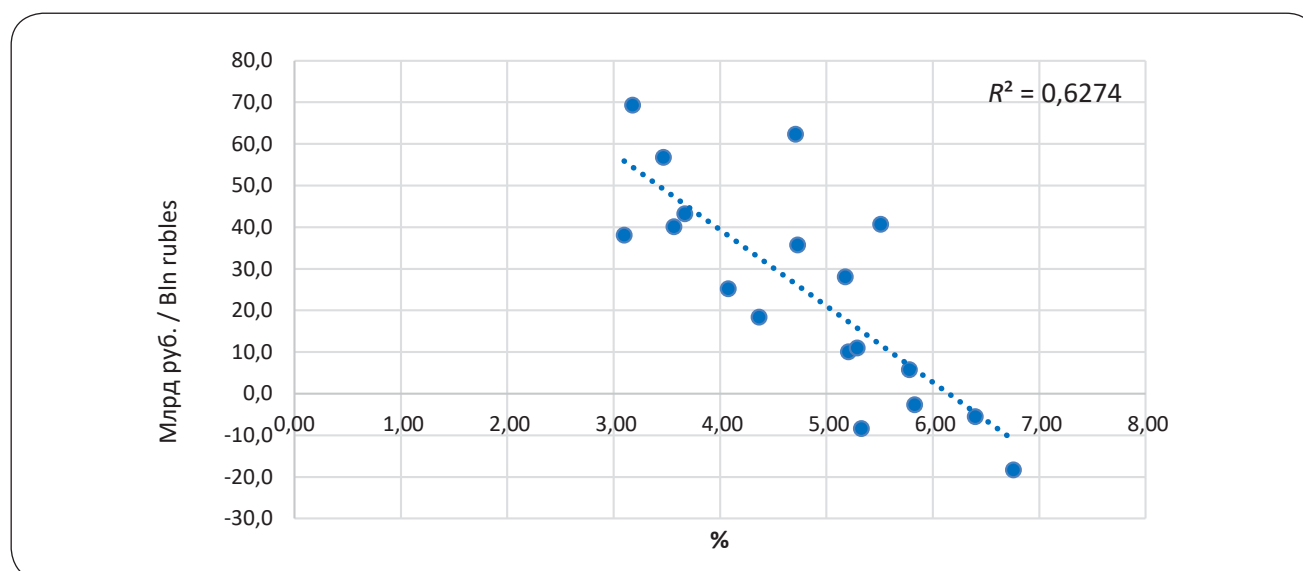

Рис. 6. Диаграмма рассеяния между средневзвешенными ставками по депозитам и чистым притоком средств в ОПИФ, млрд руб.

Fig. 6. Scatter diagram between weighted average return on deposits and net inflow of assets to open UIFs, bln rubles

Следует отметить, что данная оценка коэффициента является лишь предварительной для установления направления зависимости между объясняющей и объясняемой переменными. Анализ не включал оценку интеграционных/коинтеграционных характеристик приведенных временных рядов, в этой связи нельзя исключать наличия ложной регрессии. Тем не менее в первом приближении представляется возможным оценить, что однопроцентный рост ставки по депозитам приводит к падению притока чистых активов фондов примерно на 18 млрд рублей. Полученная зависимость подтверждает сложившуюся на рынке коллективных инвестиций тенденцию к перетоку капитала инвесторов из ПИФов во вклады при сокращении процентных ставок.

Интерес инвесторов к рынку коллективных инвестиций, таким образом, во многом вызван низкими уровнями доходности по банковским вкладам. Можно заключить, что население по-прежнему сравнивает доходности двух инструментов, не принимая во внимание риски вложений в ПИФ. Как справедливо отмечает в своем исследовании Н. В. Кузнецов (2022), при анализе риска финансовых инструментов инвесторам нужно принимать во внимание не только экономические и финансовые, но также и иные мотивы принятия решений (например, геополитические).

Приток инвесторов в ПИФы связан, как уже упоминалось, с развитием цифровых технологий, позволяющих быстро заключать договоры доверительного управления (Голуб, 2022, с. 266), более агрессивной рекламой, а также снижением требований к первоначальному взносу. В результате на рынок пришел мелкий инвестор, о чем свидетельствует снижение среднего счета (СЧА/число пайщиков) (рис. 7).

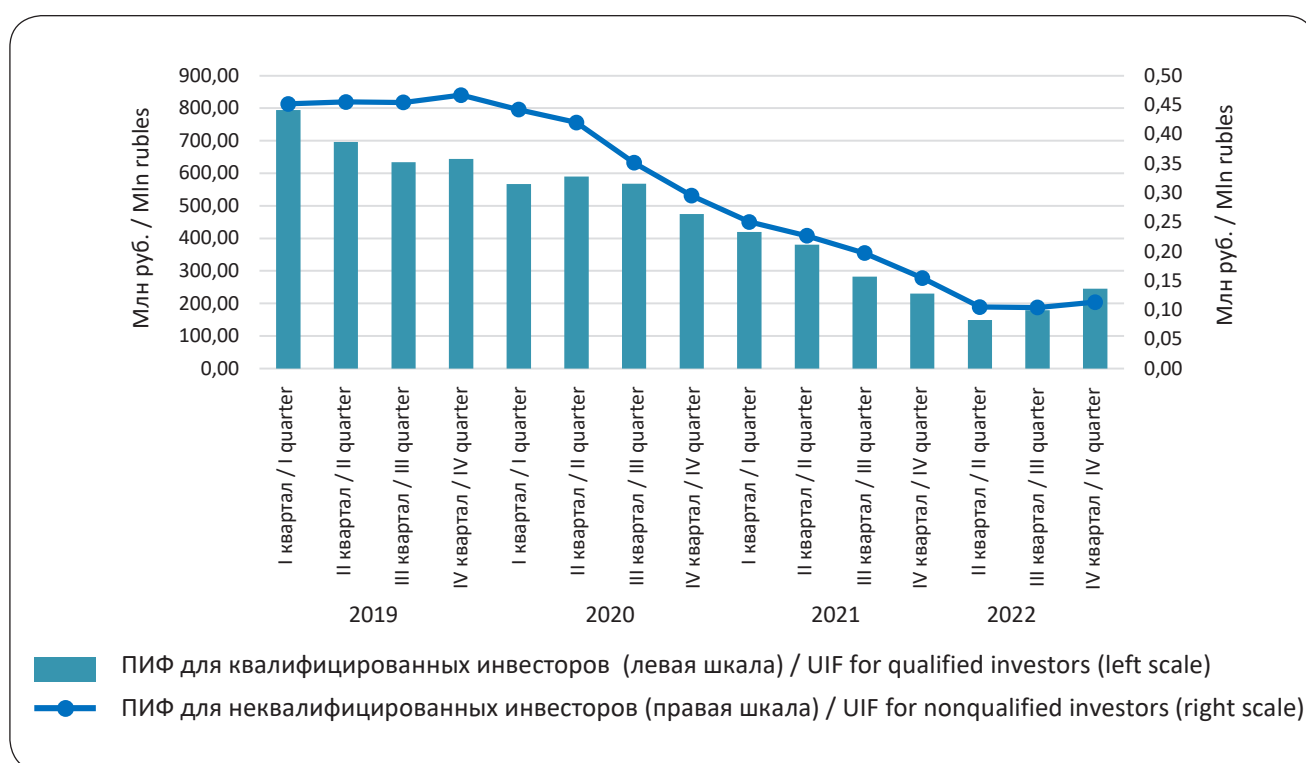

Рис. 7. Средний размер счета ПИФ для квалифицированных и неквалифицированных инвесторов

Примечание. Данные за I квартал 2022 г. отсутствуют по причине приостановки торгов на фондовом рынке по решению Центрального банка России.

Источник: составлено по данным: Центральный банк России (2023). Динамические ряды основных показателей деятельности паевых инвестиционных фондов и акционерных инвестиционных фондов. http://www.cbr.ru/statistics/rsci/activity_uk_if/stat_pif_aif/

Fig. 7. Average size of a UIF account for nonqualified and nonqualified investors

Note. Data for the 1st quarter of 2022 are absent due to the trading halt in the stock market by the decision of the Central Bank of Russia.

Source: compiled by the data: Central Bank of Russia (2023). Time series of the key performance indicators of unit and joint stock investment funds. http://www.cbr.ru/statistics/rsci/activity_uk_if/stat_pif_aif/

За четыре последних года средний размер счета для квалифицированных инвесторов снизился с 794 до 265 млн руб., а для неквалифицированных – с 450 до 110 тыс. руб. Таким образом, почти шестикратный рост числа пайщиков за последние пять лет обеспечен увеличением счетов с небольшим капиталом, что, как правило, характеризует неопытного инвестора.

В некотором роде изменение портрета клиента и его склонности к риску характеризует изменение структуры стоимости чистых активов ПИФов по видам вложений (рис. 8).

Данные рис. 8 свидетельствуют о смещении интересов инвесторов в сторону фондов, активы которых размещены в акции, а также уставные капиталы российских организаций. Также можно отметить устойчивый рост активов, размещенных в недвижимое имущество. В целом это может характеризовать повышение склонности физических лиц к риску, хотя в отдельные периоды времени тенденция менялась. Так, в 2018 г. в структуре ОПИФ в 2018 г. основной удельный вес составляли вложения в корпоративные облигации (43,3 %). Однако уже в 2019 г. наиболее заметным изменением в структуре активов ОПИФ стало увеличение в 1,5 раза доли вложений в акции. Такое движение объясняется более высокой доходностью вложений в акции по сравнению с корпоративными и государственными облигациями в 2019 г.¹¹ В связи с этим трендом 2019 г. стало увеличение доли СЧА фондов смешанных инвестиций и фондов акций.

В 2020 г. снова произошел разворот – трендом стало увеличение вложений в иностранные ценные бумаги с одновременным сокращением доли СЧА, вложенных в акции российских компаний и корпоративные облигации. Такая тенденция характеризует рост интереса инвесторов к фондам, ориентированным на вложения

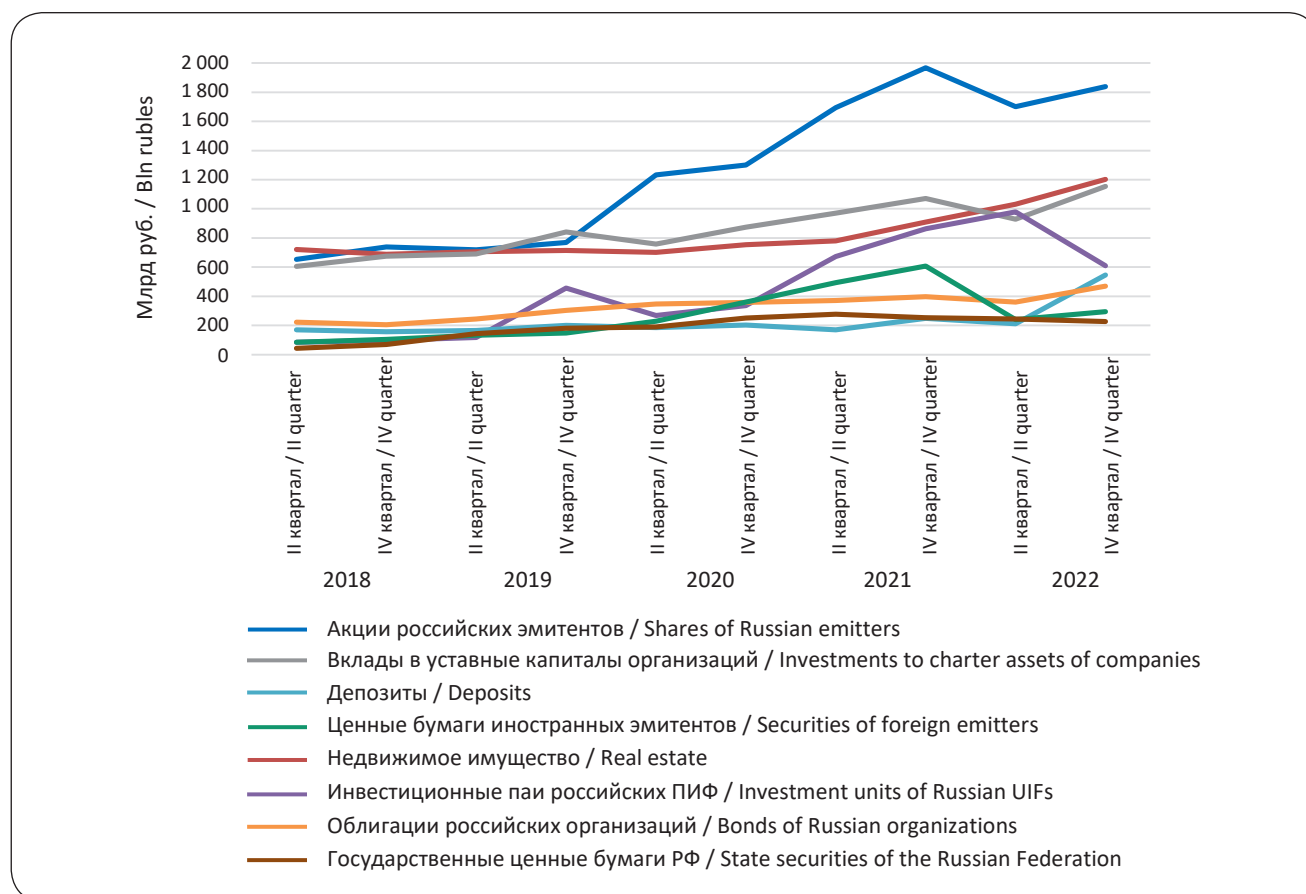

Рис. 8. Динамика СЧА фондов по видам активов в 2018–2022 гг.

Fig. 8. Dynamics of net asset value funds by types of assets in 2018–2022

¹¹ Центральный банк России. (2020). Обзор ключевых показателей паевых и акционерных инвестиционных фондов в IV квартале 2019 года. http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/27853/review_paif_19Q4.pdf

в иностранные ценные бумаги. Также тренд на сокращение вложений в облигации продолжился в 2021 г., поскольку доходность фондов облигаций была отрицательной, в то время как вложения в фонды акций ускорились, особенно в последнем квартале года, когда рынок снижался, что говорит о контрциклическом поведении части розничных инвесторов, т. е. покупке акций на этапе снижения в расчете на восстановление рынка¹².

В 2022 г. ситуация существенным образом изменилась. Влияние на чистый приток средств в розничные фонды в 2022 г. оказывала приостановка операций с паями. В результате действий недружественных стран и их резидентов оценка справедливой стоимости части иностранных ценных бумаг, входящих в состав активов российских ПИФов, была невозможна. Часть ПИФов, в составе которых есть иностранные инструменты, приостановили расчет СЧА, а также выдачу, обмен и погашение паев. В результате инвестор в условиях волатильного рынка снова обратил внимание на фонды облигаций и фонды денежного рынка – единственные из всех фондов показавшие положительную доходность (табл. 4).

Таблица 4

Доходность открытых ПИФ в 2022 г., %
Table 4. Profitability of open UIFs in 2022, %

Специализация / Specialization	I квартал (до 25 февраля) / I quarter (till February 25)			II квартал / II quarter			III квартал / III quarter			IV квартал / IV quarter		
	Мин. / Min	Макс. / Max	Медиана / Median	Мин. / Min	Макс. / Max	Медиана / Median	Мин. / Min	Макс. / Max	Медиана / Median	Мин. / Min	Макс. / Max	Медиана / Median
Акции / Shares	-48,0	31,2	-24,9	-54,6	-10,9	-38,3	-59,9	-8,9	-45,8	-50,5	20,8	-35,4
Облигации / Bonds	-18,2	13,7	-6,9	-34,8	8,2	2,1	-40,0	9,8	1,4	-24,7	17,7	6,1
Смешанный / Mixed	-33,8	15,7	-21,3	-55,6	0,2	-23,8	-43,2	5,4	-27,8	-38,7	-0,7	-19,4
Денежный / Monetary	-0,1	15,5	1,1	5,1	5,6	5,3	6,5	7,6	7,1	9,1	14,9	9,5

Данные табл. 4 свидетельствуют о том, что в самом глубоком минусе оказались фонды, специализирующиеся на вложениях в акции. На фоне бурного роста таких фондов в предыдущие годы 2022 г. оказался для них одним из самых провальных за всю историю наблюдений. Медианное значение падения стоимости паев за весь год было не менее 24 %. Также существенно упала доходность смешанных фондов, медианные значения в которых также составляли около -20 %. Меньше всего пострадали фонды, ориентированные на инструменты денежного рынка, где практически не было фондов с минусовыми значениями доходности (рис. 9).

Таким образом, в условиях волатильного рынка размещение средств в фонды акций оказалось наиболее нецелесообразным, что и привело к существенному оттоку средств из таких фондов. При этом, как отмечает Е. А. Колганова, просадка фондов, паи которых предназначены для квалифицированных инвесторов, в рассматриваемый период была значительно ниже, чем ПИФов, паи которых доступны неквалифицированным инвесторам (в пределах 1,9–2,6 %, в то время как фонды для неквалифицированных инвесторов просели в среднем на 16,4 %) (Колганова, 2022, с. 74). Причин для этого две. Во-первых, данные фонды, как правило, имеют более высокую капитализацию. Во-вторых, в отношении таких фондов Центробанком были приняты меры поддержки, предполагающие снижение регуляторной нагрузки в части фиксации СЧА¹³, что позволило управляющим компаниям снизить влияние на показатель доходности фондов для квалифицированных инвесторов.

В целом данные доходности ПИФов демонстрируют низкое качество управления средствами паевых инвестиционных фондов. Так, в 2021 г. при среднем уровне рентабельности активов управляющих компаний в 16,6 % (медианное значение)¹⁴, доходность открытых ПИФов составила всего 7 %¹⁵. Данные демонстрируют,

¹² Центральный банк России. (2022). Обзор ключевых показателей паевых и акционерных инвестиционных фондов в IV квартале 2021 года. http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/39840/review_pif_aif_21Q4.pdf

¹³ О мерах по снижению регуляторной и надзорной нагрузки на поднадзорные организации в 2022 году: Информационное письмо Банка России от 28 марта 2022 г. № ИН-018-38/40. (2022). Вестник Банка России, 20.

¹⁴ Анализ деятельности управляющих компаний в 2021 году. НАУФОР. <https://naufor.ru/tree.asp?n=4333>

¹⁵ Центральный банк России. (2022). Обзор ключевых показателей паевых и акционерных инвестиционных фондов в IV квартале 2021 года. http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/39840/review_pif_aif_21Q4.pdf

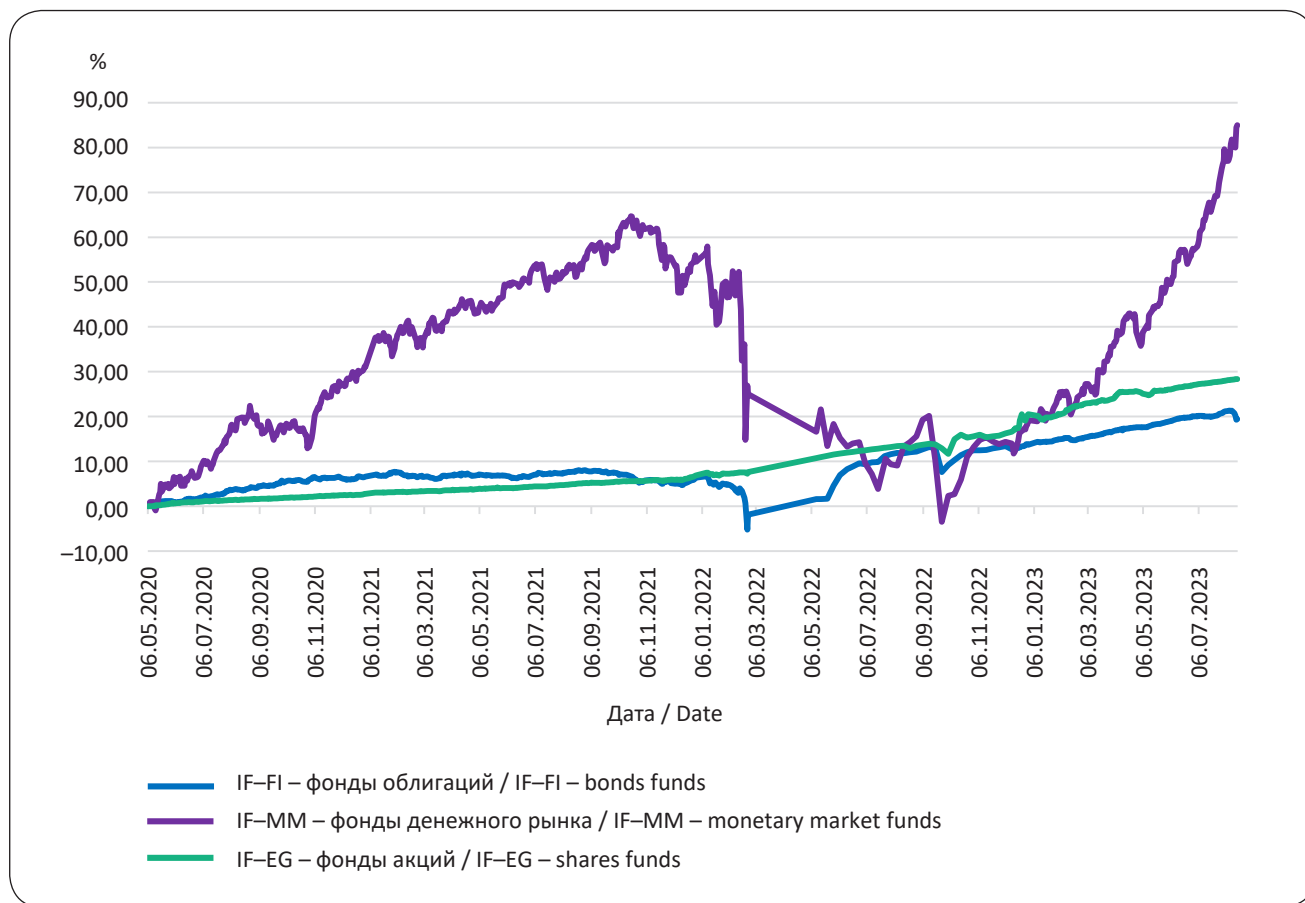

Рис. 9. Индексы доходности паевых инвестиционных фондов в 2020–2023 гг.

Источник: Индексы доходности ПИФ. Investfunds. <https://investfunds.ru/indicators/russian-mutual-funds/>

Fig. 9. Indices of UIF profitability in 2020–2023

Source: UIF profitability indices. Investfunds. <https://investfunds.ru/indicators/russian-mutual-funds/>

что на промежутке последних трех лет доходность ПИФов акций составила 39 %, фондов облигаций – 17 %, а фондов денежного рынка – 24 %. В среднегодовом исчислении, таким образом, только фонды акций показали доходность выше инфляции, притом что только эти фонды показали самый глубокий уровень просадки в 2022 г.

Как замечает специалист департамента стратегических исследований *Total Research* Н. Вавилов, «де-факто ПИФы никогда не приносили доход выше инфляции, поскольку это было бы невыгодно менеджерам по продажам и управляющим этих фондов. Их структура и сделки никогда не были прозрачными, а доходность зачастую «выдумывалась». Если считать доходность по портфелю, составленному аналогично ПИФу, то она часто в три-четыре раза превышала доходность непосредственно самого фонда»¹⁶. В целом можно констатировать зачастую низкий уровень квалификации управляющих и слабую заинтересованность, поскольку в случае управления средствами ПИФов отсутствует вознаграждение за успех.

Многие эксперты сходятся во мнении, что низкий уровень качества управления многими фондами является одной из существенных причин падения доходности ПИФов в 2022 г. Кроме того, повлияла также ограниченность инструментов для инвестиций, который приводит к слабой диверсификации портфелей многих фондов и, как следствие, высокий уровень риска потери капитала. Российский рынок ценных бумаг не предлагает такого широкого разнообразия, как иностранные площадки. Как отмечает президент НАУФОР

¹⁶ Петрова, Н. (2022, 27 апреля). Продать нельзя купить: что теперь делать владельцам паев. News. <https://news-ru.turbopages.org/news.ru/s/dengi/prodat-nelzya-kupit-cto-teper-delat-vladelcam-payov/>

Алексей Тимофеев, «чтобы выбирать финансовые инструменты, формировать долгосрочные стратегии и диверсифицировать портфели, нужен доступ к тысяче акций и тысяче облигаций из разных отраслей и в разных валютах. Набор отечественных финансовых инструментов, особенно акций, гораздо скромнее. Российские розничные инвесторы вкладывались в отечественные бумаги благодаря доступу к иностранным и возможности диверсифицировать портфели. Сегодня речь идет о сохранении разнообразия финансового инструментария как условия эффективной работы финансового рынка, а значит, о разблокировке иностранных ценных бумаг в НРД, а также о доступе к ценным бумагам других регионов мира»¹⁷.

Кроме того, незначительный набор активов для инвестиций, а также преобладание фондов с пассивным управлением сопровождается достаточно высокой концентрацией отрасли, поскольку на долю 100 фондов приходится 90 % всех пайщиков – физических лиц (табл. 5).

Таблица 5

Концентрация отрасли ПИФ в России в 2018–2022 гг., %
Table 5. Concentration of UIF sector in Russia in 2018–2022, %

Концентрация в отрасли / Sector concentration	Год / Year				
	2018	2019	2020	2021	2022
Количество ПИФов, составляющих 80 % активов, ед. / Number of UIFs constituting 80% of assets, units	189	175	223	230	259
Доля ПИФов, составляющих 80 % активов / Share of UIFs constituting 80% of assets	13,1	11,4	13,7	11,7	12,0
Топ-20 ПИФов по СЧА / Top 20 UIFs by net asset value	38,5	41,8	33,0	34,0	32,7
Топ-20 ПИФов по количеству участников – физических лиц / Top 20 UIFs by the number of participants – physical persons	84,5	79,9	68,4	65,2	65,1
Топ-20 ПИФ по СЧА / Top 100 UIFs by net asset value	68,3	70,4	64,6	64,0	61,1
Топ-20 ПИФ по количеству участников – физических лиц / Top 100 UIFs by the number of participants – physical persons	97,6	97,3	96,3	94,1	93,4

Данные табл. 5 свидетельствуют о достаточно высокой концентрации рынка. На долю ПИФов, в которых сконцентрировано 80 % всех активов, приходится всего 12 %, при этом эта доля постепенно сокращается, что свидетельствует о поглощении рынка крупными игроками. При этом 30 % всей стоимости чистых активов фондов сосредоточено в руках всего 20 ПИФов, хотя и с нисходящим трендом. Также можно отметить снижение доли топ-20 в общем числе пайщиков – физических лиц. Концентрация рынка снизилась с 84 до 65 %. Возможно, такое сокращение связано с выходом на рынок большого количества новых фондов, обеспечивающих некоторое рассеивание капитала.

Одной из ключевых проблем работы ПИФов в условиях 2022 г. стала заморозка иностранных активов. В том числе были заблокированы 159 паевых инвестиционных фондов с замороженными иностранными активами, что составляет 29 % от общего количества ПИФов. На 31 мая 2022 г., по данным Центрального банка Российской Федерации (далее – ЦБ РФ), в ПИФах содержались активы 2,7 млн инвесторов на 379 млрд руб.¹⁸ При этом непонимание причин блокировки активов, как одно из проявлений низкого уровня финансовой грамотности, провоцирует рост жалоб розничных инвесторов на профучастников рынка ценных бумаг. Банк России в первом полугодии 2022 г. зафиксировал резкий всплеск жалоб – в первую очередь на брокеров (на них поступило 4 775 жалоб в апреле против 174 в феврале). Более половины таких обращений были связаны с переводом активов от подсанкционного брокера к другому профучастнику, а 19 % касались блокировок активов и получения выплат по иностранным ценным бумагам¹⁹.

¹⁷ Кизимов, В. (2022, 28 июля). Что делать с заблокированными активами и можно ли их продать?. *Открытый журнал*. <https://journal.open-broker.ru/investments/chto-delat-s-zablokirovannymi-aktivami/>

¹⁸ История и перспективы развития рынка замороженных ПИФ на рынке РФ. (2023, 23 марта). *Investfunds*. <https://investfunds.ru/news/162078/>

¹⁹ Банк России. (2022, 14 июля). Блокировка иностранных ценных бумаг: пути решения проблемы. <https://cbr.ru/press/event/?id=14013>

Несмотря на активный переговорный процесс, период рассмотрения заявлений на разблокировку активов в депозитариях *Euroclear* и *Clearstream* продлен до 24 июля 2023 г. Для тех ПИФов, управляющие компании которых не имели возможности оперативно восстановить работу фондов, регулятор с участниками рынка разрабатывает схему их разделения на две части – заблокированную предлагают выделить в амортизируемый закрытый паевой инвестфонд (ЗПИФ-А), а по остальной части активов разрешить УК проводить операции²⁰.

3. Направления совершенствования рынка ПИФов в условиях санкций

Таким образом, проведенный анализ рынка ПИФов свидетельствует о наличии системных проблем в развитии института коллективных инвестиций. Понимание сути проблем приводит нас к пониманию необходимости модернизации отрасли. В числе мероприятий, в целом направленных на повышение привлекательности рынка ПИФов, а также повышения доверия населения к таким инструментам, по нашему мнению, можно выделить:

1. Урегулирование ряда правовых вопросов, касающихся работы фонда. В частности, необходимо законодательно регламентировать вопросы, связанные с повышением прозрачности работы фондов, включая определение финансовых результатов, структуры портфеля, а также информирования пайщиков об изменениях в структуре портфеля. Кроме того, необходимо законодательно ограничить уровень риска портфеля ПИФа по аналогии с банковским регулированием путем определения предельных значений инвестиций в активы одного эмитента, а также активы одного класса риска.

2. Необходимо расширение условий для защиты интересов инвесторов путем создания системы факторинга по активам пайщиков. Такая система может предусматривать возможность выкупа управляющей компанией паев из замороженных ПИФов либо выкупа паев ЗПИФ с удержанием вознаграждения. Это позволит, с одной стороны, повысить ликвидность рынка, а с другой – сформировать более лояльное отношение со стороны инвесторов, у которых появляются возможности по продаже, пусть и с дисконтом, обездвиженных активов. Другим вариантом решения проблемы может стать формирование механизмов страхования инвестиций либо создание гарантийного фонда. Однако такие решения сопряжены с очевидным ростом комиссий управляющих компаний в качестве компенсации резервирования средств для исполнения обязательств. По аналогии с системой страхования банковских вкладов, создание гарантийных фондов ПИФов может предусматривать возврат пайщику суммы вложенных средств в случаях, когда активы паевого фонда оказываются заблокированными, как в ситуации 2022 г.

3. Для повышения заинтересованности управляющих в результатах управления ПИФом необходимо предусмотреть возможность получения вознаграждения за успех, как это реализуется в доверительном управлении. Очевидно, что такая мера необходима в отношении, прежде всего, портфелей рыночных финансовых инструментов, таких как акции или фьючерсные контракты. Наиболее востребованной такая мера становится в отношении ПИФов, характеризующихся активным стилем управления. Кроме того, сами компании должны быть заинтересованы в повышении квалификации управляющих. Как правило, кадровая политика управляющих компаний сводится к перетягиванию специалистов из других компаний, в то время как своя система корпоративного образования не налажена. В связи с этим, по нашему мнению, необходима более активная работа компаний по постоянному профессиональному росту команды управляющих, с упором на применение современных методов прогнозирования и управления рисками, а также повышение эффективности работы специалистов в области финансового консультирования. Особенно актуально это для крупных игроков рынка, так называемых финансовых супермаркетов, когда функции консультанта на себя зачастую принимает рядовой сотрудник, мало что понимающий в продукте, который он продает. Сам Центральный банк в настоящее время прорабатывает вопрос повышения эффективности работы управляющих компаний с точки зрения развития системы фидуциарной ответственности инвестиционных советников, доверительных управляющих и управляющих компаний инвестиционных фондов²¹.

4. Программы финансовой грамотности, реализуемые в настоящее время в России, ориентированы, главным образом, на формирование знаний в области налогов, кредитов, финансового мошенничества. Однако

²⁰ ПИФы с иностранными активами вне запрета ЦБ. Смогут ли они заменить акции. (2022, 12 сент.). *Investfunds*. <https://investfunds.ru/news/86629/>

²¹ Банк России. (2021). Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов. https://cbr.ru/Content/Document/File/131935/onrfr_2021-12-24.pdf

Рис. 10. Темы финансовой грамотности, по которым россияне испытывают потребность в повышении уровня знаний и навыков в первую очередь

Источник: Актуальные темы финансовой грамотности среди взрослого населения России. Исследование Финансового университета при Правительстве РФ. http://www.fa.ru/org/dep/soc/unsl/Documents/03_Исследования/04_ФиЭП/Исследования%20лаборатории/2022%20Вопросы%20финансовой%20грамотности%20россиян.pdf

Fig. 10. Topics of financial literacy in which Russian citizens face the need to increase knowledge and skills at first instance

Source: Topical issues of financial literacy among the Russian adult population. Research of Financial University under the Russian Government. http://www.fa.ru/org/dep/soc/unsl/Documents/03_Исследования/04_ФиЭП/Исследования%20лаборатории/2022%20Вопросы%20финансовой%20грамотности%20россиян.pdf

вопросы, связанные с личным финансовым планированием, и прежде всего с формированием инвестиционной культуры, реализованы достаточно слабо. В то же время, по опросам населения, само население предъявляет спрос на знания именно в сфере сбережений и инвестиций (рис. 10).

Таким образом, еще одним направлением развития рынка ПФФов становится модернизация программ финансовой грамотности, реализуемых в России, за счет расширения перечня тем, связанных с инвестициями. В таком случае инвестор сможет сделать более осмысленный и стратегически более верный выбор. Однако, кроме расширения программ подготовки финансовой грамотности в части финансовых инвестиций, следует учитывать и тренды, связанные с цифровизацией финансовых услуг. Массовый приток инвесторов в рискованные активы происходит преимущественно через цифровые сервисы, что приводит к возникновению рисков цифрового неравенства и новых видов финансового мошенничества. Поэтому программы повышения финансовой грамотности должны быть трансформированы в программы, нацеленные на повышение также цифровой, киберграмотности.

Заключение

На основе проведенного исследования нами были сформулированы следующие выводы.

Паевые инвестиционные фонды, несомненно, представляют интерес в качестве варианта пассивных инвестиций. В то же время вложения в такие активы сопряжены с рядом рисков. Низкий уровень финансовой грамотности, а также недоверие населения к финансовым институтам, непонимание механизмов работы фондов приводят к их относительно медленному развитию на российском финансовом рынке. Можно выделить различные подходы к оценке эффективности управления средствами ПИФов, учитывающие как факторы активного или пассивного управления фондом, так и факторы обеспечения устойчивости и достижения целевых показателей фондов.

В последние годы рынок ПИФов активно развивался. Одним из ключевых драйверов развития стало появление на рынке биржевых ПИФов, а также ускоренная цифровизация финансовых услуг, которые спровоцировали массовый приток клиентов на этот рынок. В то же время 2022 г. внес существенные коррективы в развитие рынка, поскольку в условиях санкционных ограничений оказалась парализована работа многих фондов.

На основе анализа данных Центрального банка о развитии рынка ПИФов можно резюмировать наличие на рынке коллективных инвестиций следующих проблем:

1. Низкий уровень финансовой грамотности населения. Эта проблема, с одной стороны, объясняет недостаточный интерес инвесторов к рынку коллективных инвестиций, с другой – провоцирует продавцов соответствующих услуг к мисселингу. Кроме того, население по-прежнему сравнивает доходности двух инструментов, не принимая во внимание риски вложений в ПИФы.

2. Система формирования портфеля и сама отчетность фондов совершенно непрозрачны и малопонятны розничному инвестору. Нет единого подхода к оценке эффективности деятельности ПИФов, к выбору бенч-марка, отсутствует универсальный способ оценки отклонения результатов деятельности ПИФов от него.

3. Низкий уровень качества управления многими фондами, а также ограниченность инструментов для инвестиций, который приводит к слабой диверсификации портфелей многих фондов, и, как следствие, высокий уровень риска потери капитала.

4. Одной из ключевых проблем работы ПИФов в условиях 2022 г. стала заморозка иностранных активов. В том числе были заблокированы 159 паевых инвестиционных фондов с замороженными иностранными активами, что составляет 29 % от общего количества ПИФов.

На основе анализа выявленных проблем авторами были сформулированы предложения по развитию рынка ПИФов:

- законодательно регламентировать вопросы, связанные с повышением прозрачности работы фондов;
- расширить условия для защиты интересов инвесторов путем создания системы факторинга по активам пайщиков;
- предусмотреть возможность получения вознаграждения за успех в ПИФах, как это реализуется в доверительном управлении;
- модернизировать программы финансовой грамотности, реализуемые в России, за счет расширения перечня тем, связанных с инвестициями.

Список литературы

- Абрамов, А. Е., Радыгин, А. Д., Чернова, М. И. (2019). Эффективность управления портфелями паевых инвестиционных фондов акций и ее оценка. *Экономическая политика*, 4, 8–47.
- Абысов, Р. В. (2023). О современном состоянии рынка закрытых паевых инвестиционных фондов в РФ. *Человек. Социум. Общество*, 6, 209–213.
- Гасанова, С. Ш. (2021). Правовое обеспечение деятельности паевых инвестиционных фондов. *Экономика и бизнес: теория и практика*, 5-1(75), 106–109.
- Голуб, Ю. Б. (2022). Исследование динамики и прогнозирование стоимости чистых активов российских паевых инвестиционных фондов. *Проблемы национальной экономики в цифрах статистики: материалы VIII Международной научно-практической конференции*. В 2 т. Тамбов, 7 декабря 2021 г. (Т. 1, с. 259–267). Тамбов: ИД «Державинский».

Иноземцев, Э. В., Тарасов, Е. Б. (2018). Активность российских паевых фондов: плохо или хорошо для инвестора? *Вопросы экономики*, 3, 64–79. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-3-64-79>

Кандауров, Д. В. (2020). Методический инструментарий оценки эффективности международной диверсификации портфеля открытого паевого инвестиционного фонда. *Финансовая экономика*, 1, 271–278.

Катышевский, Ю. А., Матвеев, В. В., Смирнова, О. А. (2020). Инвестиционные инструменты компаний в условиях цифровизации экономики. *Национальная безопасность и стратегическое планирование*, 3(31), 95–110. <https://doi.org/10.37468/2307-1400-2020-3-95-110>

Кирюхина, Е. Р., Еркина, Т. Н. (2021). Актуальные проблемы инвестиционной деятельности и инвестиционных фондов в России. *Государственная служба и кадры*, 5, 145–147.

Киселева, Н. П. (2022). Статистический анализ деятельности паевых инвестиционных фондов. *Инновации и инвестиции*, 3, 80–85.

Кобзева, А. И. (2022). Особенности функционирования и применения паевых инвестиционных фондов на современном финансовом рынке России. В сб. *Развитие современной экономики: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей III Международной научно-практической конференции*. Пенза, 15 января 2022 г. (с. 47–50). Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.).

Колганова, Е. А. (2022). Российская индустрия коллективных инвестиций в условиях международных санкций: проблемы и перспективы. *Финансовые рынки и банки*, 9, 73–76.

Кузнецов, Н. В. (2022). Российский рынок биржевых паевых инвестиционных фондов: динамика ключевых показателей и основные тенденции в условиях санкций. *Финансовая экономика*, 7, 75–80.

Литвин, В. В. (2022). Развитие коллективного инвестирования в России: потенциал роста паевых инвестиционных фондов. *Экономика: вчера, сегодня, завтра*, 12(5-1), 536–553.

Ломовцева, Е. А. (2020). Деятельность управляющих компаний паевых инвестиционных фондов в РФ и зарубежных странах. *Вопросы российской юстиции*, 6, 151–163.

Малиева, Ф. Г., Приходько Д. А. (2021). Паевые инвестиционные фонды в России: особенности функционирования и проблемы. *В центре экономики*, 4, 22–28.

Оксюк, Т. Т. (2005). *Гражданско-правовое регулирование доверительного управления паевым инвестиционным фондом*: дис. ... канд. юрид. наук. Москва.

Олькова, А. Е. (2016). Качество управления паевыми инвестиционными фондами РФ: комплексная оценка. *Глобальные рынки и финансовый инжиниринг*, 3(1), 39–66. <https://doi.org/10.18334/grfi.3.1.37064>

Паршаков, П. А. (2015). Оценка навыков российских управляющих активами. *Прикладная эконометрика*, 1(37), 57–66.

Полтева, Т. В., Мингалев, Н. В. (2013). Анализ финансовых инструментов инвестирования: соотношение риска и доходности. *Карельский научный журнал*, 4(5), 33–36.

Семушин, А. В., Паршаков, П. А. (2012). Обзор основных обобщенных моделей оценки инвестиционных навыков управляющих. *Финансы и кредит*, 3(483), 19–27.

Сорокина, М. М., Дедюшко, Е. И. (2022). Ценность активного управления паевыми инвестиционными фондами: зарубежный и российский опыт. *ЦИТИСЭ*, 2(32), 354–366. <http://doi.org/10.15350/2409-7616.2022.2.31>

Фридман, А. И. (2017). Понятие инвестиционного фонда и инвестиционного юридического лица. *Право. Журнал Высшей школы экономики*, 2, 68–79. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2017.2.68.79>

Царева, П. А., Казанцев, Л. В. (2021). Контрпродуктивные направления инвестирования. *Global and Regional Research*, 3(1), 80–88.

Шарич, Э. Э., Яковлева, Д. Д., Толочко, И. А. (2019). Концептуальный подход к оценке эффективности деятельности паевых инвестиционных фондов. *УЭПС: управление, экономика, политика, социология*, 3, 65–71.

Шингареева, Д. М. (2019). Сравнительная характеристика ПИФ и ETF, перспективы развития фондов в России. *Контентус*, 4(81), 40–47.

Яковлев, П. А. (2021). Первичный и вторичный рынок паев инвестиционных фондов в России. *Вектор экономики*, 2(56), 36.

Chevalier, J., & Ellison, G. (1997). Risk Taking by Mutual Funds as a Response to Incentives. *Journal of Political Economy*, 105, 1167–1199.

Cremers, K. J. M., Fulkerson, J. A., & Riley, T. B. (2019). Challenging the conventional wisdom on active management: A review of the past 20 years of academic literature on actively managed mutual funds. *Financial Analysts Journal*, 75(4), 8–35.

Grau-Carles, P., Doncel, L. M., & Sainz, J. (2019). Stability in mutual fund performance rankings. *A new proposal*, *International Review of Economics & Finance*, 61, 337–346.

Jiang, J., Liao, L., Wang, Z., & Xiang, H. (2020). Financial literacy and retail investors' financial welfare: Evidence from mutual fund investment outcomes in China. *Pacific-Basin Finance Journal*, 59.

Karibasappa, T. (2020). Performance analysis of selected mutual funds with special reference to Sharekhan Ltd. *Malaya Journal of Matematik*, 5(2), 4916–4920.

Kokin, A. S., Ramasanov, S. A., Ogorodova, M. V., Lavrenteva, L. V., Smirnova, Zh. V., & Orlova, A. (2019). The study of the market of mutual investment funds in the Russian Federation. *Astra Salvensis – revista de istorie si cultura*, 13, 525–541.

Otero-González, L., & Durán-Santomil, P. (2021). Is quantitative and qualitative information relevant for choosing mutual funds?. *Journal of Business Research*, 123, 476–488.

Popescu, I. S., Hitaj, C., & Benetto, E. (2021). Measuring the sustainability of investment funds: A critical review of methods and frameworks in sustainable finance. *Journal of Cleaner Production*, 314.

Rizvi, S. K. A. et al. (2020). Covid-19 and asset management in EU: A preliminary assessment of performance and investment styles. *Journal of Asset Management*, 21, 281–291.

Song, Y. (2020). The mismatch between mutual fund scale and skill. *The Journal of Finance*, 75(5), 2555–2589.

References

Abramov, A. E., Radygin, A. D., & Chernova, M. I. (2019). Efficiency in Portfolio Management of Equity Funds and Methods of Its Evaluation. *Ekonomicheskaya Politika*, 14(4), 8–47. (In Russ.).

Abysov, R. V. (2023). On the modern state of closed unit investment funds market on the Russian Federation. *Chelovek. Sotsium. Obshchestvo*, 6, 209–213.

Chevalier, J., & Ellison, G. (1997). Risk Taking by Mutual Funds as a Response to Incentives. *Journal of Political Economy*, 105, 1167–1199.

Cremers, K. J. M., Fulkerson, J. A., & Riley, T. B. (2019). Challenging the conventional wisdom on active management: A review of the past 20 years of academic literature on actively managed mutual funds. *Financial Analysts Journal*, 75(4), 8–35.

Fridman, A. I. (2017). Concepts of Investment Fund and Investment Legal Entity. *Pravo. Journal of the Higher School of Economics*, 2, 68–79. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2017.2.68.79>

Gasanova, S. Sh. (2021). Legal aspects of mutual funds performance. *Journal of Economy and Business*, 5-1(75), 106–109. (In Russ.).

Golub, Yu. B. (2022). Dynamics study and forecasting of net asset value of Russian mutual funds. *Problems of the national economy in statistics: works of the 8th International scientific-practical conference*. In 2 vol. Tambov, December 7, 2021 (Vol. 1, pp. 259–267). Tambov: ID “Derzhavinskii”. (In Russ.).

Grau-Carles, P., Doncel, L. M., & Sainz, J. (2019). Stability in mutual fund performance rankings. *A new proposal, International Review of Economics & Finance*, 61, 337–346.

Inozemtsev, E. V., & Tarassov, E. B. (2018). Actively managed Russian mutual funds: Good or bad for investors? *Voprosy Ekonomiki*, 3, 64–79. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-3-64-79>

Jiang, J., Liao, L., Wang, Z., & Xiang, H. (2020). Financial literacy and retail investors' financial welfare: Evidence from mutual fund investment outcomes in China. *Pacific-Basin Finance Journal*, 59.

Kandaurov, D. V. (2020). The methodic for assessing international diversification efficiency for an open-end mutual fund. *Financial Economy*, 1, 271–278. (In Russ.).

Karibasappa, T. (2020). Performance analysis of selected mutual funds with special reference to Sharekhan Ltd. *Malaya Journal of Matematik*, 5(2), 4916–4920.

Katyshevskiy, Y. A., Matveev, V. V., & Smirnova, O. A. (2020). Investment instruments of companies in the context of digitalization of the economy. *National Security and Strategic Planning*, 3(31), 95–110. (In Russ.). <https://doi.org/10.37468/2307-1400-2020-3-95-110>

Kiryukhina, E. R., & Yorkina, T. N. (2021). Actual problems of investment activities and investment funds in Russia. *State service and personnel*, 5, 145–147.

Kiseleva, N. P. (2022). Statistical analysis of the activity of mutual funds. *Innovations and Investments*, 3, 80–85. (In Russ.).

Kobzeva, A. I. (2022). Features of the functioning and application of mutual funds in the modern financial market of Russia. In *Development of the modern economy: topical issues of theory and practice: collection of works of the 3rd International scientific-practical conference*. Penza, January 15, 2022 (pp. 47–50). Penza: Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G. Yu.). (In Russ.).

Kokin, A. S., Ramasanov, S. A., Ogorodova, M. V., Lavrenteva, L. V., Smirnova, Zh. V., & Orlova, A. (2019). The study of the market of mutual investment funds in the Russian Federation. *Astra Salvensis – revista de istorie si cultura*, 13, 525–541.

Kolganova, E. A. (2022). Russian collective investment industry under international sanctions: problems and prospects. *Financial Markets and Banks*, 9, 73–76. (In Russ.).

Kuznetsov, N. V. (2022). Russian market of stock exchange unit investment funds: dynamics of the key indices and main trends under sanctions. *Financial Economy*, 7, 75–80. (In Russ.).

Litvin, V. V. (2022). The development of collective investment in Russia: the growth potential of mutual funds. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, 12(5A), 536–553. (In Russ.).

Lomovtceva, E. A. (2020). Management companies of mutual funds in the Russian Federation and foreign countries. *Voprosy Rossiiskoi Yustitsii*, 6, 151–163. (In Russ.).

Malieva, F. G., & Prikhodko, D. A. (2021). Mutual investment funds in Russia: peculiarities of functioning and problems. *In the Center of Economy*, 4, 22–28. (In Russ.).

- Oksyuk, T. T. (2005). *Civil-legal regulation of trust management of a unit investment fund*: thesis for a Candidate Degree in Jurisprudence. Moscow. (In Russ.).
- Olkova, A. E. (2016). The Quality of Management of Russian Open-end Funds: a Comprehensive Assessment. *Global Markets and Financial Engineering*, 3(1), 39–66. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/grfi.3.1.37064>
- Parshakov, P. A. (2015). Estimating the skills of the Russian assets managers. *Applied Econometrics*, 1(37), 57–66. (In Russ.).
- Otero-González, L., & Durán-Santomil, P. (2021). Is quantitative and qualitative information relevant for choosing mutual funds?. *Journal of Business Research*, 123, 476–488.
- Polteva, T. V., & Mingalev, N. V. (2013). Analysis of financial instruments of investment: risk and profitability ratio. *Karelian Scientific Journal*, 4(5), 33–36. (In Russ.).
- Popescu, I. S., Hitaj, C., & Benetto, E. (2021). Measuring the sustainability of investment funds: A critical review of methods and frameworks in sustainable finance. *Journal of Cleaner Production*, 314.
- Rizvi, S. K. A. et al. (2020). Covid-19 and asset management in EU: A preliminary assessment of performance and investment styles. *Journal of Asset Management*, 21, 281–291.
- Semushin, A. V., & Parshakov, P. A. (2012). Review of the main integrated models of estimating the investment skills of managers. *Finance and Credit*, 3(483), 19–27. (In Russ.).
- Shangareeva, D. M. (2019). Comparative characteristics between the UITs and ETF. Prospects of their development in Russia. *Kontentus*, 4(81), 40–47. (In Russ.).
- Sharich, E. E., Iakovleva, D. D., & Tolochko, I. A. Conceptual approach to evaluation of the action of the mutual fund. *YEPS: upravlenie, ekonomika, politika, sociologiya*, 3, 65–71. (In Russ.).
- Song, Y. (2020). The mismatch between mutual fund scale and skill. *The Journal of Finance*, 75(5), 2555–2589.
- Sorokina, M., & Dedyushko, E. (2022). The value of active management of mutual funds: foreign and Russian experience. *CITISE*, 2(32), 354–366. (In Russ.). <https://doi.org/10.15350/2409-7616.2022.2.31>
- Tsareva, P. A., & Kazantsev, L. V. (2021). Counterproductive areas on investment. *Global and Regional Research*, 3(1), 80–88. (In Russ.).
- Yakovlev, P. A. (2021). Primary and secondary market of units of investment funds in Russia. *Vector of Economy*, 2(56), 36. (In Russ.).

Вклад авторов

- Г. Т. Гафурова: разработка концепции и структуры исследования, формирование эмпирической базы исследования, корректировка рукописи, разработка рекомендаций.
- Г. Н. Нотфуллина: определение методов исследования, интерпретация результатов исследования.
- Э. Р. Ковалева: проведение обзора теоретических исследований, формулирование целей и задач, выводов по результатам исследования.

The author's contributions

- G. T. Gafurova: elaborated the research concept and structure, formed the empirical base of the research, corrected the manuscript, elaborated recommendations.
- G. N. Notfullina: determined the research methods, interpreted the research results.
- E. R. Kovaleva: performed a review of theoretical research, formulated the research objectives, tasks, and conclusions.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 12.06.2023
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 13.07.2023
Дата принятия в печать / Accepted 10.08.2023

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.515-531>

УДК 330.1:334:338.2:339(470+571)

JEL: D62, F51, R1, M2

Е. А. Королева¹¹ Центральнóй экономико-математический институт Российской академии наук, г. Москва, Россия

Экстерналии политики санкционного давления и ее последствия для развития российского малого и среднего бизнеса

Королева Екатерина Алексеевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории микроэкономического анализа и моделирования, ЦЭМИ РАН
E-mail: katerina8686@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4423-9027>
Scopus Author ID: 57205202433
eLIBRARY ID: SPIN-код: 7051-5112, AuthorID: 637314

Аннотация

Цель: анализ влияния экстерналий политики санкционного давления на малые и средние предприятия и разработка конкретных предложений, позволяющих им адаптироваться к условиям неопределенности.

Методы: общенаучные методы системного, структурного и сравнительного анализа, а также конкретно-научные методы (статистический и графический анализ, экспертные оценки).

Результаты: проведен анализ экстерналий политики санкционного давления, значимо повлиявших на деятельность российских малых и средних предприятий. В числе ключевых факторов изучены разрыв логистических цепочек, сокращение клиентской базы, ограничения денежных транзакций, блокировка цифровых платформ и др. Обозначена особая роль данного сектора в устранении диспропорций экономики страны в условиях сложной геополитической обстановки и экономической нестабильности. Предложено исследовать способы адаптации малого бизнеса к новым экономическим условиям с учетом системной классификации предприятий сектора МСП. Сформулированы прогнозные тенденции в развитии малых и средних фирм на ближайшую перспективу. На основе проведенного анализа экстерналий автором предложены меры по повышению адаптивности предприятий изучаемого сегмента экономики, которые могут быть использованы как представителями бизнес-сообщества, так и правительственными структурами.

Научная новизна: предложено деление фирм на три категории («дети», «генетические карлики», «трансформеры») и три подгруппы («путешественники», «реорганизаторы», «имаго»); определены их ключевые функции и выявлены способы адаптации, характерные для каждой категории предприятий, что позволило разработать рекомендации по повышению адаптивности малых и средних предприятий с учетом их особенностей.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в учебном процессе образовательных учреждений; в научной деятельности для развития академических компетенций по вопросам функционирования малых и средних предприятий; в работе организаций, составляющих инфраструктуру развития и поддержки МСП; а также вносят вклад в изучение способов и стратегий адаптации предпринимательства в условиях экзогенных шоков.

Ключевые слова

Региональная и отраслевая экономика, малый и средний бизнес, санкции, санкционное давление, экстерналии, новая экономическая реальность, геополитические риски, способы адаптации

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Королева, Е. А. (2023). Экстерналии политики санкционного давления и ее последствия для развития российского малого и среднего бизнеса. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(3), 515–531. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.515-531>

Scientific article

E. A. Koroleva¹

¹ Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Externalities of the sanction pressure policy and its consequences for the Russian small and medium business development

Ekaterina A. Koroleva, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher of the Laboratory of Microeconomic Analysis and Modeling, Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences

E-mail: katerina8686@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4423-9027>

Scopus Author ID: 57205202433

eLIBRARY ID: SPIN-код: 7051-5112, AuthorID: 637314

Abstract

Objective: to analyze the impact of the externalities of the sanctions pressure policy on small and medium-sized enterprises and to develop specific proposals that allow them to adapt to the conditions of uncertainty.

Methods: general scientific methods of systemic, structural and comparative analysis, as well as specific scientific methods (static and graphical analysis, expert assessments).

Results: the analysis was carried out of the externalities of the sanctions pressure policy, which significantly affected the activities of the Russian small and medium-sized enterprises. Among the key factors studied are the disruption of logistics chains, reduction of the customer base, restrictions on monetary transactions, blocking of digital platforms, etc. The special role of this sector in eliminating the imbalances of the country's economy in a difficult geopolitical situation and economic instability is outlined. It is proposed to investigate ways of adapting small businesses to new economic conditions, taking into account the systematic classification of enterprises in the SME sector. The forecast trends in the development of small and medium-sized firms for the near future are formulated. Based on the analysis of externalities, the author suggests measures to increase the adaptability of enterprises in the studied segment of the economy, which can be used by both representatives of the business community and government agencies.

Scientific novelty: the division of firms into three categories ("kids", "genetic dwarfs", "transformers") and three subgroups ("travelers", "reorganizers", "imago") is proposed; their key functions and ways of adaptation characteristic of each category of enterprises are identified, which made it possible to develop recommendations on improving the adaptability of small and medium-sized enterprises, taking into account their characteristics.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in the educational process of educational institutions; in scientific activities for the development of academic competencies on the functioning of small and medium-sized enterprises; in the work of organizations that make up the infrastructure for the development and support of SMEs; they also contribute to the study of ways and strategies for the entrepreneurship adaptation under exogenous shocks.

Keywords

Regional and sectoral economy, small and medium-sized business, sanctions, sanctions pressure, externalities, new economic reality, geopolitical risks, ways of adaptation

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Koroleva, E. A. (2023). Externalities of the sanction pressure policy and its consequences for the Russian small and medium business development. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(3), 515–531. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.515-531>

Введение

Малые и средние предприятия (далее – МСП)¹ играют важную роль в развитии экономики страны. Существует взаимосвязь между уровнями развития рыночной экономики и малого бизнеса: в странах с наиболее развитой экономикой отмечается более благополучное функционирование МСП, и наоборот. Так, во Франции, Италии, Германии, Китае, Японии вклад малых и средних предприятий превышает 50–60 % ВВП (Королева, Абдюкова, 2023). Доля малого и среднего бизнеса в ВВП России на протяжении последних лет колеблется на уровне 20 % и, несмотря на соответствующие нормативно-правовые документы², сектор малого и среднего предпринимательства находится в стагнирующем состоянии на протяжении последних десятилетий.

Пандемия 2020–2021 гг. негативно повлияла на 70 % малых и средних фирм, около 56 % предприятий и вовсе приостановили свою деятельность. Меры поддержки государства охватили в тот период всего лишь треть компаний (Яковенко, 2022). Это обусловило появление в последние годы большого числа работ, в которых исследуется влияние пандемии на деятельность сектора МСП (Солодова, 2020; Земцов, Царева, 2020, Специальный доклад Президенту РФ..., 2021; Чепуренко, 2021; Исламутдинов, 2022).

Едва оправившись от последствий карантинной политики, российский малый бизнес столкнулся с новыми испытаниями. В феврале 2022 г. началась специальная военная операция на Украине (далее – СВО), за которой последовали санкционные ограничения со стороны стран западного мира (*cancelling* со стороны западного мира, что в переводе с англ. означает «культура отмены») и массовый отъезд российских граждан за рубеж, а затем объявление о частичной мобилизации в сентябре этого же года и вторая волна эмиграции россиян. Все эти события, став очередными потрясениями для российского бизнес-сообщества, повлекли за собой резкий рост валютных курсов и волатильность рынков, падение спроса и разрыв логистических цепочек, уменьшение доходов населения и изменение покупательского спроса, ограничения технологического импорта и ограниченность финансовых ресурсов и т. п. Таким образом, всеобщая карантинно-изоляционная политика и специальная военная операция поставили малый бизнес перед необходимостью решения новых задач, связанных с адаптацией к подобным шоковым условиям, а ученые и исследователи, в свою очередь, обратили пристальное внимание на такие важные аспекты, как влияние последствий экономических шоков на бизнес (Солодова, 2020; Исламутдинов, 2022; Лобанов и др., 2020); выявление отраслей экономики, обладающих наименьшей устойчивостью в условиях неопределенности внешней среды (Годлевская и др., 2020; Агеева, 2020; Егорова, Королева, 2020); анализ способностей малого бизнеса к адаптации (Лобанов и др., 2020; Кулькова, 2020; Пивовар, Пирогова, 2020; Смородинская, Катуков, 2022); обоснование необходимости государственных мер поддержки (Пивовар, Пирогова, 2020; Исламутдинов, 2022; Королева, 2022) или же, напротив, излишняя «забота» государства о предпринимательстве (что отмечено в работах отечественных (Леснова, 2020) и зарубежных (Рейнхарт и др., 2014) авторов).

¹ В качестве синонимов понятия «малые и средние предприятия» в данной работе будут использоваться такие словосочетания, как «малый бизнес», «малый и средний бизнес» «малые и средние фирмы», «малые и средние компании», «малое и среднее предпринимательство».

² Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации до 2030 г. (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 июня 2016 г. №1083-р). <https://docs.cntd.ru/document/420359173>; Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/; Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», утв. 24 декабря 2018 г. https://www.economy.gov.ru/material/file/7bb70b5d19ea26a9729839377e6ac38e/Passport_NP_MSP.pdf (дата обращения: 19.05.2020); Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 17.05.2023).

Значимость сектора МСП в развитии экономики страны и сохраняющаяся неопределенность геополитической обстановки в стране обосновывают актуальность выбранной темы исследования и ставят целью работы проведение анализа влияния экстерналий политики санкционного давления на малые и средние предприятия и разработку конкретных предложений, позволяющих им адаптироваться к условиям неопределенности. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи: определить последствия экстерналий санкционной политики Запада; изучить доступные для сектора МСП адаптационные инструменты с учетом системного подхода к анализу данного сегмента экономики; представить прогноз тенденций развития малого бизнеса; предложить меры повышения адаптивности предприятий в условиях новой экономической реальности.

Результаты исследования

Экстерналии политики санкционного давления

По данным Фонда общественного мнения (далее – ФОМ), западная санкционная политика значимо повлияла на деятельность 73 % российских предприятий (Родионова, 2022), поэтому представляется важным более подробно исследовать последствия санкционных ограничений, которые, по мнению автора, отразились на функционировании отечественного бизнеса.

1. Разрыв логистических цепочек. Ослабление позиций российского рубля, проблемы с расчетами и уход иностранных компаний с отечественного рынка затронули около 40 % российских компаний, так как произошел разрыв ранее выстроенных логистических цепочек (Шувалова, 2022). Это привело к росту закупочных цен и транспортных расходов, увеличению стоимости сопутствующих логистических и страховых услуг. Предпринимателям пришлось искать новых поставщиков и покупателей и заново организовывать процессы закупки, продажи, доставки, оплаты, а также оптимизировать имеющиеся цепочки поставок и т. п.

2. Сокращение клиентской базы. По данным опроса, 60 % предпринимателей отметили, что с введением санкционных мер произошло сокращение числа клиентов и заказов (что, соответственно, привело к снижению выручки предприятий). Особенно это коснулось компаний, которые осуществляют экспортно-импортные операции (около трети предпринимателей зависят от импорта более чем на 50 % (Акулов, 2022)). Сложившиеся обстоятельства заставили компании не только искать новых клиентов и поставщиков и исследовать потенциальные рынки сбыта, но и оптимизировать издержки и даже снизить объемы деятельности, урезать заработные платы и сокращать численность персонала. Почти 50 % опрошенных отметили, что им пришлось повышать цены на реализуемые товары/услуги, 33 % – искать новых заказчиков, а 19 % – снизить объемы своей деятельности (Карлова и др., 2023).

3. Проблемы с расчетами. Ограничительная политика в отношении России со стороны коллективного Запада обернулась санкциями и для крупнейших банков, что привело к следующим негативным явлениям в банковской сфере: резким колебаниям курсов валют, ограничениям по валютным операциям, отключению российских банков от международной системы передачи финансовых сообщений *SWIFT*, нарушившим привычный режим расчетов между контрагентами (подробнее см. (Королева, Абдюкова, 2022)). За этим санкционным ограничением последовала ответная мера Банка России (далее – БР, регулятор) – с 1 октября 2023 г. вводится запрет на проведение кредитными организациями расчетов через *SWIFT* на территории РФ. Банки обязали применять только отечественную инфраструктуру и сервисы с привлечением Системы передачи финансовых сообщений (далее – СПФС), а малые предприятия были вынуждены регистрировать юридические лица и открывать счета в других странах (Чернышева, 2023).

На введение санкций остро отреагировала и ключевая ставка БР, которая выросла в феврале 2022 г. с 9,5 до 20 % (рис. 1).

В дальнейшем этот индикатор денежно-кредитной политики снизился до 7,5 % к сентябрю 2022 г. Однако банки продолжают находиться в обстановке неопределенности, ожидая от регулятора повышения ключевой ставки в случае возрастания инфляционных рисков в экономике. Очевидно, что следом за этими изменениями вырастет и стоимость кредитных средств для домохозяйств и населения.

4. Трансформация IT-инфраструктуры. После начала специальной военной операции в феврале 2022 г. более 350 крупных компаний приняли решение уйти с российского рынка, забирая с собой различные ресурсы: программное оборудование и технологии, финансы и рабочие места, лицензии и сервисное

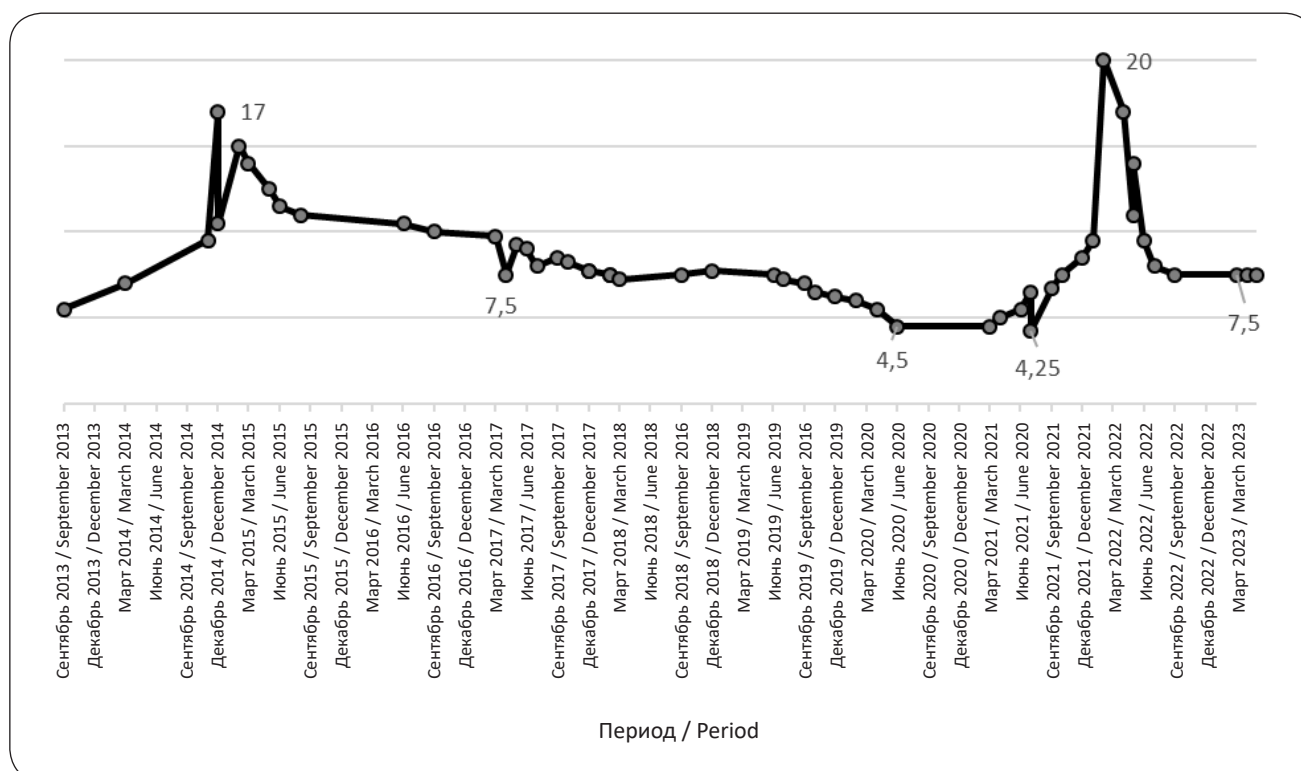

Рис. 1. Динамика изменения ключевой ставки Банка России в 2013–2023 гг., в %

Источник: построено автором по данным Банка России. Ключевая ставка Банка России. https://www.cbr.ru/hd_base/KeyRate/

Fig. 1. Dynamics of changes in the benchmark interest rate of the Bank of Russia in 2013–2023, %

Source: built by the author by the data of the Bank of Russia. https://www.cbr.ru/hd_base/KeyRate/

обслуживание и т. п. Особенно ощутимым для российского бизнеса оказался уход производителей программного обеспечения (далее – ПО) и телекоммуникационного оборудования (*Cisco, IBM, Nokia и Ericsson* и др.), так как зависимость отечественных предприятий от иностранного ПО и оборудования значительная. Так, по данным аналитического исследования, около 65 % опрошенных российских предприятий активно использовали зарубежные ИТ-продукты, 56 % компаний потеряли доступ к технической поддержке и только лишь 20 % предприятий не ощутили никаких последствий (Краснова, 2022). Вместе с тем спрос на российские ИТ-решения вырос на 300 % вместе со стоимостью отечественного ПО, которая увеличилась на 10–20 %. К наиболее зависимым от зарубежного ПО отраслям относятся химическая и нефтегазовая отрасли, а также банковская сфера (Королева, Абдюкова, 2023).

5. Блокировка цифровых платформ. В середине марта 2022 г. американская компания *Meta*³ была признана экстремистской на территории России, что привело к блокировке принадлежащих ей социальных сетей, которые ранее являлись источником доходов микро- и малого бизнеса. В частности, *Instagram* и *Facebook* были основными площадками для реализации товаров и услуг в различных отраслях. В наибольшей степени от блокировки социальных сетей пострадали продавцы одежды и аксессуаров, косметики и парфюмерии, рекламные агентства и мастера индустрии красоты, кондитеры и др. В среднем российские компании тратили около 80 % своего маркетингового бюджета на таргетированную рекламу и на продвижение брендов в *Instagram* и *Facebook*, всего лишь по 10 % приходилось на российские аналоги (*VK* и «Одноклассники») (Акулов, 2022). Фитнес-индустрия также ощутила на себе негативное влияние ухода популярной площадки

³ Организация признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации. Ей принадлежат *Instagram* и *Facebook*.

продвижения своих услуг: в марте 2022 г. количество посетителей снизилось на 35 % по сравнению с декабрем 2021 г. Воздействие блокировки зарубежных социальных сетей неблагоприятным образом отразилось и на работе рекламных и маркетинговых агентств, так как это направление деятельности было для них основным.

6. Ограничение авиасообщения. За последние несколько лет предприятия из сферы туризма столкнулись с наибольшими сложностями: карантинно-изоляционная политика 2020 г. погубила каждое пятое туристическое агентство, а доходы тех, кто выжил, значительно сократились. Переориентация на внутренний туризм позволила компаниям из этого сегмента хотя бы немного восстановить свою деятельность. События февраля 2022 г. снова нанесли сокрушительный удар по туризму: «закрытие неба», проблемы с иностранными самолетами, отключение от международных систем бронирования поездок. Как следствие, цены на туристические путевки выросли, что в свою очередь лимитировало возможности путешествовать для значительной части российского населения.

7. Колебания деловой активности предпринимателей. Прогнозы экономистов и аналитических агентств о темпах развития российской экономики после введения санкционных мер поначалу были весьма пессимистичными. В реальности малый и средний бизнес, согласно данным опросов и исследований, справляется с эффектами от установленных ограничений лучше, чем ожидалось. Результаты проведенных опросов отражают оптимистичный настрой большинства предпринимателей. Так, около 65 % опрошенных полагают, что санкции не приведут к краху российской экономики, а наоборот, станут стимулом к дальнейшему развитию бизнеса в России (Яковенко, 2022). Вместе с тем 64 % компаний полагают, что импортозамещение реализуется с достаточно низкой эффективностью. Основными факторами, препятствующими импортозамещению, являются геополитическая и экономическая неопределенность в стране, дефицит опытных кадров и недостаточная государственная поддержка тех отраслей, которые вовлечены в этот процесс⁴.

Часто используемым измерителем, отражающим состояние бизнес-среды, является индекс деловой активности. Например, индексы *RSBI (Russian Small Business Index)*, рассчитываемые Промсвязьбанком и общероссийской общественной организацией малого и среднего предпринимательства «Опора России», чутко отреагировали на начало СВО, упав с 53,6 в феврале до 47,7 в марте 2022 г., и приблизились к показателям деловой активности в период пандемии (рис. 2).

В 2022 г. рост исследуемого индикатора начался с мая и продолжился до августа, затем он резко снизился в сентябре-октябре до весенних значений в связи с объявлением о частичной мобилизации граждан. По итогам апреля 2023 г. индекс составил 54,1 пункта, что свидетельствует о росте деловой активности среди МСП и, вероятно, отражает достаточно оптимистичные настроения в предпринимательской среде.

Подведем итог. Политика санкционного давления, несомненно, оказала влияние на сектор МСП. Представленные в данном разделе аналитико-статистические данные позволяют охарактеризовать состояние малых и средних предприятий и те изменения, которые произошли с ними после событий февраля 2022 г. Малый бизнес, оказавшись в сложившихся внешних обстоятельствах, выбрал для себя следующие три направления адаптации к санкционному режиму (на основе работы Смородинской и Катукова (2022)): политика контрсанкций (ответное ужесточение: переход предпринимателя из сектора МСП в статус наемного сотрудника); политика обхода санкций (в том числе выстраивание теневых схем: «параллельный импорт», перевод сотрудников предприятий в статус самозанятых); политика компенсации санкций (минимизация внешних эффектов: поиск новой рыночной ниши, государственная поддержка, в том числе государственно-частное партнерство, релокация/редомициляция, импортозамещение, переоборудование производства). В следующем разделе автором будут подробно рассмотрены вышеперечисленные способы адаптации, для того чтобы, как отмечает Исламутдинов (2022), «раскрыть секрет такой способности» российского малого бизнеса.

Способы адаптации предприятий малого и среднего бизнеса

Введенные санкционные ограничения экспорта, импорта и финансовых заимствований неизбежно возвращают государство и крупный бизнес к осознанию того, что схемы ведения экономической деятельности, успешно работавшие ранее, нуждаются в переориентации для достижения технологического и экономического суверенитета страны. Немалую помощь в решении этой глобальной и непростой задачи могут оказать малые и средние предприятия, так как они являются достаточно гибкими и мобильными экономическими агентами,

⁴ Индекс *Russia Small Business Index*. <https://www.psbank.ru/Business/RSBI>

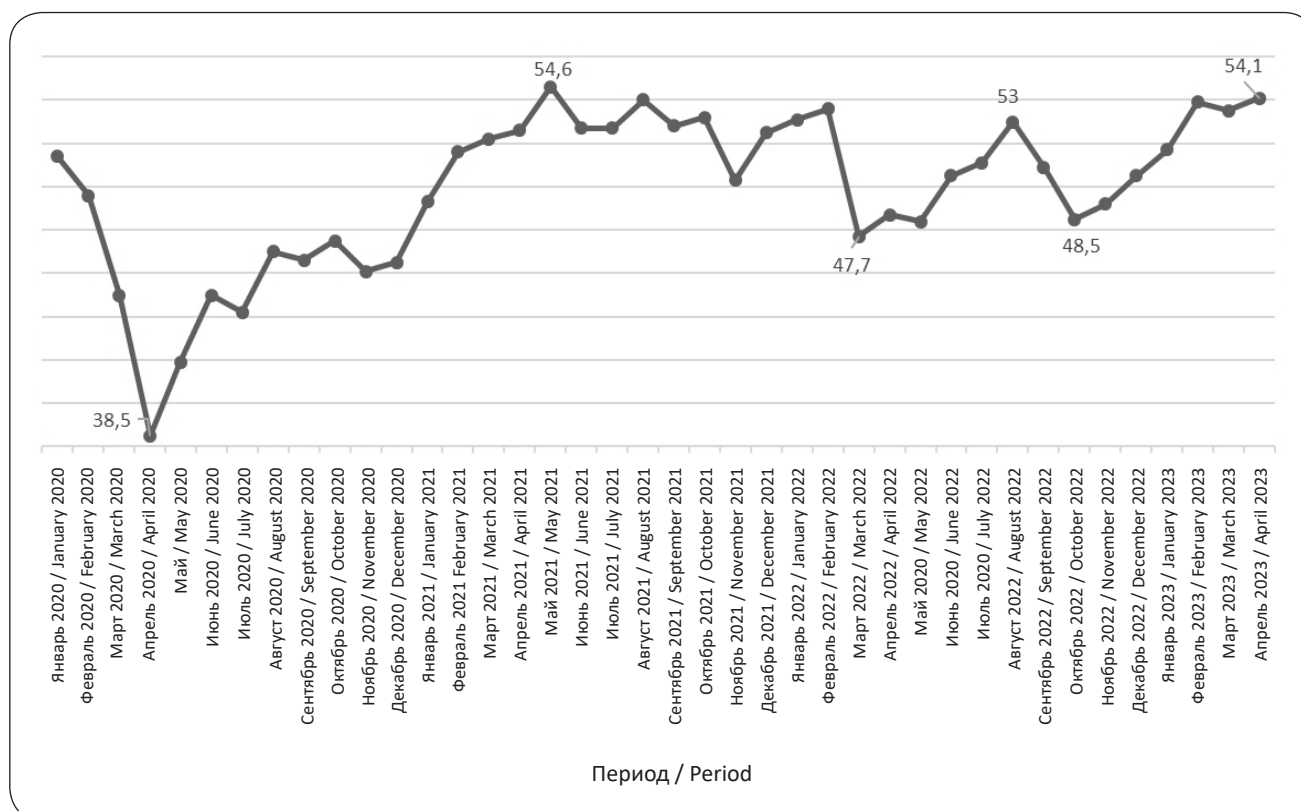

Рис. 2. Динамика индекса RSBI в России за период январь 2020 – апрель 2023 г.

Источник: построено автором по данным Индекса Russia Small Business Index. <https://www.psbank.ru/Business/RSBI>

Fig. 2. Dynamics of RSBI index in Russia in January 2020 – April 2023

Source: built by the author by the data of the RSBI index. <https://www.psbank.ru/Business/RSBI>

что позволяет им «перетекать» в те отрасли, где есть платежеспособный спрос, заполнять свободные рыночные ниши, удовлетворять узкоспециализированный спрос граждан и обеспечивать население рабочими местами.

В настоящее время уровень развития малого бизнеса оценивается, как правило, путем сопоставления количественных показателей, таких как: число малых и средних предприятий, объем оборота сектора МСП, величина инвестиций в основной капитал, численность занятых и т. п. Однако трудно найти сегмент экономики, в котором официальные статистические данные были бы настолько несопоставимы, переменчивы и противоречивы, как в малом предпринимательстве. Это происходит по следующим причинам: постоянные изменения в нормативных правовых актах, связанных с МСП, что не позволяет сопоставить данные во времени; несовершенство применяемых подходов к сбору и обработке статистических данных и их ведомственные расхождения (Агеева, 2019). Множество авторов, изучающих вопросы системной классификации предприятий этого сектора, отмечая недостатки имеющихся подходов, предлагают дополнительные классификационные признаки, например: инвестиционная привлекательность (Вершинина, 2014), уровень интеграции информационных процессов (Кузменко и др., 2013), характер деятельности (Адаменко и др., 2018), степень самостоятельности (Полещенко, Верхогляд, 2011), степень риска (Кузнецова, Костина, 2017), факторы мотивации предпринимательской деятельности (Верховская и др., 2006; Чепуренко, 2008; Bosma et al., 2009; van Praag C. M. & van Ophem, 1995), способность бизнеса держать внезапный удар (Егорова, Чепуренко, 2022) и мн. др. Тем не менее в большинстве работ, целью которых является анализ деятельности и разработка мер поддержки предпринимательства, малый и средний бизнес рассматривается как неделимый и весьма однородный сегмент экономики. Такой подход затрудняет поиск инструментов для повышения его адаптивности, так как не учитывает специфические черты (особенности) предприятий. На самом деле сектор МСП гетерогенен, и его базовая структура состоит из нескольких групп, которые отличаются не только своей

качественной природой, но и выполняемыми ими системными функциями. В связи с этим предлагается исследовать способы адаптации малого и среднего бизнеса в соответствии с представленной в работе Егоровой и Королевой (2020) системной классификацией предприятий. Авторами выделены следующие категории фирм: «дети», «генетические карлики», «трансформеры». Подобное деление предприятий на категории вызвано специфическими чертами (особенностями) групп МСП (подробнее см. на рис. 3 и в работе (Егорова, Королева, (2020)).

Категория «Дети», являющаяся фундаментом для роста крупного бизнеса, в России, малочисленна, так как российские малые предприятия, как правило, нечасто стремятся к масштабированию и росту (Образцова, Чепуренко, 2020). За рубежом предприятия этой группы представлены преимущественно в инновационных секторах экономики, когда на волне развития современных технологий малые фирмы стремительно превращаются в крупные корпорации. Ярким примером являются инновационные стартапы в США, выросшие за последние десятилетия в ИТ-гигантов. «Дети» обладают наименьшей устойчивостью в кризисных условиях, так как ведут свою деятельность независимо от крупного бизнеса или других малых и средних компаний (Herbane, 2010). В сложившейся шоковой ситуации многие предприятия-«дети» выбирают для себя один из следующих вариантов адаптации: релокация и/или редомициляция бизнеса в другие страны или поиск новой рыночной ниши в России для дальнейшего развития.

В настоящее время релокация бизнеса российских предприятий, заключающаяся в перемещении компании и ее деятельности из одной страны в другую, стала популярным способом адаптации к реалиям в бизнес-сообществе (Апанович, 2023; Липидус, Полякова, 2022). В зависимости от цели, которую ставит перед собой собственник фирмы, релокация может быть полной (переезд компании с офисами и персоналом в другую страну), частичной (в другую страну переводится только часть компании, например, филиал или дочернее предприятие, а также переводится персонал на удаленный формат работы) и документальной (офшорной, т. е. без фактического переезда компании, ищущей страну для своей штаб-квартиры с выгодной системой

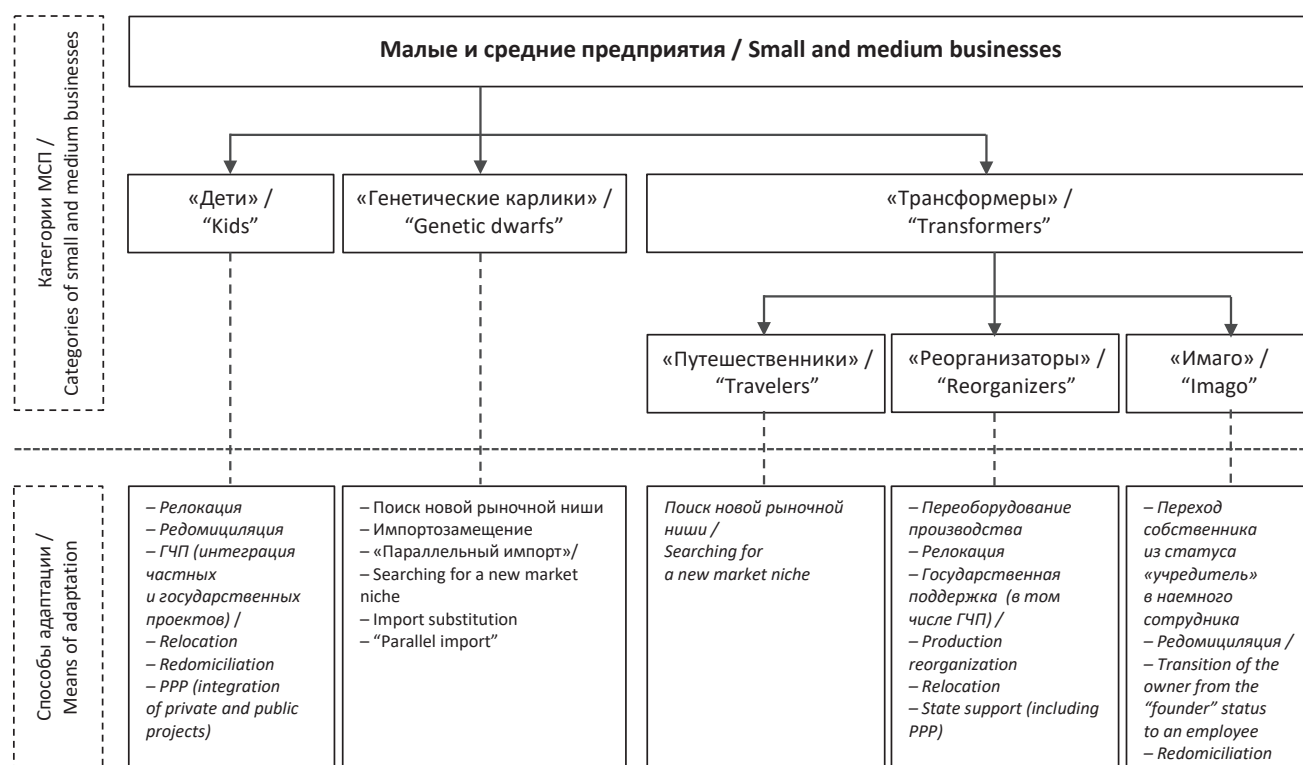

Рис. 3. Способы адаптации различных категорий малых и средних предприятий

Источник: составлено автором на основе (Егорова, Королева, 2020).

Fig. 3. Means of adaptation of various categories of small and medium businesses

Source: compiled by the author based on (Egorova, Korolyova, 2020).

налогообложения и высокой степенью защиты активов, что позволяет иметь офис в одной юрисдикции, а получать прибыль в другой стране) (Шкодинский и др., 2022). До введения санкций российские предприниматели, как правило, выбирали для релокации США и европейские государства, а после февраля 2022 г. основными направлениями переезда стали страны с лояльной к россиянам миграционной политикой (например, Кипр, Казахстан, Грузия, Сербия, Турция, Израиль, ОАЭ, Катар).

Редомициляция (от лат. *domicilium* – «жилище, место жительства»), представляющая собой перерегистрацию компании в другой стране при сохранении всех существующих деловых отношений (организационно-правовой формы, активов и обязательств, банковских счетов и т. п.), также имеет свои законодательные особенности и необходима тем предприятиям, которые продолжают сотрудничать с иностранными поставщиками и покупателями в условиях санкционных ограничений.

Стоимость услуг по релокации/редомициляции бизнеса, предлагаемых посредниками – компаниями-«эвакуаторами», в настоящее время составляет в среднем около 12–15 тыс. евро, срок релокации – 1–2 месяца.

Для «генетических карликов», которые, в отличие от «детей», не имеют амбициозной задачи дорасти до размеров крупной компании, характерны высокая жизнеспособность и устойчивость к турбулентной рыночной среде за счет того, что они могут выступать в роли спутников при крупных компаниях или взаимодействовать с другими МСП на принципах кооперации. Это самая многочисленная категория МСП: самозанятые, большая часть ИП и микрофирм, семейные компании, сетевые и кооперационные структуры малого бизнеса, средний бизнес и т. д.

Введенные санкционные меры привели к разрыву ранее отстроенных логистических цепочек, что сильно усложнило деятельность этой и других категорий предприятий. В результате произошла переориентация европейских товаропотоков на новые маршруты. Так, активизировался коридор поставок «Европа – Турция – Азербайджан – Дагестан», увеличились прямые закупки из Китая и транзитные – через страны Центральной Азии.

Активно начал осуществляться «параллельный импорт» (далее – ПИ) – ввоз товаров без согласия правообладателя товарного знака. Такая схема закупки товаров из зарубежных стран не новая для России. ПИ был впервые легализован в 1992 г. и в те годы назывался «челночничеством», а стимулом к его развитию стал экономический кризис 1990-х гг. По данным Госкомстата России, в 1995–1996 гг. объем товарооборота, который ввозили «челноки» из стран дальнего зарубежья, был сопоставим с третьим российским импортом, а сам «челночный» бизнес предоставлял работу примерно 10 млн человек (Яковлев и др., 2006).

По данным Федеральной таможенной службы России, объем параллельного импорта в 2022 г. составил 2,4 млн тонн, или около 20 млрд долл. США. Для сравнения: объем импорта России за этот же период – 259 млрд долл. США⁵. Для включения в процесс ПИ с конца февраля по конец сентября 2022 г. около 700 российских предприятий, например, открыли второе юридическое лицо в Объединенных Арабских Эмиратах (что в 5–7 раз больше, чем в 2021 г.) (Хандриков, 2023). К основным категориям товаров, вовлеченным в ПИ, относятся автомобили и запчасти к ним, электроника и бытовая техника, мебель, бумага и картон, промышленное оборудование и материалы, парфюмерия и одежда. Согласно имеющейся статистике, наиболее активно участвующие в этом процессе страны – это государства, входящие в ЕАЭС, Китай, Турция и ОАЭ (Елисанова, 2023). Турция в настоящее время выступает в роли основного транспортного хаба, соединяя Европу и Россию.

«Трансформеры» – тоже достаточно многочисленная категория МСП. Их основная задача – обеспечивать гибкость сегменту малого бизнеса. Эта группа представлена тремя подгруппами: «путешественниками» (предприятия мигрируют из одной рыночной ниши в другую – более доходную), «реорганизаторами» (переходят в более прибыльный рыночный сегмент после осуществления ряда трансформационных мероприятий) и «имаго» («спящие» предприятия, не ведущие текущую операционную деятельность). Из всех трех обозначенных подгрупп самой высокой степенью адаптивности обладают «путешественники», а наибольшей чувствительностью к шоковым явлениям – «реорганизаторы», так как, как правило, они являются производственными предприятиями. Одной из адаптационных возможностей таких предприятий в условиях санкционного давления может стать активное вовлечение в процесс импортозамещения. Но, например, в IT-отрасли, которая позиционируется в настоящее время как одно из наиболее приоритетных направлений экономики, реализация импортозамещения – не просто замена зарубежной программы на отечественную.

⁵ Импорт России важнейших товаров. Данные статистики ФТС России. <https://customs.gov.ru/folder/515>

Этот процесс нуждается в плавном и продуманном переходе на новую ИТ-архитектуру, для которой необходимы временные, кадровые, финансовые и административные ресурсы. Именно поэтому предприятия данной подгруппы особо нуждаются в кредитно-инвестиционных средствах, покровительстве крупного бизнеса и государственной поддержке.

Прогнозируемые тенденции в развитии малого бизнеса

1. Дальнейшее снижение покупательской способности населения приведет к сокращению спроса на товары и услуги, реализуемые предпринимателями (в особенности на продукцию, относящуюся к сегменту дорогостоящих изделий и товаров длительного пользования). Это означает, что доходы исследуемых экономических агентов сократятся, а риск банкротств малых и средних предприятий увеличится.

2. Турбулентность на товарно-денежных рынках, которая сохранится до тех пор, пока не стабилизируется геополитическая ситуация, будет вынуждать предприятия повышать цены на товары, что еще больше сократит покупательский спрос. В целях удержания цен на товары некоторые производители сознательно могут пойти на ухудшение качества производимой продукции. Это, в свою очередь, приведет к заполнению рынков товарами второго сорта по завышенной цене.

3. Малые и средние фирмы, работающие в сфере предоставления услуг и сервисов, переориентируются на иные клиентские сегменты: либо более дешевые, либо более дорогие. Это в первую очередь относится к индустрии красоты, частным детским садам, школам и прочим учебным организациям, тренажерным залам и фитнес-клубам и т. п.

4. Шоковые экстерналии сильно сужают горизонт планирования у руководителей и собственников малых предприятий. И если в период пандемии срок планирования в среднем составлял один квартал, то сейчас он сократился до 1–2 недель. В таких условиях предпринимателям непросто организовывать и контролировать бизнес-процессы, финансовые потоки и строить средне- и долгосрочные прогнозы на будущее.

5. Бизнес-иммиграция за рубеж продолжится в ближайшее время. Переезд в другие страны будут реализовывать те компании, которые сохранили спокойствие в 2022 г., но тем не менее стали планомерно готовиться к релокации: продавать активы, трансформировать систему управления бизнес-процессами, завершать текущие проекты в России, налаживать экономические отношения с новыми зарубежными контрагентами. Кроме того, на рынке прослеживается тенденция к вторичной релокации: предприниматели, которые в спешке уехали в страны СНГ и ближнего зарубежья с целью «переждать какое-то время», пришли к осознанию, что условия проживания и ведения бизнеса там не соответствуют их потребностям. Это заставляет их переезжать в страны Европы, США и Канаду.

6. Внутренний рынок рекламных и маркетинговых услуг продолжит свое сокращение по следующим причинам. Во-первых, общий объем расходов компаний на маркетинг и рекламу снижается, так как многие фирмы перешли в режим сбережения или проходят промежуточный адаптационный период (Greenberg, 1993; Srinivasan et al., 2005; Tubbs, 2007; O'Malley et al., 2011). Во-вторых, сжатие рынка будет происходить до тех пор, пока внутристрановые инструменты рекламного охвата населения не станут функционировать на должном уровне и обособленно от зарубежных аналогов. По оценкам экспертов, охват рекламного бизнеса снизится в два или даже более раз. Потребуется время также и для того, чтобы в новом формате стало возможным реализовывать международное взаимодействие в виде ранее проводимых конференций, ярмарок и выставок и т. п.

Меры повышения адаптивности предприятий

Анализ экстерналий политики санкционного давления позволил сформулировать рекомендации, которые могут быть полезны как для собственников малого и среднего бизнеса, так и для представителей государственных органов власти.

Стремительность, с которой происходят геополитические изменения в мире, требуют от предпринимателей непрерывно находиться в информационном поле и оперативно реагировать на изменения конъюнктуры рынка и шоковые экстерналии. Планирование и прогнозирование на долгосрочный период весьма затруднительны и даже губительны для предприятий в сложившихся обстоятельствах (Леснова, 2020), поэтому компаниям следует переориентироваться на новый режим управления – *принятие решений в формате «здесь и сейчас»*, сохраняя спокойствие и не впадая в пессимистические настроения.

Кадровая политика, направленная на удержание ключевых высококвалифицированных и опытных сотрудников на предприятиях, является важным направлением стратегического развития любого МСП в настоящее время. Для «детей» этот аспект является наиболее значимым, так как именно квалифицированный и опытный персонал способен «вырастить» из малой фирмы крупную корпорацию в любых экономических условиях. Сохранение текущего уровня дохода (Cheratian et al., 2022; Goodhart et al., 2023), помощь в релокации, психологические, юридические и прочие мероприятия, направленные на поддержку персонала, а также развитие творческого потенциала работников помогут сотрудникам чувствовать себя устойчивее и спокойнее в нынешней турбулентности, а значит, и стабилизируют работу предприятия.

Коммуникативные навыки, этика делового общения и простые человеческие качества, как, например, честность и отзывчивость, открытость и доверие, терпение и лояльность, приобрели особую ценность для бизнес-среды в настоящее время. Важно не просто заключить контракты с новыми партнерами, но и суметь сохранить устойчивые договорные отношения со старыми контрагентами в обстановке панических настроений на рынках. Построение обновленных логистических цепочек и поиск современных способов расчетов, достижение компромиссных условий и формирование доверительных взаимоотношений также будут способствовать адаптации предприятий к современной экономической реальности.

Квалифицированное консультирование по вопросам стратегического развития бизнеса является эффективным способом адаптации предприятия к переменчивым условиям рынка (Cheratian et al., 2022; Глухова, Лузан, 2014). Такие услуги могут быть полезны для руководителей и собственников малых и средних фирм при принятии управленческих решений. Консультирование содействует решению различных задач предприятий, например, грамотному ведению отчетности и документооборота (Блинов, Дресвянников, 2013; Бакоян, 2021; Mardikaningsih et al., 2022), поиску кредитно-инвестиционных ресурсов, увеличению числа надежных партнеров, установлению устойчивых связей с контрагентами, что в конечном итоге обеспечивает рост бизнеса.

Для успешного осуществления импортозамещения необходимо сменить общую парадигму экономической политики в отношении МСП с «государственнической» («патрон-клиентский» подход государственных структур и аффилированный с ними «бизнес на госзаказе» и «бизнес на госпроектах» – подробнее см. (Образцова, Чепуренко, 2020)) на целевую государственную поддержку, определив при этом приоритетные отрасли экономики. Это в первую очередь важно для «детей», «карликов» и «реорганизаторов», которые осуществляют научно-техническую, инновационную и производственную деятельность. Упрощение схем предоставления новых видов и форм поддержки МСП позволит государству предоставлять адресную помощь наиболее уязвимым категориям малых и средних предприятий в кратчайшие сроки.

Активное внедрение механизмов государственно-частного партнерства позволило бы малому бизнесу ощутить государственную помощь не только на словах, но и на деле. Предприниматели обладают уникальными знаниями о рыночных условиях, специфике и проблемах отрасли и т. п., поэтому открытый и доверительный диалог с государством позволит в короткие сроки решить проблемы не только 1–2 предприятий, но и всей отрасли в целом и приведет к синергетическому эффекту, который отразится на экономике страны. Для получения положительных результатов от сотрудничества с государством важно руководствоваться концепцией разделения ответственности между государством и бизнесом за последствия экономического шока, о котором упоминается в работе Е. И. Марковской (Марковская, 2013), а также соблюдать следующие принципы: прозрачность в условиях участия в программе поддержки; оперативный запуск актуальных инструментов развития бизнеса; сбор и анализ обратной связи, полученной от предпринимателей, для корректировки стратегии взаимодействия государственного и предпринимательского секторов.

Создание доверительной и благоприятной среды функционирования малых и средних компаний предполагает снижение административного прессинга и ослабление «налогового террора» со стороны государства. Любые действия правительственных организаций, направленные на усиление контроля за деятельностью МСП, приводят, как показывает практика, к обратному эффекту: компании становятся более закрытыми или же предприниматели вовсе уходят из бизнеса. В данном вопросе, на взгляд автора, следует руководствоваться четырьмя основными принципами медицинской этики, отражающими наилучшим образом подходы к взаимодействию с малым и средним бизнесом в условиях санкционного давления: 1) «прежде всего – не навреди» (принятие решений о развитии малого бизнеса с осознанием их последствий для сектора МСП); 2) «делай во благо» (учет текущих потребностей предприятий (Мезоэкономика России..., 2022)); 3) признавай автономию предприятия (сохранение независимости бизнеса); 4) будь справедливым (равный доступ каждого предприятия к имеющимся мерам поддержки).

Выводы

В условиях сложной геополитической обстановки и экономической неопределенности малый бизнес способен стать локомотивом оперативного устранения возникших диспропорций в экономике страны, в том числе за счет гармонизации межфирменных и логистических цепочек, быстрого запуска производства дефицитных товаров, материалов и оборудования.

Санкционные ограничения, введенные против России, безусловно, повлияли как на экономику в целом, так и на малый бизнес в частности. Экстерналии экономических ограничений проявились для предпринимателей в виде разрушения имеющейся ИТ-инфраструктуры; разрыва логистических цепочек и схем расчетов с контрагентами; сложностей как с внутристрановым, так и с международным авиасообщением; сужения клиентской базы компаний; блокировки платформ для продвижения товаров и услуг и т. п.

Многие малые и средние фирмы, деятельность которых осуществляется в сфере экспортно-импортных операций, въездного и выездного туризма, рекламных и маркетинговых услуг, индустрии спорта и красоты, оказались в наиболее затруднительном положении. В числе пострадавших – и производственные компании, работающие на импортном оборудовании, комплектующих и расходных материалах, а также предприятия, оказывающие транспортные и логистические услуги. При разработке действенных мер, направленных на повышение адаптивности предпринимательства, важно исходить из представления о том, что сектор МСП, несмотря на его скромный вклад в ВВП России, неоднороден, состоит из нескольких категорий, упомянутых в данном исследовании («дети», «генетические карлики», «трансформеры»). Кроме того, события последних лет демонстрируют, что государственная поддержка должна быть адресной, направленной на наиболее уязвимые категории малого бизнеса, а именно: 1) «реорганизаторов» в сфере производств, взявших на себя функцию импортозамещения; 2) «карликов» как предприятий, которые не только обеспечивают занятость населения, но и занимаются значимыми для экономики страны направлениями (научно-исследовательской деятельностью, опытно-конструкторскими работами, инновационным предпринимательством и т. п.).

Внедрение государственно-частного партнерства с учетом особенностей категорий предприятий, снижение «налогового террора» и административного прессинга на бизнес, упрощение процесса принятия государственных решений, направленных на разработку и оперативное использование инструментов поддержки МСП, а также квалифицированное консультирование предпринимателей будут способствовать повышению адаптивности и конкурентоспособности малого бизнеса в условиях сложной геополитической обстановки в России.

Вместе с тем ограничительные меры Запада пусть резко и жестко, но побуждают российские компании искать новые пути экономического развития, снижая зависимость российской экономики от импорта. Этому будут способствовать и «бережная» кадровая политика малых компаний в отношении сотрудников, и соблюдение этики делового общения, основанной на доверии, открытости, честности, и формирование устойчивых отношений со старыми и новыми бизнес-партнерами, и создание благоприятной среды для функционирования малых и средних фирм.

Список литературы

- Агеева, О. (2019, 31 октября). Росстат раскрыл сложности с оценкой вклада малого бизнеса в экономику. *РБК*. <https://www.rbc.ru/economics/31/10/2019/5db9abe99a794773c1fbd2e0>
- Агеева, О. (2020, 21 марта). ТПП предупредила о риске разорения 3 млн предпринимателей из-за вируса. Каждый третий в малом бизнесе рискует продержаться не дольше квартала. *РБК*. <https://www.rbc.ru/economics/21/03/2020/5e7490569a7947467949c77d>
- Адаменко, А. А., Хорольская, Т. Е., Подобная, Е. А. (2018). Классификация предприятий малого бизнеса. *ЕГИ*, 3(21). <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-predpriyatiy-malogo-biznesa>
- Акулов, А. (2022, 23 апреля). Какие отрасли российского бизнеса сильнее всех пострадали от запрета американских соцсетей. *Газета.ru*. <https://www.gazeta.ru/business/2022/04/23/14768558.shtml>
- Апанович, М. Ю. (2023). Трансформация международных миграционных процессов. *Вестник дипломатической академии МИД. Россия и мир*, 1(35). https://www.dipacademy.ru/documents/6297/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA_1_2023_%D0%BF%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80_1.pdf

- Бакоян, Н. Т. (2022). Зарубежный опыт финансирования малого бизнеса в период пандемии COVID-19 (на примере США). В сб. *Россия в глобальном мире: материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, Тверь, 8 декабря 2021 г.* (Ч. 2; с. 7–14). Тверь: Тверской государственный университет.
- Блинов, А. О., Дресвянников, В. А. (2013). *Управленческое консультирование*. Москва: Дашков и Ко.
- Верховская, О. Р., Дерманов, В. К., Дорохина, М. В., Катькало, В. С. (2006). *Отчет «Глобальный мониторинг предпринимательства, Россия 2006»*. https://gsom.spbu.ru/files/upload/research/gem/Russia_2006.pdf
- Вершинина, А. П. (2014). Малый бизнес: критерии отнесения и классификация. *Вестник ВУиТ*, 2(31). <https://cyberleninka.ru/article/n/malyy-biznes-kriterii-otneseniya-i-klassifikatsiya>
- Глухова, Л. В., Лузан, Ю. П. (2014). Управленческий консалтинг как основа инфраструктуры современного развития предприятий малого бизнеса. *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление*, 4, 16–18.
- Годлевская, Д. В., Маркосян, О. Р., Пидяшова, А. А. (2020). Влияние коронавируса на малый и средний бизнес в России. *Тенденции развития науки и образования*, 63(4), 6–8. <https://doi.org/10.18411/1j-07-2020-107>
- Егорова, А. И., Чепуренко, А. Ю. (2022). Факторы упругости малого предпринимательства в условиях внешних шоков в России (по данным лонгитюдного исследования). *Российский журнал менеджмента*, 20(2), 172–197. <https://rjm.spbu.ru/article/view/14030/10362>
- Егорова, Н. Е., Королева, Е. А. (2020). Системный анализ малого бизнеса: гетерогенность структуры и устойчивость развития. *Экономическая наука современной России*, 3, 83–99. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2020-4\(91\)-83-99](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2020-4(91)-83-99)
- Елисанова, И. (2023, 10 мая). *Параллельный импорт: текущие результаты и развитие законодательства*. https://www.alta.ru/expert_opinion/100367/
- Земцов, С. П., Царева, Ю. В. (2020). Тенденции развития сектора малых и средних предприятий в условиях пандемии и кризиса. *Экономическое развитие России*, 5. <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-sektora-malyh-i-srednih-predpriyatiy-v-usloviyah-pandemii-i-krizisa>
- Исламутдинов, В. Ф. (2022). Адаптация российского бизнеса к последствиям санкций: первые итоги. В сб. *Синтез науки и общества в решении глобальных проблем современности: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (13 мая 2022 г., г. Екатеринбург)* (с. 132–135). Уфа: Аэтерна. <https://aeterna-ufa.ru/sbornik/NK-RF-35.pdf>
- Исламутдинов, В. Ф. (2022). Подходы к исследованию адаптации российской экономики к последствиям санкций. В сб. *Проблемы и тенденции научных преобразований в условиях трансформации общества: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (28 декабря 2022 г., г. Екатеринбург)* (в 2 ч. Ч. 2). Уфа: Аэтерна. <https://aeterna-ufa.ru/sbornik/NK-450-RF-2.pdf>
- Карлова, Н., Морозов, А., Пузанова, Е. (2023, январь). *Ограничения на импорт сдерживают экспорт: результаты опроса предприятий. Аналитическая записка*. Банк России. https://cbr.ru/Content/Document/File/144420/analytic_note_20230130_dip.pdf
- Клейнер, Г. Б. (ред.). (2022). *Мезоэкономика России: стратегия разбега*: монография. Москва: ИД «Научная библиотека».
- Королева, Е. А. (2022). Об актуальных вопросах поддержки малого бизнеса в России в условиях введения новых санкционных мер. В сб. Г. Б. Клейнер (ред.). *Стратегическое планирование и развитие предприятий: материалы XXIII Всероссийского симпозиума. Москва, 12–13 апреля 2022 г.* (с. 259–262). Москва: ЦЭМИ РАН.
- Королева, Е. А., Абдюкова, Э. И. (2022). Анализ российского банковского сектора и оценка антикризисных мер по его поддержке в условиях санкций. *Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии*, 11(1), 45–52.
- Королева, Е. А., Абдюкова, Э. И. (2023). МСП в условиях санкционной политики: анализ состояния и меры финансовой поддержки. *Финансовая экономика*, 5, 235–241.
- Краснова, В. (2022, 11 марта). «Плюсов в этой ситуации не вижу вообще»: что говорят предприниматели. *RB.RU*. <https://rb.ru/analytics/chto-govoryat-predprinimateli-v-rossii/>
- Кузменко, Ю. Г., Хатеев, И. В., Левина, А. Б. (2013). Роль и место малых предприятий в современных экономических условиях РФ. *Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент*, 1. <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-mesto-malyh-predpriyatiy-v-sovremennyh-ekonomicheskikh-usloviyah-rf>
- Кузнецова, Н. В., Костина, Е. А. (2017). Малые инновационные предприятия: классификация и особенности. В сб. *Управление социально-экономическими системами: теория, методология, практика: сборник статей III Международной научно-практической конференции. В 2 ч., Пенза, 27 декабря 2017 г.* (Ч. 1; с. 125–129). Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.).
- Кулькова, И. А. (2020). Адаптация поведения предпринимателей к вызванным пандемией коронавируса изменениям. *ЭПП*, 10. <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-povedeniya-predprinimateley-k-vyzvannym-pandemiy-koronavirusa-izmeneniyam>
- Липидус, Л. В., Полякова, Ю. М. (2022). Гигономика: новые возможности для цифровой трансформации бизнеса в условиях высокой турбулентности цифровой среды. *Вестник Института экономики Российской академии наук*, 5. <https://cyberleninka.ru/article/n/gigonomika-novye-vozmozhnosti-dlya-tsifrovoy-transformatsii-biznesa-v-usloviyah-vysokoy-turbulentnosti-tsifrovoy-sredy>
- Леснова, Л. П. (2020). Малый бизнес в условиях коронакризиса, тактики адаптации к условиям неопределенности окружающей среды. *Финансовые рынки и банки*, 4. <https://cyberleninka.ru/article/n/malyy-biznes-v-usloviyah-koronakrizisa-taktiki-adaptatsii-k-usloviyam-neopredelennosti-okruzhayushchey-sredy>

Лобанов, Д. И., Петелина, Е. А., Багреева, Е. Г. (2020). Адаптация предпринимателя в период пандемии. *Образование и право*, 4, <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-predprinimatelya-v-period-pandemii>

Марковская, Е. И. (2013). Теоретические и практические аспекты адаптации моделей поведения экономических субъектов. *Вестник Балтийской педагогической академии*, 111, 6–16.

МСП/Постковид. *Время системных решений: специальный доклад Президенту РФ*. (2021). <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2021/7.pdf>

Образцова, О. И., Чепуренко, А. Ю. (2020). Политика в отношении МСП в РФ: обновление после пандемии? *Вопросы государственного и муниципального управления*, 3. <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-v-otnoshenii-mssp-v-rf-obnovlenie-posle-pandemii>

Пивовар, Б. Б., Пирогова, О. Е. (2020). Адаптация компаний малого и среднего бизнеса в условиях повышенной волатильности бизнес-среды, вызванной пандемией. *Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии*, 4(46). <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-kompaniy-malogo-i-srednego-biznesa-v-usloviyah-povyshennoy-volatilnosti-biznes-sredy-vyzvannoy-pandemiei>

Полеценко, К. Н., Верховный, Е. В. (2011). Малые инновационные предприятия: особенности, классификация, институализация. *Вестник ОмГУ*, 3, 336. <https://cyberleninka.ru/article/n/malye-innovatsionnye-predpriyatiya-osobennosti-klassifikatsiya-institualizatsiya>

Рейнхарт, К., Рогофф, К. (2014). *На этот раз все будет иначе. Восемь веков финансового безумия*. Москва: Альпина Паблишер.

Родионова, А. (2022, 12 октября). Уход иностранных IT-вендоров оставил больше 50 % российских компаний без техподдержки. *forbes.ru*. <https://www.forbes.ru/tekhnologii/479623-uhod-inostrannyh-it-vendorov-ostavil-bol-se-50-rossijskoj-kompanij-bez-tehpodderzki>

Сморodinская, Н. В., Катуков, Д. Д. (2022). Россия в условиях санкций: пределы адаптации. *Вестник Института экономики Российской академии наук*, 6. <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-v-usloviyah-sanktsiy-predely-adaptatsii>

Солодова, П. С. (2020). Влияние пандемии коронавируса на развитие бизнеса. В сб. *Стратегическое развитие социально-экономических систем в регионе: инновационный подход: материалы VI Международной научно-практической конференции: сборник статей и тезисов докладов, Владимир, 3 июня 2020 г.* (С. 497–501). Владимир: Транзит-ИКС.

Хандриков, И. Н. (2023, 5 января). *Итоги 2022 года для малого и среднего предпринимательства (МСП)*. https://nisse.ru/articles/details.php?ELEMENT_ID=135209

Чепуренко, А. Ю. (2008). Раннее предпринимательство в России: промежуточные результаты GEM. *Мир России. Социология. Этнология*, 2. <https://cyberleninka.ru/article/n/rannee-predprinimatelstvo-v-rossii-promezhutochnye-rezultaty-gem>

Чепуренко, А. Ю. (2021). Кризис как вызов и ресурс для предпринимательства: уроки пандемии. *Форсайт*, 15(4), 5–7. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2021.4.5.7>

Чернышева, Е. (2023, 20 марта). ЦБ запретил банкам использовать SWIFT при переводах внутри России. Что это решение означает для сектора? *RBC.ru*. <https://www.rbc.ru/finances/20/03/2023/6418600b9a7947113cc36119>

Шкодинский, С. В., Кушнир, А. М., Продченко, И. А. (2022). Влияние санкций на технологический суверенитет России. *Проблемы рыночной экономики*, 2, 75–96.

Шувалова, М. (2022, 17 марта). *Поддержка малого и среднего бизнеса в условиях санкций*. <https://www.garant.ru/article/1532971/>

Яковенко, Д. (2022, 29 июня). ФОМ оценил влияние санкций на малый бизнес в России. *forbes.ru*. <https://www.forbes.ru/biznes/469979-fom-ocenil-vlianie-sankcij-na-malyj-biznes-v-rossii>

Яковлев, А., Голикова, В., Капралова, Н. (2006). *Открытые рынки и «челночная» торговля в российской экономике: вчера, сегодня, завтра (по материалам эмпирических исследований 2001–2005 гг.)*. Препринт WP4/2006/05. Москва: ГУ ВШЭ.

Bosma, N., Acs, Z. J., Autio, E., Coduras, A., & Levie, J. (2009). *Global Entrepreneurship Monitor. 2008 Executive Report*.

Cheratian, I., Goltabar, S., & Farzanegan, M. R. (2022). Survival Strategies Under Sanctions: Firm-Level Evidence from Iran. *CESifo Working Paper*, 9568. <https://ssrn.com/abstract=4033605>

Goodhart, C. A., Tsomocos, D. P., & Wang, X. (2023). Support for small businesses amid COVID-19. *Economica*, 90(358), 612–652. <https://doi.org/10.1111/ecca.12460>

Greenberg, E. R. (1993). Fortune follows the brave. *Management Review*, 82(1), 6–7.

Herbane, B. (2010). Small business research: time for a crisis-based view. *International Small Business Journal*, 28(1), 43–64.

Mardikaningsih, R., Elok, A., Putri, N., Alfani, M., & Rudiansyah, M. (2022). Business Survival: Competence of Micro, Small and Medium Enterprises. *Journal of Social Science Studies (JOS3)*, 2, 1–4. <https://doi.org/10.56348/jos3.v2i1.21>

O'Malley, L., Story, V., & O'Sullivan, V. (2011). Marketing in a recession: retrench or invest?. *Journal of Strategic Marketing*, 19(3), 285–310.

Srinivasan, R., Rangaswamy, A., & Lilien, G. L. (2005). Turning adversity into advantage: does proactive marketing during a recession pay off? *International Journal of Research in Marketing*, 22(2), 109–125.

Tubbs, M. (2007). The relationship between R&D and company performance. *Research-Technology Management*, 50(6), 23–30.

van Praag, C. M., van Ophem, H. (1995). Determinants of Willingness and Opportunity to Start as an Entrepreneur. *Kyklos*, 48.

References

- Adamenko, A. A., Khorolskaya, T. E., & Podobnaya, E. A. (2018). Classification of small businesses. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya*, 3(21). (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-predpriyatiy-malogo-biznesa>
- Ageeva, O. (2019, 31 October). Rosstat disclosed difficulties with evaluating the contribution of small business into economy. *RBC*. (In Russ.). <https://www.rbc.ru/economics/31/10/2019/5db9abe99a794773c1fbd2e0>
- Ageeva, O. (2020, 21 March). Chamber of Trade and Commerce warned about the risk of bankruptcy of 3 million businesspeople due to the virus. Every third in small business risks surviving not longer than a quarter. *RBC*. (In Russ.). <https://www.rbc.ru/economics/21/03/2020/5e7490569a7947467949c77d>
- Akulov, A. (2022, 23 April). What sectors of the Russian business suffered most of all from prohibition of American social networks. *Gazeta.ru*. (In Russ.). <https://www.gazeta.ru/business/2022/04/23/14768558.shtml>
- Apanovich, M. Yu. (2023). Transformation of the International Migration Process. *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*, 1(35). (In Russ.). https://www.dipacademy.ru/documents/6297/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA_1_2023_%D0%BF%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80_1.pdf
- Bakoyan, N. T. (2022). Foreign experience of funding small business during the COVID-19 pandemic (by the example of the USA). In *Russia in the global world: works of the All-Russia scientific-practical conference of young researchers, Tver, December 8, 2021* (Part 2; pp. 7–14). Tver: Tver State University. (In Russ.).
- Blinov, A. O., & Dresvyannikov, V. A. (2013). *Managerial consulting*. Moscow: Dashkov i Ko. (In Russ.).
- Bosma, N., Acs, Z. J., Autio, E., Coduras, A., & Levie, J. (2009). *Global Entrepreneurship Monitor. 2008 Executive Report*.
- Chepurenko, A. Yu. (2008). Early entrepreneurship in Russia: intermediate results of GEM. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 2. (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/rannee-predprinimatelstvo-v-rossii-promezhutochnye-rezultaty-gem>
- Chepurenko, A. Yu. (2021). Crisis as a Challenge and Enabler for Entrepreneurship: Lessons from the Pandemic. *Foresight and STI Governance*, 15(4), 5–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2021.4.5.7>
- Cheratian, I., Goltabar, S., & Farzanegan, M. R. (2022). Survival Strategies Under Sanctions: Firm-Level Evidence from Iran. *CESifo Working Paper*, 9568. <https://ssrn.com/abstract=4033605>
- Chernysheva, E. (2023, 20 March). Central Bank prohibited banks to use SWIFT for remittance within Russia. What does this decision mean for the sector? *RBC.ru*. (In Russ.). <https://www.rbc.ru/finances/20/03/2023/6418600b9a7947113cc36119>
- Egorova, A. I., & Chepurenko, A. Yu. (2022). Factors of the resilience of small businesses under external shocks in Russia (based on the longitudinal study data). *Russian Management Journal*, 20(2), 172–197. (In Russ.). <https://rjm.spbu.ru/article/view/14030/10362>
- Egorova, A. I., & Koroleva, E. A. (2020). System Analysis of Small Business: Structure Heterogeneity and Sustainability. *Economics of Contemporary Russia*, 4, 83–99. (In Russ.). [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2020-4\(91\)-83-99](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2020-4(91)-83-99) (In Russ.).
- Elisanova, I. (2023, 10 May). *Parallel import: current results and development of legislation*. (In Russ.). https://www.alta.ru/expert_opinion/100367/
- Glukhova, L. V., & Luzan, Yu. P. (2014). Management consulting as a basis for the infrastructure of the modern development of small businesses. *Science Vector of Togliatti State University. Series: Economics and Management*, 4, 16–18. (In Russ.).
- Godlevskaya, D. V. (2020). Impact of coronavirus on small and medium-sized businesses in Russia. *Trends in the Development of Science and Education*, 63(4), 6–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.18411/ij-07-2020-107>
- Goodhart, C. A., Tsomocos, D. P., & Wang, X. (2023). Support for small businesses amid COVID-19. *Economica*, 90(358), 612–652. <https://doi.org/10.1111/ecca.12460>
- Greenberg, E. R. (1993). Fortune follows the brave. *Management Review*, 82(1), 6–7.
- Herbane, B. (2010). Small business research: time for a crisis-based view. *International Small Business Journal*, 28(1), 43–64.
- Islamutdinov, V. F. (2022). Adaptation of the Russian business to the consequences of sanctions: first results. In *Synthesis of science and society in solving global problems of today: collection of works of the All-Russia scientific-practical conference (May 13, 2022, Ekaterinburg)* (pp. 132–135). Ufa: Aehterna. (In Russ.). <https://aeterna-ufa.ru/sbornik/NK-RF-35.pdf>
- Islamutdinov, V. F. (2022). Approaches to researching the adaptation of the Russian economy to the consequences of sanctions. In *Problems and trends of scientific transformations under society transformation: collection of works of the All-Russia scientific-practical conference with international participation (December 28, 2022, Ekaterinburg)* (in 2 p. Part 2). Ufa: Aehterna. (In Russ.). <https://aeterna-ufa.ru/sbornik/NK-450-RF-2.pdf>
- Karlova, N., Morozov, A., Puzanova, E. (2023, January). *Restrictions on import hinder export: results of polling enterprises. Analytical report*. Bank of Russia. (In Russ.). https://cbr.ru/Content/Document/File/144420/analytic_note_20230130_dip.pdf
- Khandrikov, I. N. (2023, 5 January). *Results of 2022 for small and medium business (SMB)*. (In Russ.). https://nisse.ru/articles/details.php?ELEMENT_ID=135209
- Kleiner, G. B. (Ed.) (2022). *Mesoeconomy of Russia: strategy of run-up*: monograph. Moscow: ID “Nauchnaya biblioteka”. (In Russ.).
- Koroleva, E. A. (2022). On the topical issues of supporting small business in Russia under new sanctions. In G. B. Kleiner (Ed.). *Strategic planning and development of enterprises: works of the 23rd All-Russia symposium. Moscow, April 12–13, 2022* (pp. 259–262). Moscow: Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).

Koroleva, E. A., & Abdyukova, E. I. (2022). Analysis of the Russian banking sector and assessment of anti-crisis measures to support it under sanctions. *Competitiveness in the Global World: Economics, Science, Technology*, 11(1), 45–52. (In Russ.).

Koroleva, E. A., & Abdyukova, E. I. (2023). SMES under the conditions of sanctions policy: analysis of the state and measures of financial support. *Financial Economy*, 5, 235–241. (In Russ.).

Krasnova, V. (2022, 11 March). “I see no pluses in this situation”: what businesspeople say. *RB.RU*. (In Russ.). <https://rb.ru/analytics/chto-govoryat-predprinimateli-v-rossii/>

Kulkova, I. A. (2020). Entrepreneurial behaviour adaptation to changes caused by the coronavirus pandemic. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 10. (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-povedeniya-predprinimateley-k-vyzvannym-pandemiiy-koronavirusa-izmeneniyam>

Kuzmenko, Ju. G., Khateev, I. V., & Levina, A. B. (2013). Role and place of small businesses under the modern economic conditions in the Russian Federation. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management*, 1. (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-mesto-malyh-predpriyatiy-v-sovremennyh-ekonomicheskikh-usloviyah-rf>

Kuznetsova, N. V., & Kostina, E. A. (2017). Small innovative businesses: classification and peculiarities. In *Managing social-economic systems: theory, methodology, practice: collection of works of the 3rd International scientific-practical conference. In 2 parts, Penza, December 27, 2017* (Part 1; pp. 125–129). Penza: Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G. Yu.). (In Russ.).

Lapidus, L. V., & Polyakova, Yu. M. (2022). Gig economy: the new opportunities for business digital transformation under high turbulent digital environment. *Bulletin of the IE RAS*, 5. (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/gigonomika-novye-vozmozhnosti-dlya-tsifrovoy-transformatsii-biznesa-v-usloviyah-vysokoy-turbulentnosti-tsifrovoy-sredy>

Lesnova, L. P. (2020). Small business under conditions of coronavirus crisis, tactics of adjustment to conditions of uncertainty of environment. *Financial Markets and Banks*, 4. (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/malyy-biznes-v-usloviyah-koronakrizisa-taktiki-adaptatsii-k-usloviyam-neopredelennosti-okruzhayushey-sredy>

Lobanov, D. I., Petelina, E. A., & Bagreeva, E. G. (2020). Adaptation of an entrepreneur during a pandemic. *Education and Law*, 4. (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-predprinimatelya-v-period-pandemii>

Mardikaningsih, R., Elok, A., Putri, N., Alfian, M., & Rudiansyah, M. (2022). Business Survival: Competence of Micro, Small and Medium Enterprises. *Journal of Social Science Studies (JOS3)*, 2, 1–4. <https://doi.org/10.56348/jos3.v2i1.21>

Markovskaya, E. I. (2013). Theoretical and practical aspects of adapting the models of behavior of economic subjects. *Bulletin of the Baltic Academy of Education*, 111, 6–16. (In Russ.).

Obraztsova, O. I., Chepurensky, A. Yu. (2020). SME policy in the Russian Federation: renewal after the pandemic? *Public Administration Issues*, 3. (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-v-otnoshenii-msp-v-rf-obnovlenie-posle-pandemii>

O'Malley, L., Story, V., & O'Sullivan, V. (2011). Marketing in a recession: retrench or invest? *Journal of Strategic Marketing*, 19(3), 285–310.

Pivovarov, B. B., & Pirogova, O. E. (2020). Adaptation of small and medium sized enterprises in the conditions of increased volatility of the business environment associated with the pandemic. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii*, 4(46). (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-kompaniy-malogo-i-srednego-biznesa-v-usloviyah-povyshennoy-volatilnosti-biznes-sredy-vyzvannoy-pandemiiy>

Poleshenko, K. N., & Verchogljad, E. V. (2011). The small innovative enterprises: features, classification, institutionalization. *Herald of Omsk University*, 3, 336. (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/malye-innovatsionnye-predpriyatiya-osobennosti-klassifikatsiya-institucionalizatsiya>

Reinhart, K., & Rogoff, K. (2014). *This Time is Different: Eight centuries of Financial Folly*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.).

Rodionova, A. (2022, 12 October). Departure of foreign IT vendors has left over 50% of the Russian companies without technical support. *forbes.ru*. (In Russ.). <https://www.forbes.ru/tekhnologii/479623-uhod-inostrannyh-it-vendorov-ostavil-bol-se-50-rossijskoj-kompanij-bez-tehpodderzki>

Shkodinsky, S. V., Kushnir, A. M., & Prodchenko, I. A. (2022). The impact of sanctions on Russia's technological sovereignty. *Market economy problems*, 2, 75–96. (In Russ.). <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2022-2-75-96> Shuvalova, M. (2022, 17 March). *Support of small and medium business under sanctions*. (In Russ.). <https://www.garant.ru/article/1532971/>

Smorodinskaya N. V., & Katukov, D. D. (2022). Russia under sanctions: limits of adaptation. *Bulletin of the IE RAS*, 6. (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-v-usloviyah-sanktsiy-predely-adaptatsii>

Solodova, P. S. (2020). Influence of the coronavirus pandemic on business development. In: *Strategic development of social-economic systems in the region: innovative approach: works of the 6th International scientific-practical conference: collection of articles and report theses, Vladimir, June 3, 2020* (pp. 497–501). Vladimir: Tranzit-IKS.

Srinivasan, R., Rangaswamy, A., & Lilien, G. L. (2005). Turning adversity into advantage: does proactive marketing during a recession pay off? *International Journal of Research in Marketing*, 22(2), 109–125.

Tubbs, M. (2007). The relationship between R&D and company performance. *Research-Technology Management*, 50(6), 23–30.

van Praag, C. M., van Ophem, H. (1995). Determinants of Willingness and Opportunity to Start as an Entrepreneur. *Kyklos*, 48.

Verkhovskaya, O. R., Dermanov, V. K., Dorokhina, M. V., & Katkalo, V. S. (2006). *Report “Global monitoring of entrepreneurship, Russia 2006”*. (In Russ.). https://gsom.spbu.ru/files/upload/research/gem/Russia_2006.pdf

Vershinina, A. P. (2014). Small Business: Criteria and Classification. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva*, 2(31). (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/malyy-biznes-kriterii-otneseniya-i-klassifikatsiya>

Yakovenko, D. (2022, 29 June). Public Opinion Foundation estimated the influence of sanctions on small business in Russia. *forbes.ru*. (In Russ.). <https://www.forbes.ru/biznes/469979-fom-ocenil-vlianie-sankcij-na-malyj-biznes-v-rossii>

Yakovlev, A., Golikova, V., & Kapralova, N. (2006). *Open markets and “shuttle” trade in the Russian economy: yesterday, today, tomorrow (by the materials of empirical research of 2001–2005)*. Preprint WP4/2006/05. Moscow: HSE. (In Russ.).

Zemtsov, S. P., & Tsareva, Yu. V. (2020). Development Trends of Small and Medium Sized Enterprises Amid Pandemic Induced Crisis. *Russian Economic Development*, 5. (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-sektora-malyh-i-srednih-predpriyatiy-v-usloviyah-pandemii-i-krizisa>

SMB/Post-COVID. Time for systemic solutions: special report to the President of the Russian Federation. (2021). (In Russ.). <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2021/7.pdf>

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 27.05.2023

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 30.06.2023

Дата принятия в печать / Accepted 10.08.2023

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.532-547>

УДК 004:330.34:338.2:338.45

JEL: L16, L6, L86, O1, O14, O25

Н. С. Селиверстова¹,

О. Н. Шкутько²,

О. В. Григорьева³

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

² Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Республика Беларусь

³ Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань, Россия

Структурные изменения среднетехнологичных отраслей экономики в условиях цифровой трансформации промышленности

Контактное лицо:

Селиверстова Наталья Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и эконометрики, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: nat-grig17@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5146-2502>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/F-9231-2015>

eLIBRARY ID: SPIN-code: 1416-3100, Author ID: 688895

Шкутько Оксана Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики, декан факультета международных экономических отношений, Белорусский государственный экономический университет

E-mail: Oksana.Shkutko@inbox.ru

eLIBRARY ID: SPIN-code: 6438-8326, Author ID: 778104

Григорьева Ольга Витальевна, кандидат биологических наук, доцент, декан факультета психологии и педагогики, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

E-mail: g-pf@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2412-9314>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/U-4219-2017>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 6930-2509, Author ID: 303577

Аннотация

Цель: описание некоторых структурных изменений в промышленности под влиянием цифровизации.

Методы: общенаучные, абстрактно-логический, диалектический, феноменологический методы, наблюдение, описание.

Результаты: показана общая статистическая характеристика цифровизации в обрабатывающей промышленности на базе мета-анализа НИУ ВШЭ и анализа данных Росстата; выявлены два направления структурных изменений в промышленности под влиянием цифровизации: рост цифровой зрелости и объемов использования отечественных решений в сфере программного обеспечения и информационно-телекоммуникационных технологий в целом, включая соответствующее оборудование; цифровизация коммуникационных процессов в сфере устойчивого развития. Выделены две технологические особенности цифровизации промышленности, а именно: платформенный характер и использование отечественных технологических решений для дальнейшей цифровизации промышленности.

Научная новизна: предложено рассматривать показатели цифровой зрелости в качестве интегрального индикатора развития однородной группы экономических агентов; показаны два направления структурных изменений в промышленном секторе среди отраслей средней степени технологичности: во-первых, рост цифровой зрелости и объемов использования отечественных решений в сфере программного обеспечения и информационно-телекоммуникационных технологий оборудования; во-вторых, цифровизация коммуникационных процессов в сфере устойчивого развития.

© Селиверстова Н. С., Шкутько О. Н., Григорьева О. В., 2023

Практическая значимость: подобное уточнение взаимосвязей между процессами цифровизации и развитием промышленности позволит не только более структурированно подойти к разработке программ исследований промышленной политики для среднетехнологичных отраслей промышленности, но и создаст основу для углубления имеющихся знаний в этой сфере (что может использоваться как в самих промышленных компаниях, так и в региональных, федеральных, межгосударственных проектах по цифровой трансформации).

Ключевые слова

Региональная и отраслевая экономика, промышленность, цифровизация, цифровая экономика, цифровая зрелость, ИКТ, структурный сдвиг, устойчивое развитие

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Селиверстова, Н. С., Шкутько, О. Н., Григорьева, О. В. (2023). Структурные изменения среднетехнологичных отраслей экономики в условиях цифровой трансформации промышленности. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(3), 532–547. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.532-547>

Scientific article

N. S. Seliverstova¹,

O. N. Shkutko²,

O. V. Grigoryeva³

¹Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

² Belarus State Economic University, Minsk, Belarus

³Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia

Structural changes of medium-tech economic sectors under digital transformation of industry

Contact:

Natalya S. Seliverstova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Economics and Econometrics, Kazan (Volga region) Federal University

E-mail: nat-grig17@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5146-2502>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/F-9231-2015>

eLIBRARY ID: SPIN-code: 1416-3100, Author ID: 688895

Oksana N. Shkutko, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Global Economy, Dean of the Faculty of International Economic Relations, Belarus State Economic University

E-mail: Oksana.Shkutko@inbox.ru

eLIBRARY ID: SPIN-code: 6438-8326, Author ID: 778104

Olga V. Grigoryeva, Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Psychology and Pedagogy, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

E-mail: g-pf@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2412-9314>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/U-4219-2017>

eLIBRARY ID: SPIN-code: 6930-2509, Author ID: 303577

Abstract

Objective: to describe certain structural changes in industry influenced by digitalization.

Methods: general scientific, abstract-logical, dialectical, phenomenological methods, observation, and description.

Results: the general statistical characteristics of digitalization in the processing industry are shown, based on the meta-analysis by HSE and Rosstat; two directions of structural changes in industry influenced by digitalization are identified: the growing digital maturity and increased use of the Russian solutions in the field of software and information-telecommunication technologies in general, including the respective equipment; and digitalization of communication processes in the field of sustainable development. Two technological features of industry digitalization are identified, namely: the platform nature and the use of the Russian technological solutions for further industry digitalization.

Scientific novelty: it is proposed to consider the digital maturity indicators as an integral indicator of the development of a homogeneous group of economic agents; two directions of structural changes in the industrial sector among medium-tech industries are shown: firstly, the digital maturity growth and the increased use of the Russian solutions in the field of software and information-telecommunication technologies equipment; secondly, digitalization communication processes in the field of sustainable development.

Practical significance: the clarification of the interrelationships between the processes of digitalization and industrial development will not only allow a more structured approach to the development of industrial policy research programs for medium-tech industries, but will also create a basis for deepening existing knowledge in this area (which can be used both in industrial companies themselves and in regional, federal, and international projects on digital transformation).

Keywords

Regional and sectoral economy, industry, digitalization, digital economy, digital maturity, ICT, structural shift, sustainable development

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Seliverstova, N. S., Shkutko, O. N., & Grigoryeva, O. V. (2023). Structural changes of medium-tech economic sectors under digital transformation of industry. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(3), 532–547. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.532-547>

Введение

Несмотря на то, что цифровизация экономики становится вектором развития всей системы социально-экономических отношений в современных экономических системах, в промышленности многих развивающихся стран она продолжает носить лоскутный характер. Так, согласно докладу Высшей школы экономики (ВШЭ) 2022 г., «в России передовые цифровые технологии внедряются преимущественно крупными промышленными предприятиями. Однако у большинства из них пока нет комплексной программы цифровизации – компании реализуют пакеты пилотных проектов по внедрению отдельных и часто разрозненных цифровых решений» (Цифровая трансформация: ожидания и реальность..., 2022, с. 31). При этом в развитых странах в производстве широкое распространение получают умные фабрики, которые характеризуются высоким уровнем автоматизации всех процессов и управлением в режиме реального времени с учетом постоянно изменяющихся условий, что достигается в первую очередь благодаря комбинации технологий интернета вещей, анализа больших данных и информационных систем управления производственными и бизнес-процессами (*MES, ICS, ERP, EAS* и др.) (ITU, 2019a; 2019b; 2019c; Erisson, 2020). Предполагается что, глубина цифровизации многих промышленных предприятий ниже по сравнению с аналогичными компаниями в странах Центральной Европы и США.

Исследователи из разных стран изучают отдельные аспекты цифровизации промышленности, предлагая лоскутные решения. Например, M. Comuzzi и A. Patel (2016) предлагают авторскую модель зрелости больших данных с упором не на технические характеристики их сбора и обработки, а на их влияние на результирующие показатели деятельности компании (в том числе финансовые, конкурентные). Это является

востребованным для многих организаций реального сектора экономики, в том числе в промышленности. И. Л. Авдеева, А. В. Полянин, Т. А. Головина (2019) рассматривают цифровые платформы как важный инструмент межотраслевой трансформации.

Н. Л. Кулик (2019), Л. В. Глезман с соавторами (2020), В. Г. Гусаков (2021) рассматривают цифровизацию промышленности как долгосрочный, многомерный и многофакторный процесс с точки зрения достижения технологических, экономических, социальных и иных целевых результатов. Цифровизация промышленности действительно требует комплексного подхода. Как отмечает, В. Ф. Карпович, «реализация мероприятий по цифровой трансформации промышленного производства в Республике Беларусь и управления ей требует разработки научно обоснованных подходов в части определения и конкретизации приоритетных направлений внедрения цифровых технологий, в соответствии с особенностями производственного цикла, уровнем развития технологий и техническим уровнем конкретного предприятия, готовности руководства и специалистов к цифровой трансформации, включая вопросы кадрового обеспечения цифровизации специалистами необходимого уровня подготовки в области практического использования цифровых технологий на производстве» (Карпович, 2023).

Например, D. T. Matt, G. Pedrini, A. Bonfanti, G. Orzes (2023, с. 47) отмечают необходимость более тонкой концептуализации промышленной цифровизации, потенциальную эволюцию одной или нескольких цифровых технологий в категорию «технологии общего назначения», а также разработки моделей межфирменного сотрудничества между цифровыми производителями и разработки решений, способных гарантировать совместимость промышленной цифровизации с принципами этики и устойчивости.

И. В. Макарова, Г. В. Лепеш, О. Д. Угольников, Ю. В. Мелешко отмечают, что «Российская Федерация и Республика Беларусь ставят своей стратегической целью адаптацию общества, экономики и промышленности к новым реалиям цифровизации» (Макарова и др., 2021, с. 153).

Тем не менее даже лоскутный характер цифровизации в промышленности является существенным для российской экономики, поскольку поддерживает внутренний спрос на продукты и услуги цифровой экономики, так как «российская обрабатывающая промышленность заметно опережает другие отрасли экономики по масштабам использования цифровых технологий» (Цифровая трансформация: ожидания и реальность..., 2022, с. 32), а значит, и по спросу на них.

Проблемы цифровизации промышленности рассматриваются в трудах отечественных ученых. А. В. Боговиз с соавторами (Bogoviz et al., 2017) указывают, что традиционный подход к использованию бюджетных ресурсов регионов России противоречит общегосударственному курсу на развитие информационной экономики, так как не стимулирует формирование информационного общества и развитие информационно-технологической сферы. А. Issa с соавторами (2018) отмечают, что на практике организации сталкиваются с многочисленными барьерами в реализации таких подходов, как «Индустрия 4.0» для промышленности, потому что «Индустрия 4.0» – это скорее концепция, чем готовое к реализации решение. Его сложность препятствует успешному внедрению конкретных технических решений, эксплуатация которых позволяет трансформировать деятельность предприятия. Г. В. Федотова (2019) указывает на то, что вопросы цифровизации промышленного сектора до сих пор являются малоизученными. П. С. Кузьмин приводит перечень барьеров для более широкого использования информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИКТ) на промышленных предприятиях. И первыми двумя (из 12) барьерами являются инвестиционные (финансовые) ограничения (Кузьмин, 2021). Другие исследователи отмечают значимость ограничений со стороны человеческого капитала, связанных с инертностью человеческой природы (например, И. А. Зубрицкая (2021) и др.). Причем этот фактор определяет не только ограничения для цифровизации бизнес-процессов предприятий, но и для их экологизации, и для прогрессивных изменений в других сферах. Так, например, П. А. Дегтярев отмечает, что «достаточно часто проблема внедрения инструментов устойчивого развития заключается не в недостатке финансовых ресурсов, а скорее связана с кадровыми ограничениями, определенной консервативностью руководства, непониманием конкретных выгод от следования принципам устойчивого развития, а также некой инертностью сотрудников предприятия» (Дегтярев, 2023, с. 15). Это характерно, на наш взгляд, и для решений в сфере цифровизации и автоматизации бизнес-процессов в промышленности.

В этих условиях представляется актуальным выявить наличие или отсутствие скоординированной политики по цифровизации промышленности, описать некоторые структурные изменения в промышленности,

вызванные цифровизацией и ростом цифровой зрелости как предприятий промышленного сектора экономики, так и органов государственного управления, которые во многом могут влиять на промышленную политику.

Тем более что направленность хозяйствующих субъектов из разных стран на определение новых форматов многостороннего интеграционного сотрудничества увеличивается с приоритетным развитием внутриинтеграционных связей по отношению к внеинтеграционным связям (Шкутько, 2022).

Целью статьи является описание структурных изменений в промышленности под влиянием повышения уровня цифровой зрелости субъектов промышленного и государственного секторов экономики.

Для достижения цели были сформулированы задачи:

1. Описать статистическую характеристику цифровизации на примере промышленности России.
2. Выявить некоторые структурные изменения в промышленности, вызванные цифровизацией.
3. Описать технологические особенности цифровизации промышленности.

Под *цифровой трансформацией в промышленности* мы в рамках настоящей статьи будем понимать долгосрочный, комплексный процесс модернизации технологических средств поддержки осуществления процессов на предприятиях (как основных, так и вспомогательных, управленческих), с одной стороны, и повышения уровня цифровой зрелости институционального окружения этих процессов (сотрудников предприятий, сотрудников государственных надзорных ведомств, сотрудников организаций-партнеров) – с другой. Иными словами, на наш взгляд, речь идет о цифровизации внутренней и внешней среды деятельности промышленного предприятия.

Структурные изменения в промышленности под влиянием ее цифровой трансформации представляют собой существенные изменения ее качественных показателей, началом которых чаще всего служат кратные изменения количественных показателей деятельности предприятия (доля оцифрованных операций, инвестиции в использование ИКТ и пр.).

С целью упрощения мы будем рассматривать виды деятельности, относящиеся к среднему уровню технологичности, чтобы повысить однородность объекта исследования. Согласно Росстату, к среднетехнологичным видам экономической деятельности относятся химическое производство за вычетом производства фармацевтической продукции, производство машин и оборудования (без производства оружия и боеприпасов), производство электрических машин и электрооборудования, производство автомобилей, нефтепродуктов, резиновых и пластмассовых изделий, металлургическое производство и др.¹

Для сбора научных фактов использовались общенаучные эмпирические методы: наблюдение и описание. Общенаучные методы теоретических исследований: формализация (абстрагирование форм различных по содержанию процессов от их содержания для уточнения понятий и терминов), гипотетико-дедуктивный, исторический методы.

Информационной базой исследования послужили научные труды отечественных и зарубежных исследователей, публикации профильных отраслевых порталов и данные Федеральной службы государственной статистики, НИУ ВШЭ.

1. Статистическая характеристика цифровизации в промышленности

Цифровизация промышленности является комплексным явлением, и для упрощения его рассмотрения многие исследователи, например, A. Schumacher, T. Nemeth, W. Sihn (Schumacher et al., 2019) придерживаются ряда допущений. Во-первых, классические ИТ-системы (*ERP*, *MES*, *ACU* ТП) на многих промышленных предприятиях уже внедрены. Во-вторых, традиционные офисные ИТ-продукты (например, пакеты программных продуктов *Microsoft Office* и аналоги) также внедрены. Объектом исследования чаще всего становится внедрение решений по технологиям Индустрии 4.0 и новым подходам к ведению бизнеса в контексте устойчивого развития, цифровой логистики и т. п.

Измерением цифровой трансформации экономики занимаются в России Федеральная служба государственной статистики, федеральные профильные министерства, несколько национальных исследовательских

¹ См., например, комментарий к паспорту показателя: <https://www.fedstat.ru/indicator/50156#>

организаций (НИУ ВШЭ и другие, часть исследований проводят ИТ-компании, например, КРОК² и другие; есть сборники «Цифровая экономика» (НИУ ВШЭ в партнерстве с Минцифры России и Росстатом), сборник «Информационное общество в Российской Федерации 2020»³ Росстата и другие, проекты – такие как Цифробанк⁴ и др.), в Республике Беларусь подобную информацию агрегирует Национальный статистический комитет (более чем по 15 показателям).

На наш взгляд, в целом существует дефицит информации о цифровой трансформации отдельных предприятий и отраслей, что затрудняет проведение структурного анализа. Вероятно в перспективе целесообразно расширять статистические сведения о цифровизации промышленности новыми разрезами данных.

S. A. Tolkachev с соавторами (Tolkachev et al., 2020) отмечают, что суть процесса цифровизации в условиях развертывания Четвертой промышленной революции заключается в процессе проникновения инфокоммуникационных технологий в механизмы и бизнес-процессы реального сектора экономики. А ключевым компонентом цифровой трансформации производственных отраслей является внедрение киберфизических систем. Таким образом, цифровизация обеспечивает большую связанность между материальными активами и программными продуктами, которые используются в бизнес-процессах предприятий.

К вопросам цифровизации промышленные компании подходят взвешенно и зачастую с позиций оценки экономической эффективности их внедрения и последующей эксплуатации. Доказано (например, Chudaeva et al., 2019), что изменение практически всех процессов предприятия за счет цифровизации упрощает и удешевляет одни из них, но усложняет и удорожает другие, а также приводит к появлению новых процессов на предприятиях, что, в свою очередь, порождает новые риски и угрозы, а также дополнительные затраты. Таким образом, для большинства частных промышленных предприятий цифровизация является инструментом повышения операционной эффективности, а не самоцелью.

Как отмечают исследователи ВШЭ, «наиболее “популярны” в российской промышленности облачные сервисы (их использует 27,1 % организаций), которые обеспечивают обработку постоянно растущего объема данных о производственных и бизнес-процессах, генерируемых на предприятиях (в том числе с IoT-устройств). На 2-м месте – промышленные роботы (17,2 %), за счет которых достигается сокращение издержек на персонал, стабильно высокое качество продукции, а также увеличение технологической гибкости производства» (Цифровая трансформация: ожидания и реальность..., 2022, с. 33). Меньше всего в промышленности используются «цифровые двойники» (3,3 %, что, однако, в три раза выше среднего по экономике) и искусственный интеллект (3,6 %, что ниже среднего по экономике) (Абдрахманова и др., 2022). Среди специального ПО преобладает ERP – 18,6 %. По объективным причинам также высок уровень использования ПО для проектирования и моделирования изделий – 16,3 %, систем управления производственными процессами (MES) – 11,6 %, в меньшей степени используются PLM/PDM – 4 % (Цифровая трансформация: ожидания и реальность..., 2022, с. 33).

Затраты организаций обрабатывающей промышленности России на внедрение и использование цифровых технологий составляют 1,7–1,8 % (2019 и 2020 гг. соответственно) от валовой добавленной стоимости, что ниже, чем по экономике в целом (2,7 % в 2019, 2020 гг.). С одной стороны, это может свидетельствовать о потенциале роста, с другой – вероятно, является следствием иной структуры затрат организаций обрабатывающей промышленности в целом по сравнению с другими организациями в экономике.

При этом общий тренд роста внутренних затрат в экономике России на развитие цифровой экономики остается стабильным (рис. 1) и снижение показателя в 2020 г. представляется нам статистически незначимым в связи с пандемией Covid-19 и общим ростом неопределенности.

Исходя из плановых показателей национальной цели «Цифровая трансформация» для обрабатывающей промышленности, очевидно, что как минимум системообразующие предприятия ждут структурные сдвиги. Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневский, М. А. Гершман, Л. М. Гохберг и другие исследователи отмечают, что «в условиях увеличившегося внешнего давления на высокотехнологичные

² См., например, «КРОК» презентовал исследование по цифровизации пищевой промышленности. (2022, 26 мая). <https://companies.rbc.ru/news/63e0932c-6397-4d36-a7ac-7e9cd4ccbfa3/krok-prezentoval-issledovanie-po-tsifrovizatsii-pischevoj-promyshlennosti/>

³ См., например, <https://rosstat.gov.ru/folder/154885?print=1>

⁴ <https://cdo2day.ru/cases>

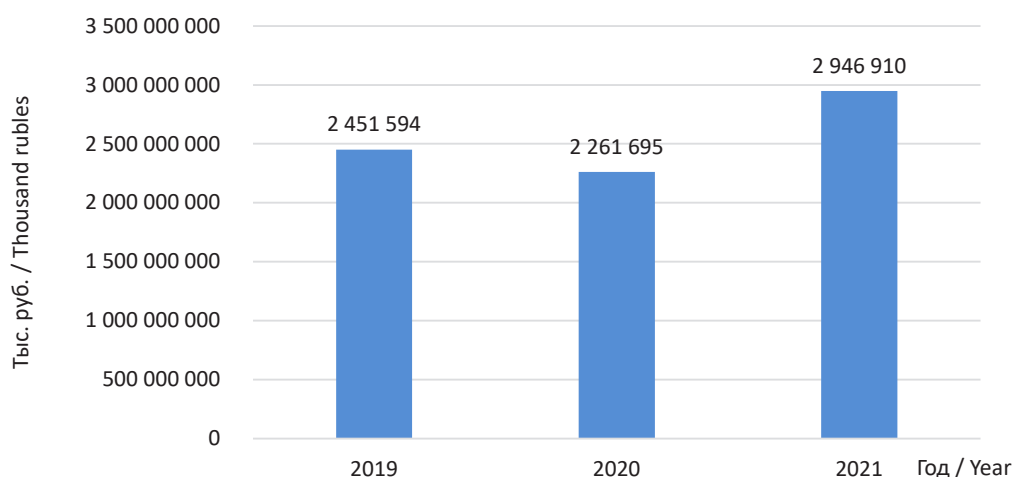

Рис. 1. Внутренние затраты на развитие цифровой экономики за счет всех источников, по России, 2019–2021 гг.

Источник: составлено по данным Внутренние затраты на развитие цифровой экономики за счет всех источников. ЕМИСС. <https://www.fedstat.ru/indicator/59982>

Fig. 1. Domestic expenses for developing digital economy from all sources, all over Russia, 2019–2021

Source: compiled by the data “Domestic expenses for developing digital economy from all sources”. EMISS. <https://www.fedstat.ru/indicator/59982>

отрасли, <...> очевидно, что сектор ИКТ в ближайшем будущем ожидает реструктуризация с усилением рыночного положения российского бизнеса, а также компаний из стран, не присоединившихся к западным санкциям. В конечном счете это отразится в траекториях цифровой трансформации экономики и социальной сферы» (Цифровая трансформация: ожидания и реальность..., 2022, с. 193).

Потенциальные выгоды от цифровизации основных производственных бизнес-процессов и вспомогательных бизнес-процессов велики – это, прежде всего, снижение временных затрат (рост эффективности, производительности), формирование новых источников дохода и расширение границ экономических возможностей предприятия и региона, страны в целом. Такой экономический подъем приводит к повышению глобальной конкурентоспособности и улучшению жизненных условий населения.

Однако не в последнюю очередь цифровизация промышленности будет определяться динамикой цифровой зрелости как самих промышленных предприятий, так и органов государственной власти, которые во многом определяют промышленную политику.

2. Некоторые структурные изменения в промышленности, вызванные цифровизацией

Несмотря на имеющиеся финансовые и нефинансовые барьеры в сфере цифровизации промышленности, на национальном уровне в России ведется скоординированная политика по цифровизации промышленности, разрабатываются и развиваются методики оценки цифровой зрелости (например, анкета *Digital Maturity Assessment Tool (DMAT)*; методики, разработанные *Deloitte*, *KPMG*; методика Министерства промышленности и торговли России (далее – Минпромторг России)⁵ и др.).

Мы рассматриваем изменение в уровне цифровой зрелости как интегральный показатель динамики цифровизации деятельности однородных групп экономических субъектов (как в промышленности, так и в органах государственного управления). В рамках настоящей статьи мы изучаем методики и показатели цифровой зрелости для двух однородных групп экономических агентов – для промышленных предприятий, охваченных Министерством промышленного развития и торговли Российской Федерации, а также для органов государ-

⁵ См., например, <https://www.economy.gov.ru/material/file/371da805d6a083111877a2ac0f9f9b29/Minpromtorg.pdf>

ственной власти, статистические данные по цифровой зрелости которых агрегируются структурами Росстата (Федеральной службы государственной статистики России). Выбор объектов исследования в данном случае обоснован наличием статистических данных.

Методики оценки цифровой зрелости основываются частично на экспертных оценках. Так, федеральная методика оценки цифровой зрелости для промышленных предприятий, разработанная Минпромторгом России, основывается на самооценке предприятий по вопросам специализированной анкеты. Обрабатывающая промышленность входит в число отраслей, по которым осуществляется мониторинг цифровой зрелости в рамках достижения национальной цели «Цифровая трансформация». В ноябре 2021 г. утверждена стратегия цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности до 2030 г. (Цифровая трансформация: ожидания и реальность..., 2022, с. 31), которая в том числе направлена на достижение ее цифровой зрелости.

Расчет показателей ведется только в контуре из 552 системообразующих предприятий, вносящих отчетность в Государственной информационной системе промышленности, включая 206 предприятий группы «Машиностроение и приборостроение», 77 предприятий группы «Химическая и металлургическая промышленность» и 90 предприятий групп «Легкая промышленность и лесопромышленный комплекс», «Фармацевтическая и медицинская промышленность». Осуществляется мониторинг использования промышленными предприятиями более 130 видов программного обеспечения (далее – ПО), ключевые из них – системы классов: CAD, CAE, PLM, MES, SCADA⁶. Предпосылкой к росту объемов использования аккредитованных в качестве отечественных решений в сфере ПО и ИКТ оборудования в бизнес-процессах являются и технологические тренды. В более ранних наших работах было показано, что «экономические стимулы в виде сокращения стоимостных и временных затрат, увеличение отдачи от инвестиций определяют направление технологического развития в сфере технологий работы с данными в целом от централизации к децентрализации (с 2019–2020-х гг. по настоящее время) и большей автоматизации» (Селиверстова, 2023).

Таким образом, по результатам проведенного анализа научной литературы выявлено, что структурные изменения в современной промышленности России в результате цифровизации включают в себя:

- Рост объемов использования аккредитованных в качестве отечественных решений в сфере ПО и ИКТ оборудования в бизнес-процессах, что является как результатом, так и предпосылкой роста цифровой зрелости хозяйствующих субъектов.

- Цифровизацию коммуникационных процессов в сфере устойчивого развития (рассматривается как отдельный структурный сдвиг в связи с выделением отдельных стимулов в виде положений государственной промышленной политики, решений Банка России, решений крупнейших компаний).

Рассмотрим их подробнее.

По апробированной в январе 2021 г. Методике Минпромторга России по оценке цифровой зрелости отрасли «Промышленность», средний уровень цифровой зрелости по полученным 150 анкетам составил 53,89 %⁷. Согласно расчетам исследователей ВШЭ на основании открытой официальной информации изменения по 10 оцениваемым показателям представляются кратными исходным значениям. Целевая динамика общего показателя приведена на рис. 2.

На основе анкетирования системообразующих предприятий оценивается цифровая зрелость их основных и вспомогательных производственных процессов. В 2021 г., по данным российских исследователей, она находилась на уровне 44 и 49 % соответственно из 100 % возможных.

Цифровизация промышленности происходит в том числе под влиянием цифровизации органов государственной власти и в рамках проводимой государственной промышленной политики. Так, «цифровая зрелость» органов государственной власти растет. По доступным в 2023 г. статистическим данным по России, за 2022 и 2021 гг. виден рост среднего значения при сохранении параметров вариации, т. е. регионы пока не становятся более однородными в части цифровой зрелости и цифровизации, уровень надежности для расчетов 95 % ($\alpha = 0,05$) (табл. 1, по 85 субъектам РФ).

⁶ См., например, *Показатели цифровой зрелости отрасли «Промышленность»: презентация Минпромторга России*. <https://www.economy.gov.ru/material/file/371da805d6a083111877a2ac0f9f9b29/Minpromtorg.pdf>

⁷ См. там же.

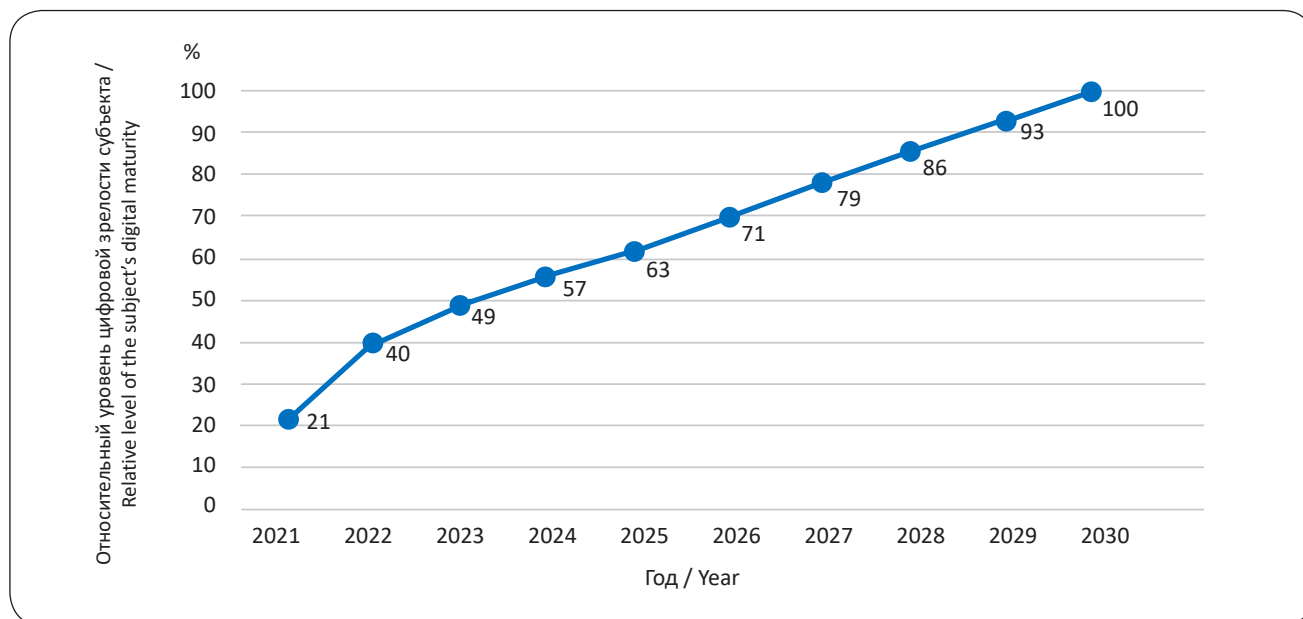

Рис. 2. Цифровая зрелость промышленности, плановые значения на 2022–2030 гг.

Источник: составлено по данным (Цифровая трансформация: ожидания..., 2022).

Fig. 2. Digital maturity of industry, planned values for 2022–2030

Source: compiled by the data (Digital transformation: expectations..., 2022).

На наш взгляд, результаты расчетов, приведенные в таблице, свидетельствуют о том, что деятельность по цифровизации органов государственной власти хорошо скоординирована, поскольку показатели вариации – дисперсия выборки и стандартное отклонение – остались в 2022 г. на уровне 2021 г., а общая положительная динамика вызвана системными усилиями, а не «эффектом низкой базы». Если бы регионы с низким уровнем цифровой зрелости существенно продвинулись на этом пути за год, показатели вариации должны были бы статистически значимо уменьшиться.

Работы В. И. Абрамова, В. Д. Андреева также подтверждают координированную работу регионов России в направлении цифровизации и цифровой трансформации: «...в России, согласно методике оценки цифровой зрелости, осуществлен первый этап цифровой трансформации государственного и муниципального управления, в рамках которого происходит перевод процессов в электронный формат. Тогда как в экономически и технически развитых странах в настоящее время цифровая трансформация государственного и муниципального управления проходит второй этап с организацией механизма сбора и управления данными в реальном времени и третий этап, подразумевающий реализацию механизма воздействия на реальный мир через цифровую макросреду органами власти, бизнесом и гражданами с соответствующими стратегически значимыми преимуществами социального и экономического характера» (Абрамов, Андреев, 2023).

Что касается роста объемов использования ИКТ в промышленности России, то следует особо отметить развитие системы нормативных требований к цифровизации объектов критической инфраструктуры, к информационной безопасности промышленных предприятий. С учетом возросшего внешнего давления экономические стимулы к развитию получили отечественные производители программного обеспечения, а у многих предприятий появилась возможность участия в грантах на внедрение отечественного ПО. Начиная с 2023 г. практически весь бюджет заказчиков на средства защиты информации в государственном и корпоративном секторах будет потрачен на продукцию российских вендоров, что дает возможность роста этой части рынка со 113 млрд руб. в 2021 г. до 446 млрд руб. в 2026 г. (в 4 раза)⁸.

⁸ Прогноз развития рынка кибербезопасности в Российской Федерации на 2022–2026 годы. (2022). ЦСР. <https://www.csr.ru/upload/iblock/13f/ufleu9rg5zc3ldu66srt3a89j0mrve5.pdf>

Описательная статистика данных о «цифровой зрелости» органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций в сфере здравоохранения, образования, городского хозяйства и строительства, общественного транспорта, подразумевающая использование ими отечественных информационно-технологических решений

Descriptive statistics of the data on “digital maturity” of the state authorities of the Russian subjects, local self-government bodies and organization in the spheres of healthcare, education, communal service and construction, public transport, implying their use of the Russian information-technological solutions

Год / Year			
2021		2022	
Среднее / Average	52,394118	Среднее / Average	68,76824
Стандартная ошибка / Standard error	1,2251672	Стандартная ошибка / Standard error	1,234696
Стандартное отклонение / Standard deviation	11,295483	Стандартное отклонение / Standard deviation	11,38333
Дисперсия выборки / Sample dispersion	127,58794	Дисперсия выборки / Sample dispersion	129,5803
Интервал / Interval	53,5	Интервал / Interval	54,5
Минимум / Minimum	27	Минимум / Minimum	45,2
Максимум / Maximum	80,5	Максимум / Maximum	99,7

Источник: составлено авторами на основе данных ЕМИСС. <https://www.fedstat.ru/indicator/61933#>

Source: compiled by the author based on the data of EMISS. <https://www.fedstat.ru/indicator/61933#>

Рост объемов использования ИКТ в промышленности определяется современной промышленной политикой, а также внешними угрозами, в частности, угрозами информационной безопасности. Количество утечек данных растет (по данным *Group IB*, в 2022 г. в России пик пришелся на август); 100⁹ баз данных российских компаний выложили в Сеть. Прирост инвестиций в основной капитал в сфере отечественного производства ИКТ в России за 2022 г. составил +5,9 % (и 10,9 % по сектору ИКТ в целом) (Абдрахманова и др., 2022), прирост инвестиций запланирован на 2023 г., что приведет к структурным изменениям в отрасли. Это существенные качественные изменения отрасли производства ИКТ в России, поскольку глобальное производство ИКТ отличается высокой концентрацией. «Экспорт товаров ИКТ имеет высокую степень концентрации: на долю 10 ведущих экспортеров приходилось 99,6 % от общей стоимости» (Нагорный, 2021, с. 73).

Обзор зарубежной англоязычной научной литературы также показал, что большинство авторов трактуют устойчивое развитие как фактор структурных сдвигов в промышленности в связи с проблемами изменения климата. В различных исследованиях отмечается, что процесс технического прогресса и структурных изменений является решающим фактором реализации зависимости между уровнем ВВП и выбросами парниковых газов, известной как *Environmental Kuznets Curve* (ЕКС (Panayotou et al., 2000)) (Shafik & Bandyopadhyay, 1992; Villanthenkodath et al., 2021).

В России до конца 2010-х гг. наблюдался ряд разрозненных активностей в сфере расширения масштабов внедрения практик устойчивого развития. В 2020–2021 гг. наблюдались события, свидетельствовавшие о росте внимания к вопросам устойчивого развития в экономике России, которая характеризуется высоким уровнем «углеродного следа».

Во-первых, экологическая катастрофа в Норильске в 2020 г. стала одной из отправных точек для массового развития ESG-практик в крупном бизнесе России.

Во-вторых, был дан ряд поручений на федеральном уровне с целью обеспечения поддержания финансовой стабильности в экономике России. Например, «власти России, экономика которой характеризуется высоким уровнем „углеродного следа“, задумались о рисках выхода глобальных инвесторов из компаний с ESG-рисками»¹⁰.

⁹ См., например, Быстрова, Е. (2022, 7 сентября). Август побил антирекорд мая по утечкам данных. *Ideco*. <https://www.anti-malware.ru/news/2022-09-07-111332/39486>

¹⁰ См., например, Власти России задумались о рисках падения спроса на активы с ESG-рисками. (2021, 5 марта). *Журнал АО*. <https://ao-journal.ru/vlasti-rossii-zadumalis-o-riskah-padeniya-sprosa-na-aktivy-s-esg-riskami>

В-третьих, появились корпоративные примеры использования зеленых финансовых инструментов. Так, в 2021 г. «российская авиакомпания „Аэрофлот“ впервые привлекла кредит с привязкой к ESG-рейтингу <...> ПАО „Аэрофлот“ и ПАО „Совкомбанк“ подписали соглашение, согласно которому ставка по возобновляемой кредитной линии в размере 320 млн долл. привязана к ESG-рейтингу Аэрофлота международного агентства *MSCI ESG*»¹¹.

В-четвертых, Банк России расширяет рекомендации в области нефинансовой отчетности – раскрытии информации в сфере устойчивого развития ПАО. Российские компании все чаще публикуют нефинансовую отчетность.

В-пятых, происходит совершенствование требований к нефинансовой отчетности и появляются цифровые ресурсы для коммуникаций по вопросам устойчивого развития. Появляются умные цифровые решения для экологической устойчивости. Появляются и первые зарубежные опытные космические ESG-проекты, одним из примеров которых может служить совместный проект *Nestle* и *Airbus. Defence & Space* для мониторинга динамики роста посаженных лесов из космоса (150 000 деревьев на фермах, где *Nestle* закупает кофе).

Устойчивое развитие становится массовым явлением в корпоративном секторе экономик развитых и развивающихся стран с середины 2010-х гг., и даже больше – в начале 2020-х гг., в то время как цифровые технологии и цифровизация начали массово распространяться на 10–15 лет раньше, что обеспечило более широкое проникновение информационных технологий в социально-экономические отношения. Это позволяет предположить, что принимаемые в настоящее время меры в направлении дальнейшего распространения практик устойчивого развития приведут в дальнейшем к существенным качественным изменениям в промышленности России, к структурным сдвигам.

На наш взгляд, это может вызвать в перспективе увеличение показателей использования технологий в сфере устойчивого развития в промышленности России.

3. Технологические особенности цифровизации промышленности России

Что касается использующихся в промышленности программных продуктов, то следует отметить, что они «тесно взаимосвязаны, заменить только их часть и совместить российское ПО с зарубежным достаточно сложно, поэтому возникает необходимость полного перехода на собственные совместимые продукты. Однако в ближайшем будущем по многим направлениям это не представляется реалистичным» (Цифровая трансформация: ожидания..., 2022, с. 44). Темпы цифровой трансформации также различаются для высокотехнологичных, среднетехнологичных и низкотехнологичных видов экономической деятельности в силу структуры активов, статей затрат, конкурентных факторов.

Санкционные шоки позволили мобилизовать внутренние ресурсы цифровой трансформации в российской экономике с учетом существующих ограничений. Исследователи ВШЭ отмечают, что «даже в программных продуктах российских разработчиков высока доля иностранных составляющих» – библиотек функций, элементов, составляющих ядро компьютерных программ, аппаратных компонентов, и «для решения этой проблемы Правительством Российской Федерации в 2021 г. была утверждена дорожная карта по созданию единой экосистемы промышленного ПО при участии ГК „Росатом“ и ГК „Ростех“» (Цифровая трансформация: ожидания..., 2022, с. 34). Проект получил название «Модульная мультисервисная промышленная платформа» (далее – ММПП), и его планируется завершить в 2024 г.

Также, рассуждая о технологических особенностях цифровизации промышленности России, целесообразно обратить внимание на статистические показатели развития сектора ИКТ, и в частности, производства ИКТ.

Отмечается интересная динамика производства ИКТ в последние годы по сравнению, например, с 2015 г. Так, по исследованиям ВШЭ, наиболее весомый прирост валовой добавленной стоимости в секторе ИКТ можно наблюдать в производстве ИКТ-оборудования (прирост на 39,3 %), «позволивший преодолеть пятилетнее отставание от объемов ВДС 2015 г. (2020 г. к 2015 г. – 89 %, 2021 г. к 2015 г. – 124 %). Это произошло за счет заметного расширения производства бытовой электроники (рост в 1,9 раза) и коммуникационного

¹¹ Аэрофлот подписал кредитное соглашение с привязкой к ESG-рейтингу. (2021, 27 мая). Журнал АО. <https://ao-journal.ru/aeroflot-podpisal-kreditnoe-soglasenie-s-privyazkoy-k-esg-reytingu>

оборудования (в 1,5 раза). О положительных тенденциях в развитии сегмента свидетельствует двукратный рост инвестиций в основной капитал за 2021 г. (в том числе в производство электронной компонентной базы) (Абдрахманова и др., 2022). В 2022 г. рост инвестиций в основной капитал в производстве ИКТ в России продолжился и составил 5,9 %, запущено создание нескольких новых производств (в частности, строительство нового завода ГК ICL в Татарстане по поверхностному монтажу печатных плат и сборке готовых изделий до 1 млн изделий в год¹²). С одной стороны, такие изменения означают существенные структурные изменения в производстве ИКТ в России и увеличение потенциальных возможностей использования в российской промышленности оборудования отечественного производства. Это сложно было представить еще несколько лет назад, поскольку, согласно статистическим данным, прибыль компаний, производящих электронику и компьютерное оборудование, в последние годы (рассматривая относительно стабильный период до 2020 г.) росла относительно низкими темпами и не покрывает капитальных затрат на исследования и разработки, которые растут гораздо быстрее. Так, в период с 2010 по 2017 г. средний объем таких затрат для крупных ИКТ-компаний составил 13,6 % выручки, или около 21 % от ВДС, что на 10–11 % больше полученной прибыли (Ganichev & Koshovets, 2019).

В области устойчивого развития также создаются предпосылки к появлению в дальнейшем платформенного решения на базе разрабатываемых государственных информационных систем (далее – ГИС). По состоянию на середину 2023 г. в России разрабатывается несколько ГИС в области экологии в России, а именно:

1. ФГИС УТКО (Управление твердыми коммунальными отходами) – данные для федеральных и региональных органов власти по текущему и перспективному состоянию обращения с ТКО.
2. ФГИС УОИТ (Учет отходов от использования товаров). Держатель – Минприроды, система заменит сервис Росприроднадзора по сбору отчетности.
3. ФГИС ОПВК (Учет и контроль обращения с отходами I и II классов опасности).
4. ФГИС ЛК (Единый цифровой ресурс о лесе).

Как показало исследование К. Н. Бояковой (Боякова, 2022), институциональная структура цифровизации российской промышленности является в большей степени закрытой и имеет большой уровень государственного участия в лице представителей федеральных органов власти. Это в целом характерно для многих развивающихся стран, в том числе и для Республики Беларусь.

Таким образом, на основании проведенного анализа научной литературы нами могут быть выделены следующие технологические особенности цифровизации промышленности России на примере среднетехнологичных видов экономической деятельности:

1. *Платформенный характер технологий сбора и обработки данных промышленных предприятий на базе ММПП.* Оркестратором платформы выступают федеральные государственные структуры.
2. *Использование отечественных (и аккредитованных в качестве таковых федеральными государственными реестрами данных решений из дружественных стран) технологических решений для дальнейшей цифровизации промышленности (или аккредитованных отечественными федеральными реестрами данных решений дружественных стран).* Что вызвано возросшим внешним давлением, государственной политикой по обеспечению технологического суверенитета. Важно отметить, что промышленная политика опирается на создание для предприятий не только правовых, регуляторных, но и экономических стимулов к выбору отечественных технологических решений для цифровизации бизнес-процессов.
3. *Ограничения отечественного ИКТ по номенклатуре серийной продукции и емкости сектора ИКТ.*

Заключение

Развитие российской промышленности идет поступательными темпами благодаря скоординированной стимулирующей промышленной политике. В рамках промышленной политики реализуется комплекс мер по цифровизации промышленности, особенно основной массы отраслей, которые относятся к видам деятельности среднего уровня технологичности.

¹² См., например, ICL построит завод с объемом производства до 1 млн изделий в год. (2022, 17 мая). CNews. https://www.cnews.ru/news/top/2022-05-17_tatarstane_poyavitsya_novyj

Статистическая характеристика цифровизации промышленности демонстрирует широкий набор решений ИКТ, востребованных отечественными предприятиями.

Поступательными темпами идет развитие объемов сборки и производства компонентной базы ИКТ-товаров благодаря Государственной программе поддержки микроэлектронной промышленности, запущенной в 2015 г. и получившей новые финансовые инструменты поддержки в 2022–2023 гг. Все это согласуется с выводами отечественных и зарубежных исследователей о комплексном характере развития процессов цифровой трансформации в экономике (Карпович, 2023; Глезман и др., 2020), о связанности этих процессов на предприятиях разных видов деятельности.

На современном этапе развития значимыми факторами структурных сдвигов для среднетехнологичных отраслей промышленности, на наш взгляд, выступают конвергентные технологии, наиболее существенными из которых являются:

1. Цифровизация.
2. Экологизация (в том числе ESG-трансформация).

3. Политика по созданию экономических стимулов экономического развития хозяйствующих субъектов (государственная промышленная политика, развитие инструментов внутриинтеграционных связей и др.).

В качестве структурных сдвигов в промышленности под влиянием и во взаимосвязи с цифровизацией нами в рамках данной статьи выделены и описаны:

– Рост объемов использования аккредитованных в качестве отечественных решений в сфере ПО и ИКТ оборудования в бизнес-процессах, что является как результатом, так и предпосылкой роста цифровой зрелости хозяйствующих субъектов.

– Цифровизация коммуникационных процессов в сфере устойчивого развития.

Развитие процессов цифровой трансформации промышленности Республики Беларусь происходит по схожему пути, поскольку, как отмечали И. В. Макарова, Г. В. Лепеш, О. Д. Угольников, Ю. В. Мелешко, при анализе «стратегических документов развития информационного общества и цифровой экономики России и Беларуси выявлено, что их перечень и содержание практически идентичны, исключая меры и механизмы государственной поддержки, что обусловлено различной структурой промышленности...» (Макарова и др., 2021).

Поэтому сделанные выводы на основании анализа данных по экономике России могут быть экстраполированы (с определенной осторожностью) на экономику Республики Беларусь и некоторых других стран.

Список литературы

Абдрахманова, Г. И., Васильковский, С. А., Вишневецкий, К. О., Гершман, М. А., Гохберг, Л. М. и др.; рук. авт. кол. П. Б. Рудник. (2022). *Цифровая трансформация: ожидания и реальность: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики.

Абдрахманова, Г. И., Васильковский, С. А., Вишневецкий, К. О., Гохберг, Л. М. и др. (2022). *Тенденции развития интернета: от цифровых возможностей к цифровой реальности: аналитический доклад*. Москва: НИУ ВШЭ. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2602-6>

Абрамов, В. И., Андреев, В. Д. (2023). Анализ стратегий цифровой трансформации регионов России в контексте достижения национальных целей. *Вопросы государственного и муниципального управления*, 1, 89–119. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-1-89-119>

Авдеева, И. Л., Полянин, А. В., Головина, Т. А. (2019). Цифровизация промышленных экономических систем: проблемы и последствия современных технологий. *Известия Саратовского университета. Нов. сер. Серия Экономика. Управление. Право*, 19(3), 238–245. (In Russ.). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-238-245>

Боякова, К. Н. (2022). Политика регулирования цифровой трансформации промышленности в России. *Бизнес. Общество. Власть*, 44–45, 126–140. <https://www.hse.ru/data/2022/08/31/1694799245/%D0%91%D0%9E%D0%92%2044-45%202022-126-140.pdf>

Глезман, Л. В., Буторин, С. Н., Главацкий, В. Б. (2020). Цифровизация промышленности как фактор технологического развития региональной пространственно-отраслевой структуры. *Вопросы инновационной экономики*, 10(3), 1555–1570. <https://doi.org/10.18334/vinest.10.3.110762>

Гусаков, В. Г. (2021). Белорусская наука на пути к новым точкам роста. *Наука и инновации*, 11, 4–11.

- Дегтярев, П. А. (2023). *Совершенствование бизнес-процессов промышленных предприятий на основе принципов устойчивого развития (ESG): автореф. ... дис. канд. экон. наук*. <https://hub.sfedu.ru/storage/1/1308839/682ca610-0b1d-4164-8e30-1125491f5a44/>
- Зубрицкая, И. А. (2021). *Экономическая оценка цифровой трансформации обрабатывающей промышленности Республики Беларусь: дис. ... канд. экон. наук*. Минск.
- Карпович, В. Ф. (2023). Направления цифровизации деятельности промышленных организаций в Беларуси. *Экономические исследования и разработки*, 2. <http://edrj.ru/article/19-02-23>
- Кузьмин, П. С. (2021). Цифровизация промышленности: эмпирическая оценка цифровой зрелости предприятий. *Стратегические решения и риск-менеджмент*, 12(3), 220–235. <https://doi.org/10.17747/2618-947x-2021-3-220-235>
- Кулик, Н. Л. (2019). Формирование и развитие новых профессий в условиях цифровизации экономики Республики Беларусь. *Вестник Полоцкого государственного университета*, 14, 27–30.
- Макарова, И. В., Лепеш, Г. В., Угольников, О. Д., Мелешко, Ю. В. (2021). Анализ директивных и программных документов по цифровой индустриализации Российской Федерации и Республики Беларусь. *Научные сообщества*, 1, 150–172. [https://vgmu.hse.ru/data/2021/03/15/1399132335/PAI_1-2021\(7\).pdf](https://vgmu.hse.ru/data/2021/03/15/1399132335/PAI_1-2021(7).pdf)
- Нагорный, Д. А. (2021). *Цифровая трансформация мировой экономики: тенденции и перспективы: дис. ... канд. экон. наук*. Москва.
- Селиверстова, Н. С. (2023). Эволюция подходов по работе с данными под влиянием экономических стимулов. *Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика*, 25(1), 104–115.
- Федотова, Г. В. (2019). Проблемы цифровизации промышленного сектора. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, 15(2), 273–283. <https://doi.org/10.24891/ni.15.2.273>
- Шкутько, О. Н. (2022). Многоформатное интеграционное взаимодействие стран на рынке услуг. В сб. *Материалы форума «Перспективы евразийской экономической интеграции», посвященного 10-летию Евразийской экономической комиссии в рамках 18-го Международного научного семинара «Мировая экономика и бизнес-администрирование»*: материалы XX Международной научно-технической конференции (с. 99–101). Минск: Четыре четверти.
- Bogoviz, A. V., Ragulina, Y. V., Komarova, A. V. et al. (2017). Modernization of the Approach to Usage of Region's Budget Resources in the Conditions of Information Economy Development. *European Research Studies Journal*, 20(3), 570–577.
- Chudaeva, A. A., Mantulenko, V. V., Zhelev, P., & Vanickova, R. (2019). Impact of Digitalization on the Industrial Enterprises Activities. *SHS Web Conf.*, 62, 03003. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196203003>
- Comuzzi, M., & Patel, A. (2016). How organisations leverage big data: A maturity model. *Industrial Management & Data Systems*, 116(8), 1468–1492.
- Ericsson. (2020). *Unlock the Value of Industry 4.0*. <https://www.ericsson.com/en/industry4-0>
- Ganichev, N. A., & Koshovets, O. B. (2019). Integrating Russia into the global project of digital transformation: Opportunities, problems and risks. *Stud. Russ. Econ. Dev.*, 30, 627–636.
- Issa, A., Hatiboglu, B., Bildstein, A., & Bauernhansl, T. (2018). Industrie 4.0 Roadmap: Framework for Digital Transformation Based on the Concepts of Capability Maturity and Alignment. *Procedia CIRP*, 72, 973–978.
- ITU. (2019a). *Digital Transformation and the Role of Enterprise Architecture*. Geneva. https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/str/D-STR-DIG_TRANSF-2019-PDF-E.pdf
- ITU. (2019b). *Digital Skills Insights*. <https://academy.itu.int/sites/default/files/media2/file/Digital%20Skills%20Insights%202019%20ITU%20Academy.pdf>
- ITU. (2019c). *Focus Group on Technologies for Network 2030*. <https://www.itu.int/en/ITU-T/focusgroups/net2030/Pages/default.aspx>
- Matt, D. T., Pedrini, G., Bonfanti, A., & Orzes, G. (2023). Industrial digitalization. A systematic literature review and research agenda. *European Management Journal*, 41(1), 47–78. <https://doi.org/10.1016/j.emj.2022.01.001>
- Panayotou, T., Peterson, A., & Sachs, J. (2000). Is the Environmental Kuznets Curve Driven by Structural Change? What Extended Time Series May Imply for Developing Countries?. *CAER II Discussion Paper*, 80.
- Schumacher, A., Nemeth, T., & Sihn, W. (2019). Roadmapping towards industrial digitalization based on an Industry 4.0 maturity model for manufacturing enterprises. *Procedia CIRP*, 79, 409–414. <https://doi.org/10.1016/j.procir.2019.02.110>
- Shafik, N., & Bandyopadhyay, S. (1992). *Economic Growth and Environmental Quality: Time-series and Cross-country Evidence*. World Bank Publications.
- Tolkachev, S. A., Bykov, A. A., Morkovkin, D. E., Borisov, O. I., & Gavrilin, A. V. (2020). Digitalization of manufacturing in Russia, Belarus and the European Union. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, 421(3). <https://doi.org/10.1088/1755-1315/421/3/032041>
- Villanthenkodath, M. A., Ansari, M. A., Shahbaz, M., & Vo, X. V. (2021). Do tourism development and structural change promote environmental quality? Evidence from India. *Environment, Development and Sustainability*. <https://doi.org/10.1007/s10668-021-01654-z>

References

- Abdrakhmanova, G. I., Vasilkovskii, S. A., Vishnevskii, K. O., Gershman, M. A., Gokhberg, L. M. et al.; P. B. Rudnik (head of the authors' collective) (2022). *Digital transformation: expectations and reality: report for the 23rd Yasin (April) International scientific conference on the problems of economy and society development*. Moscow: Higher School of Economics Publishers.
- Abdrakhmanova, G. I., Vasilkovskii, S. A., Vishnevskii, K. O., Gokhberg, L. M. et al. (2022). *Trends of the Internet development: from digital opportunities to digital reality: analytical report*. Moscow: HSE University. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2602-6>
- Abramov, V., & Andreev, V. (2023). Analysis of strategies for digital transformation of Russian regions in the context of achieving national goals. *Public Administration Issues*, 1, 89–119. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-1-89-119>
- Avdeeva, I. L., Polyanin, A. V., & Golovina, T. A. (2019). Industrial Economic Systems' Digitalization: Problems and Consequences of Modern Technologies. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 19(3), 238–245. (In Russ.). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-238-245>
- Bogoviz, A. V., Ragulina, Y. V., Komarova, A. V. et al. (2017). Modernization of the Approach to Usage of Region's Budget Resources in the Conditions of Information Economy Development. *European Research Studies Journal*, 20(3), 570–577.
- Boiakova, K. (2022). Regulatory policy for digital transformation of industry in Russia. *Biznes. Obshchestvo. Vlast*, 44–45, 126–140. <https://www.hse.ru/data/2022/08/31/1694799245/%D0%91%D0%9E%D0%92%2044-45%202022-126-140.pdf>
- Chudaeva, A. A., Mantulenko, V. V., Zhelev, P., & Vanickova, R. (2019). Impact of Digitalization on the Industrial Enterprises Activities. *SHS Web Conf.*, 62, 03003. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196203003>
- Comuzzi, M., & Patel, A. (2016). How organisations leverage big data: A maturity model. *Industrial Management & Data Systems*, 116(8), 1468–1492.
- Degtyarev, P. A. (2023). *Improving business processes of industrial enterprises based on sustainable development principles (ESG): abstract of the thesis for a Candidate Degree in Economics*. <https://hub.sfedu.ru/storage/1/1308839/682ca610-0b1d-4164-8e30-1125491f5a44/>
- Ericsson. (2020). *Unlock the Value of Industry 4.0*. <https://www.ericsson.com/en/industry4-0>
- Fedotova, G. V. (2019). Digitization issues of the manufacturing sector. *Economic Policy of the State*, 15(2), 273–283. <https://doi.org/10.24891/ni.15.2.273>
- Ganichev, N. A., & Koshovets, O. B. (2019). Integrating Russia into the global project of digital transformation: Opportunities, problems and risks. *Stud. Russ. Econ. Dev.*, 30, 627–636.
- Glezman, L. V., Butorin, S. N., & Glavatskiy, V. B. (2020). Tsifrovizatsiya promyshlennosti kak faktor tekhnologicheskogo razvitiya regionalnoy prostranstvenno-otraslevoy struktury. *Russian Journal of Innovation Economics*, 10(3), 1555–1570. <https://doi.org/10.18334/vinec.10.3.110762>
- Gusakov, V. G. (2021). Belorussian science on the way to new growth points. *Nauka i innovatsii*, 11, 4–11.
- Issa, A., Hatiboglu, B., Bildstein, A., & Bauernhansl, T. (2018). Industrie 4.0 Roadmap: Framework for Digital Transformation Based on the Concepts of Capability Maturity and Alignment. *Procedia CIRP*, 72, 973–978.
- ITU. (2019a). *Digital Transformation and the Role of Enterprise Architecture*. Geneva. https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/str/D-STR-DIG_TRANSF-2019-PDF-E.pdf
- ITU. (2019b). *Digital Skills Insights*. <https://academy.itu.int/sites/default/files/media2/file/Digital%20Skills%20Insights%202019%20ITU%20Academy.pdf>
- ITU. (2019c). *Focus Group on Technologies for Network 2030*. <https://www.itu.int/en/ITU-T/focusgroups/net2030/Pages/default.aspx>
- Karpovich, V. F. (2023). Directions of digitalization of industrial organizations in Belarus. *Economic Development Research Journal*, 2. <http://edrf.ru/article/19-02-23>
- Kulik, N. (2019). Formation and development of new professions in the context of digitalization of economy of the Republic of Belarus. *Vestnik Polotskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 14, 27–30.
- Kuzmin, P. S. (2021). Industrial digitalization: an empirical assessment of the digital maturity of enterprises. *Strategic Decisions and Risk Management*, 12(3), 220–235. <https://doi.org/10.17747/2618-947X-2021-3-220-235>
- Makarova, I. V., Lepesh, G. V., Ugolnikova, O. D., & Meleshko, J. V. (2021). Analysis of Directive and Policy Documents on Digital Industrialization of the Russian Federation and the Republic of Belarus. *Public Administration Issues*, 1, 150–172. (In Russ.). [https://vgmu.hse.ru/data/2021/03/15/1399132335/PAI_1-2021\(7\).pdf](https://vgmu.hse.ru/data/2021/03/15/1399132335/PAI_1-2021(7).pdf)
- Matt, D. T., Pedrini, G., Bonfanti, A., & Orzes, G. (2023). Industrial digitalization. A systematic literature review and research agenda. *European Management Journal*, 41(1), 47–78. <https://doi.org/10.1016/j.emj.2022.01.001>
- Nagornyi, D. A. (2021). *Digital transformation of the global economy: trends and prospects: thesis for a Candidate Degree in Economics*. Moscow.
- Panayotou, T., Peterson, A., & Sachs, J. (2000). Is the Environmental Kuznets Curve Driven by Structural Change? What Extended Time Series May Imply for Developing Countries?. *CAER II Discussion Paper*, 80.
- Schumacher, A., Nemeth, T., & Sihn, W. (2019). Roadmapping towards industrial digitalization based on an Industry 4.0 maturity model for manufacturing enterprises. *Procedia CIRP*, 79, 409–414. <https://doi.org/10.1016/j.procir.2019.02.110>

Seliverstova, N. S. (2023). Evolution of Approaches to Data Processing Under the Influence of Economic Incentives. *Journal of Volgograd State University. Economics*, 25(1), 104–115. (In Russ.).

Shafik, N., & Bandyopadhyay, S. (1992). *Economic Growth and Environmental Quality: Time-series and Cross-country Evidence*. World Bank Publications.

Shkut'ko, O. N. (2022). Multi-format integration interaction of countries in the services market. In *Works of the Forum "Prospects of Eurasian economic integration" devoted to the 10th anniversary of the Eurasian economic commission within the 18th International scientific seminar "Global economy and business administration"*: works of the 20th International scientific-technical conference (pp. 99–101). Minsk: Chetyre chetverti.

Tolkachev, S. A., Bykov, A. A., Morkovkin, D. E., Borisov, O. I., & Gavrilin, A. V. (2020). Digitalization of manufacturing in Russia, Belarus and the European Union. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, 421(3). <https://doi.org/10.1088/1755-1315/421/3/032041>

Villanthenkodath, M. A., Ansari, M. A., Shahbaz, M., & Vo, X. V. (2021). Do tourism development and structural change promote environmental quality? Evidence from India. *Environment, Development and Sustainability*. <https://doi.org/10.1007/s10668-021-01654-z>

Zubritskaya, I. A. (2021). *Economic estimation of the digital transformation of processing industry of the Republic of Belarus*: thesis for a Candidate Degree in Economics. Minsk.

Вклад авторов

Н. С. Селиверстова проводила обзор литературы, сбор и анализ данных и интерпретацию ключевых результатов.

О. Н. Шкутько дополняла материалы по теме статьи анализом работ ученых из Республики Беларусь.

О. В. Григорьева подготовила рукопись и содействовала формированию вопросов исследования.

The author's contributions

N. S. Seliverstova performed a literature review, collected and analyzed data and interpreted the key results.

O. N. Shkutko complemented the article materials with the analysis of the works by Belarus scholars.

O. V. Grigoryeva prepared the manuscript and assisted in forming the research questions.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 02.07.2023

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 02.08.2023

Дата принятия в печать / Accepted 10.08.2023

КРИПТОМИР И ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСЫ / CRYPTO-WORLD AND DIGITAL FINANCE

Редактор рубрики *Р. А. Григорьев* / Rubric editor *R. A. Grigoryev*

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.548-570>

УДК 004:339.5

JEL: C23, C33, F1, F4, L86

Ю. А. Варламова¹,

О. А. Подкорытова²

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

² Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Влияние трансграничных потоков данных на потоки товаров и услуг в рамках международной торговли

Контактное лицо:

Варламова Юлия Андреевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и эконометрики Института управления, экономики и финансов, старший научный сотрудник НОЦ по исследованию проблем развития рыночных отношений в условиях глобализации мировой экономики, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: Julia.Varlamova@kpfu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3255-9880>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/J-5897-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 8642-1558, AuthorID: 640371

Подкорытова Ольга Анатольевна, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры экономической кибернетики экономического факультета, научный сотрудник Центра эконометрики и бизнес-аналитики, Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: o.podkorytova@spbu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0823-6440>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/G-9900-2013>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 8806-7152, AuthorID: 102495

Аннотация

Цель: оценка влияния трансграничных потоков данных на импорт и экспорт.

Методы: статические модели панельных данных, графический метод.

Результаты: в работе показано, что в настоящее время вопросы влияния цифровизации на экономические процессы недостаточно изучены с эмпирической точки зрения, а выводы, полученные исследователями, достаточно противоречивы. Для оценки влияния цифровизации авторами сформирована модель с фиксированными эффектами, в основе которой в качестве объясняющих переменных применялись показатели использования международной полосы пропускания,

нефтяная рента, показатели инвестиций и др. Основной вывод заключается в том, что использование международных каналов передачи данных оказывает статистически значимое влияние на экспортные и импортные потоки. Моделирование в разрезе географических макрорегионов показало, что влияние международных потоков данных на экспортные и импортные потоки было неравномерно.

Научная новизна: показано отрицательное влияние международных потоков данных на объемы экспорта в странах Латинской Америки и Карибского бассейна и импорта – в странах Европы и Центральной Азии, Восточной Азии и Тихого океана. Количественная оценка влияния трансграничных потоков данных на потоки международной торговли дает основания утверждать о существовании неоднозначных последствий цифровой трансформации в отношении международной торговли для отдельных географических макрорегионов.

Практическая значимость: выводы по результатам исследования могут стать основой для оценки последствий мероприятий, направленных на увеличение включенности страны в процессы глобализации и цифровизации. Результаты исследования также могут быть использованы для дальнейшей оценки влияния международных потоков данных на показатели международной торговли в период внешних шоков и определения специфики данной взаимосвязи во время повышенной макроэкономической нестабильности и риска.

Ключевые слова

Экспорт, импорт, данные, трансграничные потоки данных, ИКТ, международная полоса пропускания, международная торговля, модели панельных данных

Благодарность

Авторы выражают искреннюю признательность рецензентам за ценные комментарии и замечания.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01290 «Исследование данных в цифровой экономике: пространственные эффекты, потоки и инфраструктурная обеспеченность», <https://rscf.ru/project/23-28-01290/>

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Варламова, Ю. А., Подкорытова, О. А. (2023). Влияние трансграничных потоков данных на потоки товаров и услуг в рамках международной торговли. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(3), 548–570. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.548-570>

Scientific article

J. A. Varlamova¹,

O. A. Podkorytova²

¹ Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

² Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Impact of cross-border data flows on goods and services flows in international trade

Contact:

Julia A. Varlamova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Econometrics, Institute for Management, Economy and Finance, Senior Researcher of Scientific-educational center for researching the problems of market relations development under globalization of the world economy, Kazan (Volga region) Federal University

E-mail: Julia.Varlamova@kpfu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3255-9880>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/J-5897-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-code: 8642-1558, AuthorID: 640371

Olga A. Podkorytova, Candidate of Physico-Mathematical Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Cybernetics, Research Fellow of Center for econometrics and business analytics, Saint Petersburg State University

E-mail: o.podkorytova@spbu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0823-6440>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/G-9900-2013>

eLIBRARY ID: SPIN-code: 8806-7152, AuthorID: 102495

Abstract

Objective: to assess the impact of cross-border data flows on imports and exports.

Methods: static panel data models, graphical method.

Results: the paper shows that currently the issues of the digitalization impact on economic processes are insufficiently studied from an empirical point of view, and the conclusions obtained by the researchers are quite contradictory. To assess the impact of digitalization, the authors formed a model with fixed effects, the variables of which are indicators of exports and imports of goods and services of geographical macro-regions, the use of international bandwidth, oil rents, investment indicators, etc. The main conclusion is that the use of international data transmission channels has a statistically significant effect on export and import flows. Modeling in terms of geographical macro-regions showed that the impact of international data flows on export and import flows was uneven.

Scientific novelty: the negative impact of international data flows on exports in Latin America and the Caribbean and imports in Europe and Central Asia, East Asia and the Pacific is shown. A quantitative assessment of the impact of cross-border data flows on international trade flows gives grounds to assert the ambiguous consequences of digital transformation in relation to international trade for certain geographical macro-regions.

Practical significance: conclusions based on the study results can become the basis for assessing the consequences of measures aimed at increasing the country's involvement in the globalization and digitalization processes. The study results can also be used to further assess the impact of international data flows on international trade indicators during external shocks and to determine the specifics of this relationship during increased macroeconomic instability and risk.

Keywords

Export, import, data, cross-border data flows, ICT, international bandwidth, international trade, panel data models

Acknowledgement

The authors express their sincere gratitude to the reviewers for their valuable comments and observations.

Funding

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-01290 "Exploring Data in the Digital Economy: Spatial Effects, Flows, and Infrastructure", <https://rscf.ru/project/23-28-01290/>

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Varlamova, J. A., & Podkorytova, O. A. (2023). Impact of cross-border data flows on goods and services flows in international trade. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(3), 548–570. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.548-570>

Введение

Теория сравнительных конкурентных преимуществ А. Смита – Д. Рикардо, лежащих в основе международной торговли, приобретает характерные черты в период цифровой трансформации (Schumacher, 2013). Относительным конкурентным преимуществом стран становятся не только физические ресурсы, но и виртуальные

активы (токены, цифровые валюты), представленность страны в цифровом мире. Международная торговля становится зависимой от цифрового развития стран, возможностей трансграничных потоков данных, доступа домашних хозяйств и фирм к высокоскоростному Интернету (Ciuriak & Ptashkina, 2018; Кадочникова, 2020).

Внедрение искусственного интеллекта, распространение электронной коммерции, цифровых платформ, создание дата-центров, суперкомпьютеров способствуют генерации, передаче и хранению огромных потоков данных: если по итогам III квартала 2020 г. мировой трафик мобильных сетей составлял 55 ЭБ¹ в месяц, то к концу III квартала 2022 г. он составил 108 ЭБ в месяц, продемонстрировав удвоение за два года (Ericsson, 2022). Под цифровым разрывом (*digital divide*) принято понимать неравенство в информационно-коммуникационных технологиях (далее – ИКТ). Один вид такого неравенства связан с цифровым доступом (отсутствие физического доступа к Интернету, высокая цена, низкая скорость передачи данных). Другой вид связан с неравенством в использовании цифрового контента (умения и навыков использования ИКТ). Такой разрыв может носить как региональный характер (между разными странами, между городскими и сельскими жителями, между жителями центральных и отдаленных регионов), так и социально-демографический (по уровню образования, дохода, возраста, распространенности контента на родном языке). Иногда говорят о разрыве между потребителями контента и его создателями (Иванов и др., 2021).

По оценкам Международного союза электросвязи, в 2022 г. 5,3 млрд, или 66 % населения мира, пользуются Интернетом. При этом 2,7 млрд людей остаются за его границами. С точки зрения географических регионов наибольший разрыв наблюдается между странами Африки и Европы (ITU, 2022). Кроме того, исследователи отмечают различия в целях, которые преследуют страны в области цифровой трансформации международной торговли, что может привести к потенциальным конфликтам в области цифровой торговли в отношении ее правового регулирования (Европейский союз против США), доступа к рынкам (Европейский союз и США против Китая и, возможно, других стран БРИКС) (Ciuriak & Ptashkina, 2018).

С развитием Интернета множество людей, отраслей, стран и корпораций открыли для себя новые возможности. Цифровые технологии позволили перейти к удаленной работе, дистанционному управлению бизнес-процессами, использованию аутсорсинга. Для продуктов, которые можно экспортировать в цифровом виде, таких как программное обеспечение, цифровые медиа и многие профессиональные услуги, Интернет открывает новые экспортные возможности и сокращает транспортные расходы практически до нуля. Географически удаленные страны получают возможность расширить и диверсифицировать свой экспорт за счет более широкого использования интернет-технологий. Снижение транзакционных издержек как одно из основных преимуществ развития цифровых технологий позволяет местным компаниям и небольшим и/или удаленным странам расширить свой бизнес по всему миру не только без увеличения расходов, но и с сокращением операционных затрат (Goldfarb & Tucker, 2019; Имашева, Крамин, 2022).

Целью исследования является оценка влияния трансграничных потоков данных на потоки товаров и услуг в рамках международной торговли. Объектом исследования выступают географические макрорегионы мира, выделенные на основе классификации Всемирного банка (World Bank, 2019). Основная гипотеза, выдвигаемая и проверяемая авторами, – трансграничные потоки данных оказывают положительное влияние на международные потоки товаров и услуг.

В первом разделе представлен обзор литературы по проблемам цифровизации международной торговли как по мировой экономике в целом, так и по отдельным регионам мира, обоснованы выдвигаемые гипотезы исследования. Второй раздел содержит обоснование выбора данных, используемых для проверки выдвигаемых гипотез, и характеристику метода, применяемого в ходе исследования. Третий раздел включает в себя основные результаты сравнительного анализа уровня развития экономики данных по регионам мира, обсуждение результатов оценивания моделей. Заключение содержит выводы по результатам исследования и рекомендации по снижению глобального цифрового разрыва, основанного на данных.

Обзор литературы. Влияние развития цифровых технологий на экономический рост, глобализацию, поведение потребителей и производителей находится в фокусе внимания исследователей достаточно долгое время. Неоднозначность последствий цифровой трансформации связана с сокращением доли труда в ВВП

¹ Эксабайт; 1 эксабайт равен 10^{18} байт или 1048 млн терабайт.

с одновременным ростом производительности труда и усилением технологической безработицы, усилением разрыва между наемными работниками и владельцами капитала (Шваб, 2016). Цифровая трансформация создает условия для перераспределения ролей в мировой экономике: перемещение конкурентных преимуществ в экономическом развитии со стран Запада на восточные страны, сопровождающееся замедлением развитых экономик и ускоряющимся развитием новых рынков с потенциалом их перегрева (PwC, 2011).

Считается, что ИКТ и растущие торговые потоки являются ключевыми движущими силами Новой глобализации (Baldwin, 2016). Однако обзор более 80 научных публикаций позволил авторам сделать вывод о том, что при несомненном вкладе многочисленных теоретических исследований ощущается явный недостаток эмпирических работ по оценке влияния цифровизации на экономику (Ching et al., 2022). Предлагаемое исследование призвано компенсировать этот недостаток путем эмпирического обоснования взаимосвязи потоков данных и потоков товаров и услуг на уровне стран.

Результаты эмпирических исследований в большинстве случаев не сфокусированы на использовании трансграничных потоков данных. Так, в работе Тау (2018) объектом выступают двусторонние потоки товаров и услуг между США и 34 странами-партнерами. При этом детерминантами ИКТ являются фиксированная широкополосная связь, фиксированная телефонная связь, Интернет и мобильная сотовая связь. Каждая переменная ИКТ была дезагрегирована для оценки и сравнения их индивидуального влияния на сумму экспорта и импорта услуг. По данным за период с 2000 по 2013 г. были оценены как модели с фиксированными эффектами, так и сквозные регрессии. Обнаружено, что фиксированная широкополосная связь и стационарная телефонная связь оказывают значительное влияние на торговлю услугами, экспорт и импорт услуг. Мобильные телефоны незначимы для всех трех вариантов торговли услугами. Стоит отметить, что результаты исследования показали важность Интернета для торговли услугами и экспорта услуг, но не для импорта услуг. Более позднее исследование Kurihara (2021) фокусируется на роли мобильных информационных технологий в международной торговле. Показано, что улучшение и расширение банковских и финансовых услуг и повышение скорости Интернета могут увеличить экспорт. Кроме того, скорость Интернета в значительной степени связана с продвижением международной торговли. Однако нет никаких доказательств того, что распространение использования мобильных устройств привело к росту международной торговли.

В качестве показателей ИКТ А. Абелиански и М. Гильберт (Abeliansky & Hilbert, 2017) использовали количество телекоммуникаций (количество подписок на данные в расчете на душу населения) и качество (скорость передачи данных в полосе пропускания на подписку) фиксированной и мобильной телефонии и интернет-услуг на экспорт товаров странами. Используемая расширенная гравитационная модель торговли по данным о 122 странах за 1995–2008 гг. показала значительное влияние обеих переменных на показатели двустороннего экспорта. Было также обнаружено, что для развивающихся стран важнее всего качество скорости передачи данных, а для развитых – количество подписок. Это объясняется тем, что развивающиеся страны находятся в невыгодном положении из-за того, что они находятся далеко от передового рубежа технологических коммуникаций с точки зрения скорости передачи данных, в то время как распространение дополнительных высокоскоростных подписок в развитых странах открывает там новые рынки. Авторы призывают как ученых, так и директивные органы начать учитывать качество полосы пропускания.

В работе Gnangnon (2020) исследуется влияние доступа в Интернет на диверсификацию экспорта услуг. Используя панельные данные по 131 стране за период с 1995 по 2014 г., автор показывает, что более широкий доступ к Интернету положительно связан с диверсификацией экспорта услуг. Этот результат применим как к высокоразвитым и развивающимся странам, так и к наименее развитым странам из числа развивающихся. Кроме того, влияние доступа в Интернет на диверсификацию продуктов экспорта услуг выражается в уровне инноваций, товарном экспорте, включая концентрацию экспортной продукции, и размере притока прямых иностранных инвестиций. Эти выводы подчеркивают необходимость развития цифровой инфраструктуры и правил, которые облегчили бы доступ к Интернету, особенно в развивающихся странах. Другие исследователи (Rodríguez-Crespo & Martínez-Zarzoso, 2019) использовали гравитационную модель торговли, чтобы исследовать влияние использования Интернета на агрегированные торговые потоки. Применялась оценка структурной гравитационной модели для двустороннего экспорта по методу псевдомаксимального правдоподобия Пуассона по выборке из 120 стран за период 2000–2014 гг. Страны были сегментированы по степени сложности продукта, и модель оценивалась для каждого сегмента в отдельности. Было показано, что использование Интернета усиливает торговлю, а сегментация по сложности продукта более чувствительна к использованию Интернета,

чем сегментация по уровню дохода. Также показано, что страны торгуют больше, если одинаковые уровни использования ИКТ сочетаются с одинаковой степенью сложности товаров в торгующих странах.

Также эмпирические исследования содержат противоречивые выводы о влиянии развития высокоскоростного доступа в Интернет на экспортные и импортные потоки товаров и услуг. Так, в работе Freund & Weinhold (2004) при использовании временных рядов и пространственных данных показано, что увеличение роста веб-хостов в стране на 10 процентных пунктов приводило к увеличению роста экспорта примерно на 0,2 процентных пункта. Это согласуется с разработанной ими теоретической моделью, в которой Интернет снижает специфические для рынка фиксированные торговые издержки. Также показано, что Интернет не влияет напрямую на взаимосвязь между расстоянием и торговлей; однако в той мере, в какой конкуренция усиливается в результате ее развития, Интернет будет усиливать общее влияние расстояния на торговлю.

В работе Choi (2010) по панельным данным по 151 стране за период с 1990 по 2006 г. было обосновано влияние использования интернет-технологий на торговлю услугами. Используя модели с фиксированными эффектами и панельный обобщенный метод моментов, автором было показано, что рост числа пользователей Интернета увеличивает общий объем торговли услугами, а также экспорт и импорт услуг. Удвоение использования Интернета в стране приводило к увеличению торговли услугами на 2–4 %. Автором был сделан вывод о том, что расширение доступа к Интернету в стране будет способствовать увеличению ее торговли услугами с другими странами.

Работа Rodriguez-Crespo et al. (2021) использует панельные данные, охватывающие период наибольшего распространения Интернета, и рассматривает по отдельности страны с высоким уровнем дохода и страны с низким и средним уровнями дохода. Была найдена положительная связь между распространением Интернета и двусторонним экспортом для обеих групп стран. Эффект варьируется от 0,03 до 0,13 % в зависимости от уровня дохода. Было отмечено, что в отличие от предыдущих исследований использование Интернета больше влияет на двусторонние торговые потоки между странами с высоким уровнем дохода.

В работе Sun (2021), в отличие от предыдущих работ, обосновывается негативное влияние ИКТ на экспорт крупных компаний и, наоборот, положительное влияние на долю малых и средних компаний. В модель Хэлпмана и соавторов (Helpman et al., 2004) была добавлена возможность для фирм платить более низкие фиксированные экспортные издержки за счет косвенного экспорта через хорошо зарекомендовавшие себя платформы электронной коммерции. Используя две выборки из базы данных Exporter Dynamics, было найдено подтверждение тому, что развитие Интернета в стране-экспортере оказывает существенное и негативное влияние на долю экспорта 5 или 25 % крупнейших экспортеров, что подразумевает увеличение доли малых и средних предприятий. В другом исследовании также было обнаружено, что улучшение инфраструктуры подводных кабелей в стране-экспортере также приводит к снижению доли экспорта со стороны крупных экспортеров. В работе Sanderson и соавторов (2022) исследуется взаимосвязь между высокоскоростным Интернетом и выходом на экспорт. Показано, что с учетом других наблюдаемых характеристик фирмы, которые подключились к оптоволоконной широкополосной связи на ранних этапах ее развертывания, имели на 5–12 процентных пунктов больше шансов начать экспорт в течение следующих двух лет, чем другие пользователи широкополосного доступа. Отмечено, что инвестиции в высокоскоростную широкополосную связь помогают создать условия, при которых фирмы могут получить доступ к более широкому международному рынку, но такие возможности, скорее всего, неравномерно используются фирмами – ценность внедрения зависит от возможности передачи продукции и услуг по цифровым каналам.

Интересные результаты были получены в работе Ж. Кариоль и соавторов (Cariolle et al., 2020), в которой изучается, как развертывание телекоммуникационного подводного кабеля влияет на участие фирм в экспортных рынках. Используя несбалансированную панель данных о двусторонней торговле из 48 стран за период 1997–2014 гг., было обнаружено, что установление такого вида связи между двумя странами соотносится с увеличением числа двусторонних экспортеров в развитых странах, а также с сокращением числа двусторонних экспортеров в развивающихся странах. Эта негативная связь сильнее выражена в беднейших развивающихся странах Ближнего Востока, Северной Африки, Южной Азии и в странах Африки к югу от Сахары. Таким образом, рост мировой связанности, вызванный развертыванием телекоммуникационного подводного кабеля, оказал разнородное влияние на решение фирм об экспорте, подтолкнув большее число компаний из стран с высоким уровнем дохода к выходу на экспортные рынки, а некоторых действующих экспортеров из стран с низким уровнем дохода – к уходу с них.

Если обращаться к исследованиям, посвященным одной стране, то стоит упомянуть работу Fan (2021), в которой рассматривается влияние развития цифровой экономики в странах-импортерах на экспорт Китая. Для анализа экспорта Китая в 115 стран и регионов в период 2007–2015 гг. был использован сетевой индекс готовности и гетерогенная гравитационная модель для построения стохастической границы. Результаты показывают, что развитие цифровой экономики в странах-импортерах может значительно снизить потерю эффективности экспорта Китая и повысить эффективность экспортной торговли Китая, и этот эффект более очевиден для экспорта Китая в страны с низким и средним уровнями дохода.

Оценка влияния ИКТ на международную торговлю проводилась и на микроуровне. Исследование Singh & Maiti (2020) на основе микроданных определяет то, как ИКТ и доступ к финансам по отдельности и совместно влияют на решение фирмы об экспорте. Авторы используют данные исследования предприятий Всемирного банка для двух разных волн. Результаты, основанные на пробит-модели, показывают, что ИКТ напрямую снижают затраты и, следовательно, повышают вероятность принятия решения об экспорте. В работе Mu et al. (2020) уточняется эффект от снижения торговых издержек – отражаются ли эти сниженные затраты в «экстенсивной марже» экспорта фирм (которая относится к вероятности экспорта фирм) или в «интенсивной марже» (которая относится к стоимости экспорта фирм). Используя оценку расширенной модели торговли, учитывающей неоднородность фирм, и двухшаговую процедуру Хекмана по данным китайских компаний за 2012 г., было показано, что снижение торговых издержек в результате использования ИКТ положительно связано с экстенсивной маржой. При этом снижение информационных издержек, связанных с экспортным поведением фирмы, в первую очередь отражалось на переменных торговых издержках.

В работе Visser (2019) исследуется влияние проникновения Интернета в форме подписки на широкополосную связь на экстенсивную и интенсивную маржу дифференцированного экспорта, а также оценивается, устраняет ли Интернет языковой разрыв в торговле. Результаты исследования указывают на то, что существует положительная связь между ростом проникновения Интернета и экстенсивной и интенсивной маржой дифференцированного экспорта. Однако если разделить выборку по уровням развития стран, то проникновение Интернета способствует значительной марже экспорта между странами с низкими и высокими доходами, но не внутри данных групп. Наконец, рост проникновения Интернета может снизить влияние языкового разрыва на экстенсивную и интенсивную маржу дифференцированного экспорта.

Исследования, выполненные по географическим регионам или международным союзам, также не дают однозначной оценки характера влияния ИКТ как каналов передачи данных на торговлю на региональном уровне. Так, в работе Barbero & Rodriguez-Crespo (2018) проверяется, увеличивает ли широкополосная связь как прокси для ИКТ двустороннюю торговлю на региональном уровне в Европе. Исследователями оценивалась гравитационная модель двусторонних торговых потоков для 2007 и 2010 гг. с учетом пространственной зависимости по региональной базе Европейского союза. Показано, что широкополосная связь играет важную роль в объяснении моделей торговли между европейскими регионами в оба временных периода.

В работе Wang & Choi (2019) проведен сравнительный анализ стран БРИКС с использованием панельных данных за период с 2000 по 2016 г. Полученные данные показали, что влияние ИКТ было положительным как в отношении экспорта, так и импорта; чем выше были уровни ИКТ в цепочке создания стоимости, тем менее эффективно они влияли как на экспорт, так и на импорт. При этом влияние ИКТ на торговлю со временем увеличивалось. Кроме того, было подчеркнуто, что уровень развития ИКТ оказывает большее влияние на торговлю в трудоемких странах, чем в ресурсоемких странах БРИКС. В качестве вывода было предложено странам БРИКС увеличить использование фиксированной широкополосной связи с целью роста объема экспорта.

Страны БРИКС также выступают объектом исследования в работе Latif et al. (2018). Исследователи изучали динамическую взаимосвязь между ИКТ, прямыми иностранными инвестициями (далее – ПИИ), экономическим ростом с учетом торговли и глобализации в период с 2000 по 2014 г. Методы эмпирического исследования включали в себя построение модели с фиксированными эффектами, полностью модифицированного МНК (*FMOLS*) и динамического метода наименьших квадратов (*DOLS*), а также методы оценки группового среднего, устойчивые к неоднородности и кросс-секционной зависимости. Результаты их расчетов свидетельствуют о положительном вкладе ИКТ в экономический рост и двусторонней причинности по Грейнджеру между глобализацией и ИКТ.

В целом проведенный обзор эмпирических исследований по проблеме оценке влияния трансграничных потоков данных на международную торговлю позволил сделать выводы о недостатке эмпирических доказательств эффектов воздействия ИКТ, противоречивость направлений воздействий, использование в качестве переменных ИКТ показателей доступа к Интернету без фокусировки на объемы трансграничных данных. Поэтому в рамках настоящего исследования предлагается оценить влияние международных потоков данных на международные потоки товаров и услуг.

Данные и методология исследования. Теоретическая модель исследования продиктована как экономическим механизмом воздействия макроэкономической ситуации в странах, выступающих торговыми партнерами, так и потоками капитала, направленных в страну. В общем виде спецификация модели может быть представлена следующим образом:

$$Y_{it} = \alpha + X_{it}'\beta + \varepsilon_{it}, \quad (1)$$

где y_{it} – объем экспорта (импорта) в стране i в год t ; X_{it}' – вектор-строка, содержащая значения регрессоров в стране i в год t ; α – свободный член, β – вектор коэффициентов; ε_{it} – случайная ошибка.

При оценивании регрессионных моделей по панельным данным реалистично предположить наличие индивидуальных эффектов, объединяющих в себе ненаблюдаемые специфические черты стран, которые могут быть учтены с помощью введения различных свободных членов α_i для различных стран. Кроме того, могут существовать ненаблюдаемые эффекты, принимающие различные значения для каждого года, но одинаковые для всех стран. Если речь идет о странах из одного региона, то такие эффекты считаются фиксированными и оцениваются как параметры (*Fixed effects model, FE*). Панельная модель с фиксированными пространственными и временными эффектами может быть представлена как:

$$y_{it} = \alpha_i + \gamma_t + X_{it}'\beta + \varepsilon_{it}, \quad (2)$$

где обозначения аналогичны уравнению (1) за исключением α_i – индивидуальный (пространственный) эффект i -й страны, γ_t – временной эффект года t . Для оценки используют обобщенный метод наименьших квадратов. Он сводится к так называемым внутригрупповым оценкам, которые получаются при использовании МНК не для исходных данных, а для отклонений от групповых (в нашем случае страновых) средних (более подробно панельные модели описаны в работе Ратниковой (2006)).

Заметим, что для исследовательских целей была бы предпочтительнее (в смысле эффективности оценок) модель со случайными эффектами (*Random effects model, RE*), в которой индивидуальные эффекты α_i рассматриваются как случайные величины. Но для ее корректного применения необходимо отсутствие корреляции между регрессорами и случайными индивидуальными эффектами, что часто нарушается. Для выбора между двумя моделями проводится тест Хаусмана, в котором проверяется нулевая гипотеза $Cov(\alpha, X) = 0$. Забегая вперед, скажем, что для всех оцененных регрессионных моделей эта нулевая гипотеза отвергалась, поэтому производилось оценивание модели с фиксированными эффектами.

В эру глобализации различные шоки (финансовые, эпидемиологические, климатические) воздействуют на многие страны одновременно. Следовательно, в моделях панельных данных могут присутствовать не только гетероскедастичность и автокорреляция ошибок, но и пространственная автокорреляция (*CSD – cross-sectional dependence*), когда коррелируют ошибки для одного и того же года t , но для разных стран i и j . В такой ситуации стандартная оценка ковариационной матрицы ошибок несостоятельна и, как следствие, приводит к необъективным статистическим выводам. Для тестирования *CSD* использовались три теста, основанные на работах Pesaran (2015), Juodis & Reese (2021) и Xie & Pesaran (2022), реализованных Ditzén (2016). При наличии *CSD* оценивание проводилось по методу Driscoll & Kraay (1998), обеспечивающим робастные стандартные ошибки, т. е. корректную процедуру проверки гипотез о коэффициентах модели. Все расчеты производились в пакете *STATA*.

В качестве зависимых переменных, отражающих торговые потоки товаров и услуг между странами, были использованы следующие:

- экспорт товаров и услуг (в постоянных ценах 2015 г., долл. США) (*Export*);
- импорт товаров и услуг (в постоянных ценах 2015 г., долл. США) (*Import*).

В соответствии с международной методологией экспорт и импорт товаров и услуг представляют собой стоимость всех товаров и рыночных услуг, предоставляемых (полученных) страной остальному миру (от остального мира). Рыночные услуги включают в себя страхование, транспорт, связь, строительство, финансовые, информационные, деловые, личные и государственные услуги. Следует обратить внимание, что в экспорт не входят оплата труда работников, инвестиционный доход и трансфертные платежи (World Bank, 2023). Данные представлены в постоянных ценах 2015 г., что дает возможность их сравнивать независимо от уровня инфляции. Оба показателя были выбраны в сопоставимой валюте, что позволило включить в выборку различные страны.

Переменной, представляющей исследовательский интерес, является использование международной полосы пропускания (*International bandwidth usage, IBU*). Оно определяется как среднее использование всех именно международных каналов, включая оптоволоконные кабели, радиоканалы и трафик, обрабатываемый наземными станциями спутниковой связи и телепортами на орбитальные спутники. Единицами измерения являются *mbit/s* – мегабит в секунду; чем выше пропускная способность, тем больше количество информации, которое может быть передано в заданное время. Из-за низкой скорости люди либо вообще не будут пользоваться ИКТ, либо не смогут использовать их эффективно. Обычно этот показатель критикуют за то, что страны с большим внутренним рынком (например, Китай), или страны – основные производители местного контента (например, США), или страны, чей язык широко не используется за пределами страны (например, Япония), могут иметь относительно более низкие, чем ожидалось, уровни международной пропускной способности Интернета, поскольку внутренняя пропускная способность удовлетворяет большую часть их потребностей. На наш взгляд, этот недостаток превращается в достоинство, когда речь идет о трансграничной торговле товарами и услугами, так как более точно отражает тенденции в интересующей нас области ИКТ (ITU, 2023a).

В динамике трансграничных потоков данных прослеживается четкая тенденция к росту в 2017–2022 г., что характерно для всех географических макрорегионов (рис. 1). При этом неоднородность в передаче данных по международной полосе пропускания в значительной степени проявляется по географическим макрорегионам: цифровой разрыв по данному показателю составляет 542 Тбит/с в Азиатско-Тихоокеанском регионе против 39 Тбит/с в Африке в 2022 г.

Список контрольных переменных для выбора спецификации модели был сформирован на основе теоретических положений макроэкономической теории и эмпирических работ, посвященных вопросам международной торговли между странами. В результате в модель были включены следующие переменные:

- индекс реального эффективного обменного курса (2010 г. = 100) (*ER*);
- нефтяная рента, в % от ВВП (*Oil*);
- прямые иностранные инвестиции (*FDI*), в долл. США;
- портфельные инвестиции (*PI*), в долл. США;
- валовой внутренний продукт на душу населения по паритету покупательной способности, в постоянных международных долларах 2017 г. (*GDPpc*);
- уровень годовой инфляции, % (*CPI*).

Общий уровень экономического развития страны характеризует ВВП, который представлен в модели в сопоставимом виде. Мы ожидаем, что чем больше объем ВВП, тем больше возможностей как для экспорта, так и для импорта товаров и услуг. Отдельным аспектом выступает нефтяная рента, представляющая собой разницу между стоимостью добычи сырой нефти в региональных ценах и общими затратами на добычу. Таким способом мы выделяем в выборке страны – экспортеры нефти.

Ценовая сторона вопроса представлена двумя показателями – реальным эффективным обменным курсом и уровнем инфляции. Реальный эффективный обменный курс является показателем стоимости валюты по отношению к средневзвешенному значению нескольких иностранных валют, скорректированный на дефлятор цен. Он отражает привлекательность товаров и услуг для экспорта или импорта между резидентами страны и остальным миром. Мы ожидаем, что если реальный эффективный обменный курс растет, то экспорт товаров и услуг снижается, а импорт растет вследствие того, что отечественные товары становятся дороже по сравнению с товарами из других стран. Уровень инфляции, измеряемый индексом потребительских цен по формуле Ласпейреса, отражает годовое процентное изменение стоимости приобретения фиксированной корзины товаров и услуг для среднего потребителя. Ее значения

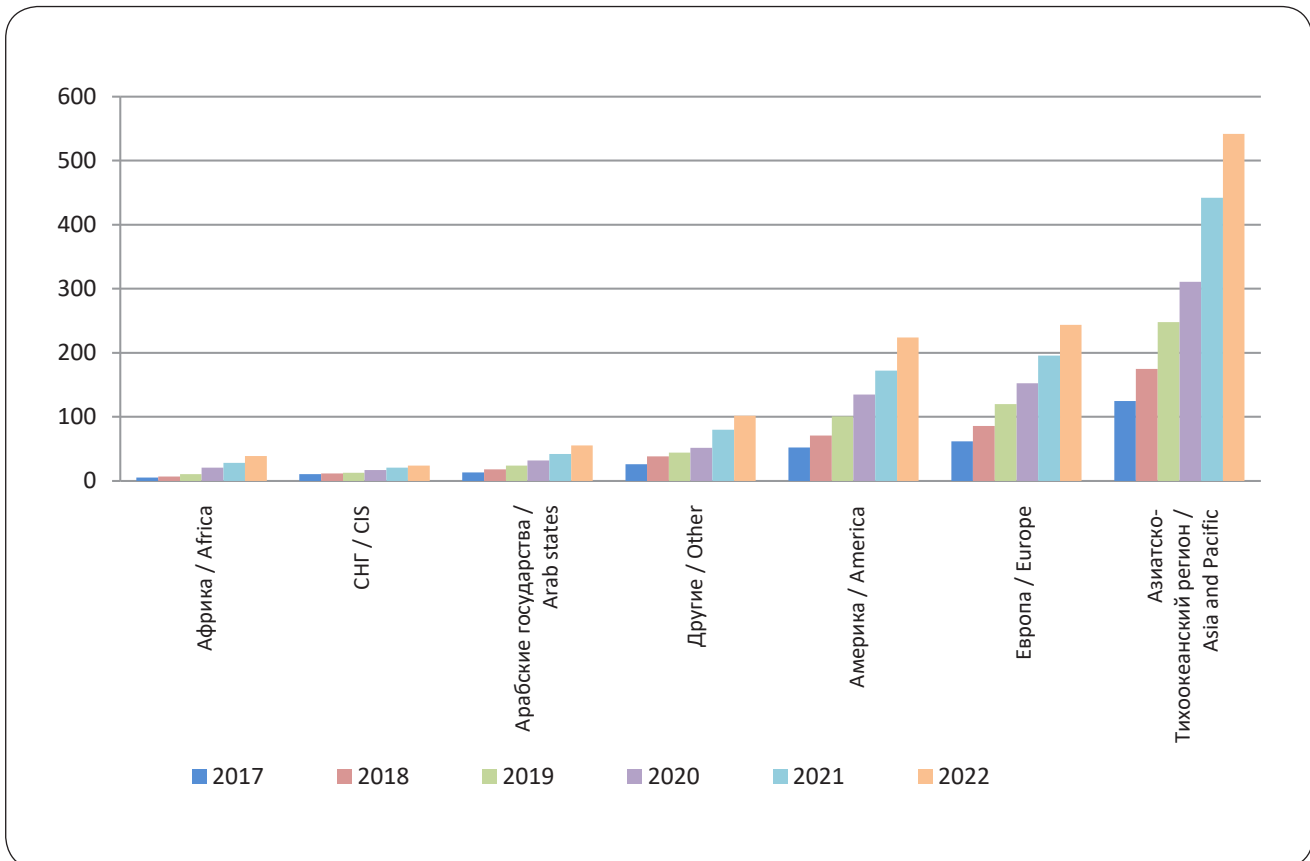

Рис. 1. Динамика использования международной полосы пропускания в 2017–2022 г. по географическим макрорегионам, Тбит/с

Источник: составлено авторами по данным Международного союза электросвязи (ITU, 2023b).

Fig. 1. Dynamics of international bandwidth usage in 2017–2022 by geographical macroregions, Tbit/s

Source: compiled by the authors with the International Telecommunication Union data (ITU, 2023b).

могут отражать общую экономическую ситуацию в стране на потребительском рынке товаров и услуг, желание потребителей потратить имеющиеся в их распоряжении денежные средства или сберечь на будущее потребление.

Потоки товаров и услуг могут определяться потоками инвестиций, которые представлены ППИ и портфельными инвестициями. ППИ в данном исследовании представляют собой чистый приток инвестиций, что обуславливает тот факт, что для отдельных стран данный показатель отрицательный. Портфельные инвестиции охватывают операции с долевыми ценными бумагами и долговыми ценными бумагами.

Были использованы панельные годовые данные по 82 странам из девяти регионов (см. Приложение). Выбор стран связан с определенными сложностями в сборе и международном сопоставлении показателей цифрового развития стран, о чем неоднократно упоминают международные организации (ITU, 2023c). Временной диапазон был ограничен периодом 2009–2017 гг. в связи с тем, что в рамках исследования тестируются сопоставимые данные по странам в относительно стабильный с точки зрения макроэкономической волатильности период.

Общее число наблюдений равно 666, однако выборка не сбалансирована из-за пропуска наблюдений по отдельным странам в отдельные годы. Переменные экспорта, импорта, ВВП, международных потоков данных были взяты в логарифмах. Описательные статистики основных переменных представлены в табл. 1.

Таблица 1

Описательные статистики основных показателей в 2009–2017 гг.
Table 1. Descriptive characteristics of the main indicators in 2009–2017

Переменная / Variable	Условное обозначение / Variable name (Identifier, Symbol)	Единица измерения / Measure unit	Выборка / Sample	Среднее значение / Average value	Стандартное отклонение / Standard deviation	Минимальное значение / Minimal value	Максимальное значение / Maximal value	Наблюдения / Observations
Экспорт товаров и услуг в постоянных ценах 2015 г. / Export of goods and services in constant prices of 2015	Export	долл. США / US\$	overall	1,98e+11	3,48e+11	2,21e+08	2,38e+12	$N = 666$
			between		4,04e+11	2,31e+08	2,36e+12	$n = 82$
			within		4,18e+10	-2,42e+11	4,52e+11	$T\text{-bar} = 8,12195$
Импорт товаров и услуг в постоянных ценах 2015 г. / Import of goods and services in constant prices of 2015	Import	долл. США / US\$	overall	1,97e+11	3,69e+11	3,27e+08	2,96e+12	$N = 666$
			between		4,02e+11	3,27e+08	2,57e+12	$n = 82$
			within		4,43e+10	-3,15e+11	5,95e+11	$T\text{-bar} = 8,12195$
Логарифм экспорта товаров и услуг в постоянных ценах 2015 г. / Logarithm of export of goods and services in constant prices of 2015	ln_Export	коэфф. / coefficient	overall	24,55833	2,025014	19,21367	28,49605	$N = 666$
			between		2,253633	19,25818	28,49057	$n = 82$
			within		0,152556	23,87348	25,32387	$T\text{-bar} = 8,12195$
Логарифм импорта товаров и услуг в постоянных ценах 2015 г. / Logarithm of import of goods and services in constant prices of 2015	ln_Import	коэфф. / coefficient	overall	24,62669	1,911511	19,60531	28,71731	$N = 666$
			between		2,120441	19,60531	28,56762	$n = 82$
			within		0,149725	23,88529	25,13176	$T\text{-bar} = 8,12195$
Индекс реального эффективного обменного курса (2010 г. = 100) / Index of real effective exchange rate (2010 = 100)	ER	коэфф. / coefficient	overall	99,73796	9,785792	68,18399	144,1352	$N = 666$
			between		7,714333	84,40677	130,0479	$n = 82$
			within		6,833291	72,24434	132,8726	$T\text{-bar} = 8,12195$
Нефтяная рента / Oil rent	Oil	в % от ВВП / % of GDP	overall	1,971237	6,001858	0	50,77644	$N = 666$
			between		5,873886	0	36,09892	$n = 82$
			within		1,832838	-14,60265	16,64876	$T\text{-bar} = 8,12195$
Прямые иностранные инвестиции / Foreign direct investments	FDI	долл. США / US\$	overall	3,73e+08	3,31e+10	-2,92e+11	1,73e+11	$N = 666$
			between		2,18e+10	-6,81e+10	1,17e+11	$n = 82$
			within		2,52e+10	-2,56e+11	1,60e+11	$T\text{-bar} = 8,12195$
Портфельные инвестиции / Portfolio investments	PI	долл. США / US\$	overall	-5,44e+09	6,09e+10	-6,21e+11	2,76e+11	$N = 666$
			between		3,97e+10	-2,25e+11	1,49e+11	$n = 82$
			within		4,52e+10	-4,01e+11	3,70e+11	$T\text{-bar} = 8,12195$
Валовой внутренний продукт на душу населения / Gross domestic product per capita	GDPpc	в постоянных международных долларах 2017 г. / in constant international dollars of 2017	overall	28660,76	21845,66	811,9273	116283,7	$N = 666$
			between		21608,89	831,2948	113614	$n = 82$
			within		2000,401	13619,7	45657,39	$T\text{-bar} = 8,12195$
Логарифм валового внутреннего продукта на душу населения / Logarithm of gross domestic product per capita	ln_GDP	коэфф. / coefficient	overall	9,857954	1,047942	6,699411	11,66379	$N = 666$
			between		1,097871	6,722984	11,6405	$n = 82$
			within		0,066366	9,651332	10,11605	$T\text{-bar} = 8,12195$
Уровень годовой инфляции / Annual inflation rate	CPI	%	overall	3,112911	3,794819	-4,478103	48,69986	$N = 666$
			between		2,986968	-0,843827	13,78083	$n = 82$
			within		2,448076	-10,75519	38,18362	$T\text{-bar} = 8,12195$

Окончание табл. 1 / End of Table 1

Переменная / Variable	Условное обозначение / Variable name (Identifier, Symbol)	Единица измерения / Measure unit	Выборка / Sample	Среднее значение / Average value	Стандартное отклонение / Standard deviation	Минимальное значение / Minimal value	Максимальное значение / Maximal value	Наблюдения / Observations
Использование международной пропускной способности / International bandwidth usage	IBU	Мбит/с / Mbit/s	overall	1383541	4255245	17	5,36e+07	N = 666
			between		3380376	326,1111	1,89e+07	n = 82
			within		2423622	-1,47e+07	3,60e+07	T-bar = 8,12195
Логарифм использования международной пропускной способности / Logarithm of using international carrying capacity	ln_IBU		overall	12,03805	2,602405	2,833213	17,79694	N = 666
			between		2,615742	5,341167	16,58329	n = 82
			within		0,900447	7,671468	15,41785	T-bar = 8,12195

Источник: расчеты авторов по данным (World Bank, 2023; ITU, 2023d).

Source: calculated by the authors with the data (World Bank, 2023; ITU, 2023d).

Результаты и их обсуждение

Анализ динамики основных показателей международной торговли по данным Всемирного банка показал, что период 2009–2017 гг. можно определить как относительно стабильный с устойчивыми темпами роста экспортных и импортных потоков товаров и услуг между странами мира. Общий объем экспорта вырос с 15,84 до 22,99 трлн долл. США, импорта товаров и услуг – с 15,69 до 22,46 трлн долл. США. Падение на 11 % по итогам 2008–2009 гг. было успешно компенсировано ростом на 11,8 % в 2010 г. (World Bank, 2023). В целом период 2009–2017 гг. сопровождался положительными темпами прироста экспорта и импорта товаров и услуг.

Потоки международных данных отражают ускоренный рост цифровой экономики и так же, как и потоки товаров и услуг, подвержены внешним шокам. На рис. 2 представлена динамика совокупного объема международных потоков данных по выборке стран. Средний прирост международных потоков данных составил 22,7 %, что несравнимо с приростом показателей потоков товаров и услуг. Однако следует выделить резкое падение в 2013 г., что, на наш взгляд, связано с рецессией в странах Европы. Так, в Чехии падение составило 47 %, в Австрии – 49 %, Финляндии – 46 %, Франции – 56 %, Германии – 36 %, Венгрии – 44 %, Ирландии – 28 %, Италии – 68 %, Нидерландах – 53 %, Норвегии – 43 %, Польше – 53 %, Румынии – 70 %, Испании – 62 %, Швеции – 87 %, Швейцарии – 56 % (расчеты авторов по данным Международного союза электросвязи. ITU, 2023d). На фоне рецессии в европейских странах, увеличивающегося государственно-го долга США наблюдалось замедление темпов экономического роста в странах БРИКС, выступающих основными драйверами мировой экономики. Соответственно, общемировой спад экономики проявлялся в различных секторах экономики и по представленным странам затронул цифровую экономику в том числе. Исследователи отмечают, что замедление стран БРИКС повлияло на мировое производство и торговлю, а также на характер глобализации (Минаев, 2014). При этом международная статистика отмечает лишь замедление темпов прироста экспорта с 11,8 % в 2010 г. до 2,9 % в 2012 г. и импорта – с 11,8 % в 2010 г. до 2,2 % в 2012 г. (World Bank, 2023) и не диагностирует серьезного падения как ответ на общемировой кризис.

В разрезе географических регионов наблюдается неравномерная картина с доминированием стран Северной Америки – США и Канады (список стран в выборке представлен в Приложении). Как показано на рис. 3, по объему экспорта, помимо стран Северной Америки, выделяются страны Восточной Азии и Тихого океана, а также группа стран Европы и Центральной Азии. Аналогичная картина прослеживается на протяжении всего исследуемого временного промежутка. Следует обратить внимание, что в выборку стран в 2017 г. из-за отсутствия сопоставимых данных по экспорту и импорту не вошла Китайская Народная Республика, которая является одной из крупнейших экономик мира по потокам товаров и услуг.

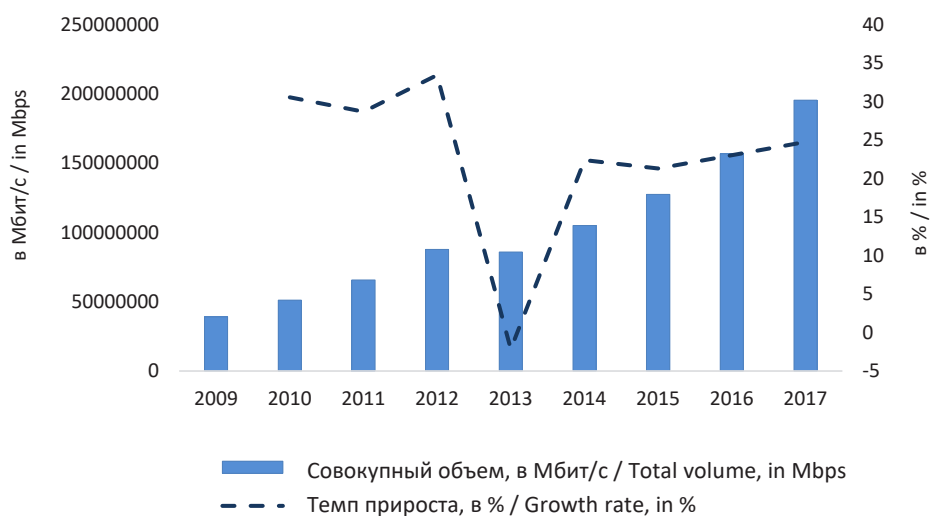

Рис. 2. Совокупный объем использования международных потоков данных по выборке стран в 2009–2017 гг.
 Источник: расчеты авторов по данным Международного союза электросвязи (ITU, 2023d).

Fig. 2. Total use of international data flows in the sample of countries in 2009–2017

Source: calculated by the authors with the International Telecommunication Union data (ITU, 2023d).

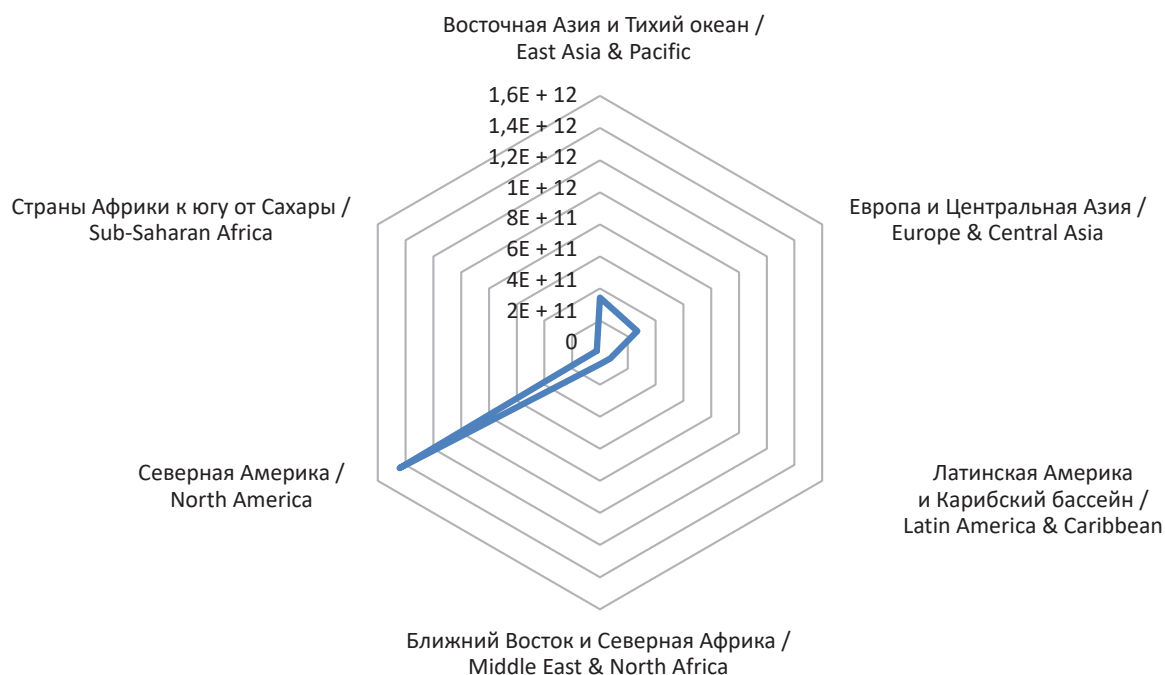

Рис. 3. Средний объем экспорта товаров и услуг по выборке стран в разрезе географических макрорегионов в 2017 г., в постоянных ценах 2015 г., долл. США

Источник: составлено авторами по данным Всемирного Банка (World Bank, 2023).

Fig. 3. Average volume of the export of goods and services in the sample of countries by geographical macroregions in 2017, in constant prices of 2015, US\$

Source: compiled by the authors with the World Bank data (World Bank, 2023).

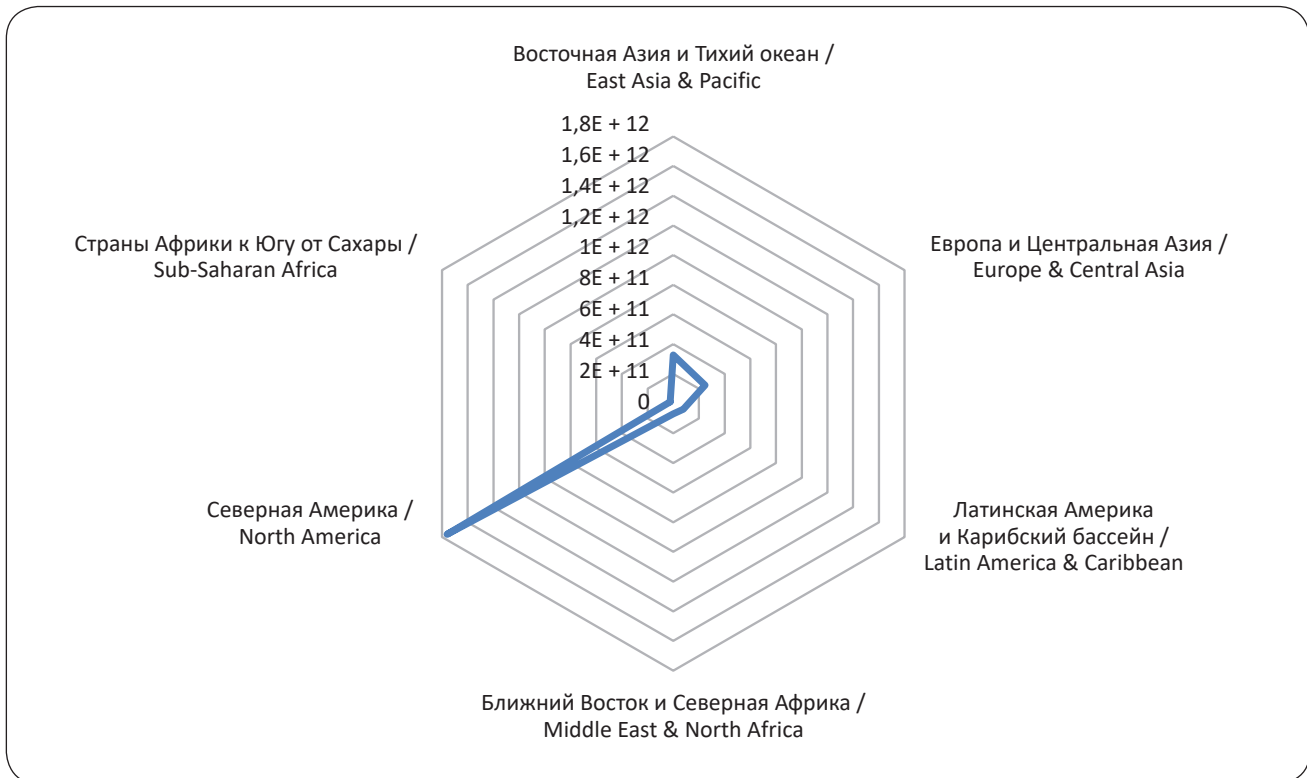

Рис. 4. Средний объем импорта товаров и услуг по выборке стран в разрезе географических макрорегионов в 2017 г., в постоянных ценах 2015 г., долл. США

Источник: составлено авторами по данным Всемирного Банка (World Bank, 2023).

Fig. 4. Average volume of the import of goods and services in the sample of countries by geographical macroregions in 2017, in constant prices of 2015, US\$

Source: compiled by the authors with the World Bank data (World Bank, 2023).

По входящим потокам импорта товаров и услуг наблюдается картина, аналогичная экспортным потокам (рис. 4). Можно выделить три географических макрорегиона с наиболее крупными импортерами товаров и услуг в выборке стран: Северная Америка, Восточная Азия и Тихий океан, Европа и Центральная Азия.

Если переключиться с потоков товаров и услуг на потоки данных, то можно было бы предположить, что потоки данных сопровождают потоки товаров и услуг. Как следует из рис. 5, выдвинутое предположение находит свое подтверждение. В цифровом мире активно представлены те страны, которые являются лидерами по товаропотокам. В действительности использование международных каналов передачи данных активно происходит в странах Северной Америки, Восточной Азии и Тихого океана, Европы и Центральной Азии.

Выдвинутая гипотеза относительно влияния международных потоков данных на потоки товаров и услуг проверялась с помощью построения моделей панельных данных. Результаты модели с фиксированными эффектами по выборке стран в целом представлены в табл. 2.

Основной вывод заключается в том, что использование международных каналов передачи данных ($\ln_IBU$) не оказывает статистически значимое влияние на экспортные и импортные потоки (p -значение = 0,8607, p -значение = 0,5019). Кроме того, результаты теста на кросс-секционную корреляцию свидетельствуют об ее отсутствии для выборки стран в целом как для модели по экспорту, так и по модели по импорту.

Высокая гетерогенность стран, включенных в выборку, лежит в основе предположения о том, что влияние международных потоков данных на потоки товаров и услуг может иметь географическую специфику. Для тестирования данной гипотезы были построены модели по отдельным географическим макрорегионам – модели (2) – (5) в табл. 2.

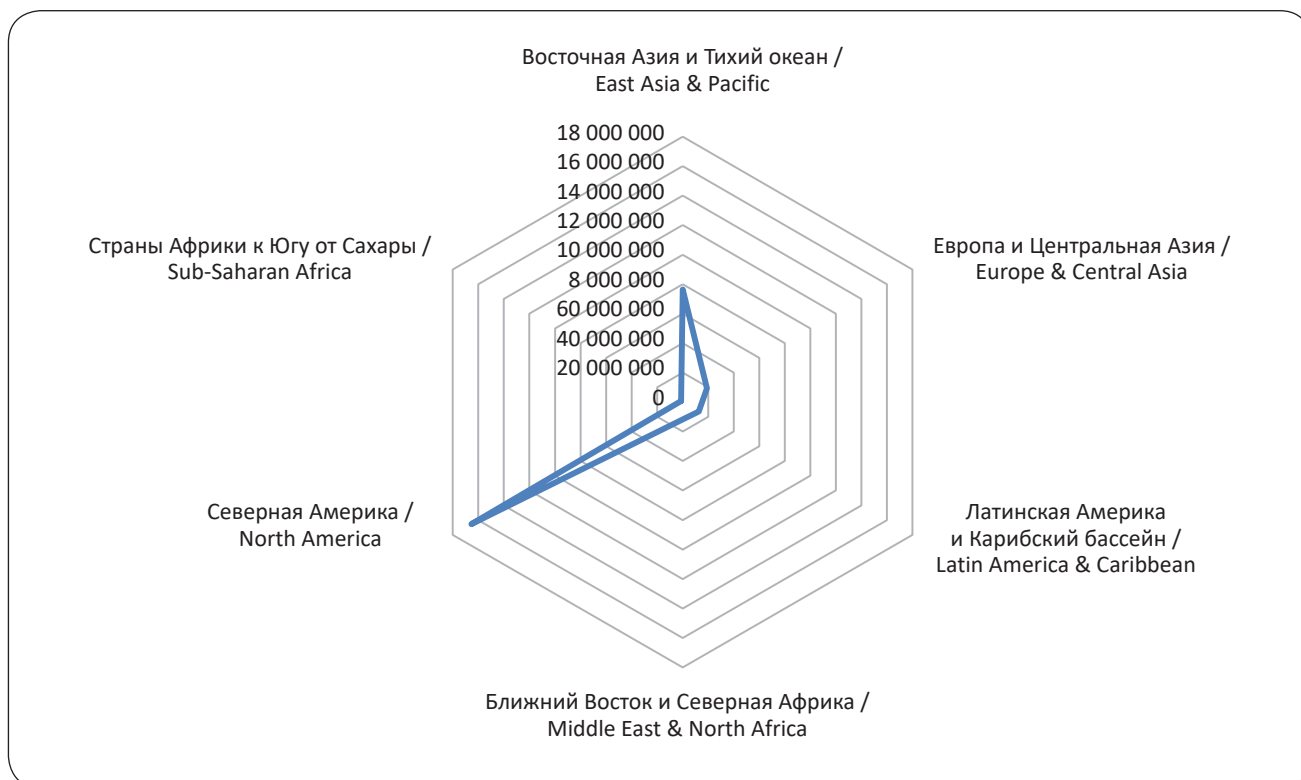

Рис. 5. Средний объем международных потоков данных по выборке стран в разрезе географических макрорегионов в 2017 г., в Мбит/с

Источник: составлено авторами по данным Международного союза электросвязи (ITU, 2023d).

Fig. 5. Average volume of international data flows in the sample of countries by geographical macroregions in 2017, Mbit/s

Source: calculated by the authors with the International Telecommunication Union data (ITU, 2023d).

Для стран Восточной Азии и Тихого океана влияние международных потоков данных подтвердить для импорта услуг: его статистическая значимость (p -значение = 0,0449) позволяет говорить об отрицательном влиянии международных потоков данных на потоки импорта.

По группе стран, относящихся к такому географическому региону, как Европа и Центральная Азия, мы наблюдаем отрицательное влияние международных потоков данных на импортные потоки товаров и услуг. Следует подчеркнуть, что из представленных в выборке стран Германия является несомненным лидером по объему как экспортных, так и импортных потоков, хотя по объему международных данных лидирует Великобритания. Кроме того, в отношении модели для экспорта была выявлена кросс-секционная корреляция ошибок, поэтому была применена процедура Дрисколл – Крэйя (Driscoll – Kraay).

Для стран Латинской Америки и Карибского бассейна взаимосвязь между потоками данных и потоками товаров и услуг прослеживается по экспортным потокам, но при этом она является обратной. Крупнейшим экспортером и импортером товаров и услуг в данной группе стран была Мексика, на втором месте – Бразилия. Однако по международным потокам данных наибольший объем принадлежал Колумбии. Следовательно, развитие телекоммуникационной инфраструктуры является важным фактором обеспечения конкурентоспособности в международной торговле, но, бесспорно, не единственным. Кроме того, в отношении обеих моделей была выявлена кросс-секционная корреляция ошибок, поэтому была применена процедура Дрисколл – Крэйя (Driscoll – Kraay).

Страны Африки к югу от Сахары являются объектом многочисленных исследований как со стороны международных организаций (ITU, 2023с), так и научного сообщества (Nguimkeu & Okou, 2021; Kouladoun et al., 2022). Основной интерес исследователей к данной группе стран состоит в поиске путей сокращения

Таблица 2

Результаты оценивания моделей панельных данных по экспорту и импорту по всей выборке стран и по географическим макрорегионам в 2009–2017 гг.

Table 2. Results of estimating the models of panel data for export and import in the full sample of countries and by geographical macroregions in 2009–2017

Регрессоры / Regressors	Зависимая переменная – логарифм экспорта (ln_Export) / Dependent variable – logarithm of export (ln_Export)					Зависимая переменная – логарифм импорта (ln_Import) / Dependent variable – logarithm of import (ln_Import)				
	(1)	(2)	(3) ⁱ	(4) ⁱ	(5)	(1)	(2)	(3)	(4) ⁱ	(5)
ln_IBU	-0,00101	-0,02921	-0,00034	-0,02361***	0,01369	0,00396	-0,04292**	-0,03965***	0,00491	0,02882
ER	-0,00056	-0,00116	0,00158***	-0,00354***	-0,00200	0,00046	-0,00158*	0,00307***	0,00066	0,00066
Oil	1,328e-13**	0,04938**	0,00513	-0,00310	-0,00190	0,00952***	0,03465**	0,02603***	-0,02815***	0,00566
FDI	2,873e-14	3,759e-13	1,974e-13***	-1,096e-12*	-1,382e-12	4,574e-14	2,549e-14	1,983e-13	-2,528e-12**	-2,545e-12
PI	1,04080	1,335e-13	-1,061e-14	2,026e-13	1,179e-12	9,923e-15	5,141e-14	-7,463e-14	-1,082e-12**	6,369e-12*
ln_GDP	-0,00215***	1,16953***	1,17359***	0,95873***	1,30776***	1,05662***	1,58164***	1,04519***	0,89135***	0,72931**
CPI	-0,00101	-0,00125	-0,00565***	-0,01593***	0,00551	-0,00317	-0,01324**	-0,00444***	-0,00539	0,00079
_cons	14,46602***	-0,00115	12,90588***	15,14205***	11,34700***	14,18547***	-0,00158*	14,64180***	15,09491***	16,704321***
Time-series dummies	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Number of countries	82	12	33	14	13	82	12	33	14	13
Number of observ	666	87	292	108	93	666	87	292	108	93
R-sq within	0,6962	0,8371	0,8463	0,8356	0,8036	0,6696	0,8919	0,8174	0,8765	0,7689
F	86,95***	20,55***	1,14e+07***	9669,30***	10,09***	76,89***	32,99***	72,83***	166543,27***	8,21***
CSD	0,695	-1,098	-1,896*	-1,766*	-1,516	1,143	-1,539	-0,854	-1,785*	-1,382

Примечание: (1) – все страны выборки, (2) – Восточная Азия и Тихий океан, (3) – Европа и Центральная Азия, (4) – Латинская Америка и Карибский бассейн, (5) – Африка к югу от Сахары; ***, **, * – значимость на уровне 1, 5, 10 % соответственно; ⁱ – регрессия со стандартными ошибками Дрисколла – Крэя.

Note: (1) – all countries of the sample, (2) – Eastern Asia and the Pacific, (3) – Europe and Central Asia, (4) – Latin America and the Caribbean, (5) – Sub-Saharan Africa; ***, **, * – significance at 1, 5, 10 % respectively; ⁱ – Regression with Driscoll – Kray standard errors.

экономического разрыва между развивающимися и развитыми странами за счет внедрения цифровых технологий. Результаты моделирования, представленные в табл. 2, не подтвердили влияние трансграничных потоков данных на потоки экспорта и импорта в данной группе стран.

Таким образом, моделирование в разрезе географических макрорегионов показало, что влияние международных потоков данных на экспортные и импортные потоки было неравномерно. Статистически значимая зависимость получила свое эмпирическое подтверждение для экспорта для стран Латинской Америки и Карибского бассейна, при этом влияние оказалось отрицательным. Также отрицательное влияние трансграничных потоков данных на импортные потоки подтвердилось для стран Восточной Азии и Тихого океана, Европы и Центральной Азии. Из-за недостаточного количества наблюдений по ряду макрорегионов (Северная Америка, Южная Азия) модели не были построены, чтобы избежать недостоверных выводов на малой выборке.

Объяснение выявленных паттернов включает как причины на уровне стран, так и на уровне фирм. Во-первых, фирмы из развитых и развивающихся регионов различаются по своей способности проводить модернизацию информационных технологий: большинство фирм в развитых странах могут извлечь выгоду из широкополосного Интернета и связанных с ним информационных технологий благодаря способности к адаптации к новым технологиям с точки зрения цифровых навыков персонала, инвестиций в НИОКР

и менеджмента (Marsh et al., 2017). При использовании международной пропускной способности количество фирм-экспортеров в развивающихся странах может снизиться, поскольку только самые крупные и высокопроизводительные фирмы имеют возможность подключиться к высокоскоростному Интернету. Остальные фирмы (неэкспортеры, мелкие и низкопроизводительные экспортеры) не могут в полной мере использовать потенциал Интернета, поскольку мелкие производители слабо интегрированы в цифровой отношении. Изменение способов управления цепочкой создания стоимости, поддерживаемое ведущими фирмами и поддерживаемое цифровыми информационными платформами и стандартами данных, создает новые проблемы для фирм, стремящихся к цифровой интеграции (Foster et al., 2018).

Полученные выводы совпадают с результатами исследования Cariolle et al. (2020), когда прокладка международных кабелей приводила к росту потоков между развитыми странами и сокращению двусторонних потоков между развивающимися странами. Основными причинами подобных тенденций является различная готовность стран к использованию возможностей трансграничных потоков данных. В нашем исследовании мы сосредоточили внимание не только на экспортных потоках, но и на импортных, показав, что возрастающая интернет-связанность между странами сокращает как экспортные, так и импортные потоки товаров и услуг.

Таким образом, вклад настоящего исследования состоит в подтверждении обратной взаимосвязи между потоками данных и потоками экспорта на агрегированных страновых данных. Кроме того, впервые было показано отрицательное влияние международной пропускной способности на импорт.

Заключение

Проведенное исследование ставило перед собой цель эмпирического обоснования взаимосвязи между потоками данных и потоками товаров и услуг на уровне стран и географических макрорегионов.

Результаты графического и регрессионного анализа позволили сделать ряд выводов.

Географическая неоднородность макрорегионов получила свое подтверждение как по объему экспортных и импортных потоков, так и по объему международных потоков данных. Следует обратить внимание на тот факт, что лидеры товаропотоков выступают и лидерами по объему переданных данных, но в этой закономерности есть исключения, свидетельствующие об определенном потенциале отдельных стран, способных стать лидерами в цифровой торговле за счет активного расширения телекоммуникационной инфраструктуры.

Выдвигаемая гипотеза исследования о положительном влиянии цифровых данных на потоки товаров и услуг не подтвердилась для выборки из 82 стран в исследуемом периоде 2009–2017 гг. Наоборот, результаты моделирования свидетельствуют о том, что международные потоки данных оказывают отрицательное влияние на международные потоки товаров и услуг в разрезе географических макрорегионов. Статистически значимая зависимость была выявлена в отношении экспорта для стран Латинской Америки и Карибского бассейна. Также отрицательное влияние трансграничных потоков данных на импортные потоки подтвердилось для стран Восточной Азии и Тихого океана, Европы и Центральной Азии.

В ходе моделирования была эмпирически показана кросс-секционная корреляция по отдельным географическим регионам: Латинская Америка и Карибский бассейн – как в отношении экспорта, так и импорта; Европа и Центральная Азия – в отношении экспорта. Взаимосвязь между странами в рамках географических макрорегионов способствует более тесной торговле между странами внутри группы, отражает тесные связи между странами.

Практическая значимость исследования состоит в эмпирическом подтверждении и количественной оценке влияния экономики данных на потоки международной торговли, что дает основания для оценки последствий мероприятий, направленных на увеличение включенности страны в процессы глобализации и цифровизации.

Ограничения проведенного исследования связаны с отсутствием сопоставимых международных данных по большому кругу стран и за более продолжительный промежуток времени. Об определенных сложностях с измерением уровня развития цифровой экономики неоднократно заявляли международные организации (ITU, 2023с; 2023е). Дальнейшие исследования могут быть направлены на оценку влияния международных потоков данных на показатели международной торговли в период внешних шоков и определение специфики данной взаимосвязи во времена повышенной макроэкономической нестабильности и риска.

Список литературы

- Иванов, Д. В., Асочаков, Ю. В., Богомяткова, Е. С. (2021). Включенность в интернет-коммуникации и креативность в социальных сетях как показатели социального развития. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24(2), 56–80. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.2.3>
- Имашева, И. Ю., Крамин, Т. В. (2022). Цифровое неравенство: модернизация кривой Кузнеця в цифровую эпоху. *Russian Journal of Economics and Law*, 16(4), 716–727. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.716-727>
- Кадочникова, Е. И. (2020). Конвергенция экономического роста и цифровизация домохозяйств: пространственный анализ взаимосвязи на региональных панельных данных. *Актуальные проблемы экономики и права*, 14(3), 487–507. <https://doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.3.487-507>
- Минаев, С. В. (2014). *Глобальная экономика: 2012–2013 годы: аналитический обзор*. Москва: РАН, ИНИОН, Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем, Отдел Азии и Африки.
- Ратникова, Т. А. (2006). Введение в эконометрический анализ панельных данных. *Экономический журнал ВШЭ*, 2, 267–316.
- Шваб, К. (2016). *Четвертая промышленная революция*. Москва: Эксмо.
- Abeliansky, A. L., & Hilbert, M. (2017). Digital technology and international trade: Is it the quantity of subscriptions or the quality of data speed that matters? *Telecommunications Policy*, 41(1), 35–48. <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2016.11.001>
- Baldwin, R. (2016). *The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization*. Cambridge, MA and London, England: Harvard University Press. <https://doi.org/10.4159/9780674972667>
- Barbero, J., & Rodriguez-Crespo, E. (2018). The effect of broadband on European Union trade: A regional spatial approach. *World Economy*, 41, 2895–2913. <https://doi.org/10.1111/twec.12723>
- Cariolle, J., Imbruno, M., & de Melo, J. (2020). *Bilateral digital connectivity and firm participation in export markets*. (Working paper). <https://hal.science/hal-03182438/document>
- Ching, N. T., Ghobakhloo, M., Iranmanesh, M., Maroufkhani, P., & Asadi, Sh. (2022). Industry 4.0 applications for sustainable manufacturing: A systematic literature review and a roadmap to sustainable development. *Journal of Cleaner Production*, 334, 130133. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.130133>
- Choi, V. (2010). The effect of the Internet on service trade. *Economics Letters*, 109(2), 102–104. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2010.08.005>
- Ciuriak, D., & Ptashkina, M. (2018). *The Digital Transformation and the Transformation of International Trade*. RTA Exchange. Geneva: International Centre for Trade and Sustainable Development (ICTSD) and Inter-American Development Bank (IDB). <https://ssrn.com/abstract=3107811>
- Ditzen, J. (2016). *XTCD2: Stata module to test for weak cross-sectional dependence*. *Statistical Software Components S458204a*, Boston College Department of Economics. Revised 15 May 2023. https://seec.hw.ac.uk/images/discussionpapers/SEEC_DiscussionPaper_No8.pdf
- Driscoll, J., & Kraay, A. C. (1998). Consistent covariance matrix estimation with spatially dependent data. *Review of Economics and Statistics*, 80(4), 549–560. <https://doi.org/10.1162/003465398557825>
- Ericsson. (2022). *Ericsson Mobility Report*. Telefonaktiebolaget LM Ericsson, Stockholm, November. <https://www.ericsson.com/en/reports-and-papers/mobility-report>
- Fan, X. (2021). Digital Economy Development, International Trade Efficiency and Trade Uncertainty. *China Finance and Economic Review*, 10(3), 89–110.
- Foster, C., Graham, M., Mann, L., Waema, T., & Friederici, N. (2018). Digital control in value chains: Challenges of connectivity for east african firms. *Economic Geography*, 94(1), 68–86. <https://doi.org/10.1080/00130095.2017.1350104>
- Freund, C. L., & Weinhold D. (2004). The effect of the Internet on international trade. *Journal of International Economics*, 62(1), 171–189. [https://doi.org/10.1016/S0022-1996\(03\)00059-X](https://doi.org/10.1016/S0022-1996(03)00059-X)
- Gnangnon, S. K. (2020). Effect of the Internet on Services Export Diversification. *Journal of Economic Integration*, 35(3), 519–58. <https://www.jstor.org/stable/26927877>
- Goldfarb, A., & Tucker, C. (2019). Digital Economics. *Journal of Economic Literature*, 57(1), 3–43. <https://doi.org/10.1257/jel.20171452>
- Helpman, E., Melitz, M. J., & Yeaple, S. R. (2004). Export Versus FDI with Heterogeneous Firms. *American Economic Review*, 94(1), 300–316. <https://doi.org/10.1257/000282804322970814>
- ITU. (2022). *Measuring digital development. Facts and Figures 2022*. International Telecommunication Union, Telecommunication Development Bureau, Place des Nations, CH-1211 Geneva 20, Switzerland.
- ITU. (2023a). *Core ICT Indicators*. <https://www.itu.int/ITU-D/ict/partnership/material/CoreICTIndicators.pdf>
- ITU. (2023b). *ITU Facts and Figures 2022*. <https://public.tableau.com/app/profile/itu/viz/ITUFactsandFigures2022/Bandwidth01>
- ITU. (2023c). *History of the ICT Development Index (IDI)*. <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/IDI/history.aspx>
- ITU. (2023d). *DataHub*. <https://datahub.itu.int/indicators/>
- ITU. (2023e). *Measuring digital development. Facts and Figures: Focus on Least Developed Countries*. March 2023. International Telecommunication Union. Telecommunication Development Sector.

- Juodis, A., & Reese, S. (2022). The Incidental Parameters Problem in Testing for Remaining Cross-Section Correlation. *Journal of Business & Economic Statistics*, 40(3), 1191–1203. <https://doi.org/10.1080/07350015.2021.1906687>
- Kouladoun, J. C., Wirajing, M. A. K., & Nchofoung, T. N. (2022). Digital technologies and financial inclusion in Sub-Saharan Africa. *Telecommunications Policy*, 46(9), Article 102387. <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2022.102387>
- Kurihara, Y. (2021). Have IT improvements had positive impacts on international trade? *Asian Journal of Interdisciplinary Research*, 4(4), 1–9. <https://doi.org/10.54392/ajir2141>
- Latif, Z., Yang Mengke, Danish, Latif, S., Ximei, L., Pathan, Z. H., Salam, S., & Jianqiu, Z. (2018). The dynamics of ICT, foreign direct investment, globalization and economic growth: Panel estimation robust to heterogeneity and cross-sectional dependence. *Telematics and Informatics*, 35(2), 318–328. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2017.12.006>
- Marsh, I. W., Rincon-Aznar, A., Vecchi, M., & Venturini, F. (2017). We see ict spillovers everywhere but in the econometric evidence: a reassessment. *Industrial and Corporate Change*, 26(6), 1067–1088. <https://doi.org/10.1093/icc/dtx008>
- Mu, Y., Chen, Z., Ding, Y., Wang, Y., & Pang, B. (2020). How Internet Promotes China's Exports: A Firm-Level Perspective. *China & World Economy*, 28(5), 118–142. <https://doi.org/10.1111/cwe.12329>
- Nguimkeu, P., & Okou, C. (2021). Leveraging digital technologies to boost productivity in the informal sector in Sub-Saharan Africa. *Review of Policy Research*, 38(6), 707–731. <https://doi.org/10.1111/ropr.12441>
- Pesaran, M. H. (2015). Testing Weak Cross-Sectional Dependence in Large Panels. *Econometric Reviews*, 34(6–10), 1089–1117. <https://doi.org/10.1080/07474938.2014.956623>
- PwC. (2011). *The New Digital Economy. How it will transform business*. <https://www.pwc.com/cl/es/publicaciones/assets/the-new-digital-economy.pdf>
- Rodríguez-Crespo, E., & Martínez-Zarzoso, I. (2019). The effect of ICT on trade: Does product complexity matter? *Telematics and Informatics*, 41, 182–196. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2019.05.001>
- Rodriguez-Crespo, E., Billon, M., & Marco, R. (2021). Impacts of Internet Use on Trade: New Evidence for Developed and Developing Countries. *Emerging Markets Finance and Trade*, 57(10), 3017–3032. <https://doi.org/10.1080/1540496X.2019.1676225>
- Sanderson, L., Wright-McNaughton, G., & Yashiro, N. (2022). *Does high-speed internet boost exporting?* New Zealand Productivity Commission (Working paper 2022/02). www.productivity.govt.nz/research
- Schumacher, R. (2013). Deconstructing the theory of comparative advantage. *World Social and Economic Review*, 2, 83–105.
- Singh, P., & Maiti, D. (2020). ICT, Access to Finance and Firm Exports: A Cross-Country Study. In D. Maiti, F. Castellacci, & A. Melchior (eds). *Digitalisation and Development*. Singapore: Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-13-9996-1_6
- Sun, M. (2021). The Internet and SME Participation in Exports. *Information Economics and Policy*, 57, Article 100940. <https://doi.org/10.1016/j.infoecopol.2021.100940>
- Tay, C. (2018). The impact of information and communication technologies on bilateral trade in services. *International Journal of Services Operations and Informatics*, 9(1), 40–61. <https://doi.org/10.1504/IJSOI.2018.088516>
- Visser, R. (2019). The effect of the internet on the margins of trade. *Information Economics and Policy*, 46, 41–54. <https://doi.org/10.1016/j.infoecopol.2018.12.001>
- Wang, M. L., & Choi, C. H. (2019). How information and communication technology affect international trade: a comparative analysis of BRICS countries. *Information Technology for Development*, 25(3), 455–474. <https://doi.org/10.1080/02681102.2018.1493675>
- World Bank. (2019). *World Bank Country and Lending Groups 2019*. <https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/906519-world-bank-country-and-lending-groups>
- World Bank. (2023). *Data*. <https://data.worldbank.org/indicator/>
- Xie, Y., & Pesaran, M. H. (2022). *A Bias-Corrected Cd Test for Error Cross-Sectional Dependence in Panel Data Models with Latent Factors*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4198155>

References

- Abeliansky, A. L., & Hilbert, M. (2017). Digital technology and international trade: Is it the quantity of subscriptions or the quality of data speed that matters? *Telecommunications Policy*, 41(1), 35–48. <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2016.11.001>
- Baldwin, R. (2016). *The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization*. Cambridge, MA and London, England: Harvard University Press. <https://doi.org/10.4159/9780674972667>
- Barbero, J., & Rodríguez-Crespo, E. (2018). The effect of broadband on European Union trade: A regional spatial approach. *World Economy*, 41, 2895–2913. <https://doi.org/10.1111/twec.12723>
- Cariolle, J., Imbruno, M., & de Melo, J. (2020). *Bilateral digital connectivity and firm participation in export markets*. (Working paper). <https://hal.science/hal-03182438/document>
- Ching, N. T., Ghobakhloo, M., Iranmanesh, M., Maroufkhani, P., & Asadi, Sh. (2022). Industry 4.0 applications for sustainable manufacturing: A systematic literature review and a roadmap to sustainable development. *Journal of Cleaner Production*, 334, 130133. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.130133>
- Choi, V. (2010). The effect of the Internet on service trade. *Economics Letters*, 109(2), 102–104. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2010.08.005>

- Ciuriak, D., & Ptashkina, M. (2018). *The Digital Transformation and the Transformation of International Trade*. RTA Exchange. Geneva: International Centre for Trade and Sustainable Development (ICTSD) and Inter-American Development Bank (IDB). <https://ssrn.com/abstract=3107811>
- Ditzen, J. (2016). *XTCD2: Stata module to test for weak cross-sectional dependence. Statistical Software Components S458204a*, Boston College Department of Economics. Revised 15 May 2023. https://seec.hw.ac.uk/images/discussionpapers/SEEC_DiscussionPaper_No8.pdf
- Driscoll, J., & Kraay, A. C. (1998). Consistent covariance matrix estimation with spatially dependent data. *Review of Economics and Statistics*, 80(4), 549–560. <https://doi.org/10.1162/003465398557825>
- Ericsson. (2022). *Ericsson Mobility Report*. Telefonaktiebolaget LM Ericsson, Stockholm, November. <https://www.ericsson.com/en/reports-and-papers/mobility-report>
- Fan, X. (2021). Digital Economy Development, International Trade Efficiency and Trade Uncertainty. *China Finance and Economic Review*, 10(3), 89–110.
- Foster, C., Graham, M., Mann, L., Waema, T., & Friederici, N. (2018). Digital control in value chains: Challenges of connectivity for east african firms. *Economic Geography*, 94(1), 68–86. <https://doi.org/10.1080/00130095.2017.1350104>
- Freund, C. L., & Weinhold D. (2004). The effect of the Internet on international trade. *Journal of International Economics*, 62(1), 171–189. [https://doi.org/10.1016/S0022-1996\(03\)00059-X](https://doi.org/10.1016/S0022-1996(03)00059-X)
- Gnangnon, S. K. (2020). Effect of the Internet on Services Export Diversification. *Journal of Economic Integration*, 35(3), 519–58. <https://www.jstor.org/stable/26927877>
- Goldfarb, A., & Tucker, C. (2019). Digital Economics. *Journal of Economic Literature*, 57(1), 3–43. <https://doi.org/10.1257/jel.20171452>
- Helpman, E., Melitz, M. J., & Yeaple, S. R. (2004). Export Versus FDI with Heterogeneous Firms. *American Economic Review*, 94(1), 300–316. <https://doi.org/10.1257/000282804322970814>
- Imasheva, I. Yu., & Kramin, T. V. (2022). Digital inequality: modernization of Kuznets curve in the digital era. *Russian Journal of Economics and Law*, 16(4), 716–727. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.716-727>
- ITU. (2022). *Measuring digital development. Facts and Figures 2022*. International Telecommunication Union, Telecommunication Development Bureau, Place des Nations, CH-1211 Geneva 20, Switzerland.
- ITU. (2023a). *Core ICT Indicators*. <https://www.itu.int/ITU-D/ict/partnership/material/CoreICTIndicators.pdf>
- ITU. (2023b). *ITU Facts and Figures 2022*. <https://public.tableau.com/app/profile/itu/viz/ITUFactsandFigures2022/Bandwidth01>
- ITU. (2023c). *History of the ICT Development Index (IDI)*. <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/IDI/history.aspx>
- ITU. (2023d). *DataHub*. <https://datahub.itu.int/indicators/>
- ITU. (2023e). *Measuring digital development. Facts and Figures: Focus on Least Developed Countries*. March 2023. International Telecommunication Union. Telecommunication Development Sector.
- Ivanov, D. V., Asochakov, Yu. V., & Bogomiagkova, E. S. (2021). Inclusion in the Internet Communications and Creativity on Social Networking Platforms as Indicators of Social Development. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii (The Journal of Sociology and Social Anthropology)*, 24(2), 56–80. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.2.3>
- Imasheva, I. Yu., & Kramin, T. V. (2022). Digital inequality: modernization of Kuznets curve in the digital era. *Russian Journal of Economics and Law*, 16(4), 716–727. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.716-727>
- Juodis, A., & Reese, S. (2022). The Incidental Parameters Problem in Testing for Remaining Cross-Section Correlation. *Journal of Business & Economic Statistics*, 40(3), 1191–1203. <https://doi.org/10.1080/07350015.2021.1906687>
- Kadochnikova, E. I. (2020). Convergence of economic growth and digitalization of households: spatial analysis of interrelation with regional panel data. *Actual Problems of Economics and Law*, 14(3), 487–507. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.3.487-507>
- Kouladoun, J. C., Wirajing, M. A. K., & Nchofoung, T. N. (2022). Digital technologies and financial inclusion in Sub-Saharan Africa. *Telecommunications Policy*, 46(9), Article 102387. <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2022.102387>
- Kurihara, Y. (2021). Have IT improvements had positive impacts on international trade? *Asian Journal of Interdisciplinary Research*, 4(4), 1–9. <https://doi.org/10.54392/ajir2141>
- Latif, Z., Yang Mengke, Danish, Latif, S., Ximei, L., Pathan, Z. H., Salam, S., & Jianqiu, Z. (2018). The dynamics of ICT, foreign direct investment, globalization and economic growth: Panel estimation robust to heterogeneity and cross-sectional dependence. *Telematics and Informatics*, 35(2), 318–328. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2017.12.006>
- Marsh, I. W., Rincon-Aznar, A., Vecchi, M., & Venturini, F. (2017). We see ict spillovers everywhere but in the econometric evidence: a reassessment. *Industrial and Corporate Change*, 26(6), 1067–1088. <https://doi.org/10.1093/icc/dtx008>
- Minaev, S. V. (2014). *Global economy: 2012–2013: analytic review*. Moscow: RAN, INION, Tsentr nauchno-informatsionnykh issledovaniy global'nykh i regional'nykh problem, Otdel Azii i Afriki. (In Russ.).
- Mu, Y., Chen, Z., Ding, Y., Wang, Y., & Pang, B. (2020). How Internet Promotes China's Exports: A Firm-Level Perspective. *China & World Economy*, 28(5), 118–142. <https://doi.org/10.1111/cwe.12329>
- Nguimkeu, P., & Okou, C. (2021). Leveraging digital technologies to boost productivity in the informal sector in Sub-Saharan Africa. *Review of Policy Research*, 38(6), 707–731. <https://doi.org/10.1111/ropr.12441>
- Pesaran, M. H. (2015). Testing Weak Cross-Sectional Dependence in Large Panels. *Econometric Reviews*, 34(6–10), 1089–1117. <https://doi.org/10.1080/07474938.2014.956623>

- PwC (2011). *The New Digital Economy. How it will transform business*. <https://www.pwc.com/cl/es/publicaciones/assets/the-new-digital-economy.pdf>
- Ratnikova, T. A. (2006). Introduction to econometric analysis of panel data. *The HSE Economic Journal*, 2, 267–316. (In Russ.).
- Rodríguez-Crespo, E., & Martínez-Zarzoso, I. (2019). The effect of ICT on trade: Does product complexity matter? *Telematics and Informatics*, 41, 182–196. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2019.05.001>
- Rodriguez-Crespo, E., Billon, M., & Marco, R. (2021). Impacts of Internet Use on Trade: New Evidence for Developed and Developing Countries. *Emerging Markets Finance and Trade*, 57(10), 3017–3032. <https://doi.org/10.1080/1540496X.2019.1676225>
- Sanderson, L., Wright-McNaughton, G., & Yashiro, N. (2022). *Does high-speed internet boost exporting?* New Zealand Productivity Commission (Working paper 2022/02). www.productivity.govt.nz/research
- Schumacher, R. (2013). Deconstructing the theory of comparative advantage. *World Social and Economic Review*, 2, 83–105.
- Shvab, K. (2016). *Fourth industrial revolution*. Moscow: Eksmo. (In Russ.).
- Singh, P., & Maiti, D. (2020). ICT, Access to Finance and Firm Exports: A Cross-Country Study. In D. Maiti, F. Castellacci, & A. Melchior (eds). *Digitalisation and Development*. Singapore: Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-13-9996-1_6
- Sun, M. (2021). The Internet and SME Participation in Exports. *Information Economics and Policy*, 57, Article 100940. <https://doi.org/10.1016/j.infoecopol.2021.100940>
- Tay, C. (2018). The impact of information and communication technologies on bilateral trade in services. *International Journal of Services Operations and Informatics*, 9(1), 40–61. <https://doi.org/10.1504/IJSOI.2018.088516>
- Visser, R. (2019). The effect of the internet on the margins of trade. *Information Economics and Policy*, 46, 41–54. <https://doi.org/10.1016/j.infoecopol.2018.12.001>
- Wang, M. L., & Choi, C. H. (2019). How information and communication technology affect international trade: a comparative analysis of BRICS countries. *Information Technology for Development*, 25(3), 455–474. <https://doi.org/10.1080/02681102.2018.1493675>
- World Bank. (2019). *World Bank Country and Lending Groups 2019*. <https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/906519-world-bank-country-and-lending-groups>
- World Bank. (2023). *Data*. <https://data.worldbank.org/indicator/>
- Xie, Y., & Pesaran, M. H. (2022). *A Bias-Corrected Cd Test for Error Cross-Sectional Dependence in Panel Data Models with Latent Factors*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4198155>

ПРИЛОЖЕНИЕ / APPENDIX

Список стран / List of countries

Африка к югу от Сахары / Sub-Saharan Africa

Бурунди / Burundi
 Камерун / Cameroon
 Конго, Дем. Республика / Kongo
 Кот-д'Ивуар / Cote d'Ivoire
 Габон / Gabon
 Гана / Ghana
 Лесото / Lesotho
 Нигерия / Nigeria
 Сьерра-Леоне / Sierra Leone
 Южная Африка / South Africa
 Того / Togo
 Уганда / Uganda
 Замбия / Zambia

Ближний Восток и Северная Африка / Middle East and North Africa

Алжир / Algeria
 Бахрейн / Bahrain
 Израиль / Israel
 Мальта / Malta
 Марокко / Morocco
 Саудовская Аравия / Saudi Arabia
 Тунис / Tunisia

Восточная Азия и Тихий океан / Eastern Asia and the Pacific

Австралия / Australia
Китай / China
Фиджи / Fiji
САР Гонконг, Китай / SAR Hong Kong, China
Япония / Japan
Корея, Республика / Republic of Korea
Малайзия / Malaysia
Новая Зеландия / New Zealand
Филиппины / Philippines
Самоа / Samoa
Сингапур / Singapore
Соломоновы острова / Solomon Islands

Европа и Центральная Азия / Europe and Central Asia

Армения / Armenia
Австрия / Austria
Бельгия / Belgium
Болгария / Bulgaria
Хорватия / Croatia
Кипр / Cyprus
Чехия / Czech Republic
Дания / Denmark
Финляндия / Finland
Франция / France
Грузия / Georgia
Германия / Germany
Греция / Greece
Венгрия / Hungary
Исландия / Iceland
Ирландия / Ireland
Италия / Italy
Латвия / Latvia
Люксембург / Luxembourg
Молдова / Moldova
Нидерланды / Netherlands
Северная Македония / North Macedonia
Норвегия / Norway
Польша / Poland
Португалия / Portugal
Румыния / Romania
Российская Федерация / Russian Federation
Словакия / Slovakia
Испания / Spain
Швеция / Sweden
Швейцария / Switzerland
Украина / Ukraine
Великобритания / Great Britain

Латинская Америка и Карибский бассейн / Latin America and the Caribbean

Антигуа и Барбуда / Antigua and Barbuda
Багамы / Bahamas
Белиз / Belize
Боливия / Bolivia
Бразилия / Brazil
Чили / Chili

Колумбия / Columbia
Коста-Рика / Costa Rica
Доминика / Dominica
Доминиканская Республика / Dominican Republic
Мексика / Mexico
Никарагуа / Nicaragua
Парагвай / Paraguay
Уругвай / Uruguay

Северная Америка / North America

Канада / Canada
США / USA

Южная Азия / South Asia

Пакистан / Pakistan

Вклад авторов

Варламова Юлия Андреевна сформировала вопросы исследования; принимала участие в подготовке рукописи; осуществляла расчеты модели и проводила статистический анализ; интерпретировала результаты.

Подкорытова Ольга Анатольевна проводила обзор литературы; принимала участие в подготовке рукописи; осуществляла расчеты модели и проводила статистический анализ; интерпретировала результаты.

Authors' contributions

Julia A. Varlamova formulated research questions; took part in the manuscript preparation; performed the model calculations and statistical analysis; interpreted the results.

Olga A. Podkorytova made a literature review; took part in the manuscript preparation; performed the model calculations and statistical analysis; interpreted the results.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 22.05.2023

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 24.06.2023

Дата принятия в печать / Accepted 10.08.2023

ЦИФРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ / DIGITAL SECURITY

Редактор рубрики И. Р. Бегисhev / Rubric editor I. R. Begishev

Научная статья
УДК 004.8:51:343

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.571-585>

А. А. Шутова¹

¹ Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань, Россия

Криминальные риски оборота медицинских роботов

Шутова Альбина Александровна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, доцент кафедры уголовного права и процесса, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

E-mail: shutova1993@inbox.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3015-3684>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?origin=resultslist&authorId=57219032918>

Web of Science Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/rid/GOG-9089-2022>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 5235-4319, AuthorID: 835100

Аннотация

Цель: выявление криминальных рисков, свойственных медицинскому роботу, с учетом его аппаратно-технологических (технологических и цифровых) особенностей, а также построение на основе данного анализа авторской классификации криминальных рисков и моделей уголовно-правовой охраны общественных отношений, возникающих в процессе оборота медицинских роботов.

Методы: в статье используются общенаучные методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, классификация), а также частнонаучные методы познания, логико-юридический метод.

Результаты: уязвимость безопасности медицинских роботов вызывает серьезную озабоченность у производителей, программистов и тех, кто взаимодействует с ними в отрасли здравоохранения. В медицинских учреждениях роботы взаимодействуют в тесном контакте с детьми, пожилыми и людьми с ограниченными возможностями, и пациенту может быть неясно, работает ли робот должным образом или подвергается нападению. Любой вред, причиненный хирургическим роботом в результате неправомерного доступа (или иных противоправных действий), может подорвать веру общественности в медицину и в целом в систему здравоохранения. Угрозы безопасности медицинских роботов могут иметь дальнейшие негативные последствия для них самих, так как подобные факты неправомерного воздействия могут привести к тому, что роботы сломаются или нанесут вред другому близлежащему оборудованию, являющемуся имуществом данного учреждения системы здравоохранения, а хуже – жизни и здоровью пациентов или медицинским работникам. В связи с этим в работе выявлены криминальные риски и угрозы, свойственные медицинским роботам, сформулированы меры по совершенствованию уголовного законодательства, направленного на противодействие преступлениям, возникающим против законного оборота медицинских роботов (ст. 235² УК РФ).

Научная новизна: на данный момент имеется небольшое количество отечественных исследований, посвященных правовому регулированию и охране медицинских роботов. В основном подобные наработки являются результатом исследований ученых-медиков. Однако в Российской Федерации специальные теоретико-правовые исследования, в том числе посвященные изучению уголовно-правовых вопросов охраны указанных правоотношений, практически отсутствуют, что подтверждает актуальность и значимость проводимого нами исследования.

Практическая значимость: положения и выводы статьи могут использоваться для дальнейшего совершенствования уголовного законодательства, а также закладывают основу для дальнейших исследований в уголовно-правовой науке.

Ключевые слова

Искусственный интеллект, медицинский робот, медицинское изделие, ответственность, преступления, риск, робот, уголовное право, цифровизация, цифровые технологии

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Шутова, А. А. (2023). Криминальные риски оборота медицинских роботов. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(3), 571–585. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.571-585>

Scientific article

A. A. Shutova¹

¹ Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Russia

Criminal risks of medical robots turnover

Albina A. Shutova, Candidate of Juridical Sciences, Senior Researcher of Scientific-research Institute for digital technologies and law, Associate Professor of the department of Criminal Law and Procedure

E-mail: shutova1993@inbox.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3015-3684>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?origin=resultslist&authorId=57219032918>

Web of Science Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/rid/GOG-9089-2022>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 5235-4319, AuthorID: 835100

Abstract

Objective: to identify criminal risks inherent in a medical robot, taking into account its hardware-technological (technological and digital) features, and to construct, based on this analysis, the author's classification of criminal risks and models of criminal-legal protection of public relations arising in the medical robots' turnover.

Methods: the article uses general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, classification) and specific scientific methods of cognition, and the logical-legal method.

Results: The security vulnerability of medical robots causes serious concern in manufacturers, programmers and those interacting with the robots in the healthcare industry. In medical institutions, robots interact closely with children, the elderly and the disabled, and it may not be clear to the patient whether the robot is working properly or being attacked. Any harm caused by a surgical robot as a result of unauthorized access (or other illegal actions) can undermine the public's faith in medicine and in the healthcare system as a whole. Threats to the safety of medical robots can have further negative consequences for themselves, as such facts of unlawful influence can lead to robots breaking down or harming other nearby equipment that is the property of the healthcare institution, and worse – the life and health of patients or medical workers. In this regard, the paper identifies criminal risks and threats inherent in medical robots, and formulates measures to improve criminal legislation aimed at countering crimes arising against the legal turnover of medical robots (Article 235² of the Criminal Code of the Russian Federation).

Scientific novelty: at the moment there are few Russian studies devoted to the legal regulation and protection of medical robots. Basically, such researches are done by medical scientists. However, in the Russian Federation, there are practically no special theoretical-legal studies, including those devoted to the study of criminal law issues of the protection of these legal relations, which confirms the relevance and significance of our research.

Practical significance: the provisions and conclusions of the article can be used to further improve criminal legislation, and also lay the foundation for further research in criminal law science.

Keywords

Artificial intelligence, medical robot, medical device, liability, crimes, risk, robot, criminal law, digitalization, digital technologies

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Shutova, A. A. (2023). Criminal risks of medical robots turnover. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(3), 571–585. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.571-585>

Введение

Цифровая экономика характеризуется повсеместным внедрением робототехнических устройств во многие сферы общественной жизни. В связи с этим медицинское право также подвержено различным изменениям вследствие цифровизации общественных отношений (Записная, 2022, с. 34). По мнению исследователей, использование роботов в медицинских целях в объеме продаж сервисных роботов в мире составляет более 30 % и постоянно увеличивается (Карцхия, 2021, с. 40). Возможности медицинской робототехники, несомненно, велики. Роботы используются практически на всех уровнях системы здравоохранения: в малоинвазивной хирургии (например, роботизированной лапаротомии) и при менее инвазивных видах эндоскопических хирургических процедур (например, роботизированной бронхоскопии), при оптимизации работы больниц, протезировании, оказании помощи пациентам на дому. Медицинская робототехника – новая область здравоохранения, в которой экзоскелеты, роботы для ухода за пациентами и иные сервисные роботы находятся на ранней стадии развития, но имеют большой потенциал в применении. Медицинская робототехника – одна из передовых областей робототехники, но она сталкивается с длительными циклами разработки, строгими процессами регулирования и высокими техническими барьерами.

Этические и юридические барьеры, налагаемые на медицинских роботов, требуют тщательного рассмотрения, в том числе с точки зрения различных уровней автономии, киберустойчивости (Галлезе-Нобиле, 2023), а также возможности их использования (Weng & Hirata, 2022).

Действительно, со всеми новыми технологиями в законодательстве может быть много пробелов, поскольку правовые нормы не всегда могут опережать динамично развивающиеся технологические достижения. Стоит согласиться с зарубежными коллегами, считающими, что потенциальные риски должны быть выявлены на ранней стадии (Schmitz-Luhn & Chandler, 2022). Вопросы правового регулирования медицинской робототехники требуют обсуждения уже сейчас. В свою очередь зарубежные авторы активно исследуют вопросы наделяния медицинских роботов автономностью и приходят к выводу, что медицина должна исключить полную автономию и допустить в качестве приемлемого подхода только автономию под наблюдением (Fiorini et al., 2022, p. 1011).

Стоит поддержать мнение авторов, полагающих, что развитие робототехники требует адекватного правового регулирования, способного спрогнозировать риски применения и предусмотреть меры ответственности в случае причинения вреда охраняемым интересам (Бабурин, 2010, с. 11). Неизбежно возникнет масса вопросов, связанных с юридической оценкой действий медицинских работников-хирургов, которые, находясь в одном городе, оперируют пациента в другом, и происходит промах скальпеля, порезавшего артерию, что вызывает серьезные медицинские осложнения или смерть пациента. В этом случае

напрашивается вопрос, является ли хирург причиняющим вред пациенту. Кроме того, в связи с большей автоматизацией медицинских роботов возникает вопрос и о том, что произойдет, если автономный робот допустит хирургическую ошибку. В свою очередь, в США против *Intuitive Surgical Inc*, производителя *Da Vinci*, были поданы иски, согласно которым компания недостаточно обучила хирургов перед использованием робота¹.

Технологии могут развиваться быстрее, чем нормативные и этические вопросы найдут свое отражение. Оценка рисков внедрения медицинской робототехники имеет решающее значение, для того чтобы избежать негативной реакции, которая препятствовала бы прогрессу. В связи с этим интересным представляется мнение зарубежных ученых, полагающих, что перед формированием правовой среды для роботов необходимо рассмотреть этические вопросы (Langman et al., 2021).

Целью представленного исследования является формирование на основе выявленных криминальных рисков, свойственных медицинским роботам, наиболее эффективной модели уголовно-правовой охраны общественных отношений, возникающих в процессе оборота медицинских роботов.

Именно поэтому в рамках настоящего исследования будут последовательно рассмотрены и решены следующие задачи:

- выявление криминальных рисков, свойственных медицинским роботам с учетом их аппаратно-технологической сущности;
- формирование их доктринальной классификации;
- исследование текущего состояния уголовно-правовой охраны общественных отношений, возникающих в процессе оборота медицинских роботов, и его совершенствование путем разработки эффективных моделей.

В настоящее время как никогда важно обозначить криминальные риски, свойственные медицинским роботам, поделив их на некоторые подгруппы (криминальные риски, действующие на робота, используемого в сфере здравоохранения, извне; криминальные риски, исходящие от медицинского робота; криминальные риски, свойственные роботизированным медицинским изделиям; криминальные риски цифровой безопасности медицинского робота), а также определить уголовно-правовые модели охраны медицинских роботов, которые могут быть использованы в правоприменении и совершенствовании законодательства.

Криминальные риски, свойственные медицинским роботам

Изучение возможных рисков и угроз в процессе оборота медицинских роботов позволит полно определить причинный комплекс, способствующий совершению преступлений, тем самым, по нашему мнению, повысит профилактический потенциал уголовно-правовых наук в целом. Стоит согласиться с мнением Ф. В. Цомартовой, что медицинские роботы могут быть весьма уязвимыми, а это может повлиять на их безопасность (Цомартова, 2020, с. 95).

Зарубежные исследователи активно изучают вопросы безопасности, защиты конфиденциальности социальных роботов, используемых в отрасли здравоохранения; а также факторы, исходящие от пациентов (Nissenbaum, 2001).

С самого зарождения робототехники люди осознавали тот факт, что роботы, помимо выполнения полезной работы, для которой они были созданы, могут также причинять вред людям, обществу и государству. Эта область регулировалась первыми тремя законами робототехники (Asimov, 2019), которые все еще актуальны и этически приемлемы для разработки проблемы правового регулирования медицинских роботов:

Первый закон. Медицинский робот не должен травмировать человека или своим бездействием допускать причинение вреда.

Второй закон. Медицинский робот должен подчиняться всем приказам (командам), отдаваемым ему людьми, если только такие приказы (команды) не противоречат Первому закону.

Третий закон. Медицинский робот должен поддерживать свое существование (защищать себя), если только это не противоречит Первому или Второму законам.

¹ Zdrav.Expert. Медтрех-портал. https://zdrav.expert/index.php/%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F:Intuitive_Surgical

Указанные законы робототехники применяются в первую очередь при проектировании и производстве роботов, но они не включают случаи, когда роботы используются не по их назначению или когда в работе робота возникает непреднамеренная ошибка.

Кроме того, в 2020 г. были предложены новые законы робототехники:

- 1) роботизированные системы и искусственный интеллект (далее – ИИ) должны дополнять профессionaлов, а не заменять их;
- 2) роботизированные системы и ИИ не должны заменить человечество;
- 3) роботизированные системы и ИИ не должны усиливать гонку вооружений;
- 4) роботизированные системы и ИИ должны позволять определить личность своего создателя, контроллера и владельца [13].

Указанные законы, хотя и не являются конкретными, но отражают текущие тенденции внедрения роботов в мире. Законы не содержат ограничительных формулировок и не могут рассматриваться как элемент регулирования. С учетом изменений, уже наблюдаемых в этой области, вероятно, в будущем законы будут изменены.

К тому же предпринимаются успешные попытки исследовать медицинских нанороботов сквозь призму трех законов робототехники Айзека Азимова (Гуляева, 2023, с. 99).

Большинство из доступных в настоящее время роботизированных систем функционируют только как роботизированные вспомогательные средства, действуя как механизм для руководства процедурой или как защитный механизм для пациентов, предоставляя дополнительные функции. Наблюдается тенденция к еще большей автономии медицинских роботов. По мнению Е. С. Михалевой и Е. А. Шубиной, чем более автономен робот, тем сложнее определить ответственность субъекта, так как контроль оператора сводится к минимуму (Михалева, Шубина, 2019, с. 29).

Е. Е. Истратова и А. А. Молчанова считают, что наиболее критическими для медицинских роботов являются аспекты безопасности (в широком смысле – как физической, так и информационной) и защиты персональных данных (Истратова, Молчанов, 2015, с. 59).

В свою очередь медицинская услуга (медицинская помощь) состоит из нескольких этапов. Она начинается с диагностики состояния пациента и заканчивается прекращением послеоперационного лечения (его реабилитацией). Полагаем, что на любой из этих стадий может быть нанесен вред пациенту.

Криминальные риски, действующие на медицинского робота извне

Рассмотрим более подробно первую группу рисков, действующих на медицинского робота извне. Медицинские роботы подвержены различным влияниям окружающей среды в результате воздействия на них человека: ошибка в управлении (неправильное подключение); неправильное использование основных частей (модулей) медицинского робота; неправильная установка (задача) параметров (алгоритмов), хаотичные (непреднамеренные) действия пациентов, нарушение правил технического (технологического) обслуживания, ремонта робота, неправильная эксплуатация медицинским работником, неправомерный доступ злоумышленников.

В последние годы мы наблюдали последствия активизации программ-вымогателей в больницах; уязвимость программного обеспечения, используемого в работе кардиостимулятора; утечки данных пациентов. Многие злоумышленники могут оказывать преступное воздействие как на медицинского робота, так и в целом на информационную инфраструктуру учреждений системы здравоохранения.

Хирургические ошибки, которые могут варьироваться от неверных шагов, предпринятых хирургом или группой медицинских работников, или неправильной дозировки, данной пациенту, до хирургических материалов, оставленных в теле пациента, могут вызвать самые тяжелые осложнения.

Неправильная эксплуатация хирургического роботизированного оборудования также является существенным фактором травматизма пациентов. Более того, помимо правильного использования робота, поставщики медицинских услуг несут дополнительную обязанность заботиться о пациенте, информируя его о рисках, связанных с процедурой роботизированной помощи, и запрашивая согласие (Yew, 2021). Доктрина информированного согласия требует предоставления хирургом информации о риске конкретного заболевания и получения согласия до проведения процедуры. Возможны ошибки, возникающие из-за неправильного использования хирургического робота. Врач-хирург или члены его команды могут быть привлечены к ответственности за вред, вызванный такими ошибками. Так, к примеру, Гилмор МакКалла подал в суд на *Intuitive Surgery, Inc.*, утверждая, что робот стал причиной смерти его 24-летней дочери. Ей делали гистерэктомию

в августе 2010 г., когда робот вызвал ожоги артерии и кишечника. Дочь скончалась через две недели после операции. В иске утверждается, что робот обнажил провода, по которым проходит электрический ток, что могло вызвать электрическую дугу вокруг них. Также утверждает, что операторы не были должным образом обучены работе с роботами².

По мнению зарубежных ученых, хирургические роботы считаются системами, критически важными для безопасности, из-за потенциальных рисков для пациента (Alemzadeh et al., 2016). Были зафиксированы случаи оставления или попадания осколков оборудования в тела пациентов³.

В свою очередь в отношении медицинских роботов могут быть совершены различные общественно опасные деяния, которые мы классифицируем по специфике их совершения:

Манипулятивные атаки, при которых злоумышленник тайно изменяет инструкции (алгоритмы) медицинского робота, для того чтобы добиться иного результата. При этом вводятся непреднамеренные пользовательские данные или команды управления крутящим моментом двигателя, для чего требуется доступ к главной консоли или управляющему программному обеспечению. Последствием этого сбоя могут быть непреднамеренные движения или полная остановка медицинского робота.

Подрыв управления. Злоумышленник вносит изменения в управление медицинским роботом. Это отличается от манипулирования, так как это может быть сделано в сети, из которой робот получает сигналы, и фокусируется на управлении, а не на манипулировании существующими действиями. В то время как первые два могут вызвать только задержки в движениях, последний полностью позволяет злоумышленнику делать все, что ему заблагорассудится, причиняя вред пациенту, больнице, ее имуществу.

Перепрограммирование. Тип доступа, необходимый для управления медицинским роботом, может также предоставлять доступ для изменения программного обеспечения. Состоит из изменений в программном обеспечении на любом уровне, серьезность таких сбоев для пациента или операции в целом достаточно велика.

Уязвимости программного обеспечения. Любая уязвимость, которую злоумышленник может использовать для совершения дальнейших атак, происходит пассивно и не обязательно вызвана виновным лицом, использующим уязвимости программного обеспечения.

Нарушение системы обратной связи. Злоумышленник тайно может модифицировать камеру или другие сенсорные данные, отправляемые хирургу. Сенсорные входы в настоящее время важны для того, чтобы показать, как проводится процедура внутри организма пациента, а также что в данный момент делает хирург. При изменении любого из них возрастает риск травмирования.

Криминальные риски, свойственные медицинскому роботу

В данную группу рисков следует отнести факторы, оказывающие влияние на функционирование медицинского робота (комплектность и качество материала, из которого изготовлены основные части (модули) медицинского робота). Существует не только возможность человеческой ошибки при работе с роботизированной технологией, но и дополнительный риск механического отказа. Несколько компонентов системы могут выйти из строя, включая камеру, бинокулярные линзы, роботизированную вышку, роботизированные руки и инструменты. Источник энергии может вызвать непреднамеренные внутренние ожоги от прижигающего устройства. Дуговой разряд возникает, когда электрический ток от роботизированного инструмента покидает роботизированную руку и направляется на окружающие ткани. Это может вызвать искры и ожоги, что приведет к повреждению тканей, которое не всегда можно сразу распознать.

Незаметные внутренние нарушения могут быть связаны с неисправностями хирургического инструмента, используемого для определенной операции (разрез, наложение шва), неисправностями роботизированной руки, к которой крепится какой-либо хирургический инструмент, что может привести к неточным движениям манипулятора, к неточности надреза и т. д., неисправностями консоли управления (панелью) роботом-манипулятором, ошибки в программном обеспечении и ошибки процессора.

² Langreth, R. (2013, March 6). Robosurgery Suits Detail Injuries as Death Reports Rise: Health. *Bloomberg*. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2013-03-05/robosurgery-suits-detail-injuries-as-death-reports-rise>

³ Almost 800 patients have had surgical instruments left INSIDE them after hospital procedures causing 16 deaths since 2005, says new health care report. (2013, October 18). *Mail Online*. <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2466049/Almost-800-patients-surgical-instruments-left-INSIDE-hospital-procedures-causing-16-deaths-2005-says-new-health-care-report.html>

Ошибки программного обеспечения препятствуют обработке вводимых хирургом инструкций и преобразованию этих инструкций в движение хирургического инструмента через роботизированную руку. Следовательно, неточная обработка программным обеспечением вводимых инструкций или просчеты могут быть опасны для оперируемого пациента.

Полагаем, что для медицинских роботов, в том числе хирургических, недостаточно разработаны четкие стандарты, определяющие значение безопасности, точности и конкретных процедур для их оценки, в отличие от их промышленных аналогов и автономных транспортных средств. К примеру, такие стандарты, как ИЕС 60601 ГОСТ Р МЭК 60601-1-2010⁴, содержат рекомендации по определению степеней автономности медицинского оборудования, но они оценивают риска устройства, а не оценку риска при управлении им.

Криминальные риски, исходящие от медицинского робота

Риски (опасности), исходящие от медицинского робота, могут происходить даже при его нормальной работе.

Роботизированная медицина имеет множество рисков, включая возможность заражения инфекцией пациентов, приведение к кровотечению.

Существует не только возможность человеческой ошибки при работе с роботизированной технологией, но и дополнительный риск механического отказа. Несколько компонентов системы могут выйти из строя, включая камеру, бинокулярные линзы, роботизированную вышку, роботизированные руки и инструменты.

Источник энергии, склонный к возникновению электрической дуги, может вызвать непреднамеренные внутренние ожоги от прижигающего устройства. Дуговой разряд возникает, когда электрический ток от роботизированного инструмента покидает роботизированную руку и неправильно направляется на окружающие ткани. Подобное обстоятельство может вызвать искры и ожоги, что приведет к повреждению тканей, которое не всегда можно сразу распознать.

Существует небольшой риск временного и даже постоянного паралича нервов из-за экстремального положения тела, необходимого для стыковки робота и адекватного доступа к тазу для выполнения.

Сфера здравоохранения осложнена тем, что на качество проведения операции может повлиять множество факторов, в том числе: физиологические особенности пациента (ожирение и сопутствующие заболевания); особенности врача-хирурга (обучение и опыт); роботизированные факторы (например, механическая неисправность).

Однако нашему исследованию подлежат только риски и угрозы криминального характера, которые представляют собой виновно совершенные общественно опасные противоправные деяния, запрещенные УК РФ под угрозой наказания.

Криминальные риски цифровой безопасности медицинского робота

Наиболее критическими для медицинских роботов являются аспекты цифровой безопасности и защиты персональных данных. Зарубежные ученые уделяют особое внимание защите персональных данных в связи с активным применением роботов (Lutz et al., 2019). Если доступ к медицинским роботам будет получен, злоумышленником могут быть выполнены различные вредоносные действия. Они могут вызвать состояние отказа в обслуживании, чтобы нарушить работу больницы для вымогательства, а поскольку конфиденциальные данные пациентов передаются на устройства, использование уязвимостей может предоставить хакерам доступ к данным пациентов.

Роботам предоставляется привилегированный доступ к зонам ограниченного доступа в медицинских учреждениях, которые обычно закрыты для неуполномоченных лиц. Роботы могут открывать двери и получать доступ к лифтам, а также использоваться для блокирования доступа, отключения лифтов или столкновения с персоналом и пациентами. Поскольку у роботов есть встроенные камеры, их можно угнать и использовать для наблюдения. Роботы также потенциально могут быть захвачены и использованы для доставки вредоносного программного обеспечения или могут служить стартовой площадкой для более масштабных кибератак на больничные информационно-телекоммуникационные сети. Роботы могут быть модифицированы, чтобы

⁴ Национальный стандарт РФ ГОСТ Р МЭК 60601-1-2010 «Изделия медицинские электрические. Часть 1. Общие требования безопасности с учетом основных функциональных характеристик» (утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 23 ноября 2010 г. № 492-ст). СПС «Гарант».

нести смертоносное оружие, или перепрограммированы для применения чрезмерной силы, что может привести как к человеческим, так и материальным потерям.

Так, производитель мобильных роботов *Aethon* в своих больничных роботах *Tug* описывал, что были обнаружены неисправности, которые в случае их использования могут позволить киберпреступникам удаленно управлять тысячами медицинских машин⁵. В свою очередь неправомерные действия могли повлечь наступление таких негативных последствий, как получение доступа к учетным данным пользователей и медицинским записям; блокировка лифтов и дверей; наблюдение за помещениями, в которых находятся пациенты; получение доступа к камерам в режиме реального времени и данным устройств; нарушение ухода за пациентами и порядка выдачи лекарств; запуск новых кибератак; столкновения с людьми и объектами, приводящие к смерти; использование уязвимостей, для того чтобы помешать пациентам получать, к примеру, лекарства.

Риски применения роботизированной медицинской помощи высоки еще и в связи с тем, что спектр применений и режимов роботизированных технологий в системе здравоохранения огромен, на данный момент услуги предоставляются широкому кругу лиц, контактирующих с системой, включая врачей и другой медицинский персонал, пациентов и лиц, осуществляющих уход.

Нарушение работы хирургического робота, как и любого другого инструмента, при прямом контакте с пациентом может привести к серьезному ущербу. Обеспокоенность кибербезопасностью других устройств, таких как имплантируемые кардиостимуляторы, привлекла всеобщее внимание⁶. В 2015 г. Боначи и его коллеги продемонстрировали техническую способность взять на себя управление роботизированной функцией в смоделированной среде, нарушая и переопределяя роботизированные функции. Совсем недавно было обнаружено несколько уязвимостей в роботах, используемых для доставки медикаментов в больницу (Осборн, 2022).

Интеграция источников данных, аппаратного обеспечения, программного обеспечения и сетей, необходимых для выполнения этих функций, создает новые уязвимости и может привести к атаке, которая способна масштабироваться на несколько роботов одновременно.

Журналы хирургических данных и видеозаписи пациентов также являются своеобразными точками атаки, взломы могут скомпрометировать конфиденциальные данные о работе конкретного хирурга или личную информацию о здоровье пациентов. Роботы зависят от более общей больничной инфраструктуры, такой как электроэнергия, которая может быть прервана.

Проводимые эксперименты свидетельствуют о том, что медицинские роботы имеют ряд уязвимостей и не защищены полностью, что может поставить под угрозу жизнь и здоровье пациентов. Так, ресурс *MIT Technology Review* сообщил, что ученые исследовали и провели анализ возможных атак кибербезопасности на *Raven II*. Специалисты сумели перехватить управление роботом и вынудили его выполнять нужные им команды (хаотичные движения), добились изменения их последовательности, в результате он перестал подчиняться оператору. На втором этапе эксперимента удалось получить контроль над действиями робота и оператор потерял контроль над устройством окончательно. Робот-хирург даже не отреагировал на команду к перезагрузке системы и продолжал выполнять действия⁷.

Указанные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что игнорировать уязвимости и проблемы безопасности в медицинской сфере, особенно по мере того, как цифровое здравоохранение, персонализированная медицина и дистанционное лечение продолжают развиваться, явно не стоит.

Выделим следующие уязвимости, позволяющие виновным контролировать действия медицинского робота: фотографирование; «слежка» за больницей (или в больнице) в режиме реального времени через камеры, доступ к записям пациентов; нарушение или блокирование доставки лекарств, что может повлиять на уход за пациентами.

⁵ Critical bug allows attacker to remotely control medical robot. (2022, 12 April). *The Register*. https://www.theregister.com/2022/04/12/critical_vuln_hospital_robots/

⁶ Staynings, R. (2017, August 30). FDA announces first-ever recall of a medical device due to cyber risk. *Cisco blogs*. <https://blogs.cisco.com/healthcare/fda-announces-first-ever-recall-of-a-medical-device-due-to-cyber-risk>

⁷ Ученые выявили возможность хакерских атак на медицинских роботов. (2015, 1 мая). *Техкульт*. <https://www.techcult.ru/robots/2277-ataki-na-medicinskih-robotov>

Особенности программного обеспечения (аппаратной части) медицинского робота, в том числе некоторые его несовершенства, могут быть использованы для перехвата пользовательских сессий или взятия под контроль движения робота и столкновения его с людьми или объектами, или использования их для причинения вреда пациентам и сотрудникам.

Правовое регулирование медицинских изделий на данный момент не учитывает критерий информационной безопасности. Так, в Постановлении Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1416 «Об утверждении Правил государственной регистрации медицинских изделий»⁸ под безопасностью медицинского изделия понимается «отсутствие недопустимого риска причинения вреда жизни, здоровью человека и окружающей среде при использовании медицинского изделия по назначению в условиях, предусмотренных производителем (изготовителем)». В данном правовом акте понятие «безопасность» рассматривается достаточно узко, про цифровую безопасность речь и не идет, безопасность рассматривается в смысле физической безопасности.

Уголовно-правовые модели охраны медицинских роботов

В здравоохранении влияние на цифровую безопасность медицинских роботов такое же, как и влияние посягательств на промышленность, которое включает финансовые потери, травмы или смерть. Нарушение работы хирургического робота во время операции может прервать процесс и привести к гибели людей. Кроме того, робот-смотритель обычно оснащен камерой наблюдения, а также возможностью получать данные о местонахождении и состоянии людей. Без обеспечения надлежащего уровня цифровой безопасности указанные данные могут быть незаконно собраны и использованы для различных преступлений.

Специфика отношений в сфере медицинской робототехники осложнена тем, что в эти общественные отношения вступает множество субъектов на разных этапах: создание, оборот, эксплуатация, техническое обслуживание и т. д. Если исходить из того, что медицинская процедура состоит из нескольких этапов, начинается с диагностики заболевания и заканчивается прекращением послеоперационного лечения, то на любой из указанных стадий может быть нанесен вред пациенту или в результате противоправных деяний причинены иные общественно опасные последствия. В данном случае непосредственную причину наступления негативных последствий определить проблематично в связи с тем, что потенциальными субъектами преступления могут быть как производители роботов, так и медицинские работники, которые проводили операцию, а также специалисты, отвечающие за обслуживание робота, или злоумышленники, которые осуществили посягательство на цифровую инфраструктуру робота.

Рассматривая робот, используемый в медицинских целях, в качестве движимого имущества, следует распространить на него концепцию «вещного права». Стоит поддержать мнение Ю. В. Грачевой и А. А. Арямова, полагающих, что робот является объектом гражданского права и на роботов распространяются все положения ГК РФ относительно вещи (Грачева, Арямов, 2020, с. 174–175).

Медицинский робот как вещь материального мира может быть похищен, уничтожен или поврежден или в отношении него могут быть совершены иные противоправные действия, поэтому подобные действия подлежат квалификации по составам преступлений, предусматривающих ответственность за преступления против собственности.

Однако робот, применяемый в медицинских целях, может быть использован злоумышленниками и как орудие причинения вреда жизни или здоровью для нанесения значительных внутренних ран пациенту, уничтожения или повреждения имущества или оборудования организации (больницы).

В связи с использованием медицинской робототехники неизбежно возникнет вопрос, связанный с мерами ответственности из-за причинения вреда человеку в результате использования некачественной продукции, некачественно оказанной услуги, обусловленной бездействием медицинского работника, и иными факторами.

Если несчастный случай, вызванный использованием хирургического робота, привел к травме или смерти пациента, то сначала необходимо проверить, был ли виновен в причинении смерти по неосторожности врач или иные лица. Необходимо выяснить были ли нарушены им принятые стандарты оказания медицинской помощи.

⁸ Постановление Правительства Российской Федерации № 1416 от 27.12.2012. (2013). *Собрание законодательства РФ*, 1, ст. 14.

В свою очередь врач-хирург, выполняя роботизированную операцию, обязан иметь соответствующий опыт проведения роботизированной хирургии. Хирургические ошибки, которые могут варьироваться от неверных шагов, предпринятых хирургом или его командой, или неправильной дозировкой, данной пациенту, до хирургических материалов, оставленных в теле пациента после операции, могут вызвать самые тяжелые осложнения для него. Врач должен быть в состоянии выполнить операцию в соответствии с существующими стандартами оказания медицинской помощи. Неправильная эксплуатация хирургического роботизированного оборудования также является существенным фактором травматизма пациентов. Пациент может умереть или получить серьезные повреждения в результате того, что робот, используемый в операционных, к примеру, перережет артерию пациента.

Представляется, что врачи, управляющие медицинским роботом, не несут ответственности в случаях, когда негативные последствия обусловлены следующими ошибками: программной, механической или ошибкой после обновления программного обеспечения. В этом случае следует сказать, что врач, по нашему мнению, не будет привлекаться к уголовной ответственности, но после того, как медицинский работник обнаружил подобные «недостатки» при эксплуатации медицинского робота, он должен немедленно взять на себя проведение медицинского вмешательства.

Представляется, что врачи, использующие медицинского робота, не несут ответственность за наступившие последствия, за исключением случаев, когда:

– **ошибки медицинского робота были спровоцированы неточными действиями медицинских работников (не предусмотренными стандартами оказания помощи).** Допущенный вред может быть вызван не заложенными алгоритмами роботов, а невежеством или неопытностью медицинского работника. Использование роботов требует особых теоретико-технических знаний, а также наличия опыта. Знания и опыт медицинского работника очень важны, в особенности при эксплуатации полуавтономных изделий. Кроме того, полагаем, что в тех случаях, когда пациент получил травму, а о необходимости проведения ремонта робота ранее ему не сообщалось, бремя ответственности переходит на врача-хирурга;

– **медицинские работники отклонились от стандартов оказания медицинской помощи, протоколов лечения.** Допущенные врачом в результате оказания медицинской роботизированной помощи причинение смерти или тяжкого вреда здоровью пациента вследствие ненадлежащего исполнения обязанностей можно рассматривать как наличие в деяниях лица неосторожных составов преступлений (ч. 2 ст. 109 или ч. 2 ст. 118 УК РФ), если его предвидением охватывалось (или могло и должно было охватываться) наступление негативных последствий.

Несомненно, важное значение имеет установление причинно-следственной связи между деяниями субъектов, вовлеченных в оборот медицинских роботов, и наступившими негативными последствиями. Поэтому потенциальными субъектами могут быть производители робототехники, медицинские работники или сам пациент. Примером может служить следующий случай: беспилотная машина *Uber* сбила женщину-пешехода в США, и та погибла. В результате проверки полиция установила, что женщина переходила дорогу в неполюженном месте, и не усмотрела вины беспилотного автомобиля, а следовательно, и оператора, и производителя⁹.

При посягательстве на цифровую безопасность медицинских роботов есть огромный риск воздействия на поведенческие алгоритмы, реализуя которые робот может перемещаться в пространстве с определенными временем и скоростью. Нарушение функционирования кода медицинского робота посредством различных сбоев может негативным образом отразиться на общественных отношениях и привести к вредным последствиям. Медицинский робот, помимо возможности хранить, обрабатывать, собирать информацию, обладает иными функциями, позволяющими ему, к примеру, двигаться, что отличает его от иных средств вычислительной техники. В связи с этим стоит согласиться с И. Р. Бегишевым, что правовой режим ответственности за посягательства, включая перехват и внедрение компьютерных программ, в отношении средств вычислительной техники можно распространить и на компьютерные программы роботов. Поэтому противоправные действия (вмешательства) в работу цифрового кода компьютерной программы медицинского робота охватываются действующими составами преступлений (Бегишев, 2022, с. 120).

⁹ Беспилотник *Uber* сбил насмерть пешехода из-за настроек автопилота. (2018, 8 мая). *Ведомости*. <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2018/05/08/768916-bespilotnik-uber-sbil>

При посягательстве на цифровой код компьютерной программы медицинского робота злоумышленник может получить к нему доступ, а далее, используя его, совершить иные противоправные действия.

Однако в случае, если злоумышленник получил возможность управлять этим медицинским роботом, т. е., помимо незаконного уничтожения, блокирования, копирования и модификации компьютерной информации, он осуществляет «захват» его управлением, ответственность должна быть строже. Суть общественной опасности состоит в том, что приобретение возможности управления им, т. е. захват его аппаратной части, может породить иные обстоятельства, способствующие совершению самостоятельных составов преступлений.

Виновные лица могут совершать преступные деяния как в отношении информации, хранящейся и обрабатываемой медицинским роботом, так и информации, обращающейся в нем. Наиболее общественно опасным является захват управления медицинским роботом. В связи с этим стоит согласиться с мнением И. Р. Бегишева о том, что ст. 272 УК РФ следует дополнить составом преступления, предусматривающим ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации, содержащейся в роботе, повлекший захват управления роботом (Бегишев, 2022, с. 120).

Учитывая возможные риски, исходящие от персонала, занимающегося ремонтом, сервисным обслуживанием медицинского робота и его основных частей, возможны негативные последствия, которые могут наступить в результате некачественно проведенного ремонта и выпуска в эксплуатацию технически неисправного медицинского изделия, повлекшего наступление негативных последствий в виде причинения тяжкого вреда здоровью человека или смерти.

Возможно, производитель выпустил робота низкого качества, чем должен был быть, не выполняя свою обязанность проявлять осторожность при производстве робота. Точно так же вред может возникнуть из-за нарушения разработчиком программного обеспечения обязанности соблюдать осторожность при использовании первоначальной версии или ее последующих обновлений.

Об установлении уголовной ответственности за грубое нарушение правил эксплуатации роботов, повлекшее причинение вреда здоровью и жизни человека, высказываются российские ученые-правоведы (Приженникова, 2020, с. 314).

Полагаем, что в отношении управляемого медицинского робота общественную опасность составляет не факт нарушения Правил разработки (утилизации), технического (технологического) обслуживания, ремонта и выпуска в эксплуатацию медицинского изделия, а те негативные общественно опасные последствия, которые наступили в результате содеянного. Однако следует особо отметить, что требования к содержанию технической документации медицинского изделия должны быть установлены федеральным органом исполнительной власти Российской Федерации, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения. Это позволит исключить пласт вопросов, связанных с недоброкачественным производством медицинского изделия и его фальсификацию.

Учитывая общественную опасность, исходящую от персонала, занимающегося ремонтом, техническим и технологическим обслуживанием медицинского робота и его основных частей, возможное наступление негативных последствий от их действий, полагаем необходимым установить уголовно-правовой запрет на нарушение правил разработки (утилизации), технического (технологического) обслуживания или ремонта медицинского изделия, а равно выпуск в эксплуатацию медицинского изделия, не соответствующего технической документации, если эти деяния повлекли по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека или причинение крупного ущерба. К примеру, закрепив ответственность в ст. 235² УК РФ. Квалифицированный состав (ч. 2 ст. 235² УК РФ) сконструировать по типу материального, влекущего наступление ответственности, если те же деяния повлекли причинение по неосторожности смерти человека или наступление тяжких последствий.

В примечании уголовно-правовой нормы указать:

1. Правила разработки (утилизации), технического (технологического) обслуживания, ремонта и выпуска в эксплуатацию медицинского изделия для целей настоящей статьи утверждаются Минздравом России.

2. К причинению крупного ущерба стоит отнести случаи доступа к сведениям, составляющим медицинскую тайну, доступ к которым был получен в результате нарушения порядка хранения и утилизация медицинской информации, которая может быть встроена в хирургическую роботизированную систему.

Далее рассмотрим вопросы незаконного оборота медицинских роботов. Стоит обратить внимание на то, что ст. 238¹ УК РФ является «универсальной» для всех медицинских изделий и не содержит дифференциации ответственности в зависимости от класса медицинского изделия. Указанное решение, по нашему мнению,

является законодательным упущением. Общественная опасность производства или сбыта, к примеру, недоброкачественного имплантата, используемого для вживания в организм человека, или медицинского робота значительно выше по сравнению со сбытом, ввозом на территорию Российской Федерации или производством недоброкачественной ваты, бахил или пробирки.

Именно поэтому предлагаем дифференцировать ответственность за незаконное обращение медицинских изделий исходя из их роли и значимости в процессе оказания медицинской помощи. От этих показателей напрямую зависит характер возможного вреда, который может быть причинен в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ.

В связи с этим в ст. 238¹ УК РФ следует дифференцировать ответственность в зависимости от класса потенциального риска применения медицинских изделий. Ответственность за реализацию медицинских изделий с высокой степенью риска (3-й класс) должна быть более строгой по сравнению с предметами с более низкой степенью риска (1-й и 2-й классы). От этих показателей напрямую зависит и объем возможного вреда, который может быть причинен в результате совершения действий, названных в ст. 238¹ УК РФ (Прохорова, Иликбаева, 2017, с. 113).

Полагаем, что ответственность за незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий стоит дифференцировать с точки зрения предмета преступления (ст. 238¹ УК РФ). Учитывая разницу в предметах преступного посягательства по своей природе (медицинские изделия, лекарственные средства и биологически активные добавки), предлагаем дифференцировать норму, исходя из предмета преступного посягательства, выделив ответственность за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных медицинских изделий (ст. 238² УК РФ) в самостоятельный уголовно-правовой запрет.

Интересным представляется мнение М. Н. Малеиной, которая предлагает вопрос об определении групп риска медицинских роботов рассматривать как условие, снижающее (увеличивающее) размер гражданской ответственности (Малеина, 2023, с. 5).

В ч. 1 указанной нормы установить меры правового воздействия за противоправные действия в отношении медицинских изделий 1-го класса, совершенные в крупном размере. В свою очередь предусмотреть квалифицирующие признаки за деяния, предусмотренные ч. 1 настоящей статьи, совершенные в отношении медицинских изделий 2-го и 3-го классов (ч. 2 и 3 соответственно).

Далее рассмотрим вопросы ответственности за незаконное производство медицинских роботов. Уголовное законодательство устанавливает запрет на незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий (ст. 235¹ УК РФ). Однако стоит отметить, что на данный момент конструкция диспозиции уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий, не соответствует требованиям законодательства.

С 1 января 2022 г. лицензия (разрешение) на производство медицинских изделий не выдается. На данный момент, согласно п. 17 ст. 12 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»¹⁰, лицензия выдается на техническое обслуживание медицинских изделий (за исключением случая, если техническое обслуживание осуществляется для обеспечения собственных нужд юридического лица или индивидуального предпринимателя) медицинской техники.

Статья 38 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» дополнена ч. 8¹, согласно которой производство медицинских изделий, подлежащих государственной регистрации, а также медицинских изделий, изготовленных по индивидуальным заказам пациентов, к которым предъявляются специальные требования по назначению медицинских работников, должно соответствовать требованиям к внедрению, поддержанию и оценке системы управления качеством медицинских изделий в зависимости от потенциального риска их применения, утвержденным Правительством Российской Федерации. Однако это не означает, что производство медицинских изделий больше не контролируется государством. Вместо лицензирования производство медицинских изделий должно соответствовать требованиям к внедрению, поддержанию и оценке системы управления качеством медицинских изделий, которая будет зависеть от потенциального риска их применения. Постановлением Правительства Российской Федерации от 9 февраля 2022 г. № 136 «Об утверждении требований к внедрению, поддержанию

¹⁰ О лицензировании отдельных видов деятельности. № 99-ФЗ (2011). *Собрание законодательства РФ*, 19, ст. 2716.

и оценке системы управления качеством медицинских изделий в зависимости от потенциального риска их применения»¹¹ установлены данные требования.

Учитывая принципиальную разницу между лекарственными средствами и медицинскими изделиями, к которым относятся и медицинские роботы, предлагаем дифференцировать ответственность, исключив из названия и диспозиции уголовно-правовой нормы такой предмет преступного посягательства, как медицинские изделия. В свою очередь представляется возможным криминализировать ответственность за производство медицинских изделий, не соответствующих требованиям к внедрению, поддержанию и оценке системы управления качеством медицинских изделий, повлекшее причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью человека (ч. 1 ст. 235² УК РФ). К квалифицированным составам преступления отнести те же деяния, совершенные: а) организованной группой; б) в крупном размере и в) повлекшее причинение смерти человеку по неосторожности.

Важным является рассмотрение вопроса общественной опасности деяний в виде технического обслуживания медицинских изделий без лицензии. Законодатель не посчитал преступлением техническое обслуживание медицинских изделий без лицензии. Полагаем, что установленные Минздравом России Правила технического обслуживания будут содержать обязанность субъектов, имеющих лицензию, проводить техническое обслуживание медицинского робота. В связи с этим нам видится нецелесообразным расширение диспозиции уголовно-правовой нормы, предусмотрев ответственность за техническое обслуживание медицинской техники (изделий) при отсутствии лицензии (Рарог, 2018, с. 852–853).

Заключение

Исследование законодательства является важным шагом, позитивно влияющим на регулирование общественных отношений и развитие технологий роботизированной медицинской помощи в обществе. В свою очередь, безопасность роботизированной медицины, в том числе хирургии, является важной задачей, стоящей перед государством и мировым сообществом в эпоху массовой цифровизации общества.

Уязвимости безопасности медицинских роботов вызывают серьезную озабоченность у производителей, программистов и тех, кто взаимодействует с ними в отрасли здравоохранения. В медицинских учреждениях роботы взаимодействуют в тесном контакте с детьми, пожилыми и людьми с ограниченными возможностями, и пациенту может быть неясно, работает ли робот должным образом или подвергается нападению. Любой вред, причиненный хирургическим роботом в результате неправомерного доступа (или иных противоправных действий), может подорвать веру общественности в медицину и в целом в систему здравоохранения. Угрозы безопасности медицинских роботов могут иметь дальнейшие негативные последствия для них самих, так как подобные факты неправомерного воздействия могут привести к тому, что роботы сломаются или нанесут вред другому близлежащему оборудованию, являющемуся имуществом данного учреждения системы здравоохранения, а хуже – жизни и здоровью пациентов или медицинским работникам.

Медицинская робототехника – достаточно рискованный вид деятельности, что связано с ее направленностью на охрану наивысших ценностей (жизни и здоровья граждан), а также внедрением новых цифровых технологий, которые еще не прошли длительную апробацию. В процессе исследования установлено, что риски, возникающие при эксплуатации роботизированных изделий, возможны как от лиц, которые осуществляют непосредственное управление медицинскими роботами, так и от тех, кто их обслуживает. Кроме того, приведена классификация рисков, свойственных медицинским роботам с учетом их аппаратно-технологической сущности.

Выявлено, что текущее состояние уголовно-правовой охраны общественных отношений, возникающих в процессе оборота медицинских роботов, нуждается в совершенствовании в связи с тем, что не учитывает аппаратно-технологическую сущность подобных изделий наряду с иными медицинскими изделиями в конструкции составов преступлений. В связи с этим предложены некоторые направления совершенствования составов преступлений, причиняющих вред общественным отношениям, возникающим в процессе оборота медицинских роботов.

¹¹ Постановление Правительства Российской Федерации № 136 от 09.02.2022. (2022). *Собрание законодательства РФ*, 7, ст. 992.

Список литературы

- Бабурин, В. В. (2010). Правомерное причинение вреда при рискованном поведении, направленном на достижение общественно полезной цели: проблемы определения обоснованности. *Научный вестник Омской академии МВД России*, 1, 11–17.
- Бегишев, И. Р. (2022). *Уголовно-правовая охрана общественных отношений, связанных с робототехникой*: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань. EDN: CCHSGS
- Бегишев, И. Р. (2022). *Уголовно-правовое регулирование робототехники*: монография. Москва: Блок-Принт.
- Галлезе-Нобиле, К. (2023). Регулирование умных роботов и искусственного интеллекта в Европейском союзе. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(1), 33–61. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.2>
- Грачева, Ю. В., Арямов, А. А. (2020). Роботизация и искусственный интеллект: уголовно-правовые риски в сфере общественной безопасности. *Актуальные проблемы российского права*, 15(6), 169–178. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.115.6.169-178>
- Гуляева, П. С. (2023). Медицинские нанороботы в фокусе права. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(1), 89–122. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.4>
- Записная, Т. В. (2022). О формировании цифрового медицинского права. *Медицинское право*, 1, 34–38.
- Истратова, Е. Е., Молчанов, А. А. (2015). Особенности защиты персональных данных в медицинских информационных системах. *Journal of Siberian Medical Sciences*, 6, 59.
- Карцхия, А. А. (2021). Формирование цифрового здравоохранения как вызов времени. *Право и цифровая экономика*, 3, 39–46.
- Малеина, М. Н. (2023). Правовое регулирование применения медицинских роботов-хирургов в комплексе цифровых технологий. *Медицинское право*, 1, 2–5.
- Михалева, Е. С., Шубина, Е. А. (2019). Проблемы и перспективы правового регулирования робототехники. *Актуальные проблемы российского права*, 12(109), 26–35. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.109.12.026-035>
- Приженникова, А. Н. (2020). Правовое поле роботизации: пути решения. *Образование и право*, 9, 308–317.
- Прохорова, М. Л., Иликбаева, Е. С. (2017). Специфика медицинских изделий как предмета преступления, предусмотренного ст. 238. 1 УК РФ. *Общество: политика, экономика, право*, 12, 111–114.
- Рарог, А. И. (2018). Незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий (Статья 235.1 УК РФ). *Всероссийский криминологический журнал*, 6. <https://cyberleninka.ru/article/n/nezakonnoe-proizvodstvo-lekarstvennyh-sredstv-i-meditsinskih-izdeliy-statya-235-1-uk-rf>
- Цомартова, Ф. В. (2020). Роботизация в здравоохранении: правовая перспектива. *Здравоохранение Российской Федерации*, 2(64), 88–96.
- Alemzadeh, H., Raman, J., Leveson, N., Kalbarczyk, Z., & Iyer, R. K. (2016). Adverse events in robotic surgery: a retrospective study of 14 years of FDA data. *PLoS ONE*, 11(4), 1–20. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0151470>
- Asimov, I. (2019). Runaround. In *Astounding Science Fiction* (pp. 94–103). New York: Street & Smith Publication Inc.
- Fiorini, P., Goldberg, K. Y., Liu, Y., & Taylor, R. H. (2022). Concepts and Trends in Autonomy for Robot-Assisted Surgery. In *Proceedings of the IEEE*, 110(7), 993–1011. <https://doi.org/10.1109/jproc.2022.3176828>
- Langman, S., Capicotto, N., Maddahi, Y., & Zareinia, K. (2021). Roboethics principles and policies in Europe and North America. *SN Applied Sciences*, 3, 857. <https://doi.org/10.1007/s42452-021-04853-5>
- Lutz, C., Schöttler, M., & Hoffmann, C. P. (2019). The privacy implications of social robots: scoping review and expert interviews. *Mobile Media & Communication*, 7(3), 412–434. <https://doi.org/10.1177/2050157919843961>
- Nissenbaum, H. (2001). Securing trust online: wisdom or oxymoron. *Boston Univ Law Review*, 81(3), 635–664.
- Osborne, Ch. (2022). Critical vulnerabilities uncovered in hospital robots. *ZDNet*. <https://www.zdnet.com/article/critical-vulnerabilities-uncovered-in-medical-robots/>
- Pasquale, F. (2020). Introduction. In *New Laws of Robotics* (pp. 1–32). Belknap Press.
- Schmitz-Luhn, B., Chandler, J., & on Behalf Of The iCARE-Pd Consortium. (2022). Ethical and Legal Aspects of Technology-Assisted Care in Neurodegenerative Disease. *Journal of Personalized Medicine*, 12(6), 1011. <https://doi.org/10.3390/jpm12061011>
- Weng, Y. H., & Hirata, Y. (2022). Design-Centered HRI Governance for Healthcare Robots. *Journal of Healthcare Engineering*, 2022. <https://doi.org/10.1155/2022/3935316>
- Yew, G. Ch. K. (2021). Trust in and Ethical Design of Carebots: The Case for Ethic of Care. *International Journal of Social Robotics*, 13, 629–645. <https://doi.org/10.1007/s12369-020-00653-w>

References

- Alemzadeh, H., Raman, J., Leveson, N., Kalbarczyk, Z., & Iyer, R. K. (2016). Adverse events in robotic surgery: a retrospective study of 14 years of FDA data. *PLoS ONE*, 11(4), 1–20. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0151470>
- Asimov, I. (2019). Runaround. In *Astounding Science Fiction* (pp. 94–103). New York: Street & Smith Publication Inc.

- Baburin, V. V. (2010). Legal infliction of harm during a risky behavior aimed at achieving a socially useful objective: problems of determining reasonability. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*, 1, 11–17.
- Begishev, I. R. (2022). *Criminal-legal protection of social relations associated with robotics*: thesis for a Doctoral Degree in Jurisprudence. Kazan.
- Begishev, I. R. (2022). *Criminal-legal regulation of robotics*: monograph. Moscow: Blok-Print.
- Fiorini, P., Goldberg, K. Y., Liu, Y., & Taylor, R. H. (2022). Concepts and Trends in Autonomy for Robot-Assisted Surgery. In *Proceedings of the IEEE*, 110(7), 993–1011. <https://doi.org/10.1109/jproc.2022.3176828>
- Gallese Nobile, C. (2023). Regulating Smart Robots and Artificial Intelligence in the European Union. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(1), 33–61. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.2>
- Gracheva, Yu. V., & Aryamov, A. A. (2020). Robotization and Artificial Intelligence: Criminal Law Risks in the Field of Public Security. *Actual Problems of Russian Law*, 15(6), 169–178. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.115.6.169-178>
- Gulyaeva, P. S. (2023). Medical nanorobots in the focus of law. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(1), 89–122. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.4>
- Istratova, E. E., & Molchanov, A. A. (2015). Features of protection of personal information in medical information systems. *Journal of Siberian Medical Sciences*, 6, 59.
- Kartskhia, A. A. (2021). A modern challenge of the digital healthcare emergence. *Law and Digital Economy*, 3, 39–46.
- Langman, S., Capicotto, N., Maddahi, Y., & Zareinia, K. (2021). Roboethics principles and policies in Europe and North America. *SN Applied Sciences*, 3, 857. <https://doi.org/10.1007/s42452-021-04853-5>
- Lutz, C., Schöttler, M., & Hoffmann, C. P. (2019). The privacy implications of social robots: scoping review and expert interviews. *Mobile Media & Communication*, 7(3), 412–434. <https://doi.org/10.1177/2050157919843961>
- Maleina, M. N. (2023). Legal regulation of using medical robots-surgeons in a complex of digital technologies. *Medical Law*, 1, 2–5.
- Mikhaleva, E. S., & Shubina, E. A. (2019). Challenges and Prospects of the Legal Regulation of Robotics. *Actual Problems of Russian Law*, 1(12), 26–35. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.109.12.026-035>
- Nissenbaum, H. (2001). Securing trust online: wisdom or oxymoron. *Boston Univ Law Review*, 81(3), 635–664.
- Osborne, Ch. (2022). Critical vulnerabilities uncovered in hospital robots. *ZDNet*. <https://www.zdnet.com/article/critical-vulnerabilities-uncovered-in-medical-robots/>
- Pasquale, F. (2020). Introduction. In *New Laws of Robotics* (pp. 1–32). Belknap Press.
- Prizhennikova, A. N. (2020). Legal field of robotics: solutions. *Education and Law*, 9, 308–317.
- Prokhorova, M. L., & Ilikbaeva, E. S. (2017). The specific nature of medical devices as a target of crime stipulated by Article 238.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Society: Politics, Economics, Law*, 12, 111–114.
- Rarog, A. I. (2018). Illegal production of medical agents and equipment (Article 235.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Russian Journal of Criminology*, 6. <https://cyberleninka.ru/article/n/nezakonnoe-proizvodstvo-lekarstvennyh-sredstv-i-meditsinskih-izdeliy-statya-235-1-uk-rf>
- Schmitz-Luhn, B., Chandler, J., & on Behalf Of The iCARE-Pd Consortium. (2022). Ethical and Legal Aspects of Technology-Assisted Care in Neurodegenerative Disease. *Journal of Personalized Medicine*, 12(6), 1011. <https://doi.org/10.3390/jpm12061011>
- Tsomartova, F. V. (2020). Robotization in healthcare: legal perspective. *Health care of the Russian Federation*, 64(2), 88–96. <https://doi.org/10.46563/0044-197X-2020-64-2-88-96>
- Weng, Y. H., & Hirata, Y. (2022). Design-Centered HRI Governance for Healthcare Robots. *Journal of Healthcare Engineering*, 2022. <https://doi.org/10.1155/2022/3935316>
- Yew, G. Ch. K. (2021). Trust in and Ethical Design of Carebots: The Case for Ethic of Care. *International Journal of Social Robotics*, 13, 629–645. <https://doi.org/10.1007/s12369-020-00653-w>
- Zapisnaya, T. V. (2022). On the establishment of the digital medical law. *Medical Law*, 1, 34–38.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 03.05.2023

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 10.06.2023

Дата принятия в печать / Accepted 10.08.2023

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ / THEORETICAL-HISTORIC LEGAL SCIENCES

Редактор рубрики *А. Г. Никитин* / Rubric editor *A. G. Nikitin*

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.586-601>

УДК 340.1:343.2:343.9 "18/19"

П. Н. Кобец¹

¹ *Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел России, г. Москва, Россия*

Научное творчество выдающегося отечественного правоведа М. Н. Гернета и его роль в развитии наук уголовного права и криминологии в дореволюционный период

Кобец Петр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России (ФГКУ «ВНИИ МВД России»)

E-mail: pkobets37@rambler.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/0-4240-2017>

Scopus ID: 57208777690

eLIBRARY ID: SPIN-код: 3224-3836, AuthorID: 344822

Аннотация

Цель: комплексное исследование результатов творчества выдающегося отечественного правоведа и ученого, профессора М. Н. Гернета, а также его роли в становлении и совершенствовании уголовно-правовой и криминологической науки в дореволюционной юриспруденции.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический, сравнительно-правовой и социологический.

Результаты: в работе обосновано что, будучи автором серьезных научных разработок в области уголовного права и фундаментальных криминологических исследований, обнародованных в напечатанном виде в дореволюционной России, М. Н. Гернет заложил основу по дальнейшему формированию криминологического учения, впоследствии ставшего подотраслью уголовно-правовой науки, тем самым оказав огромное воздействие на формирование гуманистического начала в отечественной уголовно-правовой теории. Изучение работ М. Н. Гернета позволяет автору утверждать, что в них освещены многие недостатки противодействия преступности только уголовно-репрессивными методами, а также показаны негативные явления в области назначения уголовных наказаний, которые создавала действовавшая в то время судебная практика, применявшая различные средства по устрашению населения.

Научная новизна: авторский подход к анализу дореволюционного научного наследия профессора М. Н. Гернета, а также отдельных научных работ его учеников и последователей позволили автору провести комплексное научное исследование жизни, деятельности, научного творчества, а также роли в становлении и развитии уголовно-правовой и криминологической науки в дореволюционной юриспруденции величайшего российского правоведа и ученого, профессора М. Н. Гернета.

Практическая значимость: предложенные настоящим исследованием авторские выводы могут выступить в качестве теоретической базы в процессе проведения новых изысканий, касающихся результатов научного творчества отечественных правоведов, развивающих различные научные уголовно-правовые и криминологические направления юриспруденции.

Ключевые слова

Профессор М. Н. Гернет, уголовное право, криминология, российская юриспруденция, дореволюционное право, дореволюционные правоведы

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Кобец, П. Н. (2023). Научное творчество выдающегося отечественного правоведа М. Н. Гернета и его роль в развитии наук уголовного права и криминологии в дореволюционный период. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(3), 586–601. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.586-601>

Scientific article

P. N. Kobets¹

¹ All-Russia Scientific-research Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, Moscow, Russia

Scientific creativity of an outstanding Russian jurist M. N. Gernet and his role in developing criminal legal sciences and criminology in the pre-revolutionary period

Peter N. Kobets, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chief Researcher, All-Russia Scientific-research Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs
E-mail: pkobets37@rambler.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6527-3788>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/0-4240-2017>
Scopus ID: 57208777690
eLIBRARY ID: SPIN-код: 3224-3836, AuthorID: 344822

Abstract

Objective: to comprehensively study the results of the work of an outstanding Russian jurist and scientist, Professor M. N. Gernet, and his role in the formation and improvement of the criminal-legal and criminological science in pre-revolutionary jurisprudence.

Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, allowing to analyze them in historical development and functioning in the context of the totality of objective and subjective factors, which predetermined the following research methods: formal-logical, comparative-legal, and sociological.

Results: it is proved that, being the author of serious scientific developments in the field of criminal law and fundamental criminological research printed in pre-revolutionary Russia, M. N. Gernet laid the foundation for the further formation of criminological doctrine, which later became a sub-branch of criminal law science, thus significantly influencing the formation of the humanistic principle in the Russian criminal-legal theory. Analysis of M. N. Gernet's works allows the author to assert that they identify many shortcomings in fighting crime by solely criminal-repressive methods, and also to show the negative phenomena in the field of assigning criminal penalties, which were created by the judicial practice in force at that time, which used various means to intimidate the population.

Scientific novelty: the author's approach to the analysis of the pre-revolutionary scientific heritage of Professor M. N. Gernet, as well as individual scientific works of his students and followers, allowed the author to conduct a comprehensive scientific study of the life, activities, scientific creativity of the greatest Russian jurist and scientist, Professor M. N. Gernet, as well as his role in the formation and development of criminal law and criminological science in pre-revolutionary jurisprudence.

Practical significance: the author's conclusions proposed in this study can act as a theoretical basis in conducting new research concerning the results of scientific creativity of the Russian jurists developing various scientific criminal law and criminological areas of jurisprudence.

Keywords

Professor M. N. Gernet, criminal law, criminological science, Russian jurisprudence, pre-revolutionary law, pre-revolutionary jurists

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Kobets, P. N. (2023). Scientific creativity of an outstanding Russian jurist M. N. Gernet and his role in developing criminal legal sciences and criminology in the pre-revolutionary period. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(3), 586–601. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.586-601>

Введение

На первый взгляд может показаться, что специалистам юридического профиля необязательно обращаться к изучению деятельности исторических личностей в праве и заниматься изучением основных положений их научных работ, стоявших у основ создания и совершенствования отечественной правовой науки, в частности таких, коим был профессор МГУ им. М. В. Ломоносова Михаил Николаевич Гернет. Но это не совсем так, ведь владение информационными данными подобного исторического характера для юриста-правоведа просто необходимо, поскольку, не обладая глубокими историческими познаниями, а имея только базовые знания в вопросах отечественной истории права, современные юристы могут выглядеть однобоко и непрофессионально.

Поэтому в представленной статье на основе исследования положений основных научных работ, подготовленных в дореволюционный период профессором М. Н. Гернетом, автором предложено собственное видение эволюционных изменений отдельных отраслей права российского дореволюционного государства. Владение информационными данными о становлении рассматриваемых правовых институтов в нашей стране позволит заинтересованным в этом специалистам более глубоко усвоить суть правовых явлений, которые происходят в нашем социуме сегодня, в период, когда формируется новое гражданское общество. Кроме того, исследование указанной выше проблематики, вне всякого сомнения, должно позволить читателям этой работы не только глубже понять процессы развития уголовно-правовой отрасли права и зарождения ее подотрасли – криминологии, но также разобраться в явлениях, выступивших в качестве основных условий их модернизации.

Постановка проблемы. Хорошее знание исторических правовых источников и умение в них разбираться может позволить современному юристу усовершенствовать свою профессиональную деятельность, в том числе связанную с отбором доказательств. Умение хорошо отбирать дореволюционные правовые источники, чтобы более полно восстановить отдельные исторические факты, может помочь современному юристу более вдумчиво подходить к процедуре сбора и оценки материалов, имеющих отношение к находящимся у него в работе делам. Исследуя прошедшие исторические события, а также законодательные основы в области права, специалисты данного направления научной деятельности, обосновывая собственные научные выводы, апеллируют, как правило, не противоречащими друг другу историческими источниками. В то же время юристы в области истории государства и права имеют много общего с юристами, занимающимися практической деятельностью. По большей части современные юристы-практики, стремясь подтвердить фактические

обстоятельства имеющихся у них дел, абсолютно так же, как и их коллеги, изучающие историю государства и права, занимаются отбором доказательств, усиливающих и подкрепляющих их основные версии.

Современным юристам немаловажно обладать умением проведения продуманного и хорошо рассчитанного анализа имеющейся у них собранной в процессе профессиональной деятельности доказательной базы. Основные приемы к подобному анализу у юристов-практиков абсолютно схожи с теми, которые используют специалисты, изучающие историю права. Источники доказательственной базы у историков-правоведов и юристов-практиков должны отличаться критичностью, достоверностью, непротиворечивостью и полнотой. Следовательно, умение разбираться и анализировать исторические правовые источники окажет существенную помощь современным юристам-практикам в работе по более четкой и правильной реконструкции и восстановлению всех обстоятельств находящихся у них в работе дел и проведении более правильной, высококвалифицированной оценки.

Кроме всего прочего, ознакомление с основными положениями научных работ исторических личностей, в частности, таких, как профессор М. Н. Гернет, стоявших у основ создания и развития отечественной юридической науки и в целом правоведения, может иметь не только научно-теоретическое, но и важное практическое значение еще и потому, что формирует научное мировоззрение и правовое сознание у практиков, обучая их не только работать с историческими информационными данными, но также и развивать в них приверженность к историческим идеям отечественного государства и права. Таким образом, в современных условиях чрезвычайно важно обладать знаниями об основоположниках отечественной истории государства и права.

Необходимость проведения исследования. В 2024 г. в нашей стране будут отмечать 150-летие со дня рождения Михаила Николаевича Гернета – крупнейшего отечественного ученого, принадлежавшего к числу выдающихся российских юристов, являющихся метрами социологического направления в юриспруденции, и основателя отечественной криминологической науки. На протяжении всей жизни М. Н. Гернетом, кроме научных работ в области уголовного права, криминологии, пенитенциарии моральной статистики, также исследовалась и преступность как социальное явление, в том числе ее различные проявления, причины и особенности.

Поскольку в отечественной научной юридической литературе можно встретить лишь краткий обзор научного творчества М. Н. Гернета, а также разрозненный анализ некоторых его научных работ, существует необходимость проведения комплексного исследования результатов творчества этого выдающегося отечественного правоведа и ученого, а также его основополагающей роли в становлении и формировании рассматриваемых научных направлений в дореволюционный период. И, кроме всего прочего, автору данной работы еще раз хотелось напомнить молодым юристам и ученым, чтобы они не забывали, насколько отечественная правовая наука богата выдающимися историческими личностями, создававшими отечественную правовую систему.

Обзор литературных источников по исследуемой проблеме. Проводя анализ юридических литературных источников по рассматриваемой в работе проблематике, автор пришел к выводу, что в России интерес к творчеству М. Н. Гернета прослеживается еще с дореволюционного периода нашей страны. Так, например, в 1914 г. вышло в свет его монографическое исследование «Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества», в рецензии на которую широко известный социолог с мировым именем П. А. Сорокин, перечисляя заслуги автора, назвал его одним из крупнейших представителей социологической школы в уголовном праве (Сорокин, 1916). Важно указать, что в работе 1910 г. «Учение о факторах преступности» талантливейшего русского криминалиста Х. М. Чарыхова, посвященной анализу разнообразных аспектов использования социологических методов в уголовном праве, было немало ссылок на научные исследования, проведенные М. Н. Гернетом (Чарыхов, 1910, с. 59), в том числе на работы, посвященные факторам преступного поведения.

Научные работы историко-правового характера, затрагивающие научно-исследовательскую и педагогическую деятельность М. Н. Гернета, проводились и после 1917 г., продолжают проводиться и по сей день. Так, в частности, крупнейший из советских ученых-правоведов и криминологов А. А. Герцензон в работе, посвященной М. Н. Гернету, отмечал, что любой студент, аспирант либо преподаватель, обращавшийся к М. Н. Гернету за помощью, всегда отмечал наличие теплого и радушного приема с его стороны. Помимо прочего, он обладал особым свойством – стремлением щедро делиться собственными знаниями с окружающими его людьми. И, кроме того, на протяжении всей своей жизни он не прекращал учиться

сам (Герцензон, 1960, с. 29). Выдающийся отечественный ученый-правовед М. Д. Шаргородский в работе, касающейся творчества М. Н. Гернета, «отмечал, что его широкие научные интересы, а также тесные связи с развивающимися науками уголовное право, криминология и криминалистика видны не только из разносторонности его монографических работ и статей, но также из многочисленных опубликованных им рецензий на большое число работ по уголовному праву, криминологии и криминалистике» (Шаргородский, Гернет, 1974, с. 9). Советским исследователем Д. П. Захаровым, занимающимся изучением творчества М. Н. Гернета, специально был сделан акцент на том, что великий дореволюционный и советский ученый одним из первых исследовал данные статистики по использованию уголовно-антропологического метода Ч. Ломброзо (Захаров, 1978, с. 101).

Отдельно хотелось бы отметить современные работы, по рассматриваемой проблематике, подготовленные в том числе и в новом тысячелетии (Анощенкова, 2013; Белоновский, 2013; Блохинцев, 1980; Бочкарева, 2003; Варенцова, Варенцов, 2020; Власенко, Залоило, 2015; Галягина, 2016; Дубовик, 1974; Ельчанинова, 2019а; Заварюхин, 2016; Захаров, 1978; Иванова, 2022; Кара-Сал, 2017; Киндюк, 2018; Кораблин, 2021; Луцкий и др., 2019; Никитин, Лосева, 2018; Сизова, 2015; Сокальская, 2014; Трунцевский, 2022; Федоров, 2022; Шаверина, 2018). В исследованиях обозначенных авторов, как правило, раскрывались проведенные в работах М. Н. Гернета обзоры вопросов теоретических основ рационализации понятия «преступность» в правовой доктрине (Кораблин, 2019); истории царской тюрьмы (Иванова, 2022); вопросов эффективности уголовного законодательства и правовых проблемы ресоциализации (Сизова, 2015); обзора европейской тюремной системы (Заварюхин, 2015); анализа женской преступности в дореволюционной России (Кичигина, 2020); развития дореволюционной социологической школы права (Заварюхин, 2016); причин и факторов преступности (Ельчанинова, 2018) и др.

Обзор научных работ самого М. Н. Гернета, которые также выступили в качестве основных литературных источников по исследуемой проблеме, позволяет утверждать, что с использованием в своей научной деятельности историко-социологическо-юридических методов исследования им одним из первых начиная с древних времен и до начала двадцатого столетия была исследована проблематика, касающаяся различных аспектов преступности. Подавляющее большинство научных трудов великого отечественного ученого-юриста, подготовленных им в дореволюционный период, опираются на объемные теоретические и практические материалы. Большая часть из самых известных научных работ, написанных М. Н. Гернетом, будут проанализированы в процессе исследования, в этой связи кратко следует отметить, что в работах, посвященных преступности, им «убедительно доказывается, что источники и причинные комплексы многих преступных посягательств обусловлены не прирожденными свойствами людей, а определяются экономическими условиями их жизни» (Гернет, 1916). Многие из научных трудов, подготовленные М. Н. Гернетом, пронизаны гуманизмом. Как правило, в своих научных работах он выступает явным противником любого неравенства при назначении уголовного наказания. В трудах, посвященных анализу смертной казни, им особенно убедительно и неопровержимо доказывается классовая направленность карательной политики. В своих работах он постоянно высказывался о том, что не приемлет привилегий, полагающихся имущим классам, верит в общество без преступности.

Результаты исследования

Род Гернетов в Российской империи не входил в число крупных собственников, в нем также не было никого, кто бы сделал головокружительную чиновничью карьеру. Для представителей этого рода было характерным стремление предоставить все возможности для детей получить хорошее воспитание и образование. Как отмечают отечественные историки, это был один из старых русских дворянских родов, который имел английские корни, однако впоследствии его представители обосновались в Померании (историческая область в Центральной Европе на побережье Балтийского моря), в г. Гольновере, а в 1550 г. бургомистром этого города был Петр Гернет. Позднее, в 1679 г., семья его правнука Иоахима Гернета переселилась в г. Ревель, в котором он также был избран бургомистром. Прадед М. Н. Гернета – Гернет Карл Густавович – являлся выпускником Царскосельского лицея, впоследствии служил «чиновником особых поручений при министре Императорского двора и уделов, а дед – Александр Гернет – служил в 1840-е гг. в Петербургской губернии штаб-лекарем» (Заварюхин, 2016, с. 52).

Родился Михаил Николаевич Гернет 12 (по новому стилю 24) июля 1874 г. в небольшом уездном городке Ардатов Симбирской губернии. Его мама, Надежда Николаевна, была народной учительницей, по происхождению дворянкой, ее родители были потомственными врачами. Отцом М. Н. Гернета был Николай (Карл) Александрович, «который служил помощником управляющего Симбирским удельным ведомством, одновременно отбывая административно-политическую ссылку после заключения в Невской куртине Петропавловской крепости в 1866 г. по делу Каракозова» (Бочкарева, 2003, с. 55). Впоследствии, вспоминая свое детство, М. Н. Гернет писал, что именно жизненный путь его отца больше всего определял его стремление к исследованию уголовно-правовой и криминологической проблематики. Кроме того, также мировоззрение М. Н. Гернета формировалось посредством общения с друзьями отца, «среди которых были не только представители интеллигенции, но и разночинцы и народники, являвшиеся представителями интеллигенции, а самой выдающейся личностью всегда считался П. Л. Лавров, который участвовал в Парижской Коммуне, и был хорошо знаком с К. Марксом и Ф. Энгельсом» (Королицкий, 1916, с. 89). Особое влияние на детское развитие М. Н. Гернета также оказывало чтение книг огромной домашней библиотеки, в которой было немало научных работ из области права (Блохинцев, 1980, с. 72).

В 1887 г. М. Н. Гернет поступает в Симбирскую классическую гимназию и, пройдя полный курс обучения, в 1893 г. ее оканчивает. Еще во время обучения в гимназии ему хотелось заниматься изучением юриспруденции, в связи с этим им был выбран для дальнейшего обучения в императорском Московском университете именно юридический факультет, поскольку с середины 70-х гг. XIX столетия только там к изучению правовых наук стали подходить с позитивно-социологической позиции. Кроме того, Московский университет всегда отличался высокопрофессиональным профессорско-преподавательским составом, в частности, такими выдающимися преподавателями, как В. П. Вахтеров, Ю. С. Гамбаров, П. И. Новгородцев, В. Н. Станчинский, В. М. Хвостов, А. И. Чупров, И. И. Янжул и др. (Экономическая оценка народного образования..., 1899, с. 29). В то же время главными из идеологов позитивно-социологических подходов в праве в Московском университете являлись М. М. Ковалевский и С. А. Муромцев (Кареев, 1996, с. 141). Однако ко времени поступления М. Н. Гернета в университет М. М. Ковалевского и С. А. Муромцева из него уже уволили как неблагонадежных преподавателей, но преподавателями юридического факультета еще пока оставались их коллеги, которые также являлись сторонниками учения о социологическом направлении в праве, – Ю. С. Гамбаров, П. И. Новгородцев, В. М. Хвостов, А. И. Чупров, И. И. Янжул. Они читали лекции, вели семинарские занятия, на которых обучали их умению применять статистические методы в процессе исследования различных преступных проявлений. Впоследствии изучение основ социологического направления в праве оказало серьезное воздействие на формирование круга научных интересов М. Н. Гернета.

После окончания юридического факультета Московского университета М. Н. Гернета оставили в качестве стипендиата кафедры уголовного права. Из предложенных ему на тот момент возможных специализаций им была выбрана пенология – наука о наказаниях, которая была необычайно популярна среди студентов в рассматриваемый период. К примеру, широко известный социолог с мировым именем П. А. Сорокин «в опубликованной автобиографии отдельно отмечал о том, что, окончив юридический факультет Санкт-Петербургского университета и готовясь получить профессорское звание, им была выбрана пенология как основная специализация» (Сорокин, 1992, с. 26).

Успешно сдав магистерские экзамены и проведя в университете первые лекционные курсы по уголовному праву, в 1902 г. он получил предложение стать приват-доцентом юридического факультета и отправиться за рубеж для повышения квалификации в различных европейских университетах. М. Н. Гернет отличался поразительной работоспособностью; восприняв от М. В. Духовского принципы социологической уголовно-правовой школы, он уезжал в зарубежную командировку не только для сбора эмпирических данных по диссертации, но и в первую очередь чтобы овладеть новыми знаниями.

С 1902 по 1904 г. находясь за рубежом, он с особым усердием продолжает сбор эмпирики для подготовки магистерского диссертационного исследования, посвященного вопросам социальной преступности. Им самым тщательным образом собираются различные статистические данные и материалы, скрупулезно записываются библиографические и иные информационные данные, анализируются показатели зарубежной преступности. Впоследствии анализ рассматриваемой преступности, который был проведен им во время зарубежной командировки, послужит хорошей базой изучения источников преступного поведения, в основе которых, по мнению профессора М. Н. Гернета, лежало социальное неравенство (Шаргородский, 1974, с. 35).

Посещая лекционные курсы и семинарские занятия, которые проводились выдающимися итальянскими, немецкими и французскими метрами уголовно-правовой, социологической и криминологической науки, участвуя с ними в дискуссиях по самым важным на тот момент проблемам борьбы с преступностью, М. Н. Гернет приходит к окончательному формированию собственных научных взглядов (Кораблин, 2005, с. 154). Впоследствии под впечатлением от всего увиденного за рубежом М. Н. Гернет, не приемля положений антинародной и антинаучной антропологической теории, подвергнет критике социологическую научную школу, одним из первых в России заявит о новом уголовно-правовом направлении и свяжет научный социализм с криминологическим учением¹. Также важно отметить, что, еще находясь за рубежом, М. Н. Гернет зарекомендовал себя серьезным экспертом по вопросам уголовно-правовых наук, потому как в Париже и Брюсселе читал лекционный курс для эмигрантов.

Перепополняемый огромной энергией и собранными за рубежом богатыми материалами, он в 1904 г. возвращается на родину и начинает воплощение задуманных ранее планов. Им читаются лекционные курсы, ведутся семинарские занятия на юрфаке. Ему очень хочется, чтобы содержательная часть накопленного им материала была доступна всей российской научной мысли. Поэтому в 1904 г. им публикуются следующие научные труды: «Преступность в Бельгии» и «Преступность во Франции в 1881–1900 гг.», в которых он демонстрирует криминологическую направленность исследования в уголовном праве, а в качестве юриста им также подготовлена научная работа «Гарантии личной свободы и Устав Уголовного Судопроизводства» (Луцкий и др., 2019, с. 521). Сразу же по приезде М. Н. Гернет начнет организовывать «из криминалистического музея факультета музей уголовного права в Московском университете, который впоследствии будет занимать одно из важных мест в цикле обучения студентов-правоведов» (Киндюк, 2018, с. 91).

Многие материалы, не опубликованные в научных работах, впоследствии стали основой магистерской диссертации, подготовленной М. Н. Гернетом на основе изучения проблем социальных факторов преступности. Являясь профессором Московского университета, в котором Гернетом «читался курс по обеим частям уголовного права, в 1906 г. им защищается диссертационное исследование на тему Социальные факторы преступности, которая была опубликована в качестве отдельной работы и имела название “Общественные причины преступности: Социалистическое направление в науке уголовного права”» (Луцкий и др., 2019). Глава первая этой работы была посвящена вопросам роста преступных посягательств и современным методам противодействия. М. Н. Гернет также в этом исследовании предложил собственное видение мировых тенденций по развитию преступности. В частности, он акцентируется на том, что преступные проявления продолжают свой рост, приобретая ужасающие размеры. В данном исследовании, используя огромный эмпирический материал, касающийся общественных причин преступности как в России, так и за рубежом, в частности в европейских странах, М. Н. Гернет обосновывает необходимость социологического подхода к изучению рассматриваемого явления.

Революционные события 1905 г. в стране способствовали увеличению применения наказания в виде смертной казни в отношении лиц, совершивших государственные преступления. Проблематика смертной казни входила в круг научных интересов М. Н. Гернета, и на протяжении нескольких десятков лет им была опубликована серия научных трудов, в которых осуждался данный вид наказания, причем он требовал отменить его применение против лиц, совершающих противоправные деяния, носящие политический характер.

Большинство из убеждений М. Н. Гернета и оригинальное видение данного вопроса ученым изложено в сборнике «Против смертной казни», опубликованном в 1906 г. под его редакцией, в котором отражена проблематика использования смертной казни в ряде европейских государств. Среди авторов этого сборника были известные российские и зарубежные юристы, писатели и политические деятели, депутаты, священнослужители, в том числе архимандрит Михаил, епископ Антонин Нарвский, Фредерик Пасси, Кейр Гарди, М. П. Чубинский, Р. Н. Хин, А. Краузе, Ш. Сеньобос, Г. Брандес и др. Также важно отметить, что этот сборник был издан не случайно, он был подготовлен после революционных событий 1905 г., приведших к резкому усилению государственной репрессивной политики, которая вызывала в обществе резкую негативную реакцию.

¹ Герцензон, А. А., Звирбуль, В. К., Зотов, Б. Л., Карпец, И. И. и др. (1968). *Криминология: учебник* (2-е изд., испр. и доп.; с. 57). Москва: Юридическая литература.

Данный сборник работ М. Н. Гернет выпустил под собственной редакцией в целях проведения агитационной работы против этого вида уголовного наказания [49].

Указанный выше сборник переиздадут в 1907 г., добавив целый ряд публикаций, в том числе работу Л. Н. Толстого «Божеское и человеческое», В. И. Немировича-Данченко «Две казни», Н. А. Бердяева «Казнь и убийство», и др. И если предыдущее издание сборника в 1906 г. включало 338 страниц, то переизданный в 1907 г. сборник – уже 500 страниц. Оба этих тиража вызвали большой общественный резонанс в российском обществе, став значительным событием в общественной жизни. Его содержание постоянно обсуждала либеральная пресса, особо отмечая, что опубликованные в нем статьи красноречиво и обстоятельно обосновывают необходимость отмены в России смертной казни. Кроме того, в данном сборнике был опубликован список жертв, которые были приговорены к высшей мере уголовного наказания, являвшийся в некоем роде обвинительным актом против самодержавного строя (Против смертной казни, 1907). В 1908 г. данный сборник опубликовали за границей, переведя его на иностранные языки, чтобы показать отношение прогрессивной части российских правоведов к вопросам смертной казни. Европейской общественной мыслью было поддержано осуждение действий царизма.

Как только М. Н. Гернет приступил к преподавательской деятельности, он сразу же сблизился с прогрессивными студенческими кругами, прививая им навыки самостоятельного научного исследования. За время с 1908 по 1911 г. М. Н. Гернетом и его студентами были изучены тысячи уголовных дел, которые рассмотрели мировые судьи Москвы, и с использованием полученных данных им в период с 1908 по 1911 г. были подготовлены и «изданы пять студенческих научных сборников работ студентов, из которых, первый сборник – Семинарий по уголовному праву – был издан в 1908 г.» (Семинарий по уголовному праву, 1908), а пятый сборник с одноименным названием – в 1911 г. (Семинарий по уголовному праву, 1911а).

В этот временной промежуток им готовится учебник «Уголовное право» и выпускается несколько монографических исследований. Важнейшим результатом его деятельности стало участие в подготовке «отдельного раздела в коллективном труде монографического уровня – “Основные понятия российского государственного, гражданского и уголовного права”, в котором ученым выделялись исторические этапы формирования уголовного права и который отличал особый подход автора к вопросам квалификации уголовно-правовых составов, а также системе мер уголовной ответственности за их совершение» (Гернет и др., 1907, с. 26). К фундаментальным трудам в области уголовного права дореволюционного этапа научной деятельности М. Н. Гернета относится и монографическая работа «Уголовное право. Часть общая». В ней были рассмотрены исторические вопросы из области уголовно-правовых знаний; проблемы учения о преступлении как социальном явлении; особенности квалификационной деятельности правонарушений и правонарушителей; что является уголовным законом; особенности назначения уголовных наказаний за рубежом; деятельность пенитенциарной системы; организация трудовой деятельности заключенных и др. (Гернет, 1913а).

Кроме того, в рассматриваемом периоде М. Н. Гернет активно исследует проблематику, связанную с профессиональной преступностью, и в 1912 г. подготавливает научную работу «Преступность и профессия» (Гернет, 1912а).

В течение пятнадцати лет, с 1899 по 1914 г., «М. Н. Гернет принимал самое активное участие в деятельности русской группы Международного союза криминалистов, в том числе являясь членом президиума указанной организации» (Гернет, 1974, с. 29). Выступая на ее съездах, он неустанно критиковал реакционную антропологическую теорию, а также отстаивал самые передовые на тот момент уголовно-правовые и криминологические идеи. В 1914 г. «им публикуется текст доклада на общем собрании Русской группы Международного союза криминалистов в г. Санкт-Петербурге – “Истребление плода с уголовно-социологической точки зрения”» (Гернет, 1914а). С 1914 по 1916 г. М. Н. Гернетом продолжается работа по пятому выпуску Устава уголовного судопроизводства. Всего под его редакцией публикуется «пять выпусков Систематического комментария к Уставу уголовного судопроизводства» (Устав уголовного судопроизводства..., 1914). Им также были переизданы и три первых «издания общедоступных очерков основ законоведения о праве и государстве» (Гернет и др., 1915). В 1915 г. авторским коллективом в составе которого был и М. Н. Гернет, опубликованы «материалы 2-го тома Судебной реформы по закону от 20 ноября 1864 г.» (Судебная реформа, 1915).

В 1916 г. публикуется одно из известнейших монографических исследований, подготовленных М. Н. Гернетом в дореволюционный период его научного творчества, – «Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества», за подготовку которой автора удостоили премии Российской академии наук (Гернет, 1914b). В ней рассматривались факторы преступного поведения. Важно отметить, что официальной научной мыслью того исторического периода причины, оказывающие непосредственное влияние на преступное поведение, делились на три основные группы. К первой группе относились факторы антропологические – расовые, национальные, половозрастные, наследственные и другие особенности человека. Ко второй группе – факторы физические, зависящие от времени года, лунных фаз и др. К третьей группе относились факторы социальные – семейные, экономические, политические и иные особенности, детерминирующие преступное поведение. В свою очередь, М. Н. Гернетом подвергаются критической оценке в связи с их бездоказательностью различные теории относительно антропологических и физических факторов преступности и подробнейшим образом анализируются факторы социальные.

Выводы

В целом следует указать на то, что в научных работах рассматриваемого периода великого отечественного правоведа использован огромный эмпирический материал, собранный им в европейских странах. В том числе в этот период М. Н. Гернетом обосновывался социологический подход к преступности как к одному из наиболее сложных социальных феноменов, который породило само общество. В частности, им указывалось на то, что причины преступного поведения «заложены в социально-экономическом строе, им также прослеживалась корреляционная зависимость между уровнями преступного поведения, ее отдельными видами и полом, возрастом, социальным статусом, алкоголизацией и наркотизацией общества, уровнем самоубийств» (Против смертной казни, 1907, с. 82). Кроме прочего, «им одним из первых рассматривались и были предложены закономерности пространственно-временного распределения преступных проявлений» (Гернет, 1906а, с. 10).

Также особое значение в работах ученого отводится исследованию проблематики уголовно-правовой социологии, которые изложены в монографическом исследовании с таким же названием, как и тема его магистерской диссертации, – «Социальные факторы преступности». В ней автор представил статданные «о численности обвиняемых лиц в совершении политических преступлений, общем количестве противоправных деяний, которые были совершены в стране, им также была рассчитана общая численность преступников на 100 тыс. населения по различным странам и общее количество преступлений, совершенных в нашей стране и ряде зарубежных государств (Англии, Германии, Франции)» (Гернет, 1906b, с. 52). Кроме того, в данном исследовании проанализирован причинный комплекс, влияющий на показатели противоправной деятельности, а именно половые, расовые, возрастные особенности лиц, совершающих преступления, а также их жизненный уровень и др.

Велик вклад профессора М. Н. Гернета и в российскую ювенальную криминологию. Проблемам изучения преступности несовершеннолетних М. Н. Гернет посвятил немало научных работ. В первую очередь в них «рассматривалась историческая динамика законодательных норм, которыми устанавливались виды ответственности за совершение данных преступных деяний» (Анощенкова, 2013, с. 25). В дореволюционной России «личность преступников ученые начали исследовать как раз с изучения противоправной деятельности малолетних правонарушителей, например, одним из первых в Российской империи в 1871 г. опубликовал работу по данной проблематике А. Ф. Кистяковский, которая называлась «О замене для малолетних преступников тюрьмы – школой» (Кистяковский, 1871). Через некоторое время «в 1878 г. им же была опубликована еще одна научная работа, освещающая пенитенциарные вопросы преступности малолетних правонарушителей под названием „Молодые преступники и учреждения для их исправления с обозрением русских учреждений“» [67]. В 1884 г. выходит в свет первая часть монографического исследования о малолетних преступниках общепризнанного главы русской ветви уголовно-антропологического направления, российского криминолога Д. А. Дриля (Дриль, 1884), а в 1888 г. была опубликована вторая часть данной работы (Дриль, 1888).

В 1911 г. издана первая из работ по данной проблеме М. Н. Гернета, в настоящее время широко известная монография «Детоубийство». По сути, это было первое комплексное исследование монографического уровня,

опубликованное в Российской империи, рассматривающее проблематику преступности несовершеннолетних. В предисловии к работе «автором особо подчеркивалось, что преступность несовершеннолетних, как и проституция, является явлением, непосредственно зависящим от общественного социального уклада, поэтому вести борьбу с рассматриваемым феноменом необходимо, оказывая воздействие на факторы, его обуславливающие, а в заключительном разделе данной работы анализировались санкции уголовно-правовых норм, предусматривающие меры уголовной ответственности за совершение рассматриваемого противоправного деяния в ряде европейских государств» (Гернет, 2011b).

В 1912 г. выходит еще одна интереснейшая работа под редакцией М. Н. Гернета – сборник «Дети-преступники», состоящий из трех частей, «в основе которого была программа „Детская преступность и меры борьбы с ней“, которую М. Н. Гернет специально разработал для участвующих в Первом российском криминологическом семинаре» (Гернет, 1912b). Титульный лист его специально был отмечен указанием М. Н. Гернетом о посвящении данного труда памяти А. Ф. Кистяковского и Д. А. Дриля. Работа представляет собой первое самостоятельное социологическое исследование преступности и личностных особенностей несовершеннолетних преступников. Основываясь на материалах проведенного исследования, великий российский правовед приходит к выводу о том, что важнейшей из негативных тенденций для любого общества выступает рост детской преступности.

В научно-преподавательской деятельности М. Н. Гернет также стремится включать социологическую науку в процесс изучения уголовно-правовых дисциплин. Им, в частности, указывалось на то, что «для классической – традиционной юриспруденции было типично практически не заниматься исследованием личности преступника, преступных проявлений, а также мер уголовного наказания, как социальных явлений» (Гернет, 1907, с. 7). Поэтому М. Н. Гернет полагал, что в уголовное право необходимо включать социологию, поскольку подобный подход востребован не только в теории, но и в практической деятельности.

Научные работы М. Н. Гернета, рассматривающие причины преступности, вносили особую лепту в развитие передовой отечественной дореволюционной науки уголовного права. Также важно отметить, что в дальнейшем проблематика, охватывающая вопросы социологии права, затрагивалась автором во многих его научных работах. Кроме того, М. Н. Гернет был первопроходцем среди специалистов отечественной науки уголовного права, доказавшим зависимость численности совершенных преступлений от жизненного уровня общества, а именно заработной платы населения, жилищных условий в стране, стоимости различных товаров и продовольствия (Сизова, 2015, с. 45). В научной работе «Уголовное право и социализм» им особенно акцентировалось внимание на том, что среди основных факторов преступного поведения выступает экономическая система. Им также доказывалось, что проведение социалистических преобразований может оказать положительное воздействие на уровень преступного поведения в обществе (Уголовное право и социализм, 1908, с. 72).

В своей научной деятельности «М. Н. Гернет активно выступает в качестве критика антропологической теории права, одновременно с этим делая важнейшие научные выводы об общественной природе преступности, отмечая отсутствие у злоумышленников врожденного стремления совершать преступления» (Ельчанинова, 2019, с. 34), что утверждалось многочисленными представителями юридической антропологии (Вульферт, 1911). Большинство выводов, сделанных М. Н. Гернетом по данному вопросу, базировалось на его многочисленных как зарубежных, так и отечественных научных исследованиях, согласно которым источники и причинный комплекс преступного поведения человека не могут зависеть от его генетических особенностей, на чем настаивали ученые-антропологи.

Основные факторы преступного поведения, по мнению М. Н. Гернета, порождал общественный строй, а также экономические условия жизни социума. Особое место среди причин преступного поведения в обществе ученым отводилось безработице, бедности, невысокому образовательному и культурному уровню лиц, совершающих преступления. На тот момент такой подход в отечественной юридической науке был настоящим прорывом, поскольку ранее никем из ученых не утверждалась позиция относительно того, что социальная среда может выступать в качестве ключевого фактора преступного поведения. Рассуждая о проблематике причинного комплекса преступности, и в частности о том, какие варианты разрешения подобных ситуаций могут быть, М. Н. Гернету приходилось соглашаться в данном вопросе с позицией социологов, утверждающих, что преступность является настолько же вечной, как болезнь или смерть, и применение различных видов наказания не сможет ее победить. Но в то же время, по мнению ученого,

борьба с бедностью и нищетой будет способствовать снижению фактов преступного поведения (Ельчанинова, 2019b, с. 15).

В своих научных работах дореволюционного периода М. Н. Гернет постоянно подчеркивал вклад в развитие отечественной юридической науки своих коллег, учителей и предшественников. Не обошел он вниманием и заслуги в реформировании отечественного законодательства одного из величайших российских ученых-правоведов И. Я. Фойницкого, в том числе активно занимавшегося исследованием различных проблем в сфере преступности (Гернет, 2013b).

В заключение логично отметить, что в научных трудах М. Н. Гернета нашли свое отражение не только уголовно-правовая проблематика, но также вопросы, связанные с причинным комплексом преступного поведения, личностными особенностями преступников, мерами борьбы с различными преступными проявлениями, в том числе и несовершеннолетними. Величайшему отечественному правоведу удалось наиболее удачно обобщить научные достижения и многих его коллег, в результате им было сформировано новое направление в уголовном праве и криминологии.

Востребованность изучения творческого наследия величайшего российского ученого М. Н. Гернета обусловлена его исключительным вкладом в развитие теории и практики отечественной юридической науки. Благодаря разнообразному спектру научных интересов М. Н. Гернета его глубочайшие научные исследования, подготовленные по разнообразной проблематике и широчайшему спектру насущных вопросов, и по сей день не перестают быть востребованными среди современных российских ученых и правоведов, интересующихся научными подходами отечественных классиков российской правовой науки по наиболее важным из аспектов юридической научной мысли.

Список литературы

- Анощенкова, С. В. (2013). М. Н. Гернет. Взгляд в прошлое. *Социально-политические науки*, 1, 24–26.
- Белоновский, В. Н., Калина, В. Ф. (2013). Михаил Николаевич Гернет. Штрихи к портрету. В сб. *Мониторинг законодательства и правоприменительной практики: оценки, предположения, прогнозы: Муромцевские чтения: материалы XIII Международной научной конференции. Москва, 18 апреля 2013 г.* (с. 388–394). Москва: РГГУ.
- Блохинцев, А. Н. (1980). *И жизни след оставили своей...* Саратов: Приволж. кн. изд-во.
- Бочкарева, В. И. (2003). М. Н. Гернет о смертной казни (из истории Российской «социологической школы в уголовном праве»). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 6(1), 54–66.
- Варенцова, Л. Ю., Варенцов, С. Ю. (2020). Деятельность советского ученого-тюрьмоведа М. Н. Гернета в годы Великой Отечественной войны. В сб. Н. С. Нижник (ред.), *Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): материалы Международной научной конференции. В 2 ч., Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 г.* (с. 1255–1261). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.
- Власенко, Н. А., Залоило, М. В. (2015). М. Н. Гернет и основные вехи развития социологической школы права. *Журнал российского права*, 6(222), 161–170.
- Вульферт, А. К. (1911). *Оценка доктрины Ломброзо после его смерти главнейшими представителями позитивной школы уголовного права в Италии: Отдельный оттиск из № 2, 1911 г. «Юридических Записок», издаваемых Демидовским Юридическим Лицеом.* Ярославль.
- Галягина, А. А. (2016). Профессор М. Н. Гернет как представитель социологической школы криминологии. В сб. Б. Ф. Кевбрин (отв. ред.) и др., *Инновационные технологии в кооперативном образовательном процессе: материалы Международной заочной студенческой научно-практической конференции, посвященной 40-летию Саранского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, Саранск, 19 октября 2016 г.* (с. 192–195). Саранск: Принт-Издат.
- Гернет, М. (1906a). *Общественные причины преступности. Социалистическое направление в науке уголовного права.* Москва: С. Скирмунт.
- Гернет, М. (1912a). Преступность и профессия. *Журнал уголовного права и процесса, издаваемый при Русской группе Международного союза криминалистов*, 4, 1–16. Санкт-Петербург: Тип. т-ва «Обществ. Польза».
- Гернет, М. Н. (1906b). *Социальные факторы преступности.* Москва: Унив. тип.
- Гернет, М. Н. (1907). *Преступление и наказание: (Прошлое, настоящее и будущее уголов. право): Из публ. лекций прив.-доц. Моск. ун-та М.Н. Гернет в Н. Новгороде.* Нижний Новгород: Сеятель.
- Гернет, М. Н. (1908). *Семинарий по уголовному праву* (Вып. 1). Москва: Тип. Императ. Моск. Ун-та.

- Гернет, М. Н. (1911а). *Семинарий по уголовному праву*. Москва: Каз. железнодорож. тип. Моск. узла.
- Гернет, М. Н. (1911б). *Детоеубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование: С приложением 12 диаграмм*. Москва: Тип. Имп. Моск. ун-та.
- Гернет, М. Н. (1912б). *Дети-преступники. Сборник статей с 15 фотографиями и с приложением библиографических указателей*. Москва: Книгоизд-во «В. И. Знаменский и Ко».
- Гернет, М. Н. (1913а). *Уголовное право. Часть общая*. Херсон: Изд. Н.А. Ходушина.
- Гернет, М. Н. (1913б). Профессор И. Я. Фойницкий: некролог. *Вестник права и нотариата*, 39, 2065–2069.
- Гернет, М. Н. (1914а). *Истребление плода с уголовно-социологической точки зрения*. Санкт-Петербург: Тип. и цинк. т/д «Мысль».
- Гернет, М. Н. (1914б). *Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества*. Москва: Мир.
- Гернет, М. Н. (1916). *Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества*. Москва: Изд-во Товарищества «Мир» и «Итоги науки».
- Гернет, М. Н. (1974). *Избранные произведения*. Москва: Юрид. лит.
- Гернет, М. Н. (ред.) (1908). *Уголовное право и социализм: сб. ст.* Москва: Тип. Т-ва И.Д. Сытина.
- Гернет, М. Н., Гольдовский, О. Б., Сахаров, И. Н. (ред.) (1906). *Против смертной казни: сборник статей*. Москва: Тип. Т-ва И. Д. Сытина.
- Гернет, М. Н., Гольдовский, О. Б., Сахаров, И. Н. (ред.) (1907). *Против смертной казни: сборник статей*. Москва: Тип. Т-ва И.Д. Сытина.
- Гернет, М. Н., Ильин, И. А., Новицкий, И. Б., Устинов, В. М. (1915). *Основы законоведения. Общее учение о праве и государстве и основные понятия русского государственного, гражданского и уголовного права. Общедоступные очерки* (4-е изд., испр. и доп.). Москва, Петроград: Изд. Т-ва «В. В. Думнов, насл. бр. Салаевых».
- Гернет, М. Н., Новицкий, И. Б., Устинов, В. М. (1907). *Основные понятия русского государственного, гражданского и уголовного права*. Москва: Тип. Т-ва И.Д. Сытина.
- Герцензон, А. А. (1960). Михаил Николаевич Гернет, его жизнь, общественная деятельность и научная деятельность (1874–1953 гг.). *Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. (3-е изд., т. 1. (1762–1825))*. Москва.
- Давыдов, Н. В., Полянский, Н. Н. (ред.), Гернет, М. Н., Вормс, А. Э., Муравьев, Н. К., Паренный, А. Н. (1915). *Судебная реформа*. (Т. 1, 2). Москва: Объединение.
- Дриль, Д. (1884). *Малолетние преступники: Введение. Очерк развития учения новой позитивной школы уголовного права, явлений наследственности порочных особенностей организма и явлений приспособляемости как оснований воспитания и перевоспитания. Этюд по вопросу о человеческой преступности, ее факторах и средствах борьбы с ней*. (Вып. 1). Москва: Тип. А. И. Мамонтова и Ко.
- Дриль, Д. (1888). *Малолетние преступники: Психология преступности. Этюд по вопросу о человеческой преступности, ее факторах и средствах борьбы с ней* (Вып. 2: Ч. 1). Москва: Тип. А. И. Мамонтова и Ко.
- Дубовик, О. Л. (1974). М. Н. Гернет (К 100-летию со дня рождения). *Советское государство и право*, 8, 100–102.
- Ельчанинова, О. Ю. (2018). Роль научного наследия М. Н. Гернета в развитии представлений о причинах преступности. В сб. Н. С. Нижник (ред.), *Российская полиция: три века служения Отечеству: материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции, Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г.* (с. 331–335). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.
- Ельчанинова, О. Ю. (2019а). Теоретические основы рационализации понятия "преступность" в правовой доктрине М. Н. Гернета. *Вестник Самарского юридического института*, 2(33), 32–36.
- Ельчанинова, О. Ю. (2019б). Теоретико-методологические воззрения М. Н. Гернета на задачи и условия тюремного устройства. *Ведомости уголовно-исполнительной системы*, 1(200), 12–17.
- Заварюхин, В. Ю. (2015). Профессор М. Н. Гернет как первый отечественный криминолог. В сб. Б. Ф. Кевбрин (отв. ред.), *Роль и значение науки в вузе и ее влияние на образовательный процесс: материалы Международной заочной научно-практической конференции, Саранск, 30 октября 2015 г.* (с. 417–424). Саранск: ЮрЭксПрактик.
- Заварюхин, В. Ю. (2016). Основополагающая роль М. Н. Гернета в становлении отечественной криминологической науки в первый советский период ее развития (1917–1935). В сб. *II Юридические чтения: материалы заочной научно-практической конференции, посвященной 40-летию Саранского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, Саранск, 9 ноября 2016 г.* (с. 57–59). Саранск: ЮрЭксПрактик.
- Заварюхин, В. Ю. (2016). Путь в науку юриста-криминолога М. Н. Гернета. В кн. *Инновационные технологии в науке и образовании: актуальные вопросы и достижения* (с. 51–83). Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.).
- Захаров, Д. П. (1978). Михаил Николаевич Гернет (1874–1953). *Известия высших учебных заведений. Правоведение*, 5, 97–108.
- Иванова, Н. М. (2022). «История царской тюрьмы» М. Н. Гернета как исторический источник. В сб. *Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Самара, 2–3 июня 2022 г.* (с. 82–83). Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний.
- Кара-Сал, А. А. (2017). Общественные причины преступности в изучении М. Гернета. В сб. Н. Е. Лукьянов (ред.). *Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: материалы VI Всероссийской студенческой научно-практической*

конференции с международным участием. В 2 ч. Новосибирск, 22–24 ноября 2017 г. (с. 207–208). Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет.

Кареев, Н. И. (1996). *Основы русской социологии*. Санкт-Петербург: Лимбах, 1996.

Киндюк, Б. В. (2018). Правовые проблемы ресоциализации в творчестве М. Н. Гернета. *Государство и право*, 9, 89–95. <https://doi.org/10.31857/s013207690001518-1>

Кистяковский, А. Ф. (1871). *О замене для малолетних преступников тюрьмы-школой: Публ. лекция, чит. 14 марта 1871 г. в зале Ун-та св. Владимира*. Киев: Киев. вестн.

Кистяковский, А. Ф. (1878). *Молодые преступники и учреждения для их исправления, с обзором русских учреждений*. Киев: Унив. тип. (И. И. Завадского).

Кичигина, О. Ю. (2020). История женской преступности. В сб. Н. Н. Ивашко (отв. ред.). *Вестник молодого ученого Кузбасского института* (с. 22–25). Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний.

Кони, А. Ф., Случевский, В. К., Таганцев, Н. С. и др., Гернет, М. Н. (общ. ред.) (1914). *Устав уголовного судопроизводства: сист. коммент.* (Вып. 1). Москва: М.М. Зив.

Кораблин, К. К. (2003). Творческий путь и научное мировоззрение профессора М. Н. Гернета: историко-правовой анализ. *Научный ежегодник*, 3, 153–154.

Кораблин, К. К. (2019). Разработка теоретических основ наказания в виде лишения свободы в русском дореволюционном тюремоведении (вторая половина XIX – начало XX века). *Евразийский юридический журнал*, 10(137), 67–72.

Кораблин, К. К., Остапенко, А. Б. (2021). Разработка концептуальных основ науки пенитенциарного (тюремного) права – тюремоведения – как самостоятельной отрасли русского уголовного права (вторая половина XIX – начало XX века). *Всероссийский криминологический журнал*, 15(4), 484–494. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15\(4\).484-494](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(4).484-494)

Королицкий, М. (1916). Ссылка Лаврова. *Вестник Европы*, 1, 466 с.

Луцкий, А. И., Луцкий, М. И., Киндюк, Б. В. (2019). Вклад профессора М. Н. Гернета в развитие юридической науки. *Всероссийский криминологический журнал*, 13(3), 519–529. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(3\).519-529](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(3).519-529)

Луцкий, А. И., Луцкий, М. И., Киндюк, Б. В. (2019). Вклад профессора М. Н. Гернета в развитие юридической науки. *Всероссийский криминологический журнал*, 13(3), 519–529. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(3\).519-529](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(3).519-529)

Никитин, А. М., Лосева, С. Н. (2018). Женщины-заключенные в дореволюционной России (по материалам исследований М. Н. Гернета). *Вестник Томского государственного университета*, 430, 196–204. <https://doi.org/10.17223/15617793/430/27>

Сизова, В. Н. (2015). Некоторые вопросы эффективности уголовного законодательства в творческом наследии Михаила Николаевича Гернета. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*, 1(29), 44–46.

Сокальская, Е. В. (2014). Обзор европейской тюремной системы в работах М. Н. Гернета. В сб. *Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 135-летию уголовно-исполнительной системы и 105-летию криминологической службы*. Пермь, 15–16 мая 2014 г. (с. 56–57). Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний.

Сорокин П. (1916). Проф. М. Н. Гернет. Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества («Итоги науки»). *Вестник Европы*, 5, 424.

Сорокин, П. (1992). *Дальняя дорога: автобиография* (с. 58). Москва: Терра-Тет.

Трунцевский, Ю. В. (2022). Гернет М. Н.: международная конференция и грани научного творчества. *Международное публичное и частное право*, 4, 42–45.

Федоров, А. В. (2022). Вопросы уголовной политики в трудах профессора М. Н. Гернета. *Журнал российского права*, 26(8), 148–161. <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.090>

Чарыхов, Х. М. (1910). *Учение о факторах преступности. Социологическая школа в науке уголовного права*. Москва.

Шаверина, Т. О. (2018). Анализ актуальности факторов, влиявших на совершение преступлений, приведенных в книге М. Гернета «Общественные причины преступности». В сб. Н. Е. Лукьянов (ред.). *Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: материалы VII Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием. В 3 ч., Новосибирск, 19–21 декабря 2018 г.* (с. 169–171). Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет.

Шаргородский, М. Д. (1974). *Гернет М. Н. Избранные произведения*. Москва: Юрид. лит.

Экономическая оценка народного образования: очерки И. И. Янжула, А. И. Чупрова, Е. Н. Янжул, В. П. Вахтерова и др.: В пользу школ Императорского Русского технического общества. (1899) (2-е изд., испр. и доп.). Санкт-Петербург: Типография А. Бенке.

References

Anoschenkova, S. V. (2013). MN Gernet. A view into the back. *Sociopolitical Sciences*, 1, 24–26. (In Russ.).

Belonovskii, V. N., & Kalina, V. F. (2013). Mikhail Nikolayevich Gernet. Touches to a portrait. In *Monitoring of legislation and law enforcement practice: estimations, suppositions, forecasts: Muromtsev readings: works of the 13th International scientific-practical conference. Moscow, April 18, 2013* (pp. 388–394). Moscow: Russian State University for the Humanities. (In Russ.).

- Blokhintsev, A. N. (1980). *And left a trace of their lives...* Saratov: Privolzh. kn. izd-vo. (In Russ.).
- Bochkareva, V. I. (2003). M. N. Gernet on death penalty (from the history of the Russian “sociological school in criminal law”). *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 6(1), 54–66. (In Russ.).
- Charykhov, Kh. M. (1910). *Doctrine of factors of crime. Sociological school in the science of criminal law*. Moscow. (In Russ.).
- Davydov, N. V., & Polyanskii, N. N. (Eds.), Gernet, M. N., Vorms, A. E., Murav'ev, N. K., & Parenyi, A. N. (1915). *Judicial reform*. (Vol. 1, 2). Moscow: Obedinenie. (In Russ.).
- Dril, D. (1884). *Under-aged criminals: Introduction. Sketch on the development of a new positive school of criminal law, phenomena of inheriting the malicious features and phenomena of adaptation as the bases for education and re-education. Sketch on the issue of human criminality, its factors and means of struggling against it* (Iss. 1). Moscow: Tip. A. I. Mamontova i Ko. (In Russ.).
- Dril, D. (1888). *Under-aged criminals: Psychology of crime. Sketch on the issue of human criminality, its factors and means of struggling against it* (Iss. 2, Part 1). Moscow: Tip. A. I. Mamontova i Ko. (In Russ.).
- Dubovik, O. L. (1974). M. N. Gernet (to the 100th anniversary). *Soviet State and Law*, 8, 100–102. (In Russ.).
- Economic assessment of people's education: sketches by I. I. Yanzhul, A. I. Chuprov, E. N. Yanzhul, V. P. Vakhterov and others: For the benefit of schools of Emperor's Russian Technical Society*. (1899) (2d ed., rev. and enl.). Saint Petersburg: Tipografiya A. Benke. (In Russ.).
- Elchaninova, O. Yu. (2018). Role of scientific heritage of M. N. Gernet in developing ideas about the causes of crimes. In N. S. Nizhnik (ed.), *Russian police: three centuries of serving to Fatherland: works of the jubilee International scientific conference devoted to the 300th anniversary of the Russian police, Saint Petersburg, April 23–25, 2018* (pp. 331–335). Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (In Russ.).
- Elchaninova, O. Yu. (2019a). Theoretical bases of rationalization concepts “Crime” in M. N. Gernet legal doctrine. *Bulletin of the Samara Law Institute*, 2(33), 32–36. (In Russ.).
- Elchaninova, O. Yu. (2019b). Theoretical and methodological views M. N. Gernet on the tasks and conditions of prison system. *Vedomosti ugolovno-ispolnitelnoi sistemy*, 1(200), 12–17. (In Russ.).
- Fedorov, A. V. (2022). Issues of Criminal Policy in the Works of Professor Mikhail N. Gernet. *Journal of Russian Law*, 26(8), 148–161. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.090>
- Galyagina, A. A. (2016). Professor M. N. Gernet as a representative of sociological school of criminology. In B. F. Kevbrin (exec. ed.) et al., *Innovative technologies in cooperative educational process: works of the International online students' scientific-practical conference devoted to the 40th anniversary of Saransk Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, Saransk, October 19, 2016* (pp. 192–195). Saransk: Print-Izdat. (In Russ.).
- Gernet, M. (1906a). *Social causes of crime. Socialistic direction in the science of criminal law*. Moscow: S. Skirmunt. (In Russ.).
- Gernet, M. (1912a). Crime and profession. *Journal of criminal law and procedure published under the Russian group of the International Union of Criminologists*, 4, 1–16. Saint Petersburg: Tip. t-va “Obshchestv”. Pol'za». (In Russ.).
- Gernet, M. N. (1906b). *Social factors of crime*. Moscow: Univ. tip. (In Russ.).
- Gernet, M. N. (1907). *Crime and punishment: (Past, present and future of seminar of criminal law): from public lectures of privatdocent of Moscow university M. N. Gernet in Nizhniy Novgorod*. Nizhniy Novgorod: Seyatel. (In Russ.).
- Gernet, M. N. (1908). *Seminar of criminal law* (Iss. 1). Moscow: Tip. Imperat. Mosk. Un-ta. (In Russ.).
- Gernet, M. N. (1911a). *Seminar of criminal law*. Moscow: Kaz. zheleznodor. tip. Mosk. uzla. (In Russ.).
- Gernet, M. N. (1911b). *Prolicide. Sociological and comparative-criminal research: with 12 diagrams*. Moscow: Tip. Imperat. Mosk. Un-ta. (In Russ.).
- Gernet, M. N. (1912b). *Children-criminals. Collection of articles with 15 photos and bibliographic indices*. Moscow: Knigoizd-vo “V. I. Znamenskii i Ko”. (In Russ.).
- Gernet, M. N. (1913a). *Criminal law. General part*. Kherson: Izd. N.A. Khodushina. (In Russ.).
- Gernet, M. N. (1913b). Professor I. Ya. Foynitskiy: obituary. *Vestnik prava i notariata*, 39, 2065–2069. (In Russ.).
- Gernet, M. N. (1914a). *Prolicide from the criminal-sociological viewpoint*. Saint Petersburg: Tip. i tsink. t/d “Mysl”. (In Russ.).
- Gernet, M. N. (1914b). *Crime and struggling against it in connection with the evolution of the society*. Moscow: Mir. (In Russ.).
- Gernet, M. N. (1916). *Crime and struggling against it in connection with the evolution of the society*. Moscow: Izd-vo Tovarishchestva “Mir” i “Itogi nauki”. (In Russ.).
- Gernet, M. N. (1974). *Selected works*. Moscow: Yurid. lit. (In Russ.).
- Gernet, M. N. (ред.) (1908). *Criminal law and socialism: collection of articles*. Moscow: Tip. T-va I. D. Sytina. (In Russ.).
- Gernet, M. N., Gol'dovskii, O. B., & Sakharov, I. N. (Eds.). (1906). *Against death penalty: collection of articles*. Moscow: Tip. T-va I. D. Sytina. (In Russ.).
- Gernet, M. N., Gol'dovskii, O. B., & Sakharov, I. N. (Eds.). (1907). *Against death penalty: collection of articles*. Moscow: Tip. T-va I. D. Sytina. (In Russ.).
- Gernet, M. N., Il'in, I. A., Novitskii, I. B., & Ustinov, V. M. (1915). *Bases of jurisprudence. General doctrine of law and state and the main concepts of the Russian state, civil and criminal law. Popular sketches* (4th ed., amended and compl.). Moscow; Petrograd: Izd. T-va “V. V. Dumnov, nasl. br. Salaevykh”. (In Russ.).
- Gernet, M. N., Novitskii, I. B., & Ustinov, V. M. (1907). *Main concepts of the Russian state, civil and criminal law*. Moscow: Tip. T-va I. D. Sytina. (In Russ.).

Gertsenzon, A. A. (1960). *Mikhail Nikolayevich Gernet, his life, social activity and scientific activity (1874–1953)*. M. N. Gernet. *History of a tsar's prison*: in 5 vol. (3rd ed., vol. 1. (1762–1825)). Moscow. (In Russ.).

Ivanova, N. M. (2022). "History of a tsar's prison" by M. N. Gernet as a historical source. In *Penitentiary security: national traditions and foreign experience: works of All-Russia scientific-practical conference with international participation, Samara, June 2–3, 2022* (pp. 82–83). Samara: Samara Law Institute of the Federal Penal Service. (In Russ.).

Kara-Sal, A. A. (2017). Social causes of crime as studied by M. N. Gernet. In N. E. Lukyanov (ed.). *Youth of the 21st century: education, science, innovations: works of the 6th All-Russia students' scientific-practical conference with international participation. In 2 parts, Novosibirsk, November 22–24, 2017* (pp. 207–208). Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. (In Russ.).

Kareev, N. I. (1996). *Bases of Russian sociology*. Saint Petersburg: Limbakh. (In Russ.).

Kichigina, O. Yu. (2020). History of women's crime. In: N. N. Ivashko (exec. ed.). *Bulletin of young scientists of Kuzbass Institute* (pp. 22–25). Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penal Service. (In Russ.).

Kindyuk, B. V. (2018). Legal problems of resocialization in the works M. N. Gernet. *State and Law*, 9, 89–95. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/s013207690001518-1>

Kistyakovskii, A. F. (1871). *On substituting prison for school for under-aged criminals: Public lecture read on March 14, 1871, at Saint Vladimir University*. Kiev: Kiev. vestn. (In Russ.).

Kistyakovskii, A. F. (1878). *Under-aged criminals and institutions for their correction, with a review of Russian institutions*. Kiev: Univ. tip. (I. I. Zavadskogo). (In Russ.).

Koni, A. F., Sluchevskii, V. K., Tagantsev, N. S. et al., Gernet, M. N. (ed.) (1914). *Charter of criminal court procedure: systematic commentary*. (Iss. 1). Moscow: M.M. Ziv. (In Russ.).

Korablin, K. K. (2003). Creative path and scientific world outlook of Professor M. N. Gernet: historical-legal analysis. *Nauchnyi ezhegodnik*, 3, 153–154. (In Russ.).

Korablin, K. K. (2019). Elaboration of the theoretical bases of punishment in the form of deprivation of freedom in the Russian pre-revolutionary penitentiary studies (second half of the 19th – beginning of the 20th cc). *Eurasian Law Journal*, 10(137), 67–72. (In Russ.).

Korablin, K., & Ostapenko, A. (2021). Developing the Conceptual Foundations for the Science of Penitentiary (Prison) Law – Prison Studies – as an Independent Branch of Russian Criminal Law (Second Half of the XIX – Beginning of the XX Century). *Russian Journal of Criminology*, 15(4), 484–494. (In Russ.). [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15\(4\).484-494](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(4).484-494)

Korolitskii, M. (1916). Lavrov's exile. *Vestnik Evropy*, 1. (In Russ.).

Lutskyi, A. I., Lutskyi, M. I., & Kindyuk, B. V. (2019). The Contribution of Prof. M. N. Gernet to the Development of Legal Science. *Russian Journal of Criminology*, 13(3), 519–529. (In Russ.). [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(3\).519-529](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(3).519-529)

Nikitin, A. M., & Loseva, S. N. (2018). Women-prisoners in pre-revolutionary Russia (on the materials of M. N. Gernet's research). *Tomsk State University Journal*, 430, 196–204. <https://doi.org/10.17223/15617793/430/27>

Shargorodskii, M. D. (1974). *M. N. Gernet. Selected works*. Moscow: Yurid. lit. (In Russ.).

Shaverina, T. O. (2018). Analysis of relevance of the factors influencing committing of crimes listed in a book by M. Gernet "Social causes of crime". In N. E. Lukyanov (ed.). *Youth of the 21st century: education, science, innovations: works of the 7th All-Russia students' scientific-practical conference with international participation. In 3 parts, Novosibirsk, December 19–21, 2018* (pp. 169–171). Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. (In Russ.).

Sizova, V. N. (2015). Some questions of the effectiveness of criminal legislative in the creative heritage of Mikhail Nikolaevich Gernet. *Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia*, 1(29), 44–46. (In Russ.).

Sokalskaya, E. V. (2014). Review of the European penitentiary system in the works by M. N. Gernet. In: *Penitentiary system and the society: experience of interaction: collection of works of the International scientific-practical conference devoted to the 135th anniversary of the criminal-execution system and 105th anniversary of the Police Dog Service. Perm, May 15–16, 2014* (pp. 56–57). Perm: Perm Institute of the Federal Penal Service. (In Russ.).

Sorokin, P. (1916). Prof. M. N. Gernet. Crime and struggling against it in connection with the evolution of the society ("Results of science"). *Vestnik Evropy*, 5, 424. (In Russ.).

Sorokin, P. (1992). *Long way: autobiography* (p. 58). Moscow: Terra-Tet. (In Russ.).

Truntsevsky, Yu. V. (2022). M. N. Gernet: an international conference and scientific creativity borders. *Public International and Private International Law*, 4, 42–45. (In Russ.).

Varentsova, L. Yu., & Varentsov, S. Yu. (2020). Activity of a Soviet penitentiary researcher M. N. Gernet during the Great Patriotic War. In N. S. Nizhnik (ed.), *State. Law. War (to the 75th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War): works of the International scientific-practical conference. In 2 parts, Saint Petersburg, April 28–29, 2020* (pp. 1255–1261). Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (In Russ.).

Vlasenko, N. A., & Zaloilo, M. V. (2015). M. N. Gernet and the main milestones of development of the sociological school of law. *Journal of Russian Law*, 6(222), 161–170. (In Russ.).

Vulfert, A. K. (1911). *Assessment of Lombroso's doctrine after his death by the main representatives of the positive school of criminal law in Italy: Individual print from No. 2, 1911. of "Juridical Transactions" published by Demidov Juridical Lyceum*. Yaroslavl. (In Russ.).

Zakharov, D. P. (1978). Mikhail Nikolayevich Gernet (1874–1953). *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie* 5, 97–108. (In Russ.).

Zavaryukhin, V. Yu. (2015). Professor M. N. Gernet as the first Russian criminologist. In: B. F. Kevbrin (exec. ed.), *Role and significance of science at a university and its influence on educational process: works of the International online students' scientific-practical conference, Saransk, October 30, 2015* (pp. 417–424). Saransk: YurEksPraktik. (In Russ.).

Zavaryukhin, V. Yu. (2016). Fundamental role of M. N. Gernet in the formation of the Russian criminological science in the initial Soviet period of its development (1917–1935). In *Juridical readings: works of the International online students' scientific-practical conference devoted to the 40th anniversary of Saransk Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, Saransk, November 9, 2016* (pp. 57–59). Saransk: YurEksPraktik. (In Russ.).

Zavaryukhin, V. Yu. (2016). Way into science of a jurist-criminologist M. N. Gernet. In: *Innovative technologies in science and education: topical issues and achievements* (pp. 51–83). Penza: Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G. Yu.). (In Russ.).

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 30.01.2023

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 05.03.2023

Дата принятия в печать / Accepted 10.08.2023

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ / CRIMINAL-LEGAL SCIENCES

Редактор рубрики *И. И. Бикеев* / Rubric editor *I. I. Bikeev*

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.602-629>

УДК 004:316.472.4:316.624:343.341:343.9

А. А. Глухова¹,
А. А. Иудин²,
Д. А. Шпилев^{1,2}

¹ Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Нижний Новгород, Россия

² Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Деструктивные социальные движения «Маньяки. Культ убийств» и «Мир маньяков и серийных убийц»: формирование криминальной идеологии

Контактное лицо:

Глухова Анна Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии, Нижегородская академия Министерства иностранных дел Российской Федерации

E-mail: namvd_crime@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7462-8947>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/A-5228-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 5918-8210, AuthorID: 707937

Иудин Александр Анатольевич, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

E-mail: iudin@fsn.unn.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1925-007X>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/A-5266-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 1297-2440, AuthorID: 333279

Шпилев Дмитрий Анатольевич, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры криминологии, Нижегородская академия Министерства иностранных дел Российской Федерации; профессор кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

E-mail: shpilev72@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9499-0580>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/A-5200-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 6166-5224, AuthorID: 483656

Аннотация

Цель: анализ семантического поля интернет-пабликов деструктивных социальных групп «Маньяки. Культ убийств» и «Мир маньяков и серийных убийц», причин интереса подростков и молодежи к этим группам, приемов, используемых модераторами страниц социальных сетей для привлечения сторонников и формирования у них культа насилия и стимуляции совершения убийств по результатам проведенных исследований (многомерного контент-анализа содержания страниц социальных сетей).

© Глухова А. А., Иудин А. А., Шпилев Д. А., 2023

Методы: общенаучные (анализ, системно-структурный, сравнительно-правовой) и частнонаучные методы (многомерный контент-анализ содержания страниц социальных сетей).

Результаты: на основе анализа более 17 тыс. фрагментов переписки участников движения «Маньяки. Культ убийств» и более 34 тыс. фрагментов переписки участников движения «Мир маньяков и серийных убийц» построено семантическое поле, включающее в себя основные темы, обсуждаемые на страницах вышеуказанных деструктивных социальных групп, выявлены приемы вовлечения подростков в деструктивную тотальную идеологию, моделирующую важнейшие жизненные сферы сторонников движений, нивелирующую ценность человеческой жизни и превращающую чужую смерть в обыденное явление. Сделан вывод о том, что в рамках деструктивного радикально-националистического общественного движения «Маньяки. Культ убийств» сформирована идеология, которая имеет следующие признаки: телеологичность, наукообразность, широкий охват аудитории, наличие символов и атрибутики, обсуждение тем, которые имеют социально негативный характер, с помощью понятных только для пользователей сообщества языковых средств.

Научная новизна: описаны и проанализированы основные темы, обсуждаемые участниками деструктивных социальных движений «Маньяки. Культ убийств» и «Мир маньяков и серийных убийц», доказано, что в результате погружения в подобный контент насилие и убийства перестают вызывать у подростков естественные негативные эмоции, чувство отвращения и сопереживания жертве. Исследование показало, что формирование и распространение контента в пабликах в настоящий момент идет от лица самих пользователей, что позволяет, с одной стороны, снять часть ответственности с модераторов, а с другой – превращает страницы движений в так называемую самовоспроизводящуюся (по терминологии Никласа Лумана – аутопойетическую) систему, способную к саморепродукции, т. е. ее существование обеспечивается активностью самих пользователей.

Практическая значимость: материалы статьи могут быть полезны федеральным и региональным властям при реализации различных аспектов молодежной политики, профилактике социопатического поведения молодежи, обеспечении безопасности учебных заведений, родителям и членам семей проблемных подростков, а также ученым, исследующим деструктивные молодежные сетевые движения.

Ключевые слова

Социальные сети, деструктивные социальные движения, криминальная идеология, насилие

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Глухова, А. А., Иудин, А. А., Шпилев, Д. А. (2023). Деструктивные социальные движения «Маньяки. Культ убийств» и «Мир маньяков и серийных убийц»: формирование криминальной идеологии. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(3), 602–629. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.602-629>

Scientific article

A. A. Glukhova¹,

A. A. Iudin²,

D. A. Shpilev^{1,2}

¹ Nizhniy Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, Nizhniy Novgorod, Russia

² Nizhniy Novgorod State University named after N. I. Lobachevskiy, Nizhniy Novgorod, Russia

Destructive social movements “Maniacs. Killing cult” and the “World of maniacs and serial killers”: forming a criminal ideology

Contact:

Anna A. Glukhova, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Chair of Criminology, Nizhniy Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
E-mail: namvd_crime@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7462-8947>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/A-5228-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 5918-8210, AuthorID: 707937

Aleksandr A. Iudin, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Industrial and Applied Sociology, Nizhniy Novgorod State University named after N. I. Lobachevskiy

E-mail: iudin@fsn.unn.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1925-007X>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/A-5266-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 1297-2440, AuthorID: 333279

Dmitriy A. Shpilev, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminology, Nizhniy Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs; Professor of the Department of General Sociology and Social Work, Nizhniy Novgorod State University named after N. I. Lobachevskiy

E-mail: namvd_crime@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9499-0580>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/A-5200-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 6166-5224, AuthorID: 483656

Abstract

Objective: analysis of the semantic field of Internet publics of destructive social groups “Maniacs. The cult of murder” and “The world of maniacs and serial killers”, the reasons for the interest of teenagers and young people in these groups, the techniques used by moderators of social network pages to attract supporters and form a cult of violence among them and stimulate the commission of murders based on the research results (multidimensional content analysis of the social network pages content).

Methods: general scientific (analysis, system-structural, comparative-legal) and specific scientific methods (multidimensional content analysis of the social network pages content).

Results: based on the analysis of more than 17 thousand fragments of correspondence of participants of the movement “Maniacs. The cult of murder” and more than 34 thousand fragments of correspondence of participants of the movement “The world of maniacs and serial killers”, a semantic field was constructed, including the main topics discussed on the pages of the above-mentioned destructive social groups, methods of involving teenagers in a destructive total ideology modeling the most important spheres of life of the movements’ supporters, leveling the value of human life and turning someone else’s death into an ordinary phenomenon. It is concluded that within the framework of the destructive radical nationalist social movement “Maniacs. The cult of murder” an ideology was formed that has the following features: teleology, scientific appearance, wide audience coverage, presence of symbols and attributes, discussion of topics that have a socially negative character, using the language means that are understandable only to the community members.

Scientific novelty: the main topics discussed by participants of destructive social movements “Maniacs. The cult of murder” and “The world of maniacs and serial killers” are described and analyzed. It is proved that as a result of immersion into such content, violence and murder cease to cause natural negative emotions, feelings of disgust and empathy for the victim in teenagers. The study showed that the formation and distribution of content in publics currently takes place on behalf of the users, which, on the one hand, allows removing part of the responsibility from the moderators, and on the other hand, turns the pages of movements into a so-called self-reproducing (by terminology of Niklas Luhmann – autopoietic) system capable of self-production, i.e. its existence is ensured by the activity of the users.

Practical significance: the article materials can be useful to federal and regional authorities in implementing various aspects of youth policy, preventing sociopathic behavior of young people, ensuring the safety of educational institutions; to parents and family members of problem adolescents; and to scientists researching destructive youth network movements.

Keywords

Social networks, destructive social movements, criminal ideology, violence

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Glukhova, A. A., Iudin, A. A., & Shpilev, D. A. (2023). Destructive social movements “Maniacs. Murder cult” and “World of maniacs and serial killers”: forming a criminal ideology. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(3), 602–629. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.602-629>

Введение

16 января 2023 г. Верховный Суд РФ признал международное движение «МКУ» (другие наименования – «Маньяки. Культ убийств», «Молодежь, которая улыбается», «Маньяки. Культ убийц») террористической организацией¹. Его деятельность на территории Российской Федерации запрещена. Прокуратурой было установлено, что движение «МКУ» создано на Украине, в его основе лежит нацистская идеология, а целью является образование расово чистого государства, формирование культа насилия, стимуляция совершения убийств. В Интернете группировка «МКУ» продвигалась модераторами сайтов, тесно связанных с движением «Колумбайн». Сторонники организации «МКУ» исповедуют так называемую религию убийства, разжигая при этом межнациональную рознь, пропагандируя насилие, убийство, теракты и массовые расстрелы. Считается, что организация «МКУ» создана украинским неонацистом Егором Красновым в 2017 г. Она осуществляет свою деятельность в городах России и Украины с помощью автономных ячеек, координируемых из единого центра².

В отечественной научной литературе активно анализируется деятельность движения «МКУ». Оно рассматривается как одна из форм проявления молодежного экстремизма (Ищенко, 2021), криминальной субкультуры среди несовершеннолетних (Бабанина, 2022). Особое внимание уделяется поиску и пониманию причин деструктивного поведения молодежи в современном обществе (Воронцов и др., 2022) и анализу их динамики (Ищенко, 2022). Прорабатываются вопросы профилактики и противодействия вовлечению несовершеннолетних в подобные деструктивные движения (Вихляев, Трушина, 2022; Никитин, 2021), роль и задачи органов внутренних дел в этой работе (Бааль, 2022). Есть понимание того обстоятельства, что противодействие молодежному экстремизму является в настоящий момент важной составляющей обеспечения национальной безопасности (Найденко, 2022).

Внимательно изучаются особенности идеологии МКУ (Кирилюк, 2023, с. 114–119), определяются закономерности в поведении подростков, осуществляющих массшутинг в учебных заведениях (Орлов, 2022) с целью раннего выявления подобного рода преступлений (Бытко, 2022). В этом ключе важным становится решение проблем, возникающих при производстве не только уголовных, но и административных дел по экстремистской деятельности криминальных субкультур (Румянцев, 2022а, 2022б).

Отдельным моментом, исследованию и описанию которого посвящено значительное количество научных публикаций, является противодействие криминальной идеологии в сети Интернет. При этом подробно рассматриваются теоретические аспекты форм проявления криминальной идеологии в Интернете (Ильницкий, 2020; Квашиш, Ильницкий, 2021), механизмы криминогенного воздействия этой идеологии (Ильницкий, 2022а), вопросы антикриминальной пропаганды и критики криминальной идеологии (Ильницкий, 2022б; Меркурьев, 2020; Самойлов, 2019), а также вопросам методики криминологических исследований криминальной идеологии (Ильницкий, 2021). Тем не менее законченных исследований, посвященных комплексному анализу конкретной криминальной идеологии, распространяемой и популяризируемой при помощи социальных сетей и несущей в себе черты экстремизма, до настоящего времени практически проводилось очень мало (Глухова, Шпилев, 2019; Глухова и др., 2022), чего нельзя сказать о так называемой тюремной идеологии, основные черты и особенности которой изучены к настоящему времени достаточно хорошо не только с точки зрения жизни пенитенциарного социума (Уваров, 2014; Барабанов, 2017), но ее влияния на молодежь (Медведев, 2020). Эксперты считают, что для эффективного противодействия проявлениям экстремизма в молодежной среде необходимо изменить основные модели взаимодействия институтов власти различного уровня (федерального, регионального, муниципального) с представителями гражданского общества (Панкратов, 2022).

Одной из разновидностей движения «МКУ» является организация «Мир маньяков и серийных убийц». В отечественной научной литературе движение «Мир маньяков и серийных убийц» рассматривается, прежде всего, с точки зрения психологии, анализа становления личности маньяка (Яковлева, 2022), роли его семьи

¹ Верховный суд признал движение МКУ террористической организацией. (2023, 16 января). ТАСС. <https://tass.ru/proisshestiya/16809355>

² МКУ признана террористической организацией. (2023, 31 января). Сайт Главного управления региональной безопасности Московской области. <https://gurb.mosreg.ru/deyatelnost/antiterroristicheskaya-deyatelnost-i-protivod/novosti-po-teme2/31-01-2023-16-44-42-mku-priznana-terroristicheskoy-organizatsiy>

в этом процессе (Аманжолова, Вейсенберг, 2016). Большое внимание также уделяется вопросам расследования преступлений, совершаемых серийными убийцами (Мирзоян, Миронова, 2019).

Исследуется также и стилистика одежды молодежных деструктивных движений, связанная с визуализацией смерти (Фолтин, 2019), изучаются социокультурные факторы, которые привели к формированию социопатического поведения отдельных маньяков (Карлов, 2021; Пимакова, Волкова, 2022). В исторической перспективе анализируются нормы советских и российских уголовных кодексов, регулирующих ответственность за совершение умышленных убийств при отягчающих обстоятельствах (Кольцов, 2013). Делаются попытки осмысления проблемы детских и подростковых суицидов, инициированных в социальных сетях в Интернете, раскрывается смысл суицида как продолжения виртуальной игры, как способа самопрезентации подростка (Узлов, 2017).

Рассматриваются также вопросы обновления правового регулирования цифровой среды с целью обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности личности (Никишин, 2022).

Действительно, одним из способов противодействия деятельности экстремистских сайтов является их ликвидация, которая в настоящее время производится не систематически, а по эпизодическим решениям хостинг-провайдеров, что приводит к тому, что новые сайты возникают и возрождаются в других секторах российского интернет-пространства (Пащенко, 2022). Чтобы прогнозировать дальнейшую активность и основные тенденции деятельности радикально-националистических сообществ в онлайн-пространстве, необходимо осуществлять систематический мониторинг их деятельности и изучать приемы вовлечения несовершеннолетних в террористические и экстремистские движения, используемые модераторами таких сайтов. Тем не менее публикаций, подробно рассматривающих содержательный контент страниц движений «Маньяки. Культ убийств» и «Мир маньяков и серийных убийц», практически нет. Такой анализ необходимо сделать для выявления приемов, которые используют модераторы сайтов для воздействия на несовершеннолетних и их ценностные ориентации.

Результаты исследования

Авторским коллективом был проведен многомерный контент-анализ 17 684 фрагментов переписки участников деструктивного радикально-националистического общественного движения «Маньяки. Культ убийств» («МКУ») в одной из социальных сетей, который позволил построить семантическое поле, включающее в себя набор основных тем. Рассмотрим каждую из них более подробно.

Забота о чистоте русской нации

При обсуждении этой темы участники МКУ основной акцент делают на поведении женщин с белым цветом кожи, которые предпочитают вступать в отношения с особями мужского пола, по их мнению, «диких и полудиких рас» (южноазиаты, монголоиды, кавказионы, негры и т. п.). Такие женщины получили от участников деструктивного радикально-националистического общественного движения «Маньяки. Культ убийств» обозначение «чернильница» (от lat. – *Atramentarium*), она же «черная дыра». Участники обсуждения убеждены в том, что последующие дети «чернильницы», рожденные от белого мужчины, уже не могут считаться полноценными белыми людьми. Поведение «чернильниц» унижает моральный облик русской нации, так как на Кавказе смотрят на таких девушек «не иначе как на шлюх, предавших свою кровь, свой род». Это уже не женщина, это «вещь, продавшая себя». Такое отношение малых народов автоматически проецируется и на всех русских.

Участники дискуссии говорят о том, что русский этнос находится в демографическом кризисе, он одновременно и стареет, и вымирает. Поэтому «любое разбазаривание русского генофонда равноценно преступлению перед настоящим и будущим нашей нации. По их мнению, брак или просто сожительство с неполуплеменным нашему народу индивидом (например, негром) одновременно углубляет демографическую яму, понижает качество потомства, а также создает очередной этнический конфликт. Ведь, когда метис от такого брака придет, например, в ту же школу, он столкнется с волной негатива в своей адрес („Макака!“; „Чернож...й!“; „Твоя мать – чернильница!“). Высказываются опасения, что плод такой межрасовой любви «не будет пылать любовью к России или русским». Кроме того, через десяток лет может появиться российский аналог американских «Черных пантер». «И первые ласточки в виде „Черных ястребов“ уже прилетели».

Участники движения считают, что десятки поколений наших предков жили, работали, воевали и умирали не за то, чтобы «их потомок, какая-нибудь расфуфыренная чернильница, жила с черномазым!». Русские герои

турецких войн «не раз нагибали Османскую империю, а сегодня толпы неудовлетворенных женщин ездят за секс-туризмом в Турцию. Вам не обидно? За что воевали наши прадеды?»

Основная причина такого поведения женщин (предпочитающих «унтерменшей») заключается в том, что современный мужчина-европеец слаб, «все больше вокруг не Воинов и Тружеников, а модников каких-нибудь или анимешников». «Тянам нравятся brutальные, маскулинные самцы, поэтому на фоне окорзиненных белых мужчин всякие негры, латиносы, хачи начинают выглядеть как завидные женихи». С точки зрения морального здоровья расы «межрасовые браки – это извращение».

Выход из сложившейся ситуации участники движения видят в «поощрении браков между нордидами для увеличения процента этой крови». «Ведь белых в мире осталось 7 %, поэтому обязанность каждой русской женщины рожать и воспитывать потомство, тогда все будет з...сь».

В качестве положительного примера приводится программа «Лебенсборн» (*Lebensborn*, нем. – «источник жизни»), направленная на формирование «нового» человека и созданная в 1935 г. под эгидой рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Эта программа давала матерям-одиночкам возможность рожать детей в приютах от служащих СС, прошедших расовый отбор, т. е. не содержащих «чуждых примесей, в частности, еврейской и вообще неарийской крови у их предков». Кроме того, с помощью этой организации шло «онемечивание» детей, увезенных из оккупированных областей, которые подходили по расовым признакам. Таким образом, цель программы состояла в евгенике – «улучшении немецкого расового типа». Согласно этой программе, на свет должны были появиться «чистокровные арии нордического типа». Программа «Лебенсборн» дошла и до СССР – дети, имеющие явные физические признаки нордического типа, вывозились в Третий рейх и усыновлялись/удочерялись немецкими приемными семьями. Была создана целая сеть детских домов, где жили данные дети.

Участники дискуссии также ссылаются на современного исследователя Бориса Ковалева, который в своей книге рассказывает об определении в нацистской Германии оптимального количества «унтерменшей», т. е. «недочеловеков, к которым относились евреи, цыгане и славяне».

Таким образом, перед участниками движения «МКУ» ставится задача по воспроизводству белой расы, регулирования поведения женщин. Им дается установка на силу и мужественность, в противном случае в любви, сексе и семье человека будут преследовать неудачи, он не сможет оставить расово полноценное потомство.

Отношение к ЛГБТ-сообществу³

Участники движения «МКУ» достаточно негативно относятся к ЛГБТ-сообществу, говоря о том, что «геев пихают всегда и везде и в таких количествах, что даже если ты не гомофоб и относишься нейтрально, то и тебя тошнить начнет». Они уверены в том, что «ЛГБТ – это террористическая секта, которую надо запрещать, так как они позорят чистоту крови и чистоту веры». «Геи – это биомусор, нарушающий заветы своих предков и отцов, Россия – это не Содом и не Гоморра». По их мнению, ЛГБТ – это извращение «на уровне любви к неграм». При этом термин «гомофоб» считается неприемлемым, так как гомофобия – это «боязнь геев, а я не боюсь геев, я их просто ненавижу, а ненависть – это не страх». Приводится пример того, что у ЛГБТ-сайтов в одной из социальных сетей миллионы подписчиков, а это значит, что растет новое «толерантное поколение, которое никого не станет забивать палками, а пойдет вместе с геями на парад». По мнению участников движения, важно, что «наш президент лично не любит ЛГБТ, поэтому запретил парад, запланированный на 25 мая, несмотря на требования Европейского суда по правам человека». Они признают, что «в среде нациков ЛГБТ-вопрос стоит очень остро». Недоумение у них вызывает тот факт, что «что в большинстве своем за ЛГБТ выступают девочки». Попадая на сайты ЛГБТ в социальных сетях, участники движения «МКУ» готовы собирать о них информацию, благодаря которой можно устраивать пикеты против ЛГБТ-сообществ и активно поддерживать гомофобные настроения в России. Нет возражений и против убийства лиц нетрадиционной сексуальной ориентации. Кроме того, активно обсуждается жизнь ЛГБТ-сообщества за рубежом, в частности, нападение двух подростков-гомосексуалистов на полицейских в Израиле. Этот факт должен вызывать у нормальных людей только ненависть к представителям ЛГБТ. В дискуссиях активно используются уничижительные термины. Этих людей необходимо ненавидеть, как «чурок и негров, а при необходимости и желании – уничтожать».

³ Международное общественное движение ЛГБТ и его структурные подразделения включены в список иноагентов.

Обсуждение слабости народов современной Европы

С точки зрения сторонников движения «МКУ», в настоящее время некоторые европейские нации, «ранее благородные, представляют из себя кучку дегенератов». Они «предали свою кровь и свою землю, подсев на иглу мультикультуры». Поэтому «вопрос о расовой составляющей людей европейских кровей стоит очень остро». Европейцам необходимо отстаивать право «на нормальную, естественную жизнь без постоянных экспериментов над собой, на право оставаться самими собой и быть живыми, на право возвышать своих предков, творить и мечтать». Участники движения говорят о том, что сегодня в Европе делается все, чтобы «отвергнуть половую принадлежность, а завтра они будут отвергать принадлежность человеческую, выставляя человека главным паразитом и угнетателем природы – матери Земли». «Только на сегодня уже есть более 54 признанных психологами и психиатрами гендерных идентичностей, среди которых есть те, кто испытывает половое удовлетворение от сырой почвы или звезд, а то и вовсе идентифицирует себя с животными». Кончится все это тем, что «некий Ахмуд, живущий в Швеции и являющийся арабом с примесью от иранцев и албанцев, с гордостью заявит о том, что он мусульманин, который любит себя и свой народ, и поэтому готов и будет резать неверных, как завещал Коран, и с такой регулярностью, как ему хочется и хотелось бы его предкам». Именно поэтому в России азиаты и другие переселенцы с юга (с законным гражданством) не должны иметь больший вес, чем, например, негры и остальные цветные во Франции. «Наш президент не вредит России так, как это делает, например, Макрон своей Франции, принимая туда всех негров». В результате «в Европе сейчас одни негры и правят ею толлерасты». Участники движения говорят о том, что «поколение людей XIX в. вершило революции, они не боялись выйти на улицу, понимали, что если не выйти, дальше будет только хуже. Они не боялись пойти на лишения, понимая, что они необходимы. Поколение XX в. шло в окопы, претерпевало ужасные по своим масштабам лишения и не боялось пойти на смерть, большинство были сильными и волевыми людьми. Поколение XXI в. – слабые мальчики в модных шмотках, толерантные ко всему ненормальному, они отходы жизни и дети бесовщины, морального падения конца XX в., мультикультуризма и капитализма». Европа стала «либеральной подстилкой, которая так и лезет под азиатов, негров и людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией». Поэтому России отводится особая роль – спасение Европы от расового хаоса, ведь «в Рашке живут арийцы, значит, они спасут Европу». Необходимо, чтобы «слабые духом и омягчелые европейцы вновь вернулись к уничтожению всякого дикого скама вроде негров и арабов». Задачей же движения «МКУ» является возрождение такого понятия, как «русский человек», чтобы оно не ассоциировалось с «пьяным Иваном», а с тем, кто «отдаст свою жизнь ради нации и Родины, преодолеет великие мучения, чтобы возродиться как феникс из пепла».

Отношение к евреям

Участники движения «МКУ» говорят о том, что на конгрессе в Лондоне в 1897 г. евреи создали сионизм. При этом сейчас в России движение «Хабад» «выполняет роль смотрящего, чтобы евреи не разбежались по всему миру и оставались в иудаизме». Это движение «самофинансируется благодаря торговле наркотой, оружием и органами». В СССР «жидовье стояло у руководства страны, проводя антинародную политику, направленную на геноцид и уничтожение русской культуры, русских патриотов и простых людей». В дискуссиях активно обсуждается футболка, продаваемая через Amazon, на которой изображен «еврей в кафтане, держащий золотые монеты в одной руке и кнут в другой. Под его рукой карта мира, на которой запечатлен коммунистический молот и серп». Утверждается, что «евреи живут в Израиле, а жидаы везде, где им хорошо, и от этого другим плохо».

С темой евреев и иудаизма тесно связана тема событий, происходящих на Украине: «...недонационалисты из Украины яро во весь голос орут, что они против клятых москалей, но я даже не удивлен, что у них один жид президент сменил другого». «Хотел поехать и помочь, но, когда увидел, что Украина в защитники набирает негров и жидов, передумал». Тема присоединения Крыма к России тоже затрагивается: «Есть еще претенденты на Крым в лице поехавших сионистов, которые из-за некогда существовавшего Хазарского каганата на территории полуострова считают его колыбелью иудаизма в Европе».

Помимо современной ситуации на Украине, активно обсуждаются и исторические события, в частности обвинения евреев в участии во Второй мировой войне на стороне фашистов: «...в Смоленске в годы войны жидяра-адвокат был смотрящим за городом». Кроме того, говорится и о том, что «не русские убивали украинцев, а жидобольшевики». Да и вообще во время войны «по большей части украинские националисты уничтожали евреев во время резни».

В современном мире евреи тоже представлены в виде врагов: «...я знал, что евреи придумали эту заразу, чтобы всех убить, обратите внимание, что ни один еврей не умер от коронавируса». «В мире есть куча горбоносых и губастых джентльменов, которые по сей день любят шансон и коверкают и русский, и украинский языки». Это означает, что и русские, и украинцы должны выступить против евреев единым фронтом. Помогут им в этом другие народы: «...в Калифорнии проснулась белая раса арийцев, она поведет под стягом коловрата в бой против жидов, белая раса вся встанет против жидов по всему миру: в Америке, в Европе – в Англии, Германии, Франции, на Руси!!!!!!!!!!». «Чтобы сбросить сапог Израиля со своей спины, необходимо прочитать такие материалы, как “Удар русских Богов”, “Забавная Библия”, “Так говорил Заратустра”, “Антихрист” и т. д.». Евреи – расово неполноценные люди, «они, кстати, все дети шлюх, говорят, правду говорят». «Белые русские ребята должны рисовать свастики, а евреи пусть их отмывают». «Белая раса просыпается, кто-то уже в теме про сионизм евреев». Но «жидовская пропаганда утверждает, что расология не наука, а все расологи – больные люди». И вообще, евреи сами провоцируют другие народы на борьбу с собой: «...мне один из жидов в классе сказал, что мне не идут волосы».

Таким образом, участникам движения «МКУ» дается четкая установка на то, что во многих (если не во всех) проблемах России и мира виноваты расово неполноценные евреи, против которых все представители белой расы должны выступить единым фронтом в самое ближайшее время.

Отношение к народам Кавказа

Отношение членов движения к народам Кавказа несколько лучше, чем к негроидной расе: «...дагестанцы и остальные будут повыше в расовой иерархии, чем негры». Тем не менее его также нельзя назвать хорошим: «в городе куча чурок», «а сейчас я живу в районе Москвы, который можно официально назвать столицей всех чурок», «ненавижу каждого черного ублюдка в этом городе. Все до единого здесь – отребье и ошибка природы. Кучка идиотов с прогнившими от мета зубами», «в нашем районе чурок больше, чем людей».

В беседах говорится о том, что у народов Кавказа в СССР было больше прав, чем у русских: «...в совке любое отождествление себя с русским или даже отчасти, а также выражение своей национальности (причем чуркам это разрешалось, запретили только русским) могло караться расстрелом». Сейчас ситуация, по мнению представителей движения «МКУ», тоже не лучше: «...в нынешней РФ русские приравниваются к чеченцам, ингушам и прочему скаму. Вводится, как в совке, понятие „россиянин“ (точнее, уже ввелось), вроде „советского“ гражданина».

Постоянно утверждается, что от приезжих с Кавказа только один вред: «у меня в торговом центре есть банда хачей, которые детей на деньги ставят, вот нас хотели поставить, а еще сажают на наркотики подростков и насилюют девочек», «снюс и прочую дрянь кидают хачи постоянно», «какой-то чурка здоровый меня ножом пырнул». Именно поэтому «хачи – это не люди, их сжигать надо, даже детей», «надену свою майку со свастикой, набью „вайт павер“ на затылок и немецкого орла на груди, возьму битку и пойду бить чурок».

Однако членов движения предупреждают о том, что выходцы с Кавказа – опасные противники, они могут дать сдачи: «на будущее, ребят, не з...сь на тех, кого не вывезете», «моего отца убили чеченцы в родном дворе просто за то, что он участвовал в вооруженном конфликте». Проблема в том, что власть позволяет приезжим из южных регионов так себя вести: «все чурки убивают русских, и их не сажают лично президент». Тем не менее «Россия только для русских», поэтому «когда им мусульманы будут резать головы, они позовут правильную молодежь на помощь». Силой, объединяющей выходцев с Кавказа, является религия: «...в Рашке куча чурок, хачей и прочих армянинов, что в ислам веруют».

Таким образом, в противостоянии выходцам с Кавказа могут помочь только сила и единая религия, в противном случае кавказцы и дальше будут мешать жить белым людям.

Отношение к религии

Среди сторонников движения «МКУ» самой почитаемой религией является язычество: «На счет моих религиозных взглядов – я придерживаюсь веры предков (т. е. язычества)», «язычество – это родная вера, до язычества не было представления о религии». Именно язычество может объединить разрозненные европейские нации: «Они немного разные, но объединяет их одно – язычество», «язычество – это религия общеевропейская, которая так или иначе должна присутствовать в каждом европейце», «германо-скандинавское и римское язычество я поддерживаю тоже очень хорошо, так как единая индоевропейская религия как-никак». К тому же не только

европейцы могут быть язычниками: «я тут только что понял, что в Японии до сих пор популярно язычество (синтоизм), притом это вроде их государственная религия». В беседах также предпринимаются попытки объединить язычество с христианством: «Читал Новый Завет, там тоже очень много отсылок к язычеству», «я могу предположить, что наш создатель был многолик, а это язычество», «на Древней Руси было язычество, а на Руси было православие». Именно поэтому членам движения «МКУ» следует быть язычниками: «Как русскому по крови и духу нужно перейти к язычеству», «Боровиков для своей организации выбрал три принципа: 1. Расизм. 2. ЗОЖ. 3. Язычество». Эту позицию следует поддержать и на государственном уровне: «Ввести запрет на русофобию и гонение на белые расы, а также на гон против исконно русской религии – язычества».

Скорее всего, стремление лидеров движения «МКУ» сделать своих сторонников язычниками объясняется тем, что такие христианские заповеди, как «не убий» и «возлюби ближнего своего», совершенно не согласуются с националистической идеологией. Поэтому необходимо вывести членов движения из-под влияния православной церкви, заменив христианство другой религией, объяснив эту замену историческими реалиями и традициями, возвращением к наследию предков.

Отношение к негроитянской расе

Ссылаясь на книгу «Расовые различия интеллекта» Ричарда Линна, участники движения «МКУ» активно обсуждают зависимость показателя IQ от расовой принадлежности индивида. В своем труде Линн оценивает показатели северокавказского генетического кластера ниже, чем среднестатистические европейские. «Если брать этот показатель за 100 у белых, то у негра он и вовсе будет равняться примерно 67. А ведь есть еще и темперамент, который, как известно, передается по наследству. Он влияет на поведение личности. Установлены три передающиеся по крови характеристики: общительность, двигательная активность и эмоциональность». Рассказывается о том, что «девушка, которая заводит детей от черных, мало того что понижает умственные способности своих отпрысков, но еще и закладывает им негативный темперамент. Ведь всем прекрасно известно, как именно себя ведут в обществе те же кавказцы. Получается, что любая чернильница – это враг собственных детей». Из подобных научных обоснований делается вывод о том, что «самое очевидное доказательство расовых различий в интеллекте – отсталость Африки из-за отсутствия мозгов у негров». По мнению участников дискуссии, «негры устроены как трусы, как обезьяны, хотя свою сущность и отрицают (я бы тоже отрицал), но в экстремальных ситуациях оно видно становится». Поэтому даже те негроиды, кто имеет российское гражданство, полноценными русскими считаться никак не могут: «У нигера может быть гражданство России (в современной точно), а русским от этого он не станет», «негр может быть россиянином, но никак не русским». Наличие университетского образования ситуацию не спасает, представители негроидной расы в сознании сторонников движения «МКУ» все равно остаются неполноценными: «Негр может пойти в Кембридж и даже чему-то научиться, в этом нет расовой заслуги». Проблема расовой чистоты имеет большее значение, чем другие социальные проблемы, существующие в обществе, например, проблемы людей с ограниченными возможностями: «Мне вообще плевать на инвалидов. У нас тут белая раса вымирает. Постоянно встречаются негры, белых лиц все меньше и меньше. Так что мне не до инвалидов».

Таким образом, сторонникам движения «МКУ» дается установка на то, что у негроидной расы нет никаких достоинств, они значительно хуже белых, они никогда не смогут стать русскими, поэтому также являются неполноценными.

Отношение к Украине и украинцам

Отношение к Украине российских участников движения «МКУ» характеризуется определенной двойственностью. С одной стороны, украинцы – это представители белой расы, которых с русскими объединяет славянская кровь: «и украинские националисты, и русские националисты – белые националисты, поэтому должны помнить, что нас соединяет родственная кровь», «войны между славянами – гражданские войны», «в Украине свободно все общаются на русском языке». С другой стороны, говорится о том, что «украинцы забыли, что они русские», а «братство кончилось в 95–97-м, когда они уехали в Чечню убивать русских». И вообще, «украинские или белорусские ватники винят во всем русских». Следует отметить, что в дискуссии активно участвуют и украинские националисты, они приводят свою этимологию слова «хохол», говоря о том, что это слово «имеет два тюркоидных корни (или два корня тюркского происхождения): 'хох' и 'ол'. В языках тюркоидной группы эти слова имеют несколько трактовок в зависимости от языка. 'Хох' переводится как небесный. 'Ол' обычно

трактуются как 'золотой, богатый, ценный'. И вообще, необходимо помнить имена украинцев, воевавших против русских: «Эти парни воевали против москалей в 1994 и 2008 гг., а ты даже не знаешь их имен!»

Им вторят не любящие Украину русские националисты: «Объединение русского национализма и украинского национализма – это все равно что объединение нигерийского националиста и русского националиста», «честно говоря, я вот не особо люблю украинцев... Те украинцы, которых я знал, были болтунами, был один друг у меня украинец, который в конечном итоге предал и н..л меня...», «у меня столько знакомых, которые уехали из Украины только потому, что националисты в открытую высказываются о ненависти к русским».

Достаточно активно обсуждается и проблема украинского языка, дискуссия заканчивается тем, что «украинские националисты уже забросили языковую тему и пришли к более насыщенным проблемам».

Объединяет русских и украинцев тот факт, что «русские и украинские шлюхи самые дешевые в мире, кстати», т. е. вопрос об оценке России и Украины другими народами.

Следует отметить, что, скорее всего, двойственное отношение к Украине сохранится в русской среде «МКУ» хотя бы потому, что Украина считается родиной этого движения.

Отношение к АУЕ⁴

Участники движения «МКУ» считают, что «мода на АУЕ не появилась в противовес ватным организациям, скорее наоборот, потому что братки были еще давно, а патриотические группы появились относительно недавно как попытка извлечь молодежь из опэзэшной романтики». В дискуссиях объясняется причина членства в группах АУЕ: «...обычно те, кто любит эту тему, живут в очень плохих условиях, родоки говорят, что стране на них наплевать, менты – козлы и прочая хрень. А зеки выступают в этом случае как эдакие „супергерои“, которые пошли против жестокой системы, не побоялись и т. д., и т. п. Они квакают о том, что их, конечно же, несправедливо посадили, допустим, за убийство пятерых человек, но ведь он за благое дело старался – похавать из магазина украсть. Плюс все вот эти фильмы по типу „Бригады“, „Брата“ и т. д. сыграли свою роль в образовании сознания маленького бандита». Поэтому «АУЕ в умах мелких уголовников – это что-то типа романтизированного суперзлодейства, как в мультиках и кино». Члены движения «МКУ» признают, что «возможностей для распространения идеи АУЕ больше», чем идеологии национализма. Они считают, что государство борется с детским бандитизмом и модой на АУЕ с помощью «лишения ребенка детства и самосознания... убийством критического мышления насильственным религиозным воспитанием». Но таким образом можно воспитать только «армию послушных зомби». По их мнению, аббревиатура АУЕ, которая расшифровывается как «арестантский уклад един», «арестантское уркаганское единство», означает также «не подам руки ментам».

Следует отметить, что, в МКУ в целом отношение к АУЕ достаточно негативное, так как только «ауешники будут расстреливать людей, потому что им захотелось», т. е. без всякой идеи и цели. Скорее всего, в данном случае существует конкуренция между лидерами обоих движений за активную и радикально настроенную молодежь.

Оправдание фашизма

Большое место на социальных страничках деструктивного радикально-националистического общественно-го движения «МКУ» занимает тема оправдания фашизма, или, что вернее, отделения фашистской идеологии от националистической. Вызвано это тем, что в стране, потерявшей в годы Второй мировой войны миллионы людей, идеи, распространенные в фашистской Германии, могут выглядеть несколько неубедительно, в том числе и потому, что немецкий фашизм был побежден многонациональным советским народом. Кроме того, всем известно, что фашисты считали славян неполноценными и большую их часть собирались уничтожить. Для преодоления очевидных идеологических противоречий лидерами МКУ активно пропагандируется мысль о том, что Гитлер воевал не против русских (славян), а против еврейско-большевистского господства. Говорится о том, что в первый же день начала войны с СССР Гитлер выступил по радио с уведомлением немецкой нации о начале войны с СССР. В своей речи Гитлер назвал врага, против которого начата война: «...Никогда немецкий народ не питал враждебных чувств к народам России. Однако уже более двух десятилетий еврейско-большевистское правительство из Москвы пытается разжечь огонь вражды не только в Германии, но и во всей Европе. Не Германия пыталась привести в Россию свое национал-социалистическое

⁴ Международное общественное движение «Арестантское уголовное единство» признано экстремистской организацией в РФ.

мировоззрение, а именно еврейско-большевистские правители в Москве непрестанно предпринимали попытки навязать нашему и другим европейским народам свое господство, причем не только идеологическими, но и милитаристскими методами...» Лидеры МКУ считают, что «фраза о навязывании еврейско-большевистского господства милитаристскими методами основана на следующих фактах: оккупация СССР Эстонии, Литвы и Латвии в 1939–1940 гг., попытка оккупации Финляндии в 1939–1940 гг.».

Кроме того, в книге «Россия и мы» Видкуна Квислинга, опубликованной в Германии в 1942 г., написано: «У России есть только один шанс не превратиться в восточную полуколонию наподобие Китая или Индии. Возможно, что в великом русском народе еще сохранились не только отдельные таланты, но и целые массы ценных людей, которых революция не может уничтожить сразу в один день».

Это означает, что в советских «псевдодокументальных фильмах была показана неправда о том, что будто СС – оплот сатаны и вообще хотели всех уничтожить». При этом «коммунисты сами уничтожили минимум 20 миллионов русских в мирное время и еще огромное количество других народностей».

Научное обоснование высокого положения славян в расовой иерархии дается со ссылкой на книгу гауптштурмфюрера СС, профессора и доктора Бруно Курта Шульца «Учение о наследственности, расология, расовая гигиена», изданную в 1933 г. Шульц писал: «Европа и граничащие с ней области, страны вокруг Средиземного моря и Передняя Азия являются родиной и главным ареалом распространения высших рас... Среди высших рас самая высокоразвитая – нордическая раса». Отмечу тот факт, что Передняя Азия – это азиатская часть России».

Приводится в пример немецкий ученый Йене Гехард Хебер, который в «Расово-исторические исследования на прародине индоевропейцев» (1943 г.), основываясь на работе советского ученого А. Н. Северцова «Морфологические закономерности эволюции» (М., 1939), утверждал, что «расселение нордической расы затрагивает и северо-западный регион России. Причем Герхард Хебер являлся одним из основных консультантов ведомств СС и Аненэрбе».

Таким образом, по мнению лидеров движения «МКУ», славяне просто не могли считаться в Германии расово неполноценными.

Кроме того, говорится о том, что «такой непревзойденный авторитет расологии, как Ганс Гюнтер, в своей работе „Нордическое мировоззрение“ признавал, что название базовой части немецкой расовой доктрины впервые ввел русский расовый теоретик Деникер, а немецкий расолог Вальтер Шейдт свою книгу по систематизации терминологии назвал «История антропологии от Линнея до Деникера». Еще один видный немецкий расолог Отто Рехе в своих работах добросовестно ссылался на труды советских ученых Б. Н. Вишневого, А. А. Мелких, В. Я. Рубашкина. Будучи членом NSDAP, он не скрывал, что в основе методики вычисления чистокровных арийцев в Третьем рейхе лежали «Труды постоянной комиссии по исследованию групп крови» из Харькова, журнал «Врачебное дело», «Новый биохимический расовый указатель» и т. д.

Рассказывается и о Леоне Дегреле – «славянофиле и русофиле (т. е. он любил русских и славян), невероятно храбром солдате, выдающемся лидере и просто отличном бельгийце, который воевал на стороне Третьего рейха в дивизии СС». «Ахахах, после этого кто-то еще верит в нацистов, которые ели славян пачками?»

Отмечается также, что «надежды многих русских эмигрантов связывались с национал-социалистической Германией. Они видели в ней пример возрождения нации и становления сильного государства, о чем многие годы мечтали русские изгнанники, и даже наиболее демократичный в мире строй». Говорится о том, что русские эмигранты-монархисты сыграли определенную роль в формировании фашистского движения в Европе на его начальном этапе. Во всяком случае один из видных деятелей национал-монархического движения России князь Н. Д. Жевахов отмечал, что русские «оказали, несомненно, крупную услугу немцам в деле пробуждения их национального правосознания, и неудивительно, что на этой почве между ними возникли тесное единение и дружная совместная работа».

Приводится также факт «сотрудничества Российского национального и социального движения с национал-социалистической Германией и в целом очень хорошее отношение нацистов к русским беженцам».

Таким образом, по мнению лидеров МКУ, верхушка Третьего рейха хорошо относилась к русским: «у Гитлера были свои подразделения из турок, кавказцев, русских и украинцев», «Гиммлер и Геббельс... ценили русских как потенциальную армию».

Это означает, что «Райх убить большевизм пришел, а не уничтожать славян», «главное – понять, что когда фашисты говорили о русских, то имели в виду большевиков, и сразу все становится нормально». «Когда-то

на севере было тепло. И народ, который там жил, называл себя ариями. „Ар“ – означало „земля“. Главным их занятием было пахать. По-древнему – „арать“! „Ариец“ – это землепашец, а не эсесовец!»

По мнению участников движения «МКУ», Третий рейх – хороший образец для подражания, так как это «воплощение консервативного общества, последний оплот рыцарства, благородства и любви к своему народу и всей индоевропейской (арийской) Европе». В нем «культ почитания предков как своеобразная форма язычества».

Кроме того, «Гитлер, придя к власти, смог поднять экономику за четыре года из большей дыры, чем наша. Но он бы не сделал этого, будь тогда в голове немцев то, что там сейчас». Во времена Гитлера «патриотическое движение начало набирать обороты, когда немецкий народ понял, что национализм – это единство, счастье, будущее, тогда и правый движ перерос в политическую игру, в которой победил национал-социализм».

Да и вообще, «расисты – это люди с повышенным IQ, а тупое толерантное стадо – лишь ошметки».

В дискуссиях также затрагивается тема оправдания русских, воевавших в Великую Отечественную войну на стороне фашистской Германии: «...именно поэтому нельзя осуждать русского парня, у которого забрали всю собственность и повозили по концлагерям его предков, который воевал за Белую армию во время гражданской, а потом на стороне Третьего рейха пытался вернуть свою землю».

В заключение обсуждения делается вывод о том, что «все мысли и слова должны быть связаны с гитлеризмом, расизмом и превосходством русской нации», «Россия должна брать пример с нацистской Германии».

Да и сами современные немцы готовы следовать традициям предков: «напомню, что в 2018 г. в рядах бундесвера был раскрыт нацистский заговор по свержению действующего правительства, посадили около 200 солдат».

Таким образом, на научно-исторической основе ими создается почва для оправдания Германии, нацизма и в конечном итоге принятия националистической идеологии.

Идеология национал-социализма

В ходе дискуссий участники подробно разбирают идеологию национал-социализма (далее – НС), который не должен «восприниматься как исключительно политические идеи превосходства белых людей, но и как определенное мировоззрение, предполагающее высокую нравственность и культуру. Ценности НС восходят к господству в обществе традиций, необходимых для выживания и процветания народа». Цель НС – «сделать идеальный мир, без смешения рас, пороков, проституции, детей без родителей и т. д. Основа движения – мировая справедливость, однако во главе угла стоит сохранение традиций своего народа, воспитание таких черт, как самопожертвование, защита своей семьи, нации и Родины, работа во благо нации».

Объясняется и символика движения: «Красный цвет олицетворяет социальные идеи, заложенные в движении. Белый цвет – идею национализма. Мотыгообразный крест – миссию борьбы за победу арийцев и вместе с тем за победу творческого труда».

Сторонники МКУ ссылаются на Муссолини, который считал, что «нация создает Государство, понимаемое как некий живой организм, где все взаимосвязано».

При этом сторонников национал-социализма всегда «отличает от левых и других душевнобольных арийская стойкость духа, холодное мышление и превосходные умственные способности», «от нежелательных товарищей необходимо отличаться не только цветом кожи/глаз, волос и т. д., но еще и мировоззрением, ходом мыслей, делами, повадками и привычками».

Сторонники МКУ считают, что «как только в России НС получит хоть немного политической власти, туда примкнут сотни тысяч наших комрадов».

НС – это «политический строй и одновременно философское учение, нечто подобное религиозному культу или что-то около того, это как отцовская или материнская любовь – это не может быть левым или правым или еще чем-то придуманным клоунами-политиканами. Наше учение не преследует таких целей, как геноцид. Война порой необходима, никто не спорит, но война не цель, война – средство для достижения целей». Сейчас, во время войны, «не может быть сюсюканий с врагом, однако отличие состоит в том, что демократы убивают людей из-за личной выгоды, анархисты по приколу, коммунисты из-за своей шизофрении, а НС – из-за идеологической подоплеки». «Многие не слишком жалуют ЛГБТ, но я не стану убивать людей из-за их ориентации, существуют более веские причины для убийства, чем ориентация». «НС для

тех, кто не любит анархию, чурок, жидов и лучшего президента в мире!», «В каждом человеке высшей расы существует маленький нацист, который говорит, что ему делать».

Настоящие НС должны «читать Гитлера, Розенберга, Боймлера, не обращая внимания на дегенеративную литературу – священные писания инородцев, ЛГБТ-литературу, коммунистическую, демократическую и либеральную литературу».

«В России осталось большевистское наследие в виде социальной деградации неопишемого масштаба, выветрить эту заразу, наверное, уже нереально. Остается только возвращать новых русских. В русских деревнях можно встретить прекрасные человеческие типы, которые напоминают наших крестьян с высокогорий и даже древних викингов. Именно их мы будем использовать для омоложения Расы, на них основывать будущее русской нации».

В данном тематическом блоке продолжается размежевание МКУ с фашизмом и нацизмом: «...нацизм – это когда одна раса крутая, а другие нет, а национализм – это просто любовь к своей нации, к своему национальному государству, например, Россия является государством, построенным русскими». «Русские нацики будут гнать только на людей не белых рас, а вот глупые националисты могут и на европейцев, и американцев гнать».

В любом случае «люди других рас и национальностей должны жить среди своих, более того, если они здоровы морально, то они сами должны к этому стремиться». «Россия – для русских». «Национальность – это не просто слово, ее нельзя поменять, только защитники ЛГБТ могут сменить пол 33 раза».

Очень важным моментом является попытка привлечения родителей сторонников МКУ на сторону движения: «Папа сам терпеть не может мигрантов, такие дела. Я ему объяснил, что порой национализм и все его радикальные формы проявления у русских – вынужденная мера, не более того. И он согласился», «маме сказали, что я нацист, и этот кто-то не врет». Подобный подход призван обеспечить привлечение к движению людей всех возрастов, а также устранить возможные межпоколенные конфликты в семье.

Призывы к проведению силовых акций

«Ключевыми городами в РФ, в которых популярно движение „МКУ“, являются Питер и Мск». По мнению участников дискуссий, идеологические взгляды должны проявляться в реальных действиях. Сторонники движения говорят о том, что «скинхеды – это единственные НС, националисты, расисты – проявляющие себя на улице, в жизни. Уличные террористы. А остальные просто восхищаются НС, сидя на диване». «Экономисты пусть сидят в библиотеках. А скинхед – это мужчина с крепким кулаком прежде всего». «Скинхед – насильственная субкультура. За что ты можешь драться? За рынок? Щенок, именно поэтому все субкультуришки давно сдохли, потому что остались одни клоуны в шнурках цвета мочи», «я по группе 161 crew думал, что они там все такие боевые ребята, а на деле чет такое себе».

Поднимается вопрос о том, что реальных акций в последнее время проводится очень мало, в том числе и потому, что «в наше время в СИЗО, в застенках карательной системы, находится создатель МКУ (позывной – Маньяк)». Сторонники движения признают, что сейчас работа ведется не столь активно: «да, у меня тоже многие старые друзья-скины потеряли веру в движение», «сейчас неонаци и скинхеды живы и вполне себе действуют, но ведут себя как гомосексуалисты в шкафу», «у меня раньше в городе было движение „Совесть“ русские спортивные парни с правыми взглядами, все шло хорошо с 2010–2016, а потом все, почти всех пересажали по 282-й», «а маньяк должен держать в страхе каждого, на то он и маньяк», «интереснее стать маньяком, который запугал весь город своими кровавыми убийствами, который умен и хитер, чтобы не попадаться полиции несколько десятков лет», «МКУ – это бригада радикальных скинов, которые должны устраивать жестокие террор-акции, убийства, нападения и прочее».

Далее приводятся примеры реальных действий: «Год назад создал террористическую группировку, в основе которой лежит идеология национал-социализма, и сейчас она действует в пяти городах Украины и России. Снимаю на видео акции, как истребляю биомусор. И еще много чего... просто я знаю скинхедов, знаю идею, знаю этот напор и радикализм», «Недавно видел, как многонационала пятилетнего училка заставила целовать русскую землю на коленях за его русофобские и шовинистские высказывания».

Также даются ссылки и на материалы СМИ: «В своих показаниях С. прямо называет Бондаря „руководителем московской ячейки“ организации и вспоминает, как тот присылал ему видео „нападения на кавказца“». На этой съемке члены «Национального блока» избивают мужчину неславянской наружности, а затем

человек по прозвищу Мент наносит ему удар ножом. Подросток также подробно рассказал о тренировках и членских взносах сообщества».

Однако часть ребят признает, что провести реальную акцию не так просто: «Слушай, у меня вопрос, я хочу ударить, но не могу, то есть в дружеском спарринге я могу ударить, но не по лицу, для меня это как не знаю, что, хотя иногда возникают желания избить, но не реалистичные и кратковременные, что делать, может, в драке настоящей надо подраться или сломать грани психики, помоги, пожалуйста, я ведь не смогу акционировать, но тогда я не более чем позер буду, получается».

Участники движения вспоминают о том, что раньше акции проводить было проще: «Помню, как в автобус зашли. С нами гуляет иногда чел в татухах весь в правых. Ну, сидели чурки. Он как зарядил нацистские кричалки, они в а..е были», «Раньше спокойно рофлили над чурками, китайцами, неграми и никому ничего за это не было». Сейчас же ситуация изменилась: «но какой это равный бой, если я даю п...ы негру, а прохожим п...й» – шутят участники движения.

Таким образом, среди сторонников движения утверждается тезис о том, что, несмотря на все трудности, акции необходимо проводить чаще, ведь смысл существования МКУ только в реальных активных действиях против расово неполноценных людей.

Обсуждение одежды, манеры поведения и оружия участников движения «МКУ»

«Белые расисты по большей части очень серьезно следят за внешностью своего окружения». Вообще, одежда – не главное, «только твой стиль жизни подтверждает то, что ты скинхеееееееед, никогдааааа-ааааа шмотки не дадут тебе побед». Как считают сами участники дискуссии, скинов из *Romper Stomper* на улице уже не увидеть. Мода у скинхедов изменилась, но идеология НС осталась. *«Конечно, многие НС завели семьи и сейчас выглядят как обычные люди, но продолжают быть идейными. Также многие сейчас считают, что не обязательно бросать зиги на каждом шагу или по моде одеваться, чтобы быть идейным НС».*

Важной частью одежды являются ботинки, сапоги или кроссовки. Например, мартинсы – «кроссовки, которые в Рашке первой всех носили левые петухи, а потом их боны начали носить, правда, мощные такие». Тем не менее «Мартинааааааа из тебя не сделают скина. Временаааааа разные, но суть у нас одна!».

Сторонники упоминают и курьезные случаи, связанные с ношением одежды: «*Вижу, напротив меня красивая девочка с белым коловратом на футболке, а на кепке флаг Турции*».

Активно обсуждается роль обуви при нападении на «расово неполноценных» людей: «У тебя большой опыт в избиениях и убийствах с использованием ботинок?», «А у вас в банде у всех сапоги одинаковые? И вообще, насколько сапоги важны? Неужели если у вас, например, кроссовки, то вообще не нападаете?», «Скажи, пожалуйста, сколько раз нужно ударить сапогом по голове, чтоб вырубить жертву, и сколько, чтоб реально череп треснул? Если это вообще реально».

Кроме того, активно обсуждается вопрос о здоровом образе жизни, занятии спортом и употреблении алкоголя членами движения: «Если все мысли завязаны на том, что не бухай и не кури гагага, ведь я НС, я те ща историю в пример – пивной путч в Германии». В рамках культуры МКУ существует такое направление, как *SXE*, т. е. *Straight Edge* – сознательный отказ от сомнительных ценностей, имеющих в народе широкое распространение. В обсуждениях говорится, что если не пить и не курить, то ты будешь «не НС (т. е. хардкорным НС), а будешь просто НС, ведущим здоровый образ жизни». «Эти *SXE* вообще всех кого попало к себе набирают. А еще из НС к себе народ переманивают и направляют их туда, куда не надо. В итоге потенциальные НС замыкаются тупо только на здоровом образе жизни и спорте. Так что от этой субкультуры больше вреда, чем пользы». То есть главным остается «правильная» идеологическая направленность движения.

Тем не менее высказывается мысль о том, «что лучше дружить с адекватными, умными, трезвыми скинами, чем с кучкой быдла, уродов и убогих школьников, которые мечтают о бутылке и сигарете». Поэтому занятиям спортом придается большое значение, так как «хачи о...и русских только потому, что для хачей сгонять в спортзал или на турнички, как вам в маке пожрать и пивка попить». «Если вы не вливаете в себя ничего, кроме газировки и энергетиков, и выкуриваете по три пачки сигарет в день, что, кстати, не является показателем мужественности, тогда подумайте, почему вы такие больные и жирные ублюдки с гнилыми зубами? У вас нет права на жизнь».

Как говорят участники дискуссии, только не нужно думать, что «арии не пьют, не курят и даже с женщинами не общаются», «среди моих соратников есть ребята, которые не прочь выпить по бутылочке пива по пятницам», «ты думаешь, ребята, которые ходят в зал, не могут выпить?».

Участникам сообщества также предлагают поучаствовать в челленджах для популяризации движения: «А еще хочу сделать челлендж на популяризацию МКУ, типа чтобы соратники со всех городов делали фотки вроде сизны, надпись „МКУ“ на стене или еще где и чтобы было видно ребят или одного соратника в традиционной одежде в маске и с оружием», «А еще желательно мертвая голова там или свастика». Вызвано это тем, что все вновь приходящие подвергаются определенной проверке: «Ребята, прошу очистить группу от скверны и тщательно проверять тех, кто кидает заявки».

Обсуждается также тема оружия. Участники дискуссии считают, что «оружие должно быть дома у каждого гражданина», которое в первую очередь должно использоваться для защиты своего дома и собственности: «На законодательном уровне вывести на рынок короткоствольное нарезное и автоматическое, штурмовые винтовки, продавать травматизаторы и двухствольные гладкостволы без лицензии с 18 лет, дать право полиции стрелять на поражение, ввести штрафы за отказ иметь оружие дома, также дать право владельцам частной собственности убивать того, кого захочет, на своей территории без выяснения обстоятельств». И вообще, владельцев оружия не нужно наказывать только за убийство расово неполноценных: «Не, нужно редактировать статью, чтоб за убийство унтира и так далее не давать срок, а за убийство добропорядочных граждан давать». В противном случае участникам движения приходится проявлять осторожность: «А еще недавно все оружие, даже мой тесак и мачете, пришлось выкинуть, так как на отца хотели статью повесить».

Некоторые настроены еще радикальнее: «Не то чтобы разрешить, а заставить людей хранить у себя по несколько единиц оружия дома – вот что надо».

Кроме того, женщины тоже могут иметь оружие и владеть им: «...в России даже девочки ходят с оружием».

Таким образом, в ходе подобных обсуждений участникам движения даются четкие рекомендации по стилю одежды, отношению к вредным привычкам и занятию спортом, отношению к оружию.

Обсуждение отношения к России и русским в других странах

На форумах движения активно обсуждается негативное отношение к России и русским в других странах: «Подожди, ты мне говоришь, что русофобии нету, но при этом я тебе могу сослаться на отношение всех стран Балтии, об их отношении к русским, и как, по-твоему, это можно решить?» Однако подобное негативное отношение имеет свое объяснение: «Ну, однозначно, латыши, живущие в Прибалтике, недолюбливают Россию. Но они недолюбливают ее как наследницу большевистской угрозы. Думаю, что идеи национализма близки им и нам», «Несмотря на русские имя и фамилию, меня горячо любят товарищи из стран Балтии, причем из всех трех, просто за то, что я их уважаю и вижу в них братьев, которые пострадали от рук большевизма». Эту точку зрения поддерживают и участники обсуждения из Прибалтики: «Даниил, кстати, если ты мне не веришь на тему того, что мы не держим зла, то я могу тебе скинуть кучу музыкальных групп (польских, балтийских всех мастей и украинских), где националисты не упоминают русских, а лишь кланут коммунистов и Сталина».

Тем не менее плохое отношение к России и русским некоторые участники дискуссии воспринимают достаточно болезненно: «Причем не правительство России, не мистические россияне, не спецслужбы РФ, а именно русских винят даже в совке, хотя русские больше всех от совка пострадали. И мы еще в этом виновны». При этом сами «русские не испытывают ненависти к нациям, ущемленным в свое время СССР».

Далее говорится о том, что все европейцы должны сплотиться перед угрозой со стороны низших рас: «Вообще, Польша и Россия почти всегда воевали, но также можно сказать почти про всех соседей в Европе. Немец недолюбливает француза, но если выбирать между ним и турком, все адекватные выберут в союзники белого человека», «Не секрет, что между европейскими народами всегда были конфликты и войны, но сейчас мы союзники и братья перед лицом негроидной, переднеазиатской и монголоидной угрозой».

Таким образом, в сознание молодежи активно внедряется мысль о том, что во всех проблемах в отношениях с другими народами виновата советская власть: «...насиловать, если русский народ уже был изнасилован советской властью», «Грабежи могли быть выдуманы советскими пропагандистами. Вспомните, что они вину за взрыв Киева на немцев скинули», «Советскому кровавому быдлу было п...ю на русский народ».

Отношение к государству и армии

Участники движения «МКУ» имеют крайне негативное отношение к государству: «Государство – враг человека. Государства не существует. Существуют люди, которые в момент моего рождения вручили родителям бумажку, в которой указано, что они являются моими владельцами, а я – их собственностью. Таким образом, люди, называющие себя государством, считают, что вправе владеть другими людьми по факту их рождения на определенной территории», «Человеческая жизнь начинается с государства и государственного образования, а государство начинается с семьи и заканчивается трупами детей».

Не лучше отношение и к армии: «Армия – это место, где тебя учат убивать, но запрещают разговаривать в строю, чтобы ты лучше научился убивать. Армия – это концлагерь и школа рабства, в которой военнослужащий является собственностью министерства обороны. Исполнительным рабам уготованы всяческие поощрения в виде отпусков, увольнительных и прочей патриотической бижутерии, а особо рьяным, отдавшим свою жизнь за государство, страну или родину, не суть, звание героя посмертно. Живой герой все же не столь ценен, мертвый герой гораздо дешевле в обслуживании». «Родина существует только в головах у тех, кто в нее верит. Всякий патриот, считающий свою родину деликатесом, просто обязан попробовать ее на вкус в армии».

Уважения к полиции также не наблюдается: «Я бы к мусорам в гости ходил... им головы отрезал, а детей их бы сжигал... ибо... рожать второго чекиста, уродо... видимо, тоже хочет быть, как его... папаша-...! А с женой его... бы пообщался, если она нормальная была бы, а если жена – шлюха... я ее во все щели... потом... отдам армянам в шашлык... они ее... естественно, ей не дадут палку шашлыка, ибо не заслужила...!»

Отношение к женщинам

Участники дискуссии в отношении женщин придерживаются потребительской и сексистской позиции: «е...е баб и прощайтесь с ними. Живите для себя, любимых, а не для бездушной вагины!». «Они могут симулировать интеллектуалок и говорить, что им важен ум мужчины или чтобы мужчина был добрым и заботливым (с квартирой и машиной). Но это все вы можете даже не слушать. Поскольку бабе не важен человек как таковой. Им важно, что может дать этот человек. А если он добрый и все делает для бабы, еще и верный (то есть он будет отшивать ее конкуренток), то это просто подарок судьбы. Такой лох при деньгах всегда будет в топе». «Бабораб – это человек, пропитанный с ног до головы стереотипным мышлением о важности семьи, детей и любви на всю жизнь. При этом бабораб не понимает, что в реальности никакой семьи нет».

При этом приводятся высказывания девушек, которые не хотят семьи и детей: «мама боится, что когда мой с армии придет, перееду к нему. В 18 замуж, в 19 – дети». «А моя единственная подружка, с которой я раньше была, вышла замуж и родила ребенка. Поэтому она теперь 100 % времени проводит со своим муженьком. Короче говоря, я теперь тухну дома... Гулять хочется. Может, кто-то знает, где взять... новых друзей, которые не будут рожать хотя бы ближайшие пять лет».

Таким образом, у молодого человека, разделяющего идеи МКУ, не должно быть ни постоянной подружки, ни семьи, ни детей, поскольку стабильные отношения и изменение матримониального статуса, в том числе рождение ребенка, могут заставить человека переосмыслить свои жизненные приоритеты, что может привести к его уходу из движения.

Одной из разновидностей движения «МКУ» является организация «Мир маньяков и серийных убийц». Контент-анализ 34 000 фрагментов переписки участников движения в одной из социальных сетей также позволил построить семантическое поле, в состав которого входит ряд основных тем.

Работа магазина «Маньяк-шоп»

Одной из основных тем является финансирование работы интернет-ресурсов, посвященных «Миру маньяков и серийных убийц», в частности, с помощью продажи пользователям атрибутики движения через магазин «Маньяк-шоп». Существование этого магазина оправдывается тем, что полученная в результате торговли выручка позволяет не засорять ленту юзеров «говнорекламой часов и протеинов». Кроме того, покупая себе определенный аксессуар, пользователь «очень сильно помогает развитию сообщества». «Покупка в “Маньяк-шоп” дает шанс не только купить себе/своему близкому хорошую вещь, но и выразить благодарность администрации в виде финансовой помощи». Несмотря на недавние неоднократные блокировки,

по словам администрации сайта, в паблике присутствуют более 20 тысяч участников, которые уже помогли принести серьезный финансовый вклад в работу паблика. Администрация выражает «свою благодарность от имени группы всем тем, кто уже приобрел или собирается приобрести вещь в “Маньяк-шопе”. Огромное спасибо, лапки вас, чмок-чмок».

Товарами, наиболее часто заказываемыми пользователями, являются футболки и толстовки, кофты и чехлы для телефонов с принтами и текстами о маньяках. Оплата покупок происходит следующим образом: «...присылаешь мне фото вещи, которую будешь заказывать, вносишь предоплату на Киви-кошелек или карту Сбербанка. Дальше нужен будет твой размер, ФИО, адрес и индекс. И через несколько дней она у тебя». Порядок цен следующий: «Цены от 2 500 до 2 700 (толстовки)», «футболка стоит черная: 1 500 р., белая: 1 300 р.». Продажа осуществляется только по предзаказу, потому что «предзаказ очень помогает нам от глупых и неловких ситуаций с „забыл оплатить“, не бьет по кошельку и мы можем себе позволить проводить подобные акции».

Администрация магазина подтверждает, что принты изготавливаются ею самостоятельно. При этом, помимо стандартного ассортимента принтов, пользователи могут заказать печать своих собственных слоганов, например: «*Был Ветром, жил Волком, стал Пеплом!*».

Некоторые потенциальные покупатели осторожны и проявляют определенный скептицизм в отношении такого способа оплаты и доставки заказанного товара: «Я, конечно, все понимаю, но какие у меня есть гарантии, что вещь придет после моей оплаты? Просто 2,5 к. немалые деньги для меня».

В этой ситуации представители магазина «Маньяк-шоп» успокаивают пользователей следующим образом: «В случае обмана с моей стороны: ты пишешь в поддержку „Киви“, показываешь им скрины переписки, они проверяют, был ли проведен этот платеж, и если все верно, то тебе передают деньги, а мне блокируют кошелек».

Однако меры предосторожности и гарантии, описанные выше, часто оказываются неэффективными и покупатели заказ не получают. Прежде всего, от обязательств по гарантии чистоты и безопасности сделки отказывается платежная система «Киви»: «К сожалению, мы не можем помочь Вам в этой ситуации. В процессе проведения платежа Вы приняли публичную оферту об использовании платежного сервиса “Visa QIWI Wallet”. Согласно условиям Договора, заключенного между Вами (пользователем) и КИВИ Банком на условиях этой публичной оферты, Банк не регулирует и не контролирует правомочность сделки, заключенной между Пользователем и Поставщиком, ее условия, а равно факт и последствия заключения, исполнения и расторжения сделки. Формально сделка была проведена на указанных Вами условиях. В данной ситуации денежные средства могли быть использованы Получателем».

Тем не менее в большинстве случаев от исполнения обязательств по поставке заказанного и оплаченного товара отказывается сам магазин «Маньяк-шоп». Поэтому в ленте очень много сообщений от обманутых пользователей: «У меня такой вопрос, 5 января этого года я заказала толстовку в группе „Мир маньяков и серийных убийц“, оплатила 2500 через карту, указала все необходимые реквизиты и до сих пор ничего не пришло. Как быть?», «Я оформила заказ еще в начале марта, заплатила соответствующую сумму (2500 руб.), администратор Денис подтвердил, что деньги пришли на карту, и после этого не отвечает на некоторые сообщения, хотя видно, что был в сети» и т. д.

Некоторые обманутые покупатели даже пытаются угрожать администрации сообщества и магазина: «О’кей, чувак, как ты там говорил, репутация важнее, видимо, не в твоём случае, я по приколу пишу заяву в ментовку на твой счет из разряда „интернет-мошенничество“, глянем, что будет дальше, и соответственно заяву в Сбер на карту» и т. д. или в жесткой форме требуют возврата денег: «С оплаты прошло уже три недели. Если вы не будете делать свитшот, давайте вы вернете деньги и все».

Объясняя невозврат денег и непоставку заказанных товаров, администрация сообщества ссылается на трудности, которые возникли из-за блокировки сайта, и обещает исправить сложившуюся ситуацию: «Салют! В связи с прессингом и блокировкой происходят невообразимые задержки, из-за которых я вынужден обратиться к тем, кто ждет сейчас заказ: все товары точно дойдут до конечного адресата. Это в наших интересах. Большое спасибо вам за ожидание и то, что не кидаете нас в трудную минуту. Сейчас очень сильно нужна ваша помощь и сильная работа ради развития нашего уютного „Мира маньяков и серийных убийц“. Все проблемы будут решены, и работа нормализуется, вы сильно нам помогаете и греете своим терпением. Семья никогда не подведет вас!».

Помимо доходов от продажи товаров с атрибутикой МКУ, финансирование деятельности сообщества «Мир маньяков и серийных убийц» осуществляется за счет рекламы от сторонних рекламодателей, размещаемой в паблике: «Добрый день. Сколько будет стоить реклама в Вашей группе "Мир маньяков и серийных убийц"?» и т. д.

Блокировка паблика и отдельных ресурсов

Следует отметить, что еще одной часто обсуждаемой администрацией сообщества и пользователями темой являются проблемы, связанные как с блокировкой паблика со стороны надзорных органов, так и с блокировкой отдельных пользователей со стороны администрации паблика: «Салют! Блокировка – это сильный удар по всему миру маньяков и серийных убийц. Разблокировка случится 28 июня, но мы до сих пор ведем переговоры с подержкой и боремся за наш паблик, так как правил сайта мы не нарушали, а блокировка была лишь решением, принятым агентом поддержки, полагавшимся больше на эмоции, чем на здравый смысл. Нам уже удалось снизить срок разблокировки с „навсегда“ до „через месяц“, и есть надежда, что сообщество разблокируют совсем скоро. Возможно, позже нам понадобится ваша помощь. Следите за информацией у меня на стене. Рад, что вы с нами в это сложное время и не отписываетесь от паблика – это самое главное! Спасибо за терпение, скоро в вашу ленту снова вернется годнота и одно самых интересных чтив на просторах данного сайта».

«Признаю свою вину. Больше комментировать в сообществе не буду вообще, чтоб не залететь в очередной бан. Поскольку паблик очень интересный и я привык читать его каждый день и в принципе уважительно отношусь ко всему админскому составу и правилам, которые введены в работу для лучшей организации отсеивания „быдла“, моралфагов и прочего шлама. Я благодарен за такой интересный контент и прошу досрочно разблокировать меня. Обещаю, что впредь буду соблюдать все правила сообщества. Надеюсь на ваше понимание, мира и добра Вам. Еще раз спасибо за такой контент!»

В деятельности паблика хотят принять участие и иностранные пользователи, в том числе из Украины: «Привет, я хочу к вам в паблик. Сама я из Украины и, как известно, нам запретили пользоваться этой соцсетью. Я могла удалить страницу и забыть эту соцсеть, но я не удаляла страницу только из-за вашей группы».

Как показал анализ сообщений в паблике «Мир маньяков и серийных убийц», в сообществе действуют достаточно строгие правила в отношении комментариев, которые дают пользователи. За некоторые из них пользователи в качестве наказания могут быть отправлены в бан, т. е. наказаны и отлучены от сообщества: «Здрасьте. Сразу к делу. Я понимаю, что у вас в группе „Мир маньяков и серийных убийц“ строгая политика по поводу комментирования, но не на столько же. Я так понимаю, огреб временный бан из-за дискуссии под данной заметкой... Суть: может, для первого раза можно было бы обойтись охлаждающим баном на сутки-двое, ну, на неделю. Но никак же сразу на месяц. В общем, может, администрация смилостивится и для нечастого залетчика снизит наказание?»

За разбанивание администрация паблика периодически просит пользователей выполнить те или иные задания: «Разбан возможен только после того, как ты пришлешь сигну сообществу с иконами, ножом и распечатанным фото с любым серийным убийцей», «Тебе придется убить кошку, чтобы доказать преданность группе».

Администраторы паблика получают большое количество заявок на вступление в сообщество (а после его блокировки – в конференцию): «Хочу присоединиться, ММИСУ изменил мое мировосприятие, мне нравится читать статьи про тру крайм, так что почему нет?», «В конфу хочу, так как, если это важно для создателей ММИСУ, хочу быть причастна, ну и буду не против таких же суперребят, как и мои друзья, которые тоже лав паблик».

Замена родительской семьи на семью сторонников движения

Важно отметить, что и администраторы паблика, и пользователи называют «Мир маньяков и серийных убийц» своей семьей и уютным мирком, что создает ощущение близости, сопричастности, атмосферности и доверительности для всех участников: «Паблик был и есть моя любовь», «Паблик мне был как семья, и я не могу дальше без вас», «без группы никак – это уже образ жизни, хобби и атмосфера», «очень не хватает общения с семьей, той атмосферы. Скучаю!», «я же пишу статьи про криминалистику и серийных убийц, а знания мне дала именно Семья», «не буду рассказывать всю подноготную, просто для меня никогда ни один паблик не значил так много. Для меня это настоящая Семья. Поэтому я не хочу терять связь» и т. д.

Обсуждение различий между маньяками, серийными убийцами и массовыми убийцами

Также большое количество материалов паблика посвящено обсуждению различий между маньяками, серийными убийцами и массовыми убийцами: «Салют, решил объяснить вам отличие между маньяками, серийными убийцами и массовыми убийцами. Думаю, большинству это будет интересно». В качестве примеров приводятся различные классификации: «ФБР считает, что серийный убийца совершает три или более убийства с небольшим периодом времени между каждым преступлением. Это отличает их от массовых убийц, которые убивают четырех и более человек в одно и то же время, в одном и том же месте. Серийные убийцы обычно работают в одиночку, убивают незнакомцев и делают это ради убийства». «Серийный убийца – человек, который убивает больше одного человека за большое количество времени. Мотив абсолютно не важен, если ты убил 95 человек в период с 1974 по 1978 год, то ты серийный убийца. А если ты уложил в один день, то автоматически становишься массовым убийцей».

Далее делается вывод о том, что массовым убийцей быть лучше и интереснее: «Серийные убийцы – такое. Все знают, что массовые убийцы – классные ребята». Кроме того, они выполняют в обществе важную задачу: «Серийные убийцы – те же пауки. Паук-монстр, который преследует своих жертв и заманивает в сети, прежде чем убить. Предназначение паука – контролировать численность насекомых на планете. Быть может, и предназначение серийных убийц в том, чтобы численность людей была под контролем?» «Массовый убийца – это кто-то, кто верит в право наиболее приспособленного и сильного победить в социальной игре, но он также знает или чувствует, что он сам вовсе не приспособленный и не сильный. Таким образом, он выбирает единственно возможный акт возмездия и самоутверждения: право убивать и быть убитым». «В физическом бессмертии нет ничего хорошего. Гораздо лучше прожить пусть короткую жизнь, но такую, которая оказала бы влияние на будущее. Яркий пример тому – как раз серийные убийцы, память о которых пережила их на многие человеческие жизни. О них еще будут говорить после нас. За ними будущее», «Маньяки – убивают, жертвы – умирают, а обыватели – молчат».

Здесь же объясняются и основные задачи паблика: «Ты устал от миллиардов скучных лиц? Добро пожаловать в мир маньяков и серийных убийц!», «Мы часть “true crime community” в России и публикуем все свежие новости, мотивирующие статьи, биографии, цитаты и интересные факты о серийных убийцах, массовых убийцах, каннибалах, социопатах, некрофилах и прочих душевно свободных людей», «Мы открыты для серийных убийц всех рас, сексуальных ориентаций и религиозных исповеданий. Главное, чтобы человек был хороший», «Люди, увлекающиеся серийными убийцами, были признаны в 70 раз более интересными собеседниками, чем те, кто к ним равнодушен».

Для пользователей приводятся статистические данные о том, что «количество серийных убийств максимально увеличилось за последние 30 лет. 80 % из 400 серийных убийц прошлого века начали работать с 1950 года». Говорится и о том, что не «существует простого ответа на вопрос, почему люди становятся серийными убийцами».

Рассказывается о том, что серийные убийцы по-разному обращаются и с трупами своих жертв. Известны три способа обращения преступников с трупами после убийства, по которым можно судить о психологическом состоянии преступника, его мотивации. «При первом („свалке“) труп просто бросается на месте происшествия без каких-либо попыток скрыть факт преступления или жертву. Такое поведение свидетельствует о дезорганизованности преступника, пребывании его в паническом состоянии из-за страха задержания и разоблачения. Его действиями руководит единственное стремление поскорее унести подальше ноги от трупа».

Во втором случае жертвы убийства прикрыты одеялом, закрывающим их лицо. Такой способ «отражает чувство вины или раскаяния убийцы. Демонстрация мертвого тела свидетельствует либо о намерении преступника поиздеваться таким образом над родственниками, друзьями, членами семьи покойного, полицией, обществом, либо, наоборот, говорит о чувстве сострадания, возникшем у преступника, проявлении с его стороны заботы о жертве, членах семьи, родственниках последнего».

При третьем способе („демонстрации“) труп специально помещается на видном месте. В таких случаях преступник исходит из желания того, чтобы труп был найден достаточно быстро».

Есть еще технологически продвинутые убийцы-маньяки, которые размещают на своих сайтах картины жестоких убийств. «Судьба каждой из жертв напрямую зависит от количества посетивших сайт: чем больше подобных „свидетелей“, тем быстрее умирает жертва». Подобные фильмы носят название «снафф» –

«кино- или видеозапись настоящего убийства человека, сделанная с целью последующего распространения для развлекательных целей (англ. *snuff movie, snuff film*)».

Пользователи рассказывают друг другу о подобных фильмах: «Слышал, что есть видос, где они убивают брюхатую шлюху. Ту, которой плод вырезали», «Еще была инфа, что есть видос, где они кота распяли и залили пасть монтажной пеной».

Размышления о бессмысленности человеческой жизни

Внедряется мысль о том, что жизнь человека не имеет смысла: «Если рассматривать жизнь с позиции того, что каждый из нас однажды исчезнет, будто его никогда и не было, что все человечество со всеми его достижениями в искусстве и науке однажды испарится, то массовое убийство это чуть ли не единственное преступление, которое хоть на секунду, но вынудит Вселенную посмотреть на тебя».

Поэтому нужно убивать всех без разбора: «Убивайте! Убивайте всех! В этом единственный смысл», «Быть может, и предназначение серийных убийц в том, чтобы численность людей была под контролем?», «Когда-нибудь я выйду на улицу с ножом и буду приносить насилие в каждую семью, чьи окна горят ночью. А твои дети будут восхищаться мной в социальных сетях», «Все дозволено по взаимному согласию. Если человек хочет, чтобы его изнасиловали, убили или съели, мы обязаны принять и уважать его выбор».

Убийство дает убийце вдохновение и придает смысл его жизни: «Я во всех случаях убивал по одной причине. Я убивал, чтобы жить самому. Стоит убить – как сразу хочется жить. Убийство придает вдохновение, с ним просыпаешься...»

Обсуждаются и различные и способы убийства, например, ножом: «Убийство с помощью ножа очень интимно: ты ведь держишь его, в то время как он проникает в плоть, и чувствуешь через него угасающую жизнь своей жертвы. Это прямо как секс», «у этого парня есть цитатка про то, как по кайфу ножом убивать, не могу найти».

Пользователи также предлагают модераторам соответствующие темы для дискуссий: «Здравствуй, Денис! Хочу предложить организовать обсуждение в Вашей группе на тему „оригинальные способы убийства“. В смысле, помимо классики, которая уже всем известна, – применяя удавку, нож, пистолет, – существуют и другие подходы к данному вопросу. Что если послушать мнения других?».

Участникам паблика предлагается выполнить ряд заданий, например: «Напиши имена восьми самых популярных серийных убийц, которые существовали в реальности, и имена восьми самых популярных серийных убийц, которые выдуманы (в кино, сериалах, книгах)». В качестве примеров пользователи приводят Эда Гейна, Миранду Барбур, Джеффри Дамера, Педро Лопеса, Эрика Харриса и Дилана Клиболда, Антона Петерсона, Педро Родригеса Филью, Колина Фергюсона и т. д. По каждому приводится биография, перечисляются основные «подвиги», сравниваются и обсуждаются способы убийства жертв. Смысл этих публикаций объясняют сами участники паблика: «Тем более я поклонник массовых убийц. Больше говорят о них – больше увлекающихся ими».

Поиск рецептов коктейлей из человеческих органов

Также участникам предлагается поискать и прислать рецепты коктейлей из человеческих органов, которые использовали различные серийные убийцы. Иногда это служит пропуском в телеграм-канал: «Привет, можно мне без коктейлей из человечины вступить в телеграм-канал? Я не помню просто, че там, но вроде это та история, когда копы приехали, а в блендере еще не измельченная печень и еще что-то лежало».

Героизация маньяков и серийных убийц

У каждого из участников паблика есть свой любимый «герой»: «Эд Гейн – мой любимый серийный убийца (убийца, психопат, потрошитель – только не говорите, что не хотели бы поболтать с ним). Но главное – вовремя затыкаться, прежде чем люди подумают, что я извращенка» и т. д.

Также обсуждается расовая и гендерная принадлежность серийных убийц: «Почти все они белые: один из пяти серийных убийц черный», «Все они мужчины: около 17 % серийных убийц – женщины». При этом выделяется основная черта серийных убийц, объединяющая их, – они никогда не должны испытывать угрызений совести за содеянное: «Мне жаль серийных убийц, которые чувствуют вину», а также не боятся понести наказание от высших сил: «Любой шизофреник выходит за рамки общественного мнения, таким

образом избавляется от божественных законов. Любой убийца также избавляется от божественных законов. Любой ученый также избавляется от божественных законов. На самом деле в простом избавлении от веры в бога лежит множества смысла».

Превращение паблика «Мир маньяков и серийных убийц» в самовоспроизводящуюся систему

Помимо продажи одежды, для активного вовлечения пользователей в «Мир маньяков и серийных убийц» используется распространение атрибутики, фильмов и музыки, а также художественных произведений и компьютерных игр: «Здравствуй, обращаюсь к тебе как к руководителю группы „Маньяки и серийные убийцы“». У одного очень мрачного и кровавого рэп-исполнителя APER(a) недавно вышел новый альбом “Vendetta pt. 4”. Альбом получился очень сильный, жестокий и мясной, я думаю, какой-то части вашей аудитории он точно будет по душе. Прошу вас сделать репост записи с треками и ссылкой на скачивание альбома у себя в группе», «Приветствую. Обращаюсь с деловым предложением к вам. У нас имеется в наличии интересный сувенир отличного качества, соответствующий тематике вашего паблика – игральные карты с серийными убийцами. Хотели бы предложить продажу этого товара через ваш магазин с определенным процентом для вас с каждого проданного товара», «Денис, добрый день. Хотим наладить выпуск статуэток героев фильмов ужасов от олдскула до мейнстрима, также фигурки серийных убийц, планируем сотрудничать с вами». При этом распространение данного контента в паблике идет от лица самих пользователей, что позволяет, с одной стороны, снять часть ответственности с администраторов паблика, а с другой – превращает паблик в так называемую самовоспроизводящуюся (по терминологии Никласа Лумана – аутопойетическую) систему (Луман, 1999). Данный термин Н. Луман заимствовал у известного нейробиолога Хумберто Матураны. Имеется в виду, что система способна к саморепродукции. В данном случае саморепродукция системы обеспечивается активностью самих пользователей.

Кроме того, пользователям предлагается поучаствовать в мероприятиях, посвященных известным серийным убийцам: «Салют, я от группы... Мы делаем пост из 10 девушек в честь дня рождения Теда Банди. Есть уже восемь, осталось две. Не желаешь принять участие?»

Предоставление возможности пообщаться с настоящим серийным убийцей

Еще одним интересным способом вовлечения является предоставление возможности пообщаться с настоящим серийным убийцей: «Чего только не произошло за время нашего развития. Даже серийный убийца постил у нас в группе!», «Привет. У меня предложение: можно в группе устроить опрос, переписывается ли кто-нибудь из участников с серийными убийцами, поныне живущими? Их вопросы, ответы и т. д.».

Обсуждение опасностей, с которыми связана подписка на паблик

Иногда пользователи жалуются на опасность, с которой сопряжена подписка на паблик: «Сегодня ко мне подошла завуч и сказала: “Катя, мы заметили, что ты подписана на „Мир маньяков и серийных убийц“, если не отпишешься, вызываем родителей». Да и сами родители выражают возмущение из-за участия их детей в деятельности сообщества: «Добрый день! Моя несовершеннолетняя дочь состоит в Вашей группе “Мир маньяков и серийных убийц”. Хотелось бы узнать, Вы не проверяете возраст подписчиков? Я понимаю, что, скорее всего, подписки могут составить не один десяток и может даже сотен в день, но все же.... Буду Вам очень признательна, если Вы ограничите доступ несовершеннолетним в Вашу группу».

В ряде случаев родители даже просят администраторов сообщества дать совет о том, как им правильно воспитывать ребенка: «Буквально на днях у меня произошла небольшая дискуссия, в которой поднималась тема боязни неправильно воспитать ребенка, дабы он не стал серийным убийцей или маньяком. Решением этому мы предположили выращивание у ребенка амбиций, несмотря на то, что амбиции сами по себе здоровыми быть не могут. Так вот, я бы хотела у Вас как у знатока и хранителя такого потока биографической информации опубликовать или продублировать запись про известного или не очень „героя“, который с юных лет обладал амбициями, но это не помешало ему совершать непомерные зверства. Надеюсь на Ваш скорейший ответ. Заранее благодарю».

Взрослые люди не всегда понимают, зачем вообще в сети создается подобный контент: «Я являюсь подписчиком вашего сообщества, посвященного маньякам и серийным убийцам. Есть вопрос: какова цель существования данного сообщества? Объединить и управлять? Или собрать данные по психопатам и со-

чувствующим для дальнейшей стерилизации? Поржать?», «А как вы сами считаете, влияет ли ваш паблик на людей негативным образом?», «Вы когда-нибудь думали о том, что среди ваших подписчиков по-любому есть люди, которые вскоре совершат убийство?».

Сверстники также порой проявляют здоровый скептицизм: «Вот как так можно восхвалять маньяков, посмотрел бы я, как в реале он бы тебя расчленил!», «Ты уж извини, но ради праздного интереса, какую цель ты преследуешь, находясь в такой группе (маньяки и убийцы)? Это интерес к чему-то или что?».

Отношение к зоофилии и педофилии

Еще одну значительную часть контента составляют темы зоофилии и педофилии. Пользователям сообщается о том, что «сексуальные нормы – это не продукт биологии, а продукт тех социокультурных представлений о дозволенном, которые царят в конкретном обществе в конкретную эпоху. Если бы человек родился в стране, где секс с детьми, каннибализм, публичные жертвоприношения и уроки мастурбации в школе были исторически традиционным пластом, он бы жил так же, как сейчас живем мы. И не воспринимал перечисленное как из ряда вон выходящий кошмар».

Таким образом, секс с животными – это нормальное явление: «Мы убиваем животных, чтобы их есть, не задумываясь над тем, что это акт насилия над ними. Почему же тогда мы не можем их т...ь?», «Убивать животных плохо? Что думаешь? Или как Панин е...я с ними», «С животными последнее время з...у», «А у тебя еще есть что-нибудь с животными?».

Пользователям предлагаются различные истории сексуальных отношений с животными и рыбами, привести цитаты из которых мы не можем по нравственным причинам. Да и убивать животных тоже нормально: «У меня знакомый ходил и намеренно убивал животных, из травмата стрелял, резал, че только не делал».

Животное не человек, поэтому жалеть его не нужно: «Да если я буду... на маму дельфина, сын дельфин не заплачет», «да ...просто ... когда животным пытаются приписать какие-то человеческие качества».

Пользователям также показывают, что педофилия не является чем-то из ряда вон выходящим: «Если бы бог не хотел, чтобы я ... детей – зачем бы ему тогда давать мне член?», «... детей – право, данное мне природой от рождения».

Подробно разъясняются различия между лайт- и хард-педофилами. «Лайт-педофилы не представляют опасности для общества никакой. Но в 95 случаев из 100 ловят лайт-педофилов. Лайт-педофилы – это униженные люди с какими-то серьезными психологическими травмами или люди, которые где-то ошиблись, хотят попробовать новые ощущения». «Хард-педофилы тщательно выбирают свою жертву, могут и спонтанно, но это делают с еще более хорошей подготовкой. У хард-педофила в 90 % случаев нет жены и детей, но девушек было достаточно. Хард-педофилы в основном все гетеросексуальной ориентации. Хард-педофилов практически не ловит полиция, если ловит, то на каких-нибудь ошибках после 4–6 лет работы с детьми. Хард-педофил полностью свободен. В основном эти люди занимают хорошие рабочие места».

Также рассказывается о сетевом агрегаторе *Hurt 2 the Core* в даркнете: «*Hurt 2 the Core* был одним из крупнейших хостингов и агрегаторов в сети Tor. Он представлял собой закрытый клуб по обмену детской порнографией и заказу несовершеннолетних проституток».

Кроме того, затрагивается тема кражи детей. Она обсуждается на примере Джорджии Танн, которая «украдала около 5 000 детей и заработала на их усыновлении, а по сути продаже, миллионы долларов. Не менее тридцати миллионов, если быть точным», «О количестве детей, которые попали в результате ее деятельности в руки современных рабовладельцев, остается только догадываться».

Отношения между Россией и Украиной

Русские и украинские пользователи активно критикуют друг друга в публичке. Эта критика является отражением всей сложности отношений между двумя странами: «Русские забавный такой народ, у них как бы мода и приоритеты меняются, а сущность быдла остается, и это очень смешно», «с русским быдлом пора кончать, я согласен», «хватит шутить про хохлов, они лучше русских».

Русские пользователи также не остаются в долгу: «Чем ты от руснявого быдла отличаешься?», «Украина норм страна была, как Рашка, пока амеры не вмешались», «Ну как бы это и есть рашенская территория, ее просто Хрущев подарил хохлам», «Крым либо русский, либо безлюдный».

При этом администраторы паблика пытаются примирить спорящие стороны: «Мы любим наших украинских пользователей и хотим, чтобы вы всегда оставались на связи со своими друзьями и близкими».

Есть и третья группа пользователей, которая с пренебрежением относится к славянам: «Нацистская пропаганда использовала его производное с приставкой Unter-, чтобы описать согласно своей концепции „низших людей“ – евреев, цыган и славян», «Голландцы сейчас больше хохлов русню хотят...», «Все slaveяне – грязные животные, неважно, русак ты или хохол».

Еще одной темой, активно обсуждаемой в паблике, является отношение к полиции: «Самый смелый и меткий из наших стрелков – господин полицейский Денис Евсюков», «Денис Евсюков – пример для полицейских». Пользователи рассказывают друг другу о том, что полиция следит за пабликом: «Менты следят за пабликом? Моему удивлению не было предела, когда один из них начал насиловать мне мозг в личке».

Отрицательное отношение к полиции

Среди пользователей культивируется отрицательное отношение к полиции: «Я надеюсь, что такие же люди, как вы, работают в полиции. И если это действительно так и они реагируют на обращение так же, как и вы, то я могу без опаски начинать деятельность серийного убийцы. Ибо с такими полицейскими меня никогда не поймают», «Смерть МУСОРАМ, свободу РУСОКАМ». Также принижаются геройские поступки сотрудников полиции: «А потом, типа, какой-то мент на бомбу прыгнул и сдох».

Некоторые пользователи открыто заявляют о том, что готовы совершить теракт: «Если вы, полицейские, думаете, что я не собираюсь брать автобус таким путем, каким заявил, вы заслуживаете того, чтобы иметь дыры в головах. Смертельная машинка полностью готова. Я послал бы вам фотографии, но вы будете достаточно гадки, чтобы проследить путь (от них) назад к изготовителю (элементов) + тогда ко мне, так что я буду описывать вам (на бумаге) свой шедевр. Хорошая вещь во всем этом – та, что все части м. б. куплены на открытом рынке без вопросов».

Отношения с родителями

Также продолжается опрос пользователей об их отношениях с родителями: «Я с родителями не общаюсь :)))», «А че ты с родителями в плохих, если не секрет?». Предлагается и вариант решения подобной проблемы: «Б...ь, была где-то в рунете записка парня о том, как он убил своих родителей, рассказывал еще про голоса в голове, есть инфа?»

Связь паблика «Мир маньяков и серийных убийц» с сайтами, посвященными тематике «Колумбайна»

Прослеживается связь с ресурсами, посвященными тематике «Колумбайна»: «Хочу ссылку на телеграм, я в паблике с 2015 года после интереса к Колумбайну», «Здравствуй. Я админ заблокированного паблика про Колумбайн», «И была админом паблика о колумбайне», «меня сейчас допрашивали в полиции по поводу паблика своего и колумбайн». А также с феминистическим движением: «Короче, там бабы-феминистки паблик создали. Я уже их там разогрел. Меня, правда, ... в чс, но угар был».

Выводы

Анализ семантического поля переписки участников деструктивного радикально-националистического общественного движения «Маньяки. Культ убийств» (МКУ) позволяет сделать вывод о том, что в рамках данного движения сформирована идеология, имеющая следующие признаки:

1. Телеологичность, т. е., направленность в будущее, означающая наличие конкретных целей, которые должны быть достигнуты с помощью определенных средств. Основная цель заключается в построении расово чистого общества белых людей, для чего необходимо уничтожить генетический мусор вроде негров, арабов, выходцев с Кавказа, а также увеличить процент крови белой расы, запретив женщинам вступать в связи и рожать детей от мужчин «неполноценных» рас и национальностей.

2. Научообразность, для достижения которой используется большое количество терминов, цитат и ссылок на различные научные произведения, документов, приводятся имена известных ученых из ряда стран, статистические данные и исторические факты.

3. Охват широких слоев населения разных возрастных групп, что подтверждается международным характером движения «МКУ», а также стремлением привлечь родителей участников движения к ценностям расовой чистоты.

4. Наличие символов и атрибутики, что выражается в ношении одежды и обуви определенного стиля и марок, позволяющих опознавать своих соратников среди других людей, а также использованием символа Коловрата, нацистской свастики, аббревиатуры «МКУ», нацистских приветствий («зигования»).

5. Наличие четко очерченного круга тем, которые обсуждаются с помощью определенных языковых средств (т. е. дискурса), что подтверждается использованием терминологии, известной и понимаемой всеми участникам движения при обсуждении вопросов, релевантных для движения (например, чернильница, гриндерсы, унтерменш, нордид и т. д.).

Кроме того, эта идеология выполняет весь набор необходимых функций, таких как социализирующая (способствует усвоению членами движения его ценностей, норм, языка, правил поведения); ориентационная (ориентирует членов движения в системе ценностей и интересов); мобилизационная (стимулирует членов движения на выполнение поставленных задач); интегрирующая (объединяет членов движения общими идеями и целями); образовательно-воспитательная (способствует воспитанию политической культуры членов движения на основе идей и ценностей); пропагандистская (создает позитивный образ участников движения, привлекает на свою сторону единомышленников).

Данная идеология носит тотальный характер, так как предпринимает попытки моделирования большинства важных жизненных сфер сторонников движения, в частности, вероисповедания, сексуально-брачного поведения, отношения к истории своей страны, отношения к представителям других рас и национальностей, занятия спортом, употребления алкогольных напитков, манеры одеваться, отношения к государству, армии и полиции, к представителям других групп в социальных сетях.

Контент, представленный на интернет-страницах движения «Мир маньяков и серийных убийц», направлен на героизацию маньяков и серийных убийц. Активно представлен шок-контент, включающий в себя сцены насилия и убийства (как людей, так и животных), задачей которых является размытие у человека пределов допустимого. Происходит привыкание, адаптация подростка к подобному контенту, постепенно пропадают отвращение и негативные эмоции, размываются морально-нравственные ориентиры, появляется склонность как к суициду, так и к совершению убийств. Модераторы успешно используют вполне естественную потребность подростков в так называемых страшилках, зрелищности, в переживании ярких эмоций и острых ощущений. Важно, что серийные убийства в этих сюжетах представлены не просто как обычные персонажи, а как герои. Таким образом, они превращаются в образец для подражания (нормативную личность по Р. Линтону), который формирует вполне конкретные модели поведения. Про каждого маньяка обязательно прилагается рассказ о том, что он был хорошим человеком, просто его жизнь была тяжелой, она сложилась неправильно, да и жертвы сами во всем виноваты, они его спровоцировали. Это позволяет понять поступки подобного героя, оправдать его. В результате чужая смерть становится обыденным явлением, ценность человеческой жизни нивелируется. Насилие и убийства превращаются в обычную повседневную реальность, перестают вызывать естественные негативные эмоции, чувство отвращения и сопереживания жертве.

Интернет-страницы движения «Мир маньяков и серийных убийц» активно стараются заменить подросткам родительскую семью, создавая ощущение близости, сопричастности, атмосферности и доверительности для всех участников, именуя движение «уютным мирком» и «семьей».

Модераторы страничек используют новый прием – превращение движения «Мир маньяков и серийных убийц» в самовоспроизводящуюся систему (по Н. Луману), контент которой активно пополняется за счет самих пользователей, что частично снимает с модераторов ответственность за содержание пабликов.

Список литературы

Аманжолова, Б. А., Вейсенберг, С. В. (2016). Роль семьи в формировании личности преступника, совершившего впоследствии серийные убийства. *Знание*, 4–3(33), 116–125.

Бааль, Н. Б. (2022). Органы внутренних дел Российской Федерации как субъект противодействия экстремизму в молодежной среде. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия*, 2(60), 117–123. <https://doi.org/10.26456/vtphilos/2022.2.117>

Бабанина, Д. В. (2022). Характеристика проявлений криминальной субкультуры в среде несовершеннолетних. *Вестник Краснодарского университета МВД России*, 4(58), 28–32.

Барабанов, Н. П. (2017). Криминологический и психологический аспекты криминальной идеологии и образа жизни в криминальной субкультуре осужденных. *Человек: преступление и наказание*, 25(2), 177–182.

Бытко, С. Ю. (2022). Эффективность мер предупреждения преступлений в сети Интернет. *Вестник Казанского юридического института МВД России*, 2(48), 25–31.

Вихляев, А. А., Трушина, И. О. (2022). Актуальные вопросы профилактики и противодействия вовлечению несовершеннолетних в деятельность националистической молодежной группировки «М.К.У.» («Маньяки: культ убийства»). В сб. *Социально-психологические проблемы просоциального поведения современного поколения детей и молодежи: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Севастополь, 14–15 октября 2022 г.)* (с. 370–374). Севастополь: ФГБУ НУ «Институт природно-технических систем».

Воронцов, А. В., Прилуцкий, А. М., Богачев, А. М., Теплых, Г. И. (2022). Психосемиотика деструктивного поведения: от убийства символического к убийству реальному. *Общество. Среда. Развитие*, 1(62), 86–96. https://doi.org/10.53115/19975996_2022_01_086-096

Глухова, А. А., Шпилев, Д. А. (2019). Роль модераторов сайтов, посвященных тематике АУЕ, в формировании социопатических и противоправных установок у подростков и молодежи. *Актуальные проблемы экономики и права*, 13(4), 1646–1660. <https://doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.4.1646-1660>

Глухова, А. А., Иудин, А. А., Шпилев, Д. А. (2022). Колумбайн как разновидность молодежного деструктивизма. *Russian Journal of Economics and Law*, 16(4), 808–846. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.808-846>

Ильницкий, А. С. (2020). Криминальная идеология в сети интернет: теоретические и социально-правовые предпосылки криминологического познания. *Вестник Краснодарского университета МВД России*, 4(50), 49–53.

Ильницкий, А. С. (2021). Криминальная идеология в сети интернет: методология и методика криминологического исследования. *Вестник Волгоградской академии МВД России*, 2(57), 52–60.

Ильницкий, А. С. (2022a). Механизм криминогенного воздействия криминальной идеологии в сети интернет. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 8, 83–86.

Ильницкий, А. С. (2022b). Противодействие криминальной идеологии в сети интернет с использованием технологий антикриминальной пропаганды. *Общество и право*, 1(79), 33–39.

Ищенко, О. В. (2021). Основные проявления молодежного экстремизма в современных условиях. В сб. *Национальная безопасность и молодежная политика: киберсоциализация и трансформация ценностей в VUCA-мире: материалы Международной научно-практической конференции. Челябинск, 2021* (с. 436–440). Челябинск: Издательство Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Ищенко, О. В. (2022). Динамика экстремистских проявлений в молодежной среде. В сб. *Основные проблемы и направления воспитательной работы в современном вузе: материалы докладов V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием по воспитательной работе. Барнаул, 2022*. (с. 45–49). Барнаул: Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова.

Карлов, В. В. (2021). Социогенные и индивидуальные факторы в формировании личности серийного преступника на примере Теодора Роберта Кауэлла (Теда Банди): психическая патология или социофакторная деформация. В сб. *Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, студентов и учащихся школ (Тольятти, 20–21 мая 2021 года)* (с. 66–70). Тольятти: Волжский университет имени В. Н. Татищева.

Квашиш, В. Е., Ильницкий, А. С. (2021). Современные формы проявления криминальной идеологии в сети интернет. *Научный портал МВД России*, 2(54), 26–31.

Кирилук, Е. В. (2023). Идеология неонацистской группировки «Маньяки: культ убийства» в подростковой среде: современные реалии и направления противодействия. *Вестник Сибирского юридического института МВД России*, 1(50), 114–119. https://doi.org/10.51980/2542-1735_2023_1_114

Кольцов, М. И. (2013). Серийные убийства в истории советского и российского уголовного правоприменения. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 1(117), 325–330.

Луман, Н. (1999). Теория общества. В сб. А. Ф. Филиппов (ред.), *Теория общества* (пер. с нем., англ.; с. 196). Москва: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле. (Серия “LOGIC ASOC IALIS”).

Медведев, С. В. (2020). Распространение криминальной идеологии как фактор преступного поведения лиц позднего молодежного возраста. *Криминологические проблемы поведения несовершеннолетних и молодежи, пути их решения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции* (с. 183–187).

Меркурьев, В. В. (2020). Противодействие деятельности деструктивных движений, пропагандирующих криминальную идеологию: проблемы и пути решения. В сб. *Криминологические проблемы поведения несовершеннолетних и молодежи, пути их решения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 21 января 2020 года)* (с. 17–26).

Мирзоян, Г. А., Миронова, Е. А. (2019). Актуальные проблемы методики расследования преступлений, совершенных серийными убийцами. Основные элементы психолого-криминалистического портрета серийного убийцы. *Уголовная ответственность и наказание. Опыт России и зарубежных стран* (Т. 1, с. 167–172).

Найденко, В. Н. (2022). Противодействие экстремизму в молодежной среде в контексте обеспечения национальной безопасности. *Всероссийская научно-практическая конференция «Молодежь в современном мире: противодействие экстремизму». 7 октября 2022 г.* (с. 35–41). Российский университет дружбы народов (РУДН).

Никитин, В. В. (2021). Противодействие распространению криминализованной субкультуры подростков в образовательных организациях. *Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций*, 2.

Никишин, В. Д. (2022). Вредоносная информация в интернет-медиа: «окно Овертона» и взаимосвязь деструктивных сетевых течений. *Lex Russica (Русский закон)*, 75(11), 131–148. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.192.11.131-148>

Орлов, В. В. (2022). Закономерности в поведении лиц, осуществляющих вооруженные нападения на учебные учреждения. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 27(3), 316–325. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-316-325>

Панкратов, С. А. (2022). Взаимодействие институтов власти и гражданского общества в контексте противодействия экстремистским формам поведения современной молодежи. *Baikal Research Journal*, 13(4).

Пашенко, И. В. (2022). Информационная активность радикальных националистических объединений в социальных сетях Рунета и терроризм. *Гуманитарий Юга России*, 11(1), 73–87. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.1.5>

Пимакова, О. Г., Волкова, Р. В. (2022). Криминологическая характеристика серийных убийств. *Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации*, 1(31), 96–103. <https://doi.org/10.54217/2588-0136.2022.31.1.013>

Румянцев, Н. В. (2022a). К вопросу о некоторых проблемах административно-правового регулирования по противодействию экстремистской деятельности. *Человек: преступление и наказание*, 30(4), 567–574.

Румянцев, Н. В. (2022b). О некоторых вопросах квалификации противоправной экстремистской деятельности криминальных субкультур на современном этапе: административно-правовой аспект. *Современная наука*, 2, 52–55.

Самойлов, С. Ф. (2019). Критика криминальной идеологии как средство профилактики организованной преступности в молодежной среде. *Вестник Краснодарского университета МВД России*, 2(44), 99–103.

Уваров, И. А. (2014). К оценке криминологического значения современной криминальной идеологии. *История государства и права*, 5, 58–63.

Узлов, Н. Д. (2017). Трансгрессия суицидальности, виртуальная реальность и искушение смертью. *Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности*, 7, 80–91.

Фолтин, Ж. Л. (2019). Скелеты от-кутюр, мода на черепа и некрогламур: смерть как модная эстетика. *Новое литературное обозрение*, 5(159), 71–95.

Яковлева, М. С. (2022). Психологический портрет серийного убийцы. В сб. *Правовое образование: сборник научных трудов* (Т. 25, с. 201–206).

References

Amanzholova, B. A., & Veisenberg, S. V. (2016). The role of the family in shaping the personality of the offender then committed a mass murder. *Znanie*, 4–3(33), 116–125. (In Russ.).

Baal, N. B. (2022). Bodies of the internal affairs of the Russian Federation as a subject of countering extremism in the youth environment. *Vestnik of Tver State University. Series: Philosophy*, 2(60), 117–123. (In Russ.). <https://doi.org/10.26456/vtphilos/2022.2.117>

Babanina, D. V. (2022). Characteristics of manifestations of criminal subculture among minors. *Vestnik of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 4(58), 28–32. (In Russ.).

Barabanov, N. P. (2017). Criminological and psychological aspects of the criminal ideology and way of life in the criminal subculture of convicts. *Man: crime and punishment*, 25(2), 177–182. (In Russ.).

Bytko, S. Y. (2022). Effectiveness of Internet-Crime Prevention Measures. *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 2(48), 25–31. (In Russ.).

Vikhlyayev, A. A., & Trushina, I. O. (2022). Topical issues of prophylactics and counteraction against involving the under-aged into the activity of MMC “Maniacs. Murder cult” nationalistic youth group. In *Social-psychological issues of pro-social behavior of the modern generation of children and youth: collection of materials of All-Russia scientific-practical conference with international participation (Sevastopol, October 14–15, 2022)* (pp. 370–374). Sevastopol: Institute of Natural and Technical Systems. (In Russ.).

Vorontsov, A. V., Prilutsky, A. M., Bogachev, A. M., & Teplykh, G. I. (2022). Psychosemiotics of destructive behavior: from symbolic to real murder. *Society. Environment. Development*, 1(62), 86–96. (In Russ.). https://doi.org/10.53115/19975996_2022_01_086-096

Glukhova, A. A., & Shpilev, D. A. (2019). Features of organization and functioning of web-sites on AUE, their role in developing sociopathic and unlawful attitudes in adolescents and youth. *Actual Problems of Economics and Law*, 13(4), 1646–1660. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.4.1646-1660>

Glukhova, A. A., Judin, A. A., & Shpilev, D. A. (2022). Columbine as a type of youth destructivism. *Russian Journal of Economics and Law*, 16(4), 808–846. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.808-846>

Ilnitsky, A. S. (2020) Criminal ideology on the Internet: theoretical and socio-legal prerequisites of criminological knowledge.

Vestnik Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 4(50), 49–53. (In Russ.).

Ilnitsky, A. S. (2021). Criminal ideology in network: methodology and technique of criminological research. *Bulletin of the Volgograd Academy of the Russian Interior Ministry*, 2(57), 52–60. (In Russ.).

Ilnitsky, A. S. (2022a). The mechanism of criminogenic influence of criminal ideology on the Internet. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 8, 83–86. (In Russ.).

Ilnitsky, A. S. (2022b). Countering criminal ideology on the Internet using anti-criminal propaganda technologies. *Society and Law*, 1(79), 33–39. (In Russ.).

Ishchenko, O. V. (2021). Key manifestations of youth extremism under modern conditions. In *National security and youth policy: cybersocialization and transformation of values in a VUCA-world: works of the International scientific-practical conference. Chelyabinsk, 2021* (pp. 436–440). Chelyabinsk: Publishing house of South Ural State Humanitarian-Pedagogical University. (In Russ.).

Ishchenko, O. V. (2022). Dynamics of extremist manifestations in the youth environment. In *Key problems and directions of educative works in a modern university: materials of reports of the 5th All-Russia scientific-practical conference with international participation on educational work. Barnaul, 2022* (pp. 45–49). Barnaul: Altai State Technical University. I. I. Polzunov. (In Russ.).

Karlov, V. V. (2021). Sociogenic and individual factors in forming a criminal personality by the example of Theodore Robert “Ted” Bundy: mental pathology or sociofactor deformation. In *Materials of All-Russia scientific-practical conference of post-graduate students, university and high school students (Togliatti, May 20–21, 2021)* (pp. 66–70). Togliatti: Volga V. N. Tatishchev University (Institute). (In Russ.).

Kvashis, V. E., & Ilnitsky, A. S. (2021). Modern forms of criminal ideology on the Internet. *Scientific Portal of the Russian Ministry of Internal Affairs*, 2(54), 26–31. (In Russ.).

Kirilyuk, E. V. (2023). Ideology of the neo-Nazi group “Maniacs: Cult of Murder” in teens environment: topical real facts and ways of counteraction. *Vestnik of the Siberian Law Institute of the Russian Interior Ministry*, 1(50), 114–119. (In Russ.). https://doi.org/10.51980/2542-1735_2023_1_114

Koltsov, M. I. (2013). Serial murders in history of Soviet and Russian criminal law use. *Vestnik of Tambov University. Series: Humanities*, 1(117), 325–330. (In Russ.).

Luhmann, N. (1999). Theory of Society. In A. F. Filippov (Ed.), *Theory of Society* (p. 196). Moscow: KANON-press-TS, Kuchkovo pole. (Series “LOGIC ASOC IALIS”). (In Russ.).

Medvedev, S. V. (2020). Dissemination of criminal ideology as a factor of criminal behavior of persons of late youth age. In *Criminological problems of behavior of the under-aged and youth, ways to solve them: collection of materials of All-Russia scientific-practical conference* (pp. 183–187). (In Russ.).

Merkuryev, V. V. (2020). Counteraction to the activity of destructive movement propagating criminal ideology: problems and ways of solution. In *Criminological problems of behavior of the under-aged and youth, ways to solve them: collection of materials of All-Russia scientific-practical conference (Moscow, January 21, 2020)* (pp. 17–26). (In Russ.).

Mirzoyan, G. A., & Mironova, E. A. (2019). Topical issues of the methodology of investigating crimes committed by serial murderers. Main elements of psychological-criminological portrait of a serial murderer. In *Criminal liability and punishment. Experience of Russia and foreign countries* (Vol. 1, pp. 167–172). (In Russ.).

Naidenko, V. N. (2022). Counteraction to extremism in the youth environment in the context of ensuring national security. *All-Russia scientific-practical conference “Youth in the modern world: counteraction to extremism”*. October 7, 2022 (pp. 35–41). Peoples' Friendship University of Russia (PFUR). (In Russ.).

Nikitin, V. V. (2021). Counteraction to dissemination of criminalized subculture of adolescents in educational institutions. *Conferencium ASOU: collection of scientific works and materials of scientific-practical conferences*, 2. (In Russ.).

Nikishin, V. D. (2022). Harmful Information in Internet Media: The «Overton Window» and Destructive Network Content Interrelationships. *Lex Russica*, 75(11), 131–148. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.192.11.131-148>

Orlov, V. V. (2022). Behaviour Patterns of Persons who Commit Armed Attacks on Educational Institutions. *Psychopedagogy in Law Enforcement*, 27(3), 316–325. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-316-325>

Pankratov, S. A. (2022). Interaction between institutions of power and civil society in the context of countering extremist behavior of modern youth. *Baikal Research Journal*, 13(4). (In Russ.).

Pashchenko, I. V. (2022). Information activity of radical nationalist associations in the social networks of the Russian internet and terrorism. *Humanities of the South of Russia*, 11(1), 73–87. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.1.5>

Pimakova, O. G., & Volkova, R. V. (2022). Criminological characteristics of serial murders. *Bulletin of the Russian Federation Investigative Committee Academy*, 1(31), 96–103. (In Russ.).

Rumyantsev, N. V. (2022a). On the question of some problems of administrative and legal regulation of countering extremist activity. *Person: Crime and Punishment*, 30(4), 567–574. (In Russ.).

Rumyantsev, N. V. (2022b). On some issues of qualification of illegal extremist activity of criminal subcultures at the present stage: administrative and legal aspect. *Modern Science*, 2, 52–55. (In Russ.).

Samoilov, S. F. (2019). Criticism of criminal ideology as a means of preventing organized crime youth environment. *Vestnik of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2(44), 99–103. (In Russ.).

Uvarov, I. A. (2014). К оценке криминологического значения современной криминальной идеологии. *History of State and Law*, 5, 58–63. (In Russ.).

Uzlov, N. D. (2017). Transgression of suicidality, virtual reality and seduction of death. *Personality in extreme conditions and crisis situation of life*, 7, 80–91. (In Russ.).

Foltin, J. L. (2019). Couture skeletons, skull style, and corpse chic: death as a fashion aesthetic. *New Literary Observer*, 5(159), 71–95. (In Russ.).

Yakovleva, M. S. (2022). Psychological portrait of a serial murderer. In *Legal education: collection of scientific works* (Vol. 25, pp. 201–206). (In Russ.).

Вклад авторов

А. А. Глухова является главным исследователем, проводившим и координировавшим исследование.

А. А. Иудин осуществлял расчеты модели и проводил статистический анализ.

Д. А. Шпилев формировал массив для исследования и проводил контент-анализ, интерпретировал результаты, осуществил обзор литературы и подготовил рукопись.

Authors' contributions

A. A. Glukhova is the key researcher who performed and coordinated the research and performed a literature review.

A. A. Iudin carried out the model calculations and statistical analysis.

D. A. Shpilev formed an array for the research and performed content analysis, interpreted the results and prepared the manuscript.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors.

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 15.05.2023

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 16.06.2023

Дата принятия в печать / Accepted 10.08.2023

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ / TRANSLATED ARTICLES

Ответственный за подбор П. А. Кабанов / Persons in charge of selection P. A. Kabanov

Редактор рубрики Дж. Шаббар / Rubric editor J. Shabbar

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.630-644>

УДК [004.946:79]:343

М. Румберг¹

¹ Школа права Фордемского университета, г. Нью-Йорк, США

Проблема отмыwania денег в индустрии видеоигр: когда выпуск игр превращается в услугу по передаче денег?

Переводчик Е. Н. Беляева

Мэтью Румберг, кандидат на получение степени юриста в 2023 г., Школа права Фордемского университета

Аннотация

Цель: изучение проблемы отмыwania денежных средств с помощью индустрии видеоигр, а также выработка мер по минимизации данного противоправного поведения.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический и социологический.

Результаты: по мере того, как интерес к многопользовательским видеоиграм с полным погружением продолжает расти, игроки все выше оценивают такие виртуальные объекты, как внутриигровая валюта, оружие, транспортные средства, «скины». Ценность этих объектов в сочетании с возможностью покупать и продавать их привлекает преступников, которые могут таким образом отмыывать деньги. Соединенные Штаты поддерживают единую нормативно-правовую базу, нацеленную на предотвращение таких действий и наказание за них. Одним из ключевых элементов этой базы является наложение на финансовые институты, включая организации, осуществляющие передачу денег, определенных обязанностей по ведению отчетности и передаче сведений. Если на компанию наложены такие обязанности, то она должна выполнять ряд сложных и дорогостоящих мер для соответствия требованиям, направленным на противодействие отмыванию денег.

© Румберг М., 2023. Впервые опубликовано на русском языке в журнале *Russian Journal of Economics and Law* (<https://rusjel.ru>) 25.09.2023

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Fordham Law Review Online*. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала.

Цитирование оригинала статьи на английском: Roomberg, M. (2023). The video game industry's money laundering problem: when do game publishers become money transmitters?, *Fordham Law Review Online*, 91, 161–177.

URL публикации: <https://fordhamlawreview.org/law-review-online/the-video-game-industrys-money-laundering-problem-when-do-game-publishers-become-money-transmitters/>

Научная новизна: в работе впервые рассматривается вопрос о том, является ли разработчик игры организацией, осуществляющей передачу денег, добытых преступным путем. В исследовании этот вопрос рассмотрен с разбором конкретных особенностей видеоигр и соответствующих действий разработчика, которые в условиях существующих норм и правил позволяют судить о том, является ли разработчик игры организацией, осуществляющей передачу денег.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с квалификацией действий разработчиков видеоигр в случае участия их в отмывании денежных средств.

Ключевые слова

Отмывание денежных средств, видеоигра, передача денежных средств, виртуальные объекты, разработчик, пользователь

Благодарности

Автор благодарит редакторов и сотрудников *Fordham Law Review* за их руководство, у также семью, друзей и наставников за всю их поддержку.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Румберг, М. (2023). Проблема отмывания денег в индустрии видеоигр: когда выпуск игр превращается в услугу по передаче денег?, *Russian Journal of Economics and Law*, 17(3), 630–644. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.630-644>

Scientific article

M. Roomberg¹

¹ *Fordham University School of Law, New York, USA*

The video game industry's money laundering problem: when do game publishers become money transmitters?

Translator E. N. Belyaeva

Matthew Roomberg, J.D. Candidate, 2023, Fordham University School of Law

Abstract

Objective: to study the problem of money laundering in video game industry and to develop measures to minimize this illegal behavior.

Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, allowing to analyze them in historical development and functioning in the context of the totality of objective and subjective factors, which predetermined the following research methods: formal-logical and sociological.

Results: as enthusiasm for immersive multiplayer video games continues to grow, players are placing a high degree of value on virtual items like in-game currency, weapons, vehicles, and “skins”. The value of these items, paired with features that allow players to buy and sell them, has opened the door to criminals who can exploit these features to launder money. The United

The article was first published in English language by *Fordham Law Review Online*. For more information please contact the editorial office.

For original publication: Roomberg, M. (2023). The video game industry's money laundering problem: when do game publishers become money transmitters?, *Fordham Law Review Online*, 91, 161–177.

Publication URL: <https://fordhamlawreview.org/law-review-online/the-video-game-industrys-money-laundering-problem-when-do-game-publishers-become-money-transmitters/>

States maintains a robust legal framework to prevent and punish money laundering. One key piece of that framework is imposing certain reporting and recordkeeping duties on “financial institutions”, including money transmitters. If a company is subject to these duties, it must abide by complex and expensive anti-money laundering compliance requirements.

Scientific novelty: the article, for the first time, considers the issue whether a game publisher is a criminal money transmitter. The paper takes up that question detailing the specific game features and publisher policies that, under current rules and guidance, lead to or rebuff the conclusion that a game publisher is a money transmitter.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering the issues related to the qualification of actions of video games publishers in case of their participation in money laundering.

Keywords

Money laundering, video game, money transmittance, virtual items, publisher, user

Acknowledgements

I would like to thank the editors and staff of the *Fordham Law Review* for their guidance, and my family, friends, and mentors for all their support.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Roomberg, M. (2023). The video game industry’s money laundering problem: when do game publishers become money transmitters?, *Russian Journal of Economics and Law*, 17(3), 630–644. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.630-644>

Введение

Видеоигры превратились в многомиллиардный бизнес, дающий больше прибыли, чем кино и спорт в Северной Америке, вместе взятые (Witkowski, 2021). В последние годы добавочный контент и внутриигровые покупки приносят создателям игр десятки миллиардов долларов, увеличивая средний доход в расчете на одного пользователя и период жизни игр (Needleman, 2020). В некоторых случаях широкая популярность определенных игр привела к появлению рынков, на которых игроки могут обменивать внутриигровой контент на реальные деньги¹. В то же время разработчики, стремясь поразить воображение игроков, создали игры с системами виртуальной валюты «без обратной связи», которые позволяют игрокам обмениваться между собой внутриигровым контентом и покупать виртуальную валюту за фиатные деньги². Хотя эти инновации следует приветствовать как свидетельство того, насколько развились видеоигры, они также создают новую и часто недооцененную угрозу: преступники могут использовать эти возможности для отмывания незаконно полученных средств.

Соединенные Штаты поддерживают целостную нормативно-правовую базу на федеральном уровне и на уровне штатов, позволяющую выявлять отмывание денег и бороться с ним (Bryans, 2014). Федеральная правовая база использует три основных механизма: (1) разработку и выполнение программ борьбы с отмыванием денег для финансовых институтов, (2) сбор соответствующей информации и ведение учета организаций, занимающихся передачей средств, и (3) информирование властей о подозрительных или особо крупных транзакциях³. Выполнение всех требований в этой сфере является сложным и дорогостоящим (Cloward & Abarbanel, 2020; Bailey, 2019; Heifetz & Krosnicki, 2020). Поэтому большую важность приобретает проблема определения, следует ли по закону считать разработчика игры финансовым институтом, который будет в этом случае подпадать под целый ряд законодательных актов, направленных на борьбу с отмыванием денег.

¹ См. ниже сноску 13 и соответствующий текст.

² См. ниже Раздел III.A.2.C.

³ См. ниже Раздел II.A.1.

В настоящей работе исследуется вопрос: следует ли считать разработчика игры финансовым институтом, и если да, то при каких условиях. В Разделе I рассматривается механизм отмывания денег в целом, обсуждается природа внутриигровых активов, у затем раскрывается, как указанные свойства игр могут быть использованы для отмывания денег. В Разделе II описан режим регулирования в целях предотвращения и выявления отмывания денег и изучены масштабы «бизнеса в сфере финансовых услуг», являющегося частью финансовых институтов. Наконец, в Разделе III исследуются факты и обстоятельства, которые подтверждают или противоречат выводу о том, что конкретный разработчик игр является компанией, оказывающей финансовые услуги.

I. Риск отмывания денег в сфере видеоигр

A. Что такое отмывание денег?

Отмывание денег – это процесс придания видимости законности («чистые деньги») незаконно полученным средствам («грязные деньги») (Kim, 2022)⁴. При этом может происходить сокрытие истинного источника, владельца или использования средств (Office of the Comptroller of the Currency, 2002). Если отмывание денег проведено успешно, оно позволяет бенефициарам незаконно полученных средств держать их в финансовой системе и использовать на рынке, не будучи обнаруженными правоохранителями (Office of the Comptroller..., 2002, p. 2). Самыми частыми предикатными преступлениями, поставляющими незаконные средства, являются мошенничество, распространение наркотиков, киберпреступления, финансирование терроризма, коррупция и торговля людьми (Dep't of the Treasury, 2022).

Отмывание денег включает три независимых стадии, которые могут происходить отдельно или параллельно: размещение средств, сокрытие источников доходов и интеграция в законную экономику (Office of the Comptroller..., 2002, p. 3; Kim, 2022). Размещение средств – это их введение в финансовую систему без раскрытия их источника (Kim, 2022). Существует множество способов сделать это, самые распространенные из которых – выплата займа, азартные игры, покупка иностранной валюты в обменных пунктах, добавление к законным поступлениям от предприятий, где используется много наличности (последнее известно как «смешивание» или «добавка»)⁵.

Сокрытие источников доходов состоит в серии финансовых транзакций, направленных на отделение средств от их незаконного источника. После помещения средств в финансовую систему бенефициары осуществляют бесчисленные транзакции, создавая сеть переводов между компаниями, зарегистрированными по всему миру⁶. Тем самым они затрудняют аудиторские проверки (Kim, 2022).

Интеграция в законную экономику – это последний шаг, при котором отмытые деньги используются в ходе законных сделок для покупки необремененного имущества, например, недвижимости, машин, яхт, предметов искусства, ювелирных изделий (Kim, 2022). На этом этапе, если отмывание было проведено успешно, почти невозможно установить первоначальный источник средств (Kim, 2022).

B. Внутриигровая валюта и активы

Во многих видеоиграх, особенно многопользовательских мобильных и онлайн-играх, используются виртуальные валюты («золото» или «фишки», которые можно копить и обменивать на внутриигровые блага), а также активы, которые можно заработать, найти или получить из «лутбоксов» (Boyd et al., 2019; Cloward & Abarbanel, 2020, p. 107). Такими активами часто являются игровое оружие и «скины» – декоративные изменения в аватаре игрока, но это могут быть также дополнительные силы, транспортные средства и т. д.⁷ Внутриигровые валюты и активы (совокупно называемые «внутриигровые блага») выполняют несколько функций, делая игру более привлекательной для игрока и более прибыльной для производителя.

⁴ См. *History of Anti-Money Laundering Laws, Fin. Crimes Enft Network*. <https://www.fincen.gov/history-anti-money-laundering-laws>

⁵ См. (Dep't of the Treasury, 2022, pp. 34–35, 56–57); *The Three Stages of Money Laundering: The Characteristics of the Money Laundering Stages. Fin. Crime Acad.* <https://financialcrimeacademy.org/the-three-stages-of-money-laundering/> [<https://perma.cc/T25T-P7RE>].

⁶ См. *What Does Layering Mean in Money Laundering?*, Dow Jones. <https://www.dowjones.com/professional/risk/glossary/anti-money-laundering/layering/> [<https://perma.cc/8QUP-WUVV>].

⁷ См. (Boyd et al., 2019, p. 165; Cloward & Abarbanel, 2020, p. 107).

Сбор внутриигровых благ может быть условием завершения игры или дополнительной целью, или и тем и другим одновременно. При создании игры разработчики стараются сделать ее достаточно сложной, чтобы удерживать интерес игроков, но не настолько, чтобы они бросили играть⁸. В таком контексте, если сбор внутриигровых благ является условием игры, то он составляет отдельную задачу, которую игрок должен решить; если же сбор внутриигровых благ представляет собой отдельную цель, дополнительную к прохождению игры, то она побуждает игрока продолжать игру даже после того, как он ее прошел (Schell, 2015). Простой пример – игра *Super Mario 64*, хотя она не относится к массовым многопользовательским онлайн-играм. Основная цель игры – собрать «звездочки силы», которые даются за успешное выполнение миссий и заданий⁹. Хотя для прохождения игры нужно собрать только 70 звездочек, всего их 120¹⁰. Некоторые опытные игроки ставят себе цель как можно быстрее собрать все 120 звезд, хотя они уже много раз проходили эту игру¹¹.

Внутриигровые валюты и активы также дают разработчику дополнительный источник дохода, если игроки могут покупать их за реальные деньги. Такие покупки носят название «микротранзакции» (Messner, 2018). Игроки часто стимулированы на такие покупки, так как они либо дают им возможность повысить свой уровень или победить других игроков в многопользовательском режиме, либо эти активы наделяются социальной ценностью, так как демонстрируют игровые навыки или хороший вкус во внешнем облике персонажа (Berlo & Liblik, 2016, Boyd et al., 2019, p. 165). Сегодня крупнейшие производители игр получают большую часть прибыли от дополнительного контента и внутриигровых покупок, а не от продажи экземпляров самой игры (Needleman, 2020; Boyd et al., 2019, p. 165; Colagrossi, 2021).

Кроме возможности покупать и собирать внутриигровые блага, некоторые игры, особенно такие массовые многопользовательские онлайн-игры, как *World of Warcraft* и *RuneScape*, позволяют игрокам продавать свою валюту и активы другим игрокам (Boyd et al., 2019, pp. 167–168)¹². Это также повышает интерес к игре, так как игроки строят отношения друг с другом, получают взаимную выгоду, могут торговаться и приобретать игровые активы напрямую, что непросто осуществить в обычных играх (Yee, 2006). Торговля также усиливает впечатление, что в созданном игровом «мире» существует сообщество игроков (Yee, 2006; Boyd et al., 2019, p. 165).

Хотя некоторые игры позволяют обменивать виртуальную валюту на ценности реального мира (Crider, 2017 (обсуждаются игры *Second Life* и *Entropia Universe*)), в большинстве игр такой возможности нет, даже если в них есть торговля (Boyd et al., 2019, pp. 107, 167). Несмотря на это, популярность ряда игр привела в некоторых случаях к развитию вторичного рынка, где игроки продают внутриигровые товары, у иногда и целые аккаунты за национальную валюту или криптовалюту¹³. Такие сделки обычно запрещаются пользовательскими соглашениями игр, и владельцы пытались наказывать за них, закрывая аккаунты таких игроков и штрафуя операторов таких маркетплейсов (Boyd et al., 2019, p. 167)¹⁴.

С. Как происходит отмывание денег через видеоигры

Угроза отмывания денег имеет место тогда, когда (1) пользователи видеоигры могут обмениваться внутриигровыми благами друг с другом и (2) существует определенное место для обмена виртуальных активов на национальную или криптовалюту (Messner, 2018), даже если это запрещено правилами (Boyd et al., 2019, pp. 107, 167). В 2018 г. эксперт по киберпреступности профессор Jean-Loup Richet¹⁵ пояснил возможную схему криминального использования золота из игры *World of Warcraft* для отмывания украденных средств:

⁸ См. (Schell, 2015).

⁹ Super Mario 64. *Super Mario Wiki*. https://www.mariowiki.com/Super_Mario_64 [<https://perma.cc/GH9F-ACTS>].

¹⁰ *Id.*

¹¹ См. в целом Super Mario 64. *speedrun.com*. <https://www.speedrun.com/sm64> [<https://perma.cc/FK67-YKXJ>].

¹² См. в целом Trade. *Fandom: Wowpedia*. <https://wowpedia.fandom.com/wiki/Trade> [<https://perma.cc/JMY2-J2BG>]; Trading. *Fandom: RuneScape Wiki*. <https://runescape.fandom.com/wiki/Trading> [<https://perma.cc/U65V-MK2U>].

¹³ См. (Boyd et al., 2019, p. 167; Cloward & Abarbanel, 2020, p. 107; Heifetz & Krosnicki, 2020; Bowen, 2020).

¹⁴ См., например, First Amended Complaint, *Zynga Game Network Inc. v. Player Auctions, LLC*, No. CV 10-2576 (C.D. Cal. Sept. 8, 2010), 2010 WL 4783488.

¹⁵ Jean-Loup Richet. <https://richet.it> [<https://perma.cc/V868-NGNG>].

Допустим, я украл счет *Paypal* на 1000 евро... Первый шаг – запутать ситуацию. Хакер не отправит украденные средства сразу на свой личный банковский счет. Сначала сумма отправляется на два других фейковых аккаунта *Paypal*, созданные с помощью дистанционных инструментов администратора. <...>

Затем я использую обменник и переведу деньги в любую интернет-валюту. В зависимости от степени своей паранойи, я могу перевести их в биткойны, а затем с помощью другого обменника – в золотые монеты *World of Warcraft*.

Используя популярные веб-сайты, продающие игровое золото, также известные как «обменники»... хакер может купить игровое золото игры *World of Warcraft* на украденные деньги и получить его по электронной почте внутри игры либо встретиться с продавцом внутри игры. Затем хакер продает это золото за криптовалюту или иную валюту по своему желанию. На этом этапе происхождение денег практически невозможно отследить (Messner, 2018, цитируется профессор Jean-Loup Richet).

Точный способ получения выгоды в таких схемах неясен (Messner, 2018; Evdokimova, 2019). Профессор Richet утверждает, что отмывание крупных сумм описанным образом практически невозможно по двум основным причинам. Во-первых, транзакции между игроками обычно включают относительно небольшие суммы (Messner, 2018). Во-вторых, игрок, с которым взаимодействует преступник, может обмануть его, не выполнив свою часть сделки (Messner, 2018). Кроме того, каждая транзакция увеличивает риск того, что владелец игры распознает схему, конфискует золото и закроет аккаунт (Messner, 2018)¹⁶. В результате, хотя риск использования видеоигр для отмыwania денег обсуждается уже около десяти лет (Richet, 2013; Holden, 2018; Messner, 2018; Boyd et al., 2019, pp. 165–170; Evdokimova, 2019; Witbracht, 2019; Cloward & Abarbanel, 2020; Norton, 2020; Heifetz & Krosnicki, 2020; Kelly, 2021), законодатели и правоохранители не выделяют существенных ресурсов на отслеживание активов видеоигр (Messner, 2018).

II. Нормативно-правовая база для противодействия отмыванию денег

В США применяется развернутая нормативно-правовая база для предотвращения отмыwania денег и наказания тех, кто участвует и способствует этим преступлениям. В Разделе II настоящей работы мы опишем обязанности финансовых институтов по противодействию отмыванию денег и установленные законом наказания за их несоблюдение, а затем рассмотрим один из распространенных видов финансовых институтов – организации, оказывающие услуги по обмену валют и денежным переводам.

А. Обязанности финансовых институтов и наказания за их невыполнение

Противодействие отмыванию денег регулируется двумя основными федеральными законами: это Закон о банковской тайне (Bank Secrecy Act, BSA¹⁷) и Закон 18 U.S.C. § 1960. Закон о банковской тайне был первым федеральным законом в этой сфере, и он действует до сих пор¹⁸. С момента его введения в 1970 г. Конгресс вносил в него множество изменений через дополнительные акты с другими названиями; однако общий механизм регулирования по-прежнему известен как Закон о банковской тайне¹⁹. Раздел 1960 Закона 18 – это уголовный закон, устанавливающий наказание за участие в отмывании денег²⁰.

1. Закон о банковской тайне и его положения

Целью Конгресса при введении этого закона было «предотвратить отмывание денег и финансирование терроризма посредством... специально разработанных программ с элементами риска»²¹. Закон налагает на «финансовые институты» законные обязанности по ведению учета и информированию²². Понятие «финансовые институты» определяется широко, включая банки, инвестиционные компании, пункты обмена валют,

¹⁶ См. выше текст, соответствующий сноске 14.

¹⁷ Act of Oct. 26, 1970, Pub. L. No. 91-508, §§ 201-242, 84 Stat. 1114, 1118–24 (кодифицировано с изменениями в различных разделах законов 12 и 31 U.S.C.).

¹⁸ History of Anti-Money Laundering Laws, *Fin. Crimes Enft Network*. <https://www.fincen.gov/history-anti-money-laundering-laws>

¹⁹ См. в целом там же; *Off. of the Comptroller of the Currency*, 2002, pp. 4–6.

²⁰ См. 18 U.S.C. § 1960.

²¹ 31 U.S.C. § 5311(2).

²² См. в целом *id.* §§ 5311-5336.

финансовые компании, казино, брокеров и дилеров в области ценных бумаг, товаров, драгоценных металлов, драгоценных камней, ювелирных изделий, транспортных средств²³. Также в число финансовых институтов входят «любые [другие] предприятия... занимающиеся любой деятельностью, определяемой постановлением Секретаря Казначейства как деятельность, подобная, родственная или заменяющая любую деятельность», в которой участвуют перечисленные институты²⁴. В рамках этих полномочий Сеть по борьбе с финансовыми преступлениями (*Financial Crimes Enforcement Network*, далее – *Fin CEN*)²⁵ выпустила постановление, в котором упомянутые другие предприятия названы «организациями, оказывающими услуги по обмену валют и денежным переводам» (*money services business[es], MSBs*)²⁶.

Согласно положениям Закона о банковской тайне, на такие организации налагается ряд обязанностей. Во-первых, они должны регистрироваться в *FinCEN*²⁷. При этом они должны указывать ожидаемый объем сделок на будущий год, название и адрес компании, данные всех лиц, владеющих или управляющих компанией, данные директоров и ответственных сотрудников, а также депозитных учреждений компании²⁸. Первоначальная регистрация действует в течение двух лет, затем ее следует возобновлять²⁹.

Организации, оказывающие денежные услуги, должны «разрабатывать, внедрять и поддерживать эффективные программы противодействия отмыванию денег»³⁰. Эффективность программы определяется с учетом рисков, налагаемых сущностью и объемом предоставляемых финансовых услуг, ее способностью предотвращать отмывание денег и финансирование терроризма³¹. Как минимум программа должна: (1) определять меры, процедуры и средства внутреннего контроля, обеспечивающие соответствие нормам противодействия отмыванию денег; (2) определять лицо, ответственное за повседневную работу программы; (3) обеспечивать информирование и обучение соответствующего персонала относительно их обязанностей в рамках программы; (4) с известной периодичностью подвергаться проверкам со стороны независимого лица или организации на предмет адекватности данной программы³².

Кроме того, организации, оказывающие денежные услуги, должны заполнять отчет о любой проводимой через них сделке, превышающей 10 тысяч долл.³³ Эти отчеты должны включать имена и адреса обеих сторон, а также номер социального страхования или индивидуальный номер налогоплательщика принимающей стороны³⁴. Организация несет ответственность за достоверность этой информации и должна проверить соответствующие документы сторон³⁵. Закон прямо запрещает структурировать сделки таким образом, чтобы избежать обязанности отчитываться о них³⁶.

Кроме того, организации, оказывающие денежные услуги, должны докладывать о «подозрительных транзакциях»³⁷. Подозрительной считается транзакция объемом 2 тыс. долл. и выше, относительно которой организация «знает, подозревает или имеет основания подозревать, что данная сделка» (1) совершается с помощью средств, полученных от незаконной деятельности, или с целью скрыть средства, полученные

²³ *Id.* § 5312(a)(2).

²⁴ *Id.* § 5312(a)(2)(Y).

²⁵ *FinCEN* – это бюро министерства финансов США, выполняющее задачу охраны финансовой системы от незаконного использования и борющееся с отмыванием денег. См. What We Do, *Fin. Crimes Enft Network*. <https://www.fincen.gov/what-we-do> [<https://perma.cc/UJK6-ZCVB>].

²⁶ Bank Secrecy Act Regulations, 31 C.F.R. § 1010.100(ff) (2011).

²⁷ 31 U.S.C. § 5330; 31 C.F.R. § 1022.380.

²⁸ 31 U.S.C. § 5330(b).

²⁹ 31 C.F.R. § 1022.380(b)(2). Существует ряд ситуаций, когда организация, оказывающая денежные услуги, должна повторно пройти процедуру регистрации в *FinCEN* до истечения срока действия первоначальной регистрации: (1) в случае проведения перевода, превышающего 10 % акционерного капитала данной организации; (2) в случае если изменения в форме собственности или руководстве подпадают под требования закона штата о перерегистрации в данном штате; и (3) если произошло увеличение количества агентов компании более чем на 50 %. *Id.* § 1022.380(b)(4).

³⁰ *Id.* § 1022.210(a).

³¹ *Id.* § 1022.210(a)– b).

³² *Id.* § 1022.210(d).

³³ *Id.* § 1010.311.

³⁴ *Id.* § 1010.312.

³⁵ *Id.*

³⁶ *Id.* § 1010.314(c).

³⁷ *Id.* § 1022.320.

от незаконной деятельности, (2) совершается с целью избежать соблюдения требований отчетности или информирования, (3) не имеет никакой явной законной цели или (4) включает использование организации, оказывающей денежные услуги, для целей криминальной деятельности³⁸. Организации, оказывающие денежные услуги, обязаны хранить копии всех «Отчетов о подозрительной деятельности» и отчеты о сделках наличными размером более 10 тыс. долл. в течение пяти лет после их создания³⁹.

Несоблюдение требований Закона о банковской тайне строго наказывается. Во-первых, Казначейство США может потребовать от федерального суда вынести судебный запрет о несоблюдении требований закона и принудить к их выполнению⁴⁰. Во-вторых, «намеренное» нарушение требований закона наказывается штрафом от 25 до 100 тыс. долларов за каждый день, когда продолжалось нарушение⁴¹. С другой стороны, если нарушение было ненамеренным, то штраф не превышает 500 долл.; однако в этом случае Казначейство может оштрафовать за небрежные действия на сумму до 50 тыс. долл.⁴² Наконец, намеренное нарушение может повлечь уголовное наказание, включая сотни тысяч долларов штрафов и до пяти лет лишения свободы⁴³.

2. Закон 18 U.S.C. § 1960

Параграф 1960 Закона 18 был принят в 1992 г. в ответ на усиление угрозы отмывания денег через небанковские финансовые институты, такие как оплата покупок по телеграфу, позволяющая совершать быстрые и анонимные переводы средств (Linn, 2007). Стремясь поддержать деятельность штатов по противодействию отмыванию денег с помощью таких переводов⁴⁴, Конгресс принял § 1960, согласно которому отсутствие регистрации компании по переводу денег в соответствующем органе штата становилось федеральным уголовным преступлением⁴⁵. После того как решением Конгресса это требование о регистрации было включено в Закон о банковской тайне⁴⁶, Раздел 1960 был изменен таким образом, что отсутствие регистрации на федеральном уровне также стало преступлением⁴⁷. Наконец, в § 1960 был добавлен третий пункт, согласно которому уголовная ответственность наступает за перевод средств, заведомо полученных от незаконной деятельности или предназначенных для использования в ходе незаконной деятельности⁴⁸. Любое из этих нарушений ведет к уголовной ответственности⁴⁹.

Параграф 1960 содержит широкие положения. Во-первых, в законе говорится о любом лице, которое «заведомо ведет деятельность, контролирует, управляет, руководит, направляет или владеет полностью или частично организацией, переводящей деньги без лицензии, или заведомо переводит незаконные средства»⁵⁰. Кроме того, если в случае нарушения Закона о банковской тайне требуется, как правило, доказать, что ответчик намеренно нарушил закон или знал, что его действия незаконны, то § 1960 налагает серьезное наказание за отсутствие регистрации согласно федеральному закону или закону штата⁵¹. А также, в соответствии с третьим пунктом, не требуется доказывать, что переводимые средства действительно были получены от преступной деятельности, а лишь то, что ответчик знал, что они предназначены для незаконной цели⁵². Наказанием является штраф, или лишение свободы сроком до пяти лет, или и то и другое⁵³.

³⁸ *Id.* § 1022.320(a)(2).

³⁹ *Id.* §§ 1022.320(c), 1010.330(e)(3).

⁴⁰ 31 U.S.C. § 5320.

⁴¹ *Id.* § 5321(a)(1).

⁴² *Id.* § 5321(a)(6).

⁴³ *Id.* § 5322.

⁴⁴ См. ниже сноски 55–62 и соответствующий текст.

⁴⁵ 18 U.S.C. § 1960(b)(1)(A); (Linn, 2007, p. 144).

⁴⁶ См. выше сноски 27–29 и соответствующий текст.

⁴⁷ 18 U.S.C. § 1960(b)(1)(B); (Linn, 2007, p. 151).

⁴⁸ 18 U.S.C. § 1960(b)(1)(C); (Linn, 2007, pp. 158–159).

⁴⁹ 18 U.S.C. § 1960(b)(1).

⁵⁰ *Id.* § 1960(a).

⁵¹ См. (Linn, 2007, p. 140).

⁵² 18 U.S.C. § 1960(b)(1)(C).

⁵³ *Id.* § 1960(a).

В. Что такое «организация, оказывающая денежные услуги»?

Поскольку организации, оказывающие денежные услуги, имеют обширные обязанности и подлежат наказанию за их невыполнение, очень важно определить, какие компании входят в эту категорию. Согласно определению *FinCEN*, оказывать денежные услуги может лицо или компания, ведущая бизнес в США на регулярной или нерегулярной основе в качестве «дилера иностранной валюты», пункта обналичивания чеков, «эмитента или продавца дорожных чеков или денежных ордеров», «поставщика предоплаченных услуг», «продавца предоплаченных услуг», «поставщика услуг по переводу денег»⁵⁴. Таким образом, содержание термина очень обширно.

Поставщиком услуг по переводу денег является лицо или компания, «которая предоставляет услуги по переводу денежных средств» или иным образом «занимается переводами денежных средств»⁵⁵. Услуги по переводу денежных средств – это «принятие валюты, фондов и других ценностей, заменяющих валюту, от одного лица и передача валюты, фондов и других ценностей... в другое место или другому лицу любым способом»⁵⁶. Будет ли компания считаться поставщиком услуг по переводу денежных средств, зависит от конкретных фактов и обстоятельств в каждом отдельном случае⁵⁷. Иными словами, компания будет отнесена к этой категории, а значит, будет подпадать под положения Закона о банковской тайне на основании своей деятельности, а не того, как она себя позиционирует⁵⁸. Таким образом, может сложиться ситуация, что одна компания является организацией, оказывающей денежные услуги (если она предоставляет услуги по переводу денежных средств), а конкурирующая с ней компания не является таковой, а значит, не подпадает под положения Закона о банковской тайне⁵⁹. Аналогично, компания может быть поставщиком услуг по переводу денежных средств, работая с транзакциями или со счетами⁶⁰. В первом случае речь идет о разовых сделках, когда не формируется постоянных отношений с клиентами и валюта или иные ценности остаются в организации только в течение времени, необходимого для совершения перевода⁶¹. Во втором случае организация создает счет, на котором хранятся средства или ценности клиента и с которого тот может переводить средства в различное время и в различных объемах⁶².

III. Являются ли производители игр, использующих внутриигровые блага, поставщиками услуг по переводу денежных средств?

В данном разделе мы попытаемся ответить на важный вопрос – являются ли производители игр, использующих внутриигровые блага, поставщиками услуг по переводу денежных средств, у значит, должны ли они подчиняться законодательству о противодействии отмыванию денег. Чтобы производитель игр был признан поставщиком услуг по переводу денежных средств, должны соблюдаться следующие условия: (1) внутриигровые блага должны являться «денежными средствами или иными заменителями валюты», а также (2) производитель должен «заниматься передачей» этих внутриигровых благ⁶³. Эти условия должны проверяться индивидуально для каждой игры и каждого производителя⁶⁴.

⁵⁴ 31 C.F.R. § 1010.100(ff)(1)-(7) (2011). Почтовая служба США является организацией, осуществляющей перевод денежных средств. *Id.* § 1010.100(ff)(6).

⁵⁵ *Id.* § 1010.100(ff)(5)(i).

⁵⁶ *Id.* § 1010.100(ff)(5)(i)(A).

⁵⁷ *Id.* § 1010.100(ff)(5)(ii).

⁵⁸ См. Fin. Crime Enf't Network, FIN-2019-G001, Application of FinCEN's Regulations to Certain Business Models Involving Convertible Virtual Currencies 7-8 (2019), <https://www.fincen.gov/sites/default/files/2019-05/FinCEN%20Guidance%20CVC%20FINAL%20508.pdf> [<https://perma.cc/SR8W-DTZJ>].

⁵⁹ *Id.*

⁶⁰ *Id.*, p. 8.

⁶¹ *Id.*

⁶² *Id.*

⁶³ См. 31 C.F.R. § 1010.100(ff)(5)(i) (2011).

⁶⁴ См. *id.* § 1010.100(ff)(5)(ii).

А. Являются ли внутриигровые блага «денежными средствами или иными заменителями валюты»?

FinCEN считает конвертируемые виртуальные валюты (*convertible virtual currencies, CVCs*), такие как биткоин, «денежными средствами» согласно федеральному законодательству, поскольку такие валюты либо имеют эквивалент ценности в качестве валюты, либо действуют как заменители валюты⁶⁵. Эта позиция соответствует ряду решений окружных судов, в которых биткоин и другие подобные виртуальные валюты расценивались как денежные средства согласно Закону 18 U.S.C. §§ 1960 и 1956⁶⁶. В этих решениях суды исследовали обычное значение понятия «денежные средства», а именно «доступные денежные ресурсы»⁶⁷. «Денежные» означает «принимающие форму денег или состоящие из денег», а «деньги» определяются как «нечто, общепринятое в качестве средства обмена... или средство платежа»⁶⁸. Поскольку криптовалюты «могут быть легко приобретены в обмен на обычную валюту, выступать в качестве меры ценности и использоваться для проведения финансовых транзакций», то они подпадают под обычное определение понятия «денежные средства»⁶⁹.

Следовательно, вопрос в том, являются ли внутриигровые блага по сути аналогичными криптовалютам, т. е., по определению *FinCEN*, «конвертируемой виртуальной валютой», а значит, «денежными средствами», или они отличаются от криптовалют, а значит, не являются «денежными средствами» и «иными ценностями, заменяющими валюту». От ответа на этот вопрос будут зависеть: (1) возможность продавать и покупать внутриигровой контент, (2) существование или отсутствие рынка, на котором игроки могли бы обменять внутриигровые блага на реальные деньги или криптовалюту, и (3) политика производителя игр в отношении законного статуса внутриигровой валюты и сделок между игроками (Boyd et al., 2019, p. 167). Ни один из этих факторов не является определяющим сам по себе; скорее, в каждом отдельном случае факты и обстоятельства будут поддерживать или опровергать мнение, что внутриигровые блага конкретной игры представляют собой «денежные средства»⁷⁰.

1. Политика «Никакого права собственности на внутриигровые блага»

Базируясь на политике производителя видеоигры, условия пользовательского соглашения обычно проясняют, что внутриигровая валюта и активы «не имеют стоимости в денежном выражении и не могут быть обменены на реальные деньги» (Boyd et al., 2019, p. 107)⁷¹. Кроме того, согласно условиям, игроки «не обладают правом собственности или иными имущественными интересами в отношении таких виртуальных предметов»; напротив, производитель обладает «всеми правами в отношении всего контента, присутствующего» в игре (Boyd et al., 2019, p. 107). Более того, игроки «не имеют права покупать, продавать, передавать или обменивать на реальные деньги какие-либо виртуальные предметы за пределами игры или предлагать сделать это», а производитель «не признает никакой покупки, продажи, передачи или обмена... совершенных вне игры» (Boyd et al., 2019, p. 107). Включение этой формулировки не приводит к признанию внутриигровых благ «денежными средствами». Напротив, положение о том, что такие предметы не имеют денежной стоимости, а сделки между пользователями вне игры являются «ничтожными» (Boyd et al., 2019, p. 107), а также введение наказаний за такие действия с целью предотвратить использование этих благ в качестве «средства обмена», дает возможность производителю показать, что внутриигровые блага не являются денежными средствами и деятельность компании не подпадает под Закон о банковской тайне (Boyd et al., 2019, p. 167).

⁶⁵ Fin. Crime Enf't Network, см. выше сноску 58, p. 7.

⁶⁶ См. *United States v. Murgio*, 209 F. Supp. 3d 698, 707 (S.D.N.Y. 2016); *United States v. Ulbricht*, 31 F. Supp. 3d 540, 570 (S.D.N.Y. 2014); *United States v. Faiella*, 39 F. Supp. 3d 544, 545-46 (S.D.N.Y. 2014); *United States v. Stetkiw*, No. 18-20579, 2019 WL 417404, at *1-3 (E.D. Mich. Feb. 1, 2019); *United States v. Budovsky*, No. 13-cr-368, 2015 WL 5602853, at *14 (S.D.N.Y. Sept. 23, 2015); *United States v. E-Gold, Ltd.*, 550 F. Supp. 2d 82, 88-93 (D.D.C. 2008).

⁶⁷ См., например, *Murgio*, 209 F. Supp. 3d at 707.

⁶⁸ *Id.*

⁶⁹ *Id.* (цитируется дело *United States v. Faiella*, 39 F. Supp. 3d 544, 545 (S.D.N.Y. 2014)).

⁷⁰ См. *Fin. Crime Enf't Network*, выше сноску 58, pp. 2-3.

⁷¹ См. также *Motion for a Judgment of Acquittal or, Alternatively, Motion for a New Trial* at 10, *United States v. Clark*, No. 16-cr-00205 (N.D. Tex. Dec. 11, 2016) (на основе Условий пользовательского соглашения компании *Electronic Arts* аргументируется, почему «монеты *FIFA*» не являются деньгами или имуществом).

2. Возможность продажи, выкупа и рынки внутриигровых благ

Существует целый ряд признаков игр, которые могут способствовать или противоречить мнению о том, что конкретная внутриигровая валюта является «денежным средством или иным заменителем валюты». На одном конце этого ряда мы видим, что некоторые игры вообще не имеют внутриигровой валюты или активов. Очевидно, что для таких игр риск отмывания денег отсутствует, а их производители не являются поставщиками услуг по переводу денежных средств.

а. Игры с режимом замкнутой связи

Следующая категория игр в этом ряду включает такие игры, в которых игроки собирают внутриигровую валюту и активы, но не могут обмениваться ими друг с другом или обменивать виртуальные предметы на реальные деньги. Такие системы носят название «режим замкнутой связи» (Boyd et al., 2019, pp. 167–168). Например, в игре *Grand Theft Auto V* участники могут собирать внутриигровые деньги, оружие, автомобили и даже одежду, но не могут обмениваться ими с другими игроками онлайн (Puleo, 2021). В таком режиме мнение, что внутриигровая валюта и активы являются «денежными средствами», находит слабое подтверждение. Поскольку нельзя обмениваться внутриигровым контентом между двумя аккаунтами, единственной возможностью остается передача другому игроку всего аккаунта целиком. Хотя такие продажи осуществляются на вторичных рынках⁷², в этих случаях аккаунт, в отличие от криптовалюты, выступает скорее продаваемым продуктом, чем «мерой стоимости», используемой для обмена⁷³. Кроме того, предметом обмена является аккаунт, а не внутриигровой контент. Таким образом, даже если аккаунт воспринимается как «средство обмена», именно он становится этим средством, а не внутриигровые блага, содержащиеся в нем. Следовательно, в случае игр с режимом замкнутой связи маловероятно, что виртуальная валюта будет являться «денежным средством или иным заменителем валюты».

б. Игры с режимом частично открытой обратной связи

Игры следующей категории – с режимом частично открытой обратной связи – позволяют игрокам обмениваться друг с другом внутриигровой валютой или активами, но не позволяют обменивать их на реальные деньги⁷⁴. Например, в игре *World of Warcraft* решение вопроса о том, являются ли внутриигровые предметы «денежными средствами», будет зависеть от двух других факторов: существует ли устоявшийся рынок для обмена таких предметов на деньги и как производитель относится к сделкам на вторичном рынке.

Если существует вторичный рынок внутриигровых предметов, игроки могут получить за них реальные деньги, а значит, существует риск отмывания денег⁷⁵. Если производитель поощряет или намеренно игнорирует торговлю внутриигровыми предметами за реальные деньги, то это может говорить о том, что такие предметы используются в качестве «средства обмена» или «средства платежа». Следовательно, они могут являться «денежными средствами», даже если их нельзя обменять напрямую через производителя. С другой стороны, если такого рынка не существует, то, как и в случае игр с замкнутой обратной связью, внутриигровые предметы, вероятно, не будут считаться «денежными средствами», так как они не используются в качестве «средства обмена». Наконец, если устоявшийся рынок для обмена внутриигровых предметов на деньги существует, но производитель запрещает такие транзакции, то такие предметы, вероятно, не будут считаться «денежными средствами», при условии что контроль производителя за выполнением его политики постоянен и достаточно эффективен.

с. Игры с режимом открытой обратной связи

Наконец, существуют системы с «открытой обратной связью», в которых игроки могут обмениваться предметами друг с другом, обменивать их на реальные деньги и, возможно, даже пользоваться виртуальной валютой или предметами во множестве игр в игровой вселенной данного производителя (Boyd et al., 2019,

⁷² См. выше сноску 13 и соответствующий текст; Buy Game Accounts, PlayerAuctions, <https://www.playerauctions.com/about/buy-game-accounts/> [<https://perma.cc/HWU3-ASJR>].

⁷³ Ср. *United States v. Murgio*, 209 F. Supp. 3d 698, 707 (S.D.N.Y. 2016) (в отличие от биткоина игровые аккаунты в целом не «принимаются в качестве оплаты за товары и услуги, их нельзя купить напрямую на бирже с помощью банковского счета» (цитирование опущено)).

⁷⁴ Ср. (Boyd et al., 2019, p. 168) (описаны различия между системами с открытой и закрытой обратной связью).

⁷⁵ См. выше Раздел I.C.

pp. 167–168). На самом деле такие игры относительно редки⁷⁶. В них внутриигровые блага наиболее близки к понятию «денежные средства», а впечатление, что внутриигровая валюта и активы имеют реальную денежную стоимость, наиболее сильно. Если транзакции, включающие внутриигровые предметы и реальные ценности, совершаются часто, то такие предметы (например, криптовалюта) служат «средством обмена» и «мерой стоимости», а значит, являются «денежными средствами или иными заменителями валюты»⁷⁷.

В. Оказывают ли производители игр услуги по переводу денежных средств?

Даже если конкретная внутриигровая валюта считается «денежным средством» или конвертируемой виртуальной валютой, производитель игры, чтобы являться поставщиком услуг по переводу денежных средств, должен оказывать «услуги по переводу денежных средств» или быть «занятым в переводе средств»⁷⁸. Услуги по переводу денежных средств определяются как принятие валюты, фондов и других ценностей, заменяющих валюту, от одного лица и передача таковых в другое место или другому лицу⁷⁹.

1. Продажа и обмен внутриигровой валюты

Примечательно, что если внутриигровая валюта расценивается как конвертируемая виртуальная валюта, то производитель игры, который продает внутриигровую валюту за реальные деньги, будет считаться поставщиком услуг по переводу денежных средств. Согласно пояснению *FinCEN*, продавец конвертируемой виртуальной валюты, принимающий реальные деньги от пользователя и передающий их на аккаунт конвертируемой виртуальной валюты этого пользователя, является поставщиком услуг по переводу денежных средств, за исключением некоторых случаев, оговоренных в законе⁸⁰. Поскольку продавец переводит «ценности, заменяющие валюту», с банковского счета пользователя и передает их в другое место – на его счет конвертируемой виртуальной валюты, значит, он оказывает услугу по переводу денежных средств⁸¹. Согласно такой широкой интерпретации⁸², любой производитель игр, который позволяет игрокам покупать внутриигровую валюту за реальные деньги (если внутриигровая валюта расценивается как конвертируемая виртуальная валюта), является поставщиком услуг по переводу денежных средств.

Обратная операция, т. е. «покупка» внутриигровой валюты, собранной игроком, за реальные деньги или иные ценности, также представляет собой услугу по переводу денежных средств⁸³. В такой ситуации произ-

⁷⁶ См. (Crider, 2017) («В иных, более мелких играх были сделаны попытки создать системы «экономики реальных денег», с различной степенью успешности; многие из них быстро исчезли или так и остались на стадии разработки»).

⁷⁷ Игры, включающие *NFT*, могут быть системами с открытой обратной связью. См. в целом (Conti, 2023). Недавно такие видеоигры, как *Axie Infinity*, и фантазийные спортивные игры, такие как *Sorare*, ввели *NFT* как элемент игры, который, по словам разработчиков, повысит интерес к игре, позволяя игрокам приобретать и обменивать уникальные карты *NFT*, спекулировать на их будущей стоимости и следить за их ростом. См. в целом *Axie Infinity*. <https://axieinfinity.com> [<https://perma.cc/Q9P8-KZVV>]; *Sorare*. <https://sorare.com> [<https://perma.cc/8KV8-VFE9>]. Однако такие внутриигровые *NFT*, вероятно, не будут считаться «денежными средствами», поскольку каждый *NFT* является невзаимозаменяемым. Они не являются «располагаемыми денежными ресурсами» и не используются в качестве «меры стоимости» или «средства обмена». Действительно, в недавнем докладе *FinCEN* объяснялось, что «цифровые активы, являющиеся уникальными, у не взаимозаменяемыми и использующиеся на практике в большей степени как предметы коллекционирования, чем как инструменты платежей или инвестиций, в зависимости от их характеристик в целом не рассматриваются как «заменители валют». Dep't of the Treasury, Study of the Facilitation of Money Laundering and Terror Finance Through the Trade in Works of Art 26 (2022). https://home.treasury.gov/system/files/136/Treasury_Study_WoA.pdf [<https://perma.cc/9H2B-2WKL>]; см. также (Losurdo, 2022). Однако см. (Proctor, 2022) (утверждается, что разработчики видеоигр, предлагающие *NFT*, вероятно, должны регистрироваться в качестве поставщиков услуг по переводу денежных средств, применять политику проверки клиентов и предоставлять отчеты о подозрительной деятельности).

⁷⁸ 31 C.F.R. § 1010.100(ff)(5)(i) (2011).

⁷⁹ *Id.*

⁸⁰ Fin. Crime Enf't Network, FIN-2013-G001, Application of FinCEN's Regulations to Persons Administering, Exchanging, or Using Virtual Currencies 4 (2013). <https://www.fincen.gov/sites/default/files/shared/FIN-2013-G001.pdf> [<https://perma.cc/UH8L-VETX>]; Fin. Crime Enf't Network, выше сноску 58, pp. 13–14; См. также ниже Раздел III.C.

⁸¹ Fin. Crime Enf't Network, см. выше сноску 80, p. 4.

⁸² См. Fin. Crime Enf't Network, выше сноску 58, p. 13 («Руководство 2013 г. [о виртуальной валюте] также поясняет, что *FinCEN* широко интерпретирует термин «другое место»» (цитирование опущено)).

⁸³ Cp. Fin. Crime Enf't Network, FIN-2014-R011, Request for Administrative Ruling on the Application of FinCEN's Regulations to a Virtual Currency Trading Platform 3-4 (2014), <https://www.fincen.gov/sites/default/files/shared/FIN-2014-R011.pdf> [<https://perma.cc/PP2R-EM86>] (отклонив мнение о том, что платформа по торговле виртуальной валютой не является организацией, осущест-

водитель принимает внутриигровую валюту, т. е. «ценности, заменяющие валюту», от одного лица и передает реальные деньги в другое место, обычно на банковский счет этого лица. Таким образом, производитель игр с открытой обратной связью, который дает возможность игрокам обменивать внутриигровую валюту на реальные деньги, оказывает услуги по переводу денежных средств, если считать внутриигровую валюту конвертируемой виртуальной валютой.

2. Внутриигровой обмен

Даже если игра не позволяет игрокам обменивать внутриигровую валюту на реальные деньги, но позволяет обменивать внутриигровую валюту на внутриигровые активы, она может считаться поставщиком услуг по переводу денежных средств. Однако в большинстве случаев такая ситуация маловероятна. Это ситуация игр с частично открытой обратной связью⁸⁴. Как правило, чтобы возможность такого обмена представляла собой услугу по переводу денежных средств, внутриигровые блага должны являться конвертируемой виртуальной валютой⁸⁵. Как объясняется в Разделе III.A, вопрос о том, являются ли внутриигровые блага в играх с частично открытой обратной связью конвертируемой виртуальной валютой, зависит от существования вторичных рынков, на которых игроки могут обменять внутриигровые блага на реальные деньги, а также от того, в какой степени производитель запрещает такие действия⁸⁶.

Если внутриигровые блага являются конвертируемой виртуальной валютой, то игра, позволяющая игрокам обмениваться внутриигровыми благами друг с другом (иными словами, обменивать одну конвертируемую виртуальную валюту на другую), вероятно, может считаться поставщиком услуг по переводу денежных средств. Согласно пояснению *FinCEN*, компания, осуществляющая перевод одного типа конвертируемой виртуальной валюты в другой, является поставщиком услуг по переводу денежных средств⁸⁷. Аналогично платформа по торговле конвертируемой виртуальной валютой, осуществляющая обмен между двумя сторонами, также является поставщиком услуг по переводу денежных средств⁸⁸.

Однако большинство игр с частично открытой обратной связью, по-видимому, не оказывают услуг по переводу денежных средств, поскольку, даже если *внутриигровая валюта* (например, золото в игре *World of Warcraft*) считается конвертируемой виртуальной валютой, маловероятно, чтобы *внутриигровые активы* (например, скин для аватара)⁸⁹ также считались конвертируемой виртуальной валютой. Так же, как в реальном мире, не имеет смысла обменивать валюту на такую же валюту. Участники обычно обменивают *виртуальную валюту* на *виртуальные активы*, и наоборот. Иначе говоря, один игрок продает внутриигровой актив (например, скин, т. е. продукт), у другой игрок покупает его за внутриигровую валюту. Таким образом, чтобы признать производителя обменным пунктом или платформой по торговле конвертируемой виртуальной валютой, обе формы стоимости – и внутриигровая валюта, и внутриигровой актив – должны являться «средством обмена» и «мерой стоимости». Теоретически это возможно, но представляется маловероятным в большинстве случаев.

С. Комплексная льгота

Даже если производитель игры принимает и передает конвертируемую виртуальную валюту, он может получить льготное освобождение от статуса поставщика услуг по переводу денежных средств. В рамках одной из таких льгот лицо, «принимающее и передающее средства исключительно в комплексе с продажей товаров или предоставлением услуг, отличных от услуг по переводу денежных средств», не является по-

вляющей денежные переводы, *FinCEN* постановил, что при любых таких сделках «происходят две операции по переводу денег: одна между компанией и клиентом, желающим купить виртуальную валюту, и вторая между компанией и клиентом, желающим продать таковую валюту по тому же обменному курсу»).

⁸⁴ См. выше сноску 74 и соответствующий текст.

⁸⁵ См. выше сноску 63 и соответствующий текст.

⁸⁶ См. выше текст, соответствующий сноскам 74–75.

⁸⁷ *Fin. Crime Enf't Network*, выше сноску 58, pp. 14–15.

⁸⁸ *Id.*, pp. 23–24; *Fin. Crime Enf't Network*, выше сноску 83. Следует отличать платформы, торгующие конвертируемой виртуальной валютой, от платформ, которые просто предоставляют покупателям и продавцам возможность встретиться и обсудить условия перед совершением сделки вне платформы. Такие форумы не являются поставщиками услуг по переводу денежных средств. *Fin. Crime Enf't Network*, выше сноску 58, pp. 23–24.

⁸⁹ См. выше сноску 7 и соответствующий текст.

ставщиком услуг по переводу денежных средств⁹⁰. Согласно пояснению *FinCEN*, существуют «три основных условия, которые должны быть выполнены» для применения комплексной льготы: (1) перевод средств должен составлять неотъемлемую часть предоставления товаров или услуг, (2) льгота может быть предоставлена только компании, которая занимается продажей товаров или оказанием услуг, и (3) перевод средств должен быть необходим для предоставления товаров или услуг⁹¹.

Производители игр могут претендовать на получение такой комплексной льготы (Heifetz & Krosnicki, 2020). Они оказывают услугу, которая не является услугой по переводу денежных средств: это работа онлайн-сети, в которой игроки взаимодействуют и соревнуются друг с другом (Heifetz & Krosnicki, 2020). По-видимому, передача внутриигровых благ является существенной для игры в многопользовательском режиме и для возможности производителя оплачивать функционирование видеоигры⁹². Таким образом, в той мере, в какой внутриигровые блага являются конвертируемой виртуальной валютой, перевод производителем этой конвертируемой виртуальной валюты (будь то от производителя к игроку или между игроками) является частью предоставления услуги онлайн-игры в многопользовательском режиме и необходим для нее.

Заключение

По мере развития технологий и норм в области виртуальной валюты угроза отмывания денег с помощью видеоигр будет вызывать все большую озабоченность как регулирующих органов, так и производителей игр, которые сталкиваются с усилением регулирования. В этих условиях производитель будет вынужден соответствовать требованиям Закона о банковской тайне, что связано с неизвестными до сих пор трудностями. Большинство ныне существующих игр принадлежат к типам игр с закрытой и с частично открытой обратной связью; они не подпадают под действие Закона о банковской тайне, пока производитель придерживается политики «Никакого права собственности на внутриигровые блага» и принимает разумные меры для предотвращения использования внутриигровых благ в качестве средства обмена. Однако по мере того, как компании осваивают метавселенные, системы с открытой обратной связью становятся все более привлекательными и угроза отмывания денег может возрасти. Таким образом, юристы, работающие в этой области, должны внимательно относиться к данной проблеме (Witkowski, 2021).

Список литературы / References

- Bailey, L. (2019, Nov. 8). Managing the Impact of AML Compliance: Technology vs. Human Capital. *Corp. Compliance Insights*. <https://www.corporatecomplianceinsights.com/aml-compliance-costs/> [https://perma.cc/EDS7-HV9J].
- Bowen, Th. (2020, Oct. 1). 10 Video Game Currencies and Their Real World Values. *GameRant*. <https://gamerant.com/video-game-currency-real-world-value/> [https://perma.cc/6RTG-3UG4].
- Boyd, S. G., Pyne, B., & Kane, S. F. (2019). *Video Game Law: Everything You Need to Know About Legal and Business Issues in the Game Industry*. CRC Press.
- Bryans, D. (2014). Note, Bitcoin and Money Laundering: Mining for an Effective Solution. *Ind. L.J.*, 89, 441, 456–469.
- Cloward, G., & Abarbanel, B. L. (2020). In-Game Currencies, Skin Gambling, and the Persistent Threat of Money Laundering in Video Games. *UNLV Gaming L.J.*, 10, 105, 114.
- Colagrossi, M. (2021, Aug. 27). How Microtransactions Impact the Economics of Gaming. *Investopedia*. <https://www.investopedia.com/articles/investing/022216/how-microtransactions-are-evolving-economics-gaming.asp> [https://perma.cc/SSF6-VNUF].
- Conti, R. (2023, Mar. 17). What Is An NFT?: Non-Fungible Tokens Explained. *Forbes*. <https://www.forbes.com/advisor/investing/cryptocurrency/nft-non-fungible-token/> [https://perma.cc/E67K-MJN3].
- Crider, M. (2017, May 16). How to Make Real Money Playing Video Games. *How-To Geek*. <https://www.howtogeek.com/306389/how-to-make-real-money-playing-video-games/> [https://perma.cc/U7SB-UKSG].

⁹⁰ 31 C.F.R. § 1010.100(ff)(5)(ii)(F) (2011) (выделено автором статьи).

⁹¹ Fin. Crime Enf't Network, выше сноску 83, p. 4.

⁹² (Heifetz & Krosnicki, 2020). Передача внутриигровых благ приобретает особую значимость, если игра является бесплатным или условно-бесплатным мобильным приложением.

- Dep't of the Treasury. (2022, February). *National Money Laundering Risk Assessment*, 620, 24–29. <https://home.treasury.gov/system/files/136/2022-National-Money-Laundering-Risk-Assessment.pdf> [https://perma.cc/4SPS-TFYK].
- Evdokimova, T. (2019, Jan. 24). Criminals Are Using Fortnite to Launder Money. *Slate*. <https://slate.com/technology/2019/01/fortnite-video-games-money-laundering-scams.html> [https://perma.cc/JVZ4-NQ2S].
- Heifetz, S. R., & Krosnicki, J. E. (2020, May 27). How Gaming Companies Can Become Inadvertent Money Services Businesses. *Wilson Sonsini*. <https://www.wsgr.com/en/insights/how-gaming-companies-can-become-inadvertent-money-services-businesses.html> [https://perma.cc/NBM8-LWG4].
- Holden, J. T. (2018). Trifling and Gambling with Virtual Money. *UCLA Ent. L. Rev.*, 25, 41, 71–74.
- Kelly, Sh. (2021). Money Laundering Through Virtual Worlds of Video Games: Recommendations for a New Approach to AML Regulation. *Syracuse L. Rev.*, 71, 1485.
- Kim, P. (2022, Jan. 21). Money Laundering: How Dirty Money Enters the Financial System. *Bus. Insider*. <https://www.businessinsider.com/personal-finance/what-is-money-laundering> [https://perma.cc/SF4K-X5HA].
- Linn, C. J. (2007). One-Hour Money Laundering: Prosecuting Unlicensed Money Transmitting Businesses Under 18 U.S.C. § 1960. *U.C. Davis Bus. L.J.*, 8, 137, 138–139.
- Losurdo, N. J. (2022, Feb. 17). FinCEN Issues Report Addressing NFTs. *Goodwin Procter*. <https://www.digitalcurrencyperspectives.com/2022/02/17/fincen-issues-report-addressing-nfts/> [https://perma.cc/4RP8-UPLW].
- Messner, S. (2018 Apr. 13). How Microtransactions and In-Game Currencies Can Be Used to Launder Money. *PC Gamer*. <https://www.pcgamer.com/how-microtransactions-and-in-game-currencies-can-be-used-to-launder-money/> [https://perma.cc/Z478-2ZEG].
- Needleman, S. E. (2020, Oct. 31). From 'Fall Guys' to 'Among Us,' How America Turned to Video Games Under Lockdown. *Wall St. J.* <https://www.wsj.com/articles/from-fall-guys-to-among-us-how-america-turned-to-videogames-under-lockdown-11604116815> [https://perma.cc/FUT4-32B8].
- Norton, A. (2020, Feb. 28). Gaming the System: Money Laundering Through Microtransactions and In-Game Currencies. *Pa. St. Univ. J.L. & Int'l Affs. Blog*. <https://sites.psu.edu/jlia/gaming-the-system-money-laundering-through-microtransactions-and-in-game-currencies/> [https://perma.cc/Q589-QGEU].
- Office of the Comptroller of the Currency. (2002, December). *Money Laundering: A Banker's Guide to Avoiding Problems*. <https://www.occ.gov/publications-and-resources/publications/banker-educationfiles/pub-money-laundering-bankers-guide-avoiding-probs.pdf> [https://perma.cc/XEV2-Q43A].
- Proctor, S. (2022, Jan. 26). What Do NFTs in Video Games Mean for AML?, *AML RightSource*. <https://www.amlrightsource.com/news/what-does-nfts-in-video-gaming-mean-for-aml> [https://perma.cc/Q9HP-WLEP].
- Puleo, A. J. (2021, Jan. 25). GTA Online: How to Give Money to Other Players. *Game Rant*. <https://gamerant.com/gta-online-give-money-guide/> [https://perma.cc/7V38-MWEF].
- Richet, J.-L. (2013). *Laundering Money Online: A Review of Cybercriminals' Methods*. <https://arxiv.org/pdf/1310.2368.pdf> [https://perma.cc/GE7Y-PH78].
- Roomberg, M. (2023). The video game industry's money laundering problem: when do game publishers become money transmitters?, *Fordham Law Review Online*, 91, 161–177.
- Schell, J. (2015). *The Art of Game Design: A Book of Lenses* (2d ed.).
- van Berlo, K., & Liblik, K.-Ch. (2016, May 23). *The Business of Micro Transactions* (M.B.A. thesis, Jonkoping University) (имеется в распоряжении автора).
- Witbracht, Ch. (2019, Dec. 19). Level Up: Video Games and AML. *Ass'n Certified Anti-Money Laundering Specialists*. <https://www.acamstoday.org/level-up-video-games-and-aml/> [https://perma.cc/X4HH-3UGH].
- Witkowski, W. (2021, Jan. 2). Videogames Are a Bigger Industry than Movies and North American Sports Combined, Thanks to the Pandemic, *MARKETWATCH*. <https://www.marketwatch.com/story/videogames-are-a-bigger-industry-than-sportsand-movies-combined-thanks-to-the-pandemic-11608654990> [https://perma.cc/TNJ5-KAT5].
- Yee, N. (2006). The Psychology of Massively Multi-User Online Role-Playing Games: Motivations, Emotional Investment, Relationships and Problematic Usage. In R. Schroeder, & A.-S. Axelsson (Eds.), *Avatars at Work and Play: Collaboration and Interaction in Shared Virtual Environments* (pp. 187, 191–192, 196–198).

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 20.06.2023

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 28.07.2023

Дата принятия в печать / Accepted 10.08.2023

Ш. Ходжен¹,
К. Вушке²

¹ Университет Калифорнии, г. Ирвин, США

² Университет штата Орегон в Портленде, г. Портленд, США

Трава всегда зеленее: анализ концентрации и видов преступности в городских зеленых пространствах

Переводчик Е. Н. Беляева

Контактное лицо:

Шайенн Ходжен, Университет Калифорнии, кафедра криминологии, права и общества

E-mail: chodgen@uci.edu

Кэтрин Вушке, Университет штата Орегон в Портленде

Аннотация

Цель: выявление уровня криминогенности городских зеленых пространств и их взаимосвязи с определенными видами преступлений.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический и социологический.

Результаты: городские зеленые пространства играют важную роль в городском ландшафте. Исследования прошлых лет показывают, что они обладают многочисленными преимуществами для здоровья и социального благополучия жителей. Однако они дают противоречивые результаты относительно связи между зелеными пространствами и преступностью. В ряде работ указывается, что такие места обладают повышенной криминогенностью, тогда как в других утверждается, что они снижают уровень преступности. В данном исследовании указанная связь рассмотрена на примере города Портленд (штат Орегон) с учетом различных типов зеленых зон и различных типов преступлений.

Научная новизна: в работе представлена новая методика измерения степени концентрации и видов преступности в конкретных типах местностей, которая состоит в применении понятия буферных зон уличной сети к стандартным показателям коэффициента локализации (*Location Quotient, LQ*). Результаты показывают, что зеленые зоны Портленда в целом не являются местом концентрации преступности; однако при исследовании различных типов преступности и зеленых зон были обнаружены интересные закономерности. Было выявлено превышение концентрации преступности вблизи небольших парков; другие виды зеленых зон также связаны с определенными видами преступности. Некоторые виды зеленых зон оказались менее криминогенными, чем ожидалось, что потенциально показывает тенденцию к их защитной роли. Полученные результаты подчеркивают необходимость тщательно анализировать как типы преступлений, так и типы городских зеленых пространств с целью лучшего понимания сложных взаимоотношений между ними.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с минимизацией преступности на территории городских зеленых пространств.

© Ходжен Ш., Вушке К., 2023. Впервые опубликовано на русском языке в журнале *Russian Journal of Economics and Law* (<https://rusjel.ru>) 25.09.2023

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Criminology, Criminal Justice, Law & Society* and *The Western Society of Criminology* Hosting by Scholastica. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала *Criminology, Criminal Justice, Law & Society (CCJLS)* и *The Western Society of Criminology*: CCJLS@WesternCriminology.org

Цитирование оригинала статьи на английском: Hodgen, Ch., & Wuschke, K. (2023). The Grass is Always Greener: Analyzing Crime Concentration and Specialization in Urban Greenspace Environs. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 24(1), 19–37.

URL публикации: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/73940-the-grass-is-always-greener-analyzing-crime-concentration-and-specialization-in-urban-greenspace-environs>

Ключевые слова

Криминология окружающей среды, зеленое пространство, преступность, локализация преступности, парки и скверы

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Ходжен, Ш., Вушке, К. (2023). Трава всегда зеленее: анализ концентрации и видов преступности в городских зеленых пространствах. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(3), 645–666. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.645-666>

Scientific article

Ch. Hodgen¹,
K. Wuschke²

¹ University of California, Irvine, USA

² Portland State University, Portland, USA

The Grass is Always Greener: Analyzing Crime Concentration and Specialization in Urban Greenspace Environs

Translator E. N. Belyaeva

Contact:

Cheyenne Hodgen, University of California, Irvine, Department of Criminology, Law and Society

E-mail: chodgen@uci.edu

Kathryn Wuschke, Portland State University

Abstract

Objective: to identify the level of crime in urban greenspaces and their correclation with certain crime types.

Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, allowing to analyze them in historical development and functioning in the context of the totality of objective and subjective factors, which predetermined the following research methods: formal-logical and sociological.

Results: greenspaces play an important role in the urban landscape, with prior research suggesting that they are associated with numerous health and social benefits for residents. Despite this, research conflicts regarding the relationship between greenspaces and crime, with some studies finding these locations to be criminogenic and others finding them to be protective against local crime. This study examines this relationship in Portland, Oregon, considering different greenspace types as well as different crime types.

Scientific novelty: this study presents a novel methodological adaption to measure crime concentration and specialization around discrete location types by integrating a street network buffer into the standard Location Quotient (LQ) metric. Results suggest that Portland's greenspaces as a whole do not experience a concentration of crime; however, varying patterns emerge when examining different greenspace and crime types. This study identifies diverse crime concentrations in proximity to small parks, while finding other greenspace categories to be associated with crime-specific concentrations nearby. Others,

The article was first published in English language by Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica. For more information please contact: CC/LS@WesternCriminology.org

For original publication: Hodgen, Ch., & Wuschke, K. (2023). The Grass is Always Greener: Analyzing Crime Concentration and Specialization in Urban Greenspace Environs. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 24(1), 19–37.

Publication URL: <https://cjls.scholasticahq.com/article/73940-the-grass-is-always-greener-analyzing-crime-concentration-and-specialization-in-urban-greenspace-environs>

still, have lower than expected counts of crime concentrating nearby, potentially demonstrating protective trends. These results highlight the importance of disaggregating both crime and location types to better understand the complex relationship between greenspaces and crime.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering the issues related to minimizing crime on the territory of urban green spaces.

Keywords

Environmental criminology, greenspace, crime, crime localization, parks and public gardens

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Hodgen, Ch., & Wuschke, K. (2023). The Grass is Always Greener: Analyzing Crime Concentration and Specialization in Urban Greenspace Environs. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(3), 645–666. 645–666. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.645-666>

Введение

Зеленые пространства играют чрезвычайно важную роль в контекстах города. Они не только позволяют горожанам общаться с природой, проявлять активность, заниматься чем-то вместе с другими членами сообщества, отдыхать; они также приносят значительную пользу здоровью и социальному взаимодействию. Это выражается в очищении воздуха от токсинов, снижении эффекта городского острова тепла, повышении привязанности к территории, развитии социальных связей (Bowler et al., 2010; Mason, 2010; McCunn & Gifford., 2014; Yang et al., 2005). Эти преимущества хорошо описаны в научной литературе, однако теория криминологии говорит также о том, что зеленые зоны могут двояко воздействовать на уровень преступности (Boessen & Hipp, 2018; Groff & McCord, 2011). Таким образом, взаимоотношения между зелеными пространствами и преступностью остаются противоречивыми, что находит отражение в литературе. Ряд исследователей указывают, что эти пространства связаны с повышенным уровнем преступности, другие придерживаются противоположного мнения (Boessen & Hipp, 2018; Breetzke et al., 2020; Groff & McCord, 2011; Kimpton et al., 2017; McCord & Houser, 2017; Taylor et al., 2019). Отмечая, что понятие зеленого пространства может относиться к различным типам локаций, ученые пишут о важности учета типа зеленых зон при изучении их взаимодействия с преступностью (Eybergen & Andresen, 2022; Kimpton et al., 2017; Shepley et al., 2019).

Понимание этих взаимодействий крайне важно, если мы хотим сохранить такие пространства и их преимущества. Цель нашего исследования – изучить эту связь на примере города Портленд, штат Орегон. Используя прием дезинтеграции зеленых зон и типов преступности, а также модифицированный метод уличных буферных зон для измерения концентрации и специализации преступности, мы стремились лучше понять сложные взаимоотношения между зелеными пространствами и преступностью. Имея возможность определить, какие типы зеленых зон ассоциированы с конкретными категориями преступлений, мы сможем предпринимать более целенаправленные усилия по снижению уровня преступности на этих территориях.

Обзор литературы

Исследования взаимосвязей между преступностью и типами местности берут начало в области криминологии окружающей среды. Данная группа теорий фокусируется на пространственном аспекте преступности (т. е. местах совершения преступлений) и ставит во главу угла понимание самого преступного события в отличие от его мотивации. Одной из ключевых теорий в этой области является теория повседневной деятельности. В упрощенном виде она утверждает, что преступление будет совершено только тогда, когда в пространстве и времени совпадут три элемента: мотивированный преступник, подходящая цель и отсутствие эффектив-

ного блюстителя закона (Cohen & Felson, 1979). На этой теории основан подход, известный как «геометрия преступления», в котором введено несколько новых понятий, объясняющих, почему в определенных местах совершается больше преступлений (Brantingham & Brantingham, 1981). Городская среда разбивается на компоненты, которые жители используют и перемещаются в которых по-разному. Места, где люди перемещаются (например, дороги, тропинки, рельсовые пути), называются переходами, а конкретные локации, у которых горожане проводят много времени, – узлами. «Краями» называют физические и воспринимаемые границы между областями; края могут быть резкими, как, например, река, или размытыми, например, там, где постепенно меняется способ использования территории.

Переходы и узлы, часто используемые конкретным человеком, составляют его пространство деятельности; вместе с окружающей территорией оно называется пространством осведомленности (Brantingham & Brantingham, 1993). Это места, где человек проводит большую часть своего времени и хорошо знает их. Крупные переходы и узлы, входящие в пространство осведомленности многих людей, должны иметь повышенный уровень преступности, так как они предоставляют больше возможностей. В работе Brantingham они получили название «генераторы преступлений» и «точки притяжения преступлений». Генераторы преступлений – это нежилые зоны, привлекающие множество людей без криминогенных причин (например, торговые центры), где находится большое число потенциальных целей и преступников и, как результат, совершается больше преступлений (Brantingham & Brantingham, 1995). Напротив, точка притяжения преступлений – это место, подходящее для определенных преступлений и этим привлекающее мотивированных преступников (Brantingham & Brantingham, 1995). Это может быть конкретное место (например, закоулок парка или бар), о котором известно, что там можно приобрести незаконные наркотики, так как там нет эффективных блюстителей закона или есть покупатели. Все эти аспекты зависят от свойств окружающей среды, или «фона», который изменяется со временем, что подчеркивает изменчивые, временные аспекты территории.

На основе этих подходов к анализу преступности, учитывающих влияние окружающей среды, а также на основе предположения о том, что преступники и их цели должны совпасть в пространстве и времени, Sherman и соавт. (1989) изучили концентрацию корыстных преступлений в Миннеаполисе и ввели концепцию «горячих точек преступности», т. е. мест концентрации преступных событий. Эта концепция получила значительное развитие в криминологии (Andresen et al., 2017; Sherman et al., 1989; Weisburd et al., 2004). Sherman и соавт. показали, что случайное распределение преступности может быть вызвано случайным распределением людей, а также то, что определенные места могут быть криминогенными по причине повседневной деятельности, совершаемой в них (Sherman et al., 1989). Исследования в целом подтвердили эту гипотезу, показав, что определенные виды местностей (например, бары, торговые центры, парковки) отличаются повышенной криминогенностью (Bernasco & Block, 2011; Drawve & Barnum, 2018; Hart & Miethe, 2014). Даже внутри конкретного вида места (например, среди различных типов баров) было обнаружено неравномерное распределение преступности. Следовательно, изучение факторов использования и категорий отдельных участков территорий поможет лучше понять, какие участки связаны с высоким уровнем преступности (Wuschke & Kinney, 2018). Таким же образом обосновывается изучение отдельных типов преступлений, поскольку каждый тип обусловлен своей структурой возможностей совершения, а значит, пространственные особенности и горячие точки для разных категорий преступлений будут отличаться (Andresen & Linning, 2012).

Зеленые зоны и преступность

В прошедшем десятилетии появилось несколько работ, посвященных взаимосвязи между зелеными зонами и преступностью в городской среде. Термин «зеленые зоны» относится к участкам, «подобным природе», и объединяет несколько различных типов местностей, включая парки, леса, сады, участки растительности (Shepley et al., 2019, p. 5120). Из-за широты этого термина исследователи часто стараются сузить темы работ, либо разбивая понятие зеленых зон на отдельные типы со своими особенностями (например, зоны с игровыми площадками, либо фокусируясь на одном типе (например, парки) (Breetzke et al., 2020; Groff & McCord, 2011; Kimpton et al., 2017; McCord & Houser, 2017; Taylor et al., 2019).

В криминологической теории ведется спор о том, являются ли зеленые зоны точками притяжения преступлений или генераторами преступлений либо они способствуют снижению уровня преступности. С одной стороны, в тех зеленых зонах, которые привлекают законопослушных граждан, уровень преступности

низкий благодаря большому числу блюстителей закона (Breetzke et al., 2020; Groff & McCord, 2011; Kimpton et al., 2017). В обзоре 2019 г. Shepley и соавт. (2019) показали, что, судя по результатам 45 качественных и количественных исследований, наличие парков и других зеленых зон снижает городскую преступность. В недавней работе, посвященной взаимосвязи между актами вооруженного насилия и зелеными зонами в Детройте, была обнаружена более низкая частота таких преступлений в зеленых зонах; это объяснили тем, что жители редко посещают плохо содержащиеся зеленые зоны, поэтому они не выступают генераторами преступлений (Breetzke et al., 2020).

Этому выводу противоречат другие работы, в которых показано, что зеленые зоны являются и генераторами, и точками притяжения преступлений. В работах Groff и McCord (2011) и McCord и Houser (2017) представлены свидетельства тому на примере парков Филадельфии и Луисвилля соответственно. В обоих исследованиях обнаружены повышенные уровни насильственных, имущественных и хулиганских преступных событий как внутри парковых пространств, так и поблизости от них (Groff & McCord, 2011; McCord & Houser, 2017). Groff и McCord определили, что парки с более высоким числом генераторов парковой активности (например, спортивных площадок) связаны с гораздо меньшим уровнем преступности, что позволяет предположить, что ее помогает сдерживать повышенный уровень наблюдения со стороны законных пользователей (Breetzke et al., 2020; Groff & McCord, 2011).

Признавая влияние различных удобств и генераторов парковой активности, Kimpton и соавт. (2017) изучили взаимосвязь между уровнем преступности и четырьмя типами зеленых зон: «много оборудования», «сиди или играй», «транспорт» и «мало оборудования» (р. 315). Учитывая, что зеленые зоны могут использоваться по-разному, авторы постулируют, что и их криминогенность также может отличаться. Полученные результаты подтвердили: количество нарушений общественного порядка было непропорциональным в типах «сиди или играй» и «транспорт», где редко бывают посторонние. Кроме того, было обнаружено непропорциональное число имущественных преступлений в типах «много оборудования» и «мало оборудования», что можно объяснить повышенным количеством целей (в типе «много оборудования») и слабым надзором (в типе «мало оборудования»; Kimpton et al., 2017).

Согласно другому подходу, зеленые зоны могут выступать в качестве окраин, где «чужих» сложнее опознать, поэтому преступники остаются неузнанными и не получают отпора (Brantingham & Brantingham, 1993). В 2014 г. эта гипотеза была подтверждена в работе Hipp и соавт. (2014), которые показали, что парки могут функционировать как «социальные дыры», снижая чувство сплоченности граждан и их сопричастности к делам местного сообщества. Схожие результаты были недавно получены в канадском городе Лондон, штат Онтарио: хотя большинство типов парков служат охране природы и вблизи них уровень имущественных преступлений низок, региональные парки привлекают большое число неместных посетителей, и число имущественных преступлений в их окрестностях повышено (Eybergen & Andresen, 2022). Таким образом, современные исследования зеленых зон отражают споры в области теории: в ряде работ показано, что зеленые зоны не связаны с уровнем преступности, другие обнаруживают сильную зависимость (Boessen & Hipp, 2018; Breetzke et al., 2020; Eybergen & Andresen, 2022; Groff & McCord, 2011; Kimpton et al., 2017; McCord & Houser, 2017; Shepley et al., 2019; Taylor et al., 2019).

Упомянутые работы значительно улучшили наше понимание взаимосвязи между зелеными зонами и преступностью. Эти пространства играют важную роль в городской среде, служат местом встреч, благоприятно сказываются на здоровье и социальных связях (Bowler et al., 2010; Mason, 2010; McCunn & Gifford, 2014; Yang et al., 2005). В некоторых контекстах они могут служить точками притяжения или генераторами преступлений, что приводит к увеличению уровня преступности как внутри них, так и в окрестностях (Eybergen & Andresen, 2022; Groff & McCord, 2011; McCord & Houser, 2017). В других контекстах они выступают защитными элементами (Breetzke et al., 2020; Eybergen & Andresen, 2022). Учитывая большое разнообразие типов зеленых зон, а также типов преступлений, эта взаимосвязь может быть различной в зависимости от первого или второго фактора. Опираясь на существующие работы и проведя тщательный анализ множества типов зеленых зон и преступлений, мы углубляем наше понимание этой важной проблемы. Такое углубление чрезвычайно значимо и своевременно, поскольку полученные знания могут способствовать реализации целевых инициатив по снижению уровня преступности и выработке постоянных мер в отношении их финансирования и развития, тем самым помогая защитить данные локации, и дают многочисленные преимущества местным жителям.

Результаты исследования

В городе Портленд, штат Орегон, находится 318 зеленых зон (Portland Parks and Recreation, 2022a). Они принадлежат к различным типам, таким как парки и городские сады. Согласно недавнему опросу жителей Портленда, 94 % респондентов посетили Портлендский парк хотя бы один раз за последние 12 месяцев, а около 50 % посещают его как минимум еженедельно (Portland Parks and Recreation, 2017). Более того, в 2014 г. был одобрен выпуск замещающих облигаций городских парков, которые принесли 68 млн долл. для ремонта и улучшения состояния зеленых зон (Portland Parks and Recreation, 2022b). Эта программа продолжает действовать, обеспечивая жизненно необходимые средства, чтобы парки не закрывались. Таким образом, очевидно, что зеленые зоны являются важным элементом городской среды Портленда. При этом никаких исследований взаимосвязи между этими зонами и преступностью не проводилось. Понимание этой взаимосвязи актуально и необходимо для всех, кто принимает решения относительно развития этих парков. В дальнейшем, если окажется, что зеленые зоны являются криминогенными, результаты исследования помогут сфокусироваться на мерах по предотвращению преступлений. Установление того, какие именно зеленые зоны (или какой их тип) представляют проблему, является необходимым шагом для эффективного распределения ресурсов и средств. Таким образом, цель данного исследования – определить, происходит ли концентрация преступности в Портленде вокруг зеленых зон и как это зависит от типа местности и типа преступления. Мы попытаемся ответить на три ключевых вопроса исследования:

- Происходит ли концентрация преступных событий внутри и вокруг зеленых зон Портленда?
- Меняется ли уровень концентрации преступлений в зависимости от их типа?
 - а. Наблюдается ли специализация зеленых зон Портленда по типам преступления?
- Меняется ли уровень концентрации преступлений в зависимости от типа зеленой зоны?
 - а. Специализируются ли различные зеленые зоны Портленда на различных типах преступлений?

Данные и методология обработки данных. Областью данного исследования является город Портленд. Информация поступала из нескольких источников. Во-первых, данные об административных границах города, крупных реках и дорожной сети были взяты из информационного ресурса *Oregon Metro's Regional Land Information System Portal (RLIS Discovery)* (Oregon Metro, 2022). Карта зеленых зон получена на открытом портале *Portland Maps* (PortlandMaps, 2022). Первоначально она содержала 318 локаций с названиями и размерами. Три локации были исключены, так как они находятся за пределами города; в результате осталось 315 отдельных зеленых пространств. Они разбросаны по всему городу, при этом более 80 % городских районов имеют хотя бы одну такую зону. Юго-восточный район города содержит максимальное число зеленых зон, тогда как юго-западный (включая центр города) имеет самое высокое отношение числа зеленых зон к площади. Несмотря на эти различия, не наблюдается значимой пространственной кластеризации зеленых зон на этом уровне (глобальный индекс Морана: $-0,09$; проверка на z -статистику: $0,21$, значение p : $0,84$, что указывает на пространственное распределение, статистически не отличающееся от случайного). Парки Портленда показаны на рис. 1.

С веб-сайта *Portland Parks and Recreation* была взята подробная информация о зеленых зонах (по категориям: парк, природная зона, дендрарий, городской сад, розарий, районный сад, центр собраний и искусств, местная школа, мемориал, музей, бассейн (крытый), бассейн (открытый), поле для гольфа, беговая дорожка, прокат) (Portland Parks and Recreation, 2022a). Для целей данного исследования зеленая зона определяется как любое публичное пространство, преимущественно на открытом воздухе, содержащее растительность в форме травы, деревьев или садов. Таким образом, наше исследование ограничивается четырьмя категориями зеленых зон, которые кодировались следующим образом: (1) парки, определяемые как зеленые зоны, предназначенные для общественного отдыха, занятий спортом и проведения досуга; (2) природные зоны, представляющие собой зеленые зоны без специального назначения, обычно получающие меньше ухода, содержащие тропы для пешеходных прогулок или походов; (3) городские сады, включая розарии и дендрарии, представляющие собой зеленые зоны, дающие возможность посетителям общаться с природой; (4) районные сады, которые определяются как зеленые пространства, для выращивания продукции для жителей района (более подробно см. табл. 5 в Приложении). Первая категория – парки – также подразделяется на небольшие (10 акров и менее) и большие (более 10 акров) парки. Это сделано для того, чтобы разделить небольшие

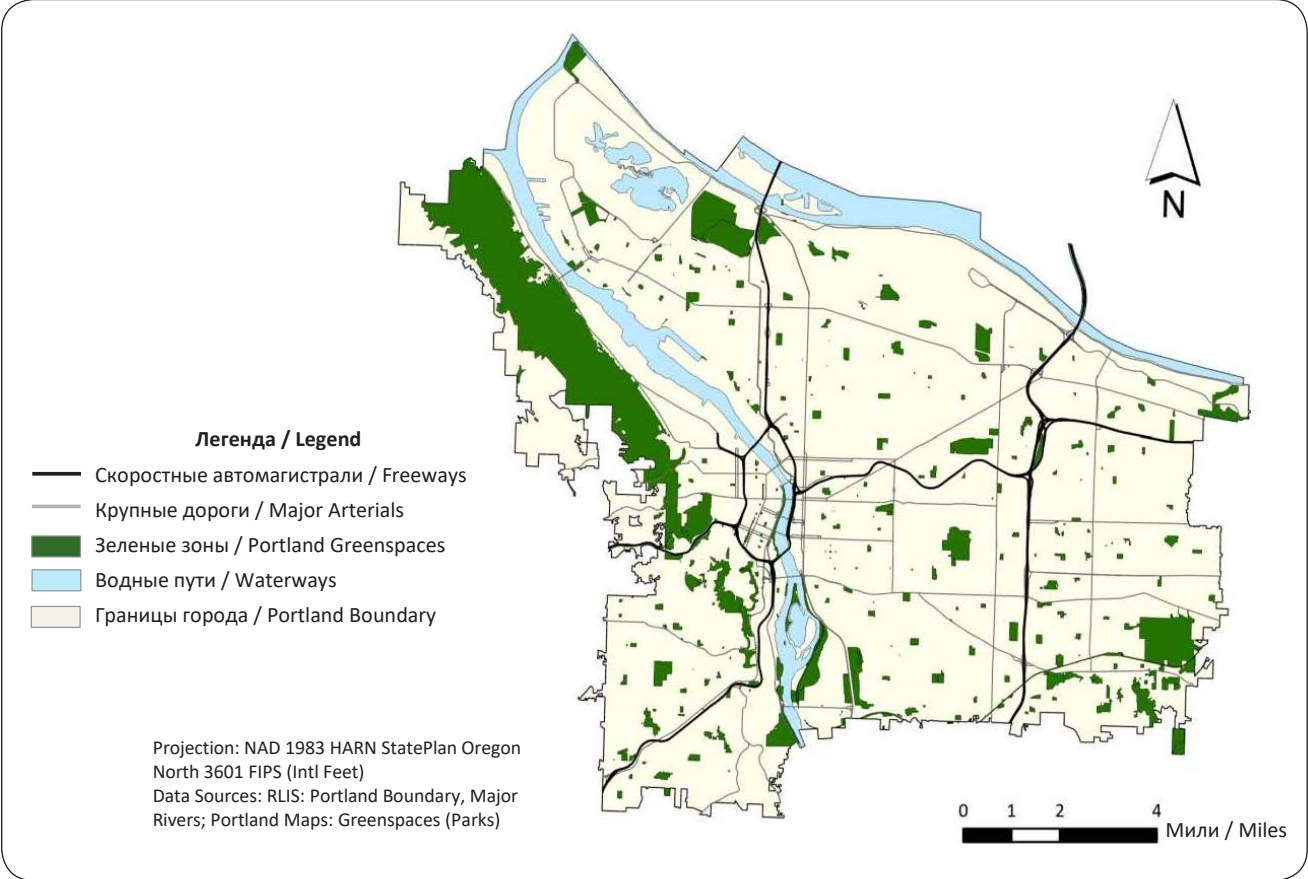

Рис. 1. Пространственное распределение зеленых насаждений в Портленде, штат Орегон (2022)
Fig. 1. Spatial Distribution of Greenspaces Across Portland, Oregon (2022)

районные парки, которые часто исследовались в работах о взаимосвязи преступности и парков (Groff & McCord, 2011; McCord & Houser, 2017), и более крупные парки, куда посетители могут приезжать издалека (Eybergen & Andresen, 2022). Эта информация была закодирована для всех локаций, перечисленных на сайте Portland Parks and Recreation ($N = 317$), и внесена в файл карты зеленых зон с помощью приложения *ArcGIS Pro*. Из 315 отдельных зон в границах города 236 получили соответствующие значения атрибута. Из них еще 24 зеленые зоны были исключены по причине их размера или типа, что дало итоговые 212 локаций (табл. 1).

Таблица 1

Зеленые зоны, включенные в анализ
Table 1. Greenspace Locations Included in Analysis

Тип зеленой зоны / Greenspace Type	<i>f</i>	%
Парк / Park	151	71,2
Большой парк (> 10 акров) / Large Park (> 10 acres)	48	22,6
Небольшой парк (< 10 акров) / Small Park (< 10 acres)	102	48,1
Природная зона / National Area	25	11,8
Городской сад / Public Garden	7	3,3
Районный сад / Community Garden	30	14,2
Итого	212	

Данные о преступных событиях с 2016 по 2019 г. были получены из открытого информационного портала Бюро полиции Портленда (Portland Police Bureau, 2022). Эта база данных содержит информацию о типе преступления, дате совершения, времени суток и пространственных координатах, привязанных к ближайшему перекрестку или середине улицы. Всего между 2016 и 2019 гг. произошло 236 083 преступных события. Данные о номере дела и адресе закрыты во всех случаях, связанных с особой сензитивностью характера преступления или личности жертвы, отношений между жертвой и преступником или статуса расследования (Portland Police Bureau, 2022). По этой причине были исключены 26 445 (11,2 %) событий. Остальные события были нанесены на карту в приложении *ArcGIS Pro*, после чего были исключены еще 1 022 события, произошедших за пределами города. Все оставшиеся преступные события ($n = 208\,616$) были включены в анализ в качестве общей категории («все преступления», см. рис. 2), а затем разбиты на подкатегории «преступления против личности», «имущественные преступления», «преступления против общества», согласно определениям Бюро полиции Портленда. Внутри каждой категории было выделено по три-четыре типа самых распространенных преступлений для дальнейшего анализа, при этом мы фокусировались на преступлениях, наиболее часто совершаемых внутри и вблизи зеленых зон Портленда.

Методология. Особенности преступлений, совершенных внутри и вблизи конкретных мест, часто оценивают с помощью коэффициентов локализации (*location quotients*, далее – *LQ*). Это простой измерительный инструмент, разработанный для сравнения признаков преступлений по субтерриториям внутри какой-либо территории (Wuschke et al., 2021). В криминологической литературе существует два простых обоснования этих коэффициентов. Впервые этот инструмент городского и регионального планирования был адаптирован

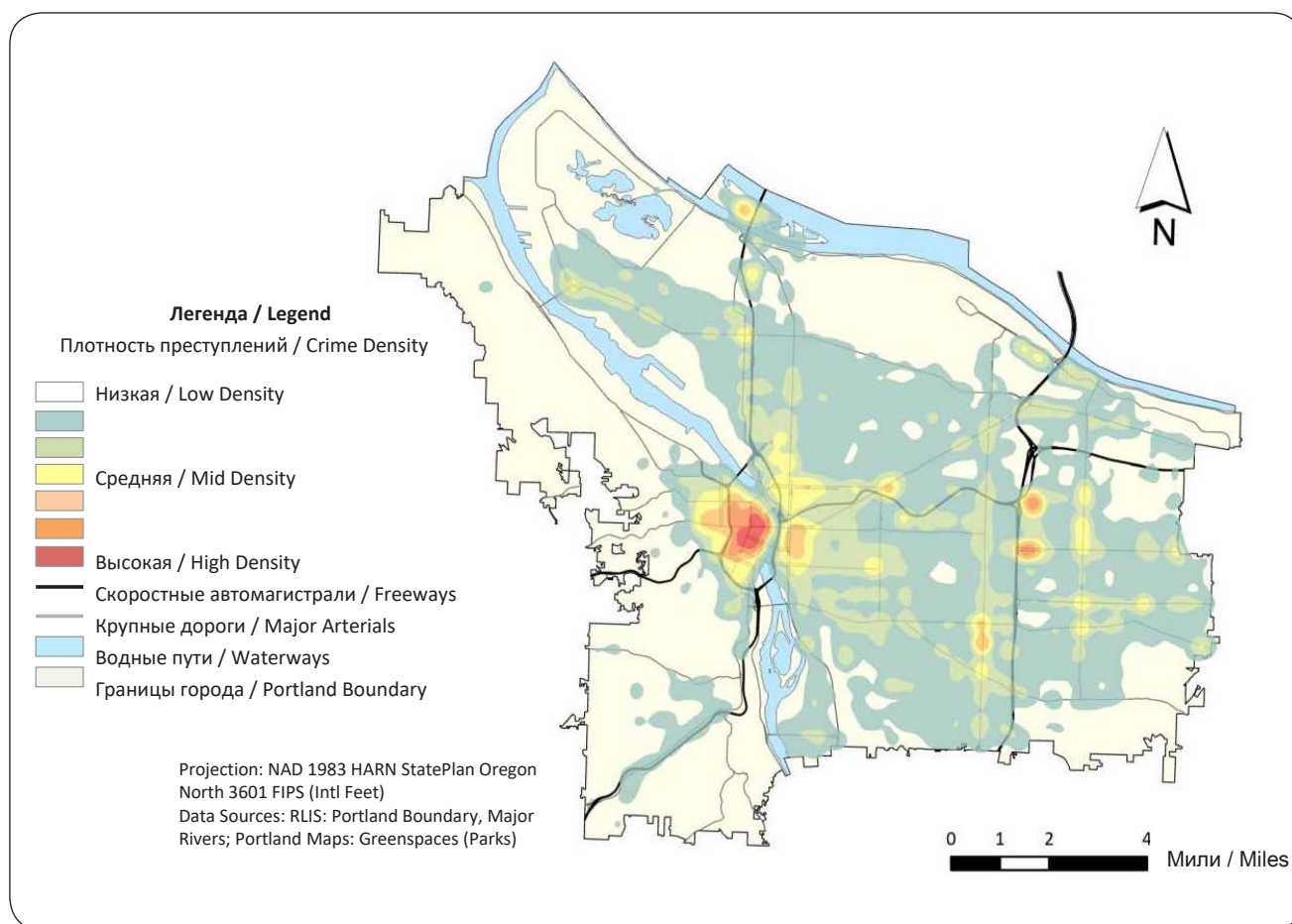

Рис. 2. Плотность преступных эпизодов в Портленде, штат Орегон (2016–2019)

Fig. 2. Density of All Crime Incidences Across Portland, Oregon (2016–2019)

для криминологии в работе Brantingham в качестве дополнительной меры традиционного пространственного анализа преступлений (Brantingham & Brantingham, 1998). Поскольку показатели количества и уровня преступлений дают лишь часть общей картины, эта разновидность коэффициента LQ (которую мы будем называть LQ -специализация, или $LQ_{(S)}$) служит дополнением к обычным инструментам, позволяя определить относительную специализацию преступности внутри субтерритории (Andresen et al., 2009; Brantingham & Brantingham, 1998). Простота использования $LQ_{(S)}$ для сравнения показателей между территориями привела к дальнейшим модификациям и широкому применению этого инструмента в криминологической литературе. В результате был разработан коэффициент, которые мы будем называть LQ -концентрация, или $LQ_{(C)}$, который показывает относительную концентрацию преступности внутри субтерриторий (см., например, Groff & McCord, 2011; Wuschke et al., 2021). Коэффициенты $LQ_{(C)}$ и $LQ_{(S)}$ дают важную информацию об особенностях пространственного распределения преступности на местном уровне, при этом первый выделяет территории, где уровень преступности выше ожидаемого, а второй указывает на самый распространенный тип преступности внутри каждой субтерритории.

Применение коэффициентов $LQ_{(C)}$ и $LQ_{(S)}$

Коэффициент $LQ_{(C)}$ можно представить как отношение долей, где уровень преступности внутри субтерритории стандартизирован по уровню преступности внутри всей изучаемой территории. Он показывает, в каких субтерриториях присутствует концентрация преступности (Wuschke et al., 2021). В рамках нашего исследования $LQ_{(C)}$ вычисляется по формуле:

$$LQ_{(C)} = \frac{C_e/A_e}{C_a/A_a},$$

где $LQ_{(C)}$ – коэффициент локализации – «концентрация», C_e – число преступлений, совершенных на субтерритории (е-территория), A_e – площадь субтерритории (е-территория), C_a – число преступлений, совершенных на изучаемой территории, A_a – площадь изучаемой территории.

В свою очередь, коэффициент $LQ_{(S)}$ оценивает типы преступлений внутри субтерритории, определяя, было ли на этой субтерритории совершено больше или меньше преступлений данного типа, чем ожидалось на основе информации обо всей изучаемой территории. Таким образом, коэффициент $LQ_{(S)}$ измеряет специализацию преступлений, позволяя судить о наиболее преобладающем на данной территории типе преступлений, даже если на данной территории совершено относительно мало преступлений или их концентрация низка. В рамках данного исследования $LQ_{(S)}$ вычисляется по формуле:

$$LQ_{(S)} = \frac{C_{ie}/C_{te}}{C_{ia}/C_{ta}},$$

где $LQ_{(S)}$ – коэффициент локализации – «специализация», C_{ie} – число преступлений типа i , совершенных на изучаемой субтерритории (е-территория), C_{te} – общее число всех преступлений, совершенных на субтерритории (е-территория), C_{ia} – общее число преступлений типа i , совершенных на всей изучаемой территории (a), C_{ta} – общее число всех преступлений, совершенных на всей изучаемой территории (a).

Интерпретация результатов $LQ_{(C)}$ и $LQ_{(S)}$

Значения $LQ_{(C)}$ и $LQ_{(S)}$ интерпретируются по одной и той же шкале. Значение 1,0 показывает, что уровень преступности на данной территории такой же, как на всей остальной изучаемой территории; при значениях ниже 1,0 этот уровень ниже, а при значениях выше 1,0 – выше, чем на остальной изучаемой территории (Wuschke et al., 2021). В работе Andresen и соавт. (2009) был предложен простой способ категоризации и интерпретации значений LQ , немного адаптированный для целей настоящего исследования: территории со значительно сниженными значениями ($LQ < 0,5$), с умеренно сниженными значениями ($0,5 < LQ < 0,7$), с незначительно сниженными значениями ($0,7 < LQ < 0,9$), со средними значениями ($0,9 < LQ < 1,1$), с незначительно превышенными значениями ($1,1 < LQ < 1,3$), с умеренно превышенными значениями ($1,3 < LQ < 2,0$) и со значительно превышенными значениями ($LQ > 2,0$; адаптировано на основе работы

(Andresen et al., 2009)). Поскольку в настоящее время не существует общепринятой статистической меры для выражения значимости, мы принимаем значение LQ , равное 2,0, в качестве порогового, так как оно означает, что концентрация (в случае $LQ_{(C)}$) или специализация (в случае $LQ_{(S)}$) данного типа преступлений в окрестностях зеленых зон превышена вдвое по сравнению с общими показателями по городу (Groff & McCord, 2011; Wuschke et al., 2021).

Ограничения измерений с использованием LQ

Хотя оба коэффициента LQ обеспечивают простую и относительно быструю интерпретацию концентрации или специализации преступности на определенной территории, у них есть три ограничения, которые необходимо обсудить. Во-первых, оба коэффициента LQ подвержены проблеме модификации единицы территории (*modifiable area unit problem, MAUP*), так как они измеряют уровень преступности на субтерритории в сравнении с полной территорией. Это означает, что выбор пространственной единицы влияет на результат, т. е. выбор нужно производить тщательно (Openshaw, 1984). С учетом этого в нескольких исследованиях применялись эвклидовы буферные зоны, создающие значимые субтерритории (называемые «окружение», *environ*) вокруг определенной локации, с целью охватить ближайшие (и потенциально относящиеся к выбранной зоне) преступные события (Groff & McCord, 2011; McCord & Houser, 2017). При этом в измерения включаются все территории на определенном расстоянии от интересующего объекта (например, от зеленой зоны) и все преступные события, произошедшие на них. Это приводит ко второму ограничению: если расчет коэффициента LQ делается по территории со стандартизированным количеством преступлений (как в случае $LQ_{(C)}$), то эвклидовы буферные зоны могут привести к неточности измерений, так как в расчет включаются пространства, где наступление преступных событий невозможно (например, на территории водных путей или внутри сплошных конструкций). Третье ограничение относится к данным, которые часто используются при вычислении LQ . Многие полицейские участки (включая Бюро полиции Портленда) собирают и обобщают данные о преступности на дорогах. Данные о преступности вне дорожной сети, которые не учитываются, будут влиять на расчет уровня преступности, искусственно завышая знаменатель дроби в соотношении числа преступлений на единицу площади.

В последние годы появилось несколько альтернативных подходов к измерению уровня преступлений на определенной территории (включая $LQ_{(C)}$), использующих другие методы измерения стандартизированного знаменателя с целью повышения точности оценки. При этом часто применяется прием исключения определенных локаций, где преступления обычно не происходят или не регистрируются (Ratcliffe, 2012; Wuschke et al., 2021). В последних вариантах метода используется модифицированный коэффициент $LQ_{(C)}$, в котором единицей стандартизации выступает длина дорожной сети, а не площадь территории (Wuschke et al., 2021). При этом исключаются все локации, обычно не связанные с регистрируемыми преступлениями, поэтому повышается точность измерения числа преступлений в расчете на каждую локацию в зоне риска. Это помогает решить ряд проблем, связанных с измерением концентрации преступлений, но наиболее эффективно применение этого метода для преступлений с известным адресом; для использования анализа сети требуется компьютерное определение местоположения. Учитывая это, в настоящем исследовании мы предлагаем более точное определение пространственной единицы анализа с помощью формирования структуры вычислений обоих коэффициентов LQ . Мы представляем гибридную методологию, сочетающую в себе простоту и доступность метода эвклидовых буферных зон и метода использования дорожной сети для определения общей площади изучаемой территории и площади субтерриторий окружения.

На рис. 3 показан пример локаций преступных событий (голубые точки) по открытым данным Бюро полиции Портленда. Как и многие другие организации, Бюро учитывает обобщенные данные, либо привязанные к ближайшему перекрестку, либо слегка смещенные относительно середины улицы. Обычно уровень преступности будет вычисляться на единицу площади; однако из-за такого метода регистрации преступлений на большей части территории, показанной на рис. 3а, никогда не будет зарегистрировано ни одно преступление. Независимо от реального места преступления точки будут находиться на ближайшем месте привязки на дорожной сети. Эта распространенная практика требует пересмотра как стандарта, так и показателей уровня преступности в зависимости от территории и таких традиционных методов, как метод эвклидовых буферных зон и коэффициенты $LQ_{(C)}$, поскольку приводит к завышению знаменателя.

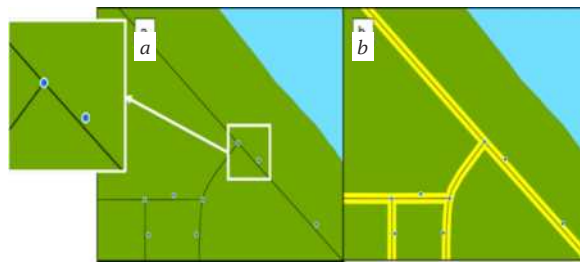

Рис. 3. Процесс создания уличных буферных зон для выявления совокупности преступных эпизодов
Fig. 3. Process of Creating Street Buffers to Capture Aggregated Crime Incidences

Для решения этой проблемы в настоящем исследовании мы используем модифицированный метод эвклидовых буферных зон, чтобы минимизировать площади изучаемых территорий. Основой для эвклидовых буферных зон выступает уличная сеть, позволяющая выбрать любую локацию, где может быть зарегистрировано преступное событие, и исключаяющая все остальные территории (как показано на рис. 3b). Буферная зона составляет 20 футов по каждой стороне от середины улицы; тем самым максимизируется выбор точек преступлений, включенных в анализ, и ограничивается общая площадь внутри буферов. Буферные зоны становятся адаптированной изучаемой территорией при подсчете уровня преступности на единицу площади по всей территории Портленда, формируя знаменатель для коэффициента $LQ_{(C)}$ (Aa). Как показано на рис. 4, это позволяет сократить площадь изучаемой территории на 86,4 %, так как вместо площади всего Портленда (145,3 квадратных мили, см. рис. 4a) мы рассматриваем лишь локации внутри буферных зон (19,2 квадратных мили, см. рис. 4b), удаляя все территории, где преступления обычно не регистрируются.

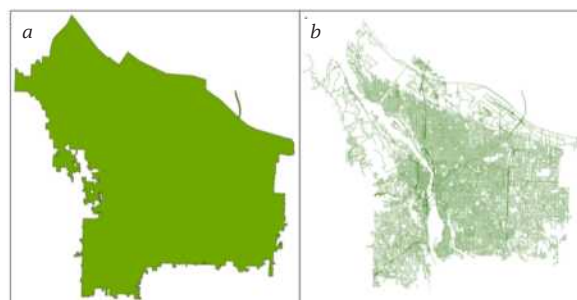

Рис. 4. Процесс сокращения исследуемых зон путем использования уличных буферов
Fig. 4. Process of Reducing Study Area Through the Use of Street Buffers

Помимо базовой карты уличной сети, создаются дополнительные эвклидовые буферные зоны вокруг всех зеленых пространств, которые выступают как окружение зеленых зон, формируя субтерритории для нашего исследования (Groff & McCord, 2011). Эти буферные зоны не включают сами зеленые пространства, а простираются на 60 футов по их периметру, так как это минимальное расстояние, захватывающее обе стороны всех улиц и перекрестков, непосредственно примыкающих к изучаемым территориям (см. рис. 5a). При выборе этого расстояния мы учитывали, что преступные эпизоды, происходящие в парке, будут привязываться к ближайшей локации сети, а также что преступность на этих примыкающих улицах может быть обусловлена наличием данной зеленой зоны (Groff & McCord, 2011). Это не значит, что все преступные события, происходящие на территории окружения, относятся к зеленой зоне, но позволяет учесть события, происходящие внутри или вблизи этих важных локаций, а значит, восполняет недостаток более подробной информации о пространственных характеристиках преступлений в зеленых зонах. Буферная зона вокруг парка была вырезана с базовой карты уличной сети. Тем самым были удалены все территории буферных зон окружения (субтерритории), но не уличные буферные зоны (изучаемая территория), как показано на рис. 5b. Этим удалением обеспечивается формирование субтерритории для исследования в масштабах всего Портленда.

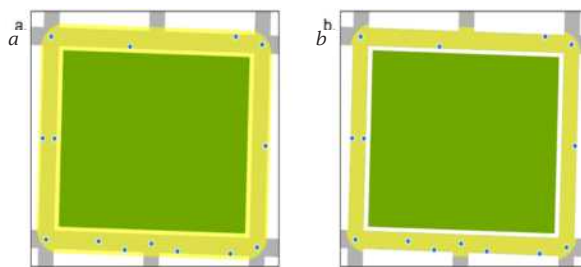

Рис. 5. Процесс создания (а) и вырезания (b) окружения зеленых зон

Fig. 5. Process of Creating (a) and Clipping (b) Greenspace Environs

Хотя подавляющее большинство преступных событий происходило внутри буферной зоны уличной сети города, небольшая часть преступлений произошла вне этих буферных зон (1,4 %, или 2 988 событий). Они были исключены из анализа. В результате анализировалось 205 628 событий, составивших категории: (1) все преступления, зарегистрированные в Бюро полиции Портленда, и подкатегории, включая (2) имущественные преступления, (3) преступления против личности и (4) общественные преступления (например, нарушения общественного порядка). Также были включены девять отдельных подтипов преступлений: кража из автомобиля, угон автомобиля, вандализм, грабеж, простое оскорбление, запугивание, нападение с отягчающими обстоятельствами, преступления, связанные с наркотиками, и преступления, связанные с оружием.

Результаты

Вопрос исследования (далее – ВИ) 1: Происходит ли концентрация преступных событий внутри и вокруг зеленых зон Портленда?

Между 2016 и 2019 гг. в окружении зеленых зон произошло 6 742 криминальных инцидента (3,3 % от общего числа зарегистрированных в Портленде). Коэффициент $LQ_{(C)}$ равен 1,2, поэтому преступления общей категории (все преступления) не концентрируются вокруг зеленых зон и их концентрация лишь незначительно превышена в сравнении с показателем по Портленду в целом. Однако разбиение по типам преступлений и типам зеленых зон дает иную картину.

ВИ 2: Меняется ли уровень концентрации в зависимости от типа преступления?

В табл. 2 представлены показатели частоты, $LQ_{(C)}$ и $LQ_{(S)}$ для каждого типа преступлений, совершенных в окружении зеленых зон. Так же, как преступления в целом не концентрируются вокруг зеленых зон, эта тенденция сохраняется при разбиении на широкие категории преступлений, включенных в наше исследование. Это касается имущественных преступлений, для которых среднее значение $LQ_{(C)}$ равняется 1,1, преступлений против личности ($LQ_{(C)} = 1,7$) и общественных преступлений ($LQ_{(C)} = 1,9$). Некоторые отличия проявляются, так как концентрация $LQ_{(C)}$ преступлений против личности и общественных преступлений умеренно превышена вблизи зеленых зон, но показатели внутри окружения зеленых зон не достигают порогового значения 2,0.

Однако при разбиении на подтипы преступлений обнаруживается, что преступления, связанные с наркотиками, действительно в значимой степени концентрируются вблизи зеленых зон: $LQ_{(C)} = 2,1$. Этот показатель сильно превышен; концентрация более чем в два раза выше внутри окружения зеленых зон, чем в целом по городу. Примечательно, что угон автомобилей имеет показатель $LQ_{(C)} = 0,8$, т. е. совершается вблизи зеленых зон немного реже, чем по городу. Для остальных категорий преступлений концентрация вблизи зеленых зон слегка или умеренно превышена, но не достигает порога в 2,0.

ВИ 2а: Наблюдается ли специализация зеленых зон Портленда по типам преступления?

Похожие результаты наблюдаются в отношении специализации преступлений, совершенных вблизи зеленых зон. Хотя можно отметить вариации в распределении преступлений внутри окружения зеленых зон, ни широкие категории, ни подтипы не достигают порогового значения $LQ_{(S)}$, что показало бы, что эти типы преступлений преимущественно совершаются на этой территории (см. табл. 2). Коэффициент $LQ_{(S)} = 0,9$ для

Таблица 2

Концентрация и специализация преступлений, совершенных внутри или вблизи зеленых зон Портленда
Table 2. Concentration and Specialization of Crime at and Near Portland Greenspaces

Тип преступления / Crime Type	Всего / Total	Окружение / Environ	$LQ_{(C)}$	$LQ_{(S)}$
Все преступления / All Crime	205 628	6 742	1,2	
Имущественные преступления / Property Crime	179 707	5 424	1,1	0,9
Кража из автомобиля / Theft from MV	39 569	1 474	1,3	1,1
Угон автомобиля / MVT	25 310	568	0,8	0,7
Вандализм / Vandalism	22 465	835	1,3	1,1
Грабеж / Robbery	3 657	168	1,6	1,4
Преступления против личности / Person Crime	16 481	806	1,7	1,5
Простое оскорбление / Simple Assault	8 601	424	1,7	1,5
Запугивание / Intimidation	3 279	142	1,5	1,3
Нападение с отягчающими обстоятельствами / Aggravated Assault	4 591	240	1,8	1,6
Общественные преступления / Society Crime	9 440	512	1,9	1,7
Преступления, связанные с наркотиками / Drug/Narc Violations	6 548	385	2,1	1,8
Преступления, связанные с оружием / Weapon Law violations	2 007	109	1,9	1,7

Примечание: жирным шрифтом выделены значения коэффициента локализации, достигшие порога 2,0 или превысившие его, что указывает на значительно превышенные аспекты, также выделенные жирным шрифтом.

Note: MV = Motor Vehicle; MVT = Motor Vehicle Theft. Bolded LQ values (both LQC and LQS) are those that reach or exceed the 2.0 threshold indicating very overrepresented patterns are displayed in bold text.

имущественных преступлений показывает, что они имеют среднюю представленность внутри окружения зеленых зон, т. е. происходят на этих территориях в тех же пропорциях, что и в целом по городу. Показатели специализации по преступлениям против личности ($LQ_{(S)} = 1,5$) и общественным преступлениям ($LQ_{(S)} = 1,7$) внутри окружения зеленых зон умеренно превышены, т. е. они происходят здесь чаще, чем по городу, с учетом общего числа таких преступлений на этих территориях, но не достигают пороговых значений.

ВИ 3: Меняется ли уровень концентрации в зависимости от типа зеленой зоны?

Далее мы оценивали концентрацию преступлений всех типов в зависимости от типов зеленых зон (табл. 3). В частности, в парках совершается 86,0 % ($n = 5\,799$) всех преступлений, совершаемых в окружении зеленых зон Портленда ($n = 6\,742$). Уровни концентрации в других зеленых зонах различны: так, в природных зонах коэффициент $LQ_{(C)} = 0,4$, в районных садах $LQ_{(C)} = 0,8$ в крупных парках $LQ_{(C)} = 0,9$, нигде не достигая единицы, что означает умеренное или незначительное занижение показателей на этих территориях. Умеренное превышение демонстрируют городские сады и категория парков в целом (большие и небольшие парки, учитываемые совместно): 1,4 и 1,5 соответственно. При разбиении парков на две части в зависимости от размеров для небольших парков наблюдается значимое превышение концентрации в категории «все преступления»: $LQ_{(C)} = 2,1$. В небольших парках совершается 56,1 % (3 781) всех преступлений, совершаемых в окружении зеленых зон, на втором месте – крупные парки (29,8 %).

Затем изучались отношения между различными типами преступлений и типами зеленых зон. Обнаружился ряд интересных взаимосвязей (см. табл. 4). В районных садах очень сильно превышен показатель запугивания: $LQ_{(C)} = 3,0$. Однако количество инцидентов вблизи этих локаций очень низкое – всего семь случаев с 2016 по 2019 г. Следовательно, высокий показатель коэффициента связан, вероятнее всего, с завышением при измерениях, так как малое число случаев, сконцентрированных на небольшой площади, может дать относительно высокий уровень коэффициента. В городских садах показатель для всех преступлений составил 5,3, для подтипов «кража из автомобиля» – 2,5, для преступлений, связанных с наркотиками, – 7,1, для преступлений, связанных с оружием, – 2,0; для всех этих типов показатель значительно превышен. Число

Таблица 3

Концентрация общего количества преступлений ($LQ_{(c)}$) по типу зеленой зоны
 Table 3. Concentration of Total Crime ($LQ_{(c)}$) by Type of Greenspace

Тип зеленой зоны / Greenspace Type	Количество преступных эпизодов / Number of Crime Incidents	$LQ_{(c)}$	% зеленых зон ($n = 6\,742$) / % of Greenspace Crime ($n = 6,742$)
Районный сад / Community Garden	113	0,8	1,7
Городской сад / Public Garden	291	1,4	4,3
Природная зона / Natural Area	645	0,4	9,6
Парк / Park	5 799	1,5	86,0
Большой парк / Large Park	2 011	0,9	29,8
Небольшой парк / Small Park	3 781	2,1	56,1

Примечание: жирным шрифтом выделены значения коэффициента локализации, достигшие порога 2,0, что указывает на значительно превышенную концентрацию.

Note: Bolded LQ values are those that reach the 2.0 threshold, indicating very overrepresented concentration.

Таблица 4

Концентрация и специализация типов преступлений, совершенных поблизости от зеленых зон различных видов
 Table 4. Concentration and Specialization of Crime Types Around Different Greenspace Types

Тип преступления	Районный сад / Community Garden f (LQ_C ; LQ_S)	Городской сад / Public Garden f (LQ_C ; LQ_S)	Природная зона / Natural Area f (LQ_C ; LQ_S)	Парк / Park f (LQ_C ; LQ_S)	Большой парк / Large Park f (LQ_C ; LQ_S)	Небольшой парк / Small Park f (LQ_C ; LQ_S)
Все преступления / All Crime	113 (0,8; -)	291 (1,4; -)	645 (0,4; -)	5,799 (1,5; -)	2,011 (0,9; -)	3,781 (2,1; -)
Имущественные преступления / Property Crime	95 (0,7; 1,0)	221 (1,2; 0,9)	565 (0,4; 1,0)	4,631 (1,3; 1,0)	1,723 (0,9; 1,0)	2,905 (1,8; 1,0)
Кража из автомобиля / Theft from MV	30 (1,1; 1,4)	99 (2,5 ; 1,8)	191 (0,6; 1,5)	1,189 (1,5; 1,2)	408 (1,0; 1,1)	780 (2,2 ; 1,2)
Угон автомобиля / MVT	12 (0,7; 0,9)	29 (1,1; 0,8)	48 (0,2; 0,6)	493 (1,0; 0,8)	239 (0,9; 1,0)	252 (1,1; 0,6)
Вандализм / Vandalism	20 (1,2; 1,6)	32 (1,4; 1,0)	67 (0,4; 0,9)	723 (1,7; 1,2)	255 (1,1; 1,2)	468 (3,3 ; 1,3)
Грабеж / Robbery	3 (1,1; 1,5)	3 (0,8; 0,6)	6 (0,2; 0,5)	159 (2,2 ; 1,7)	41 (1,1; 1,2)	118 (3,6 ; 2,0)
Преступления против личности / Person Crime	16 (1,3; 1,8)	19 (1,1; 0,8)	52 (0,4; 1,0)	730 (2,3 ; 1,7)	183 (1,1; 1,2)	546 (3,7 ; 2,0)
Простое нападение / Simple Assault	5 (0,8; 1,1)	11 (1,3; 0,9)	24 (0,3; 0,9)	388 (2,3 ; 1,8)	78 (0,9; 0,9)	310 (4,1 ; 2,2)
Запугивание / Intimidation	7 (3,0 ; 3,9)	4 (1,2; 0,9)	12 (0,5; 1,2)	122 (1,9; 1,4)	27 (0,8; 0,9)	95 (3,3 ; 1,8)
Нападение с отягчающими обстоятельствами / Aggravated Assault	4 (1,2; 1,6)	4 (0,9; 0,6)	16 (0,4; 1,1)	220 (2,5 ; 1,9)	78 (1,6; 1,8)	141 (3,5 ; 1,9)
Общественные преступления / Society Crime	2 (0,3; 0,4)	51 (5,3 ; 3,8)	28 (0,4; 0,9)	438 (2,4 ; 1,8)	105 (1,1; 1,2)	330 (3,9 ; 2,2)
Преступления, связанные с наркотиками / Drug/Narc Violations	2 (0,4; 0,6)	47 (7,1 ; 5,1)	20 (0,4; 1,0)	321 (2,5 ; 1,9)	70 (1,0; 1,1)	249 (4,3 ; 2,4)
Преступления, связанные с оружием / Weapon Law Violations	0 (0,0; 0,0)	4 (2,0 ; 1,4)	8 (0,5; 1,3)	99 (2,5 ; 1,9)	30 (1,4; 1,6)	68 (3,8 ; 2,1)

Примечание: жирным шрифтом выделены значения коэффициента локализации, достигшие порога 2,0.

Note: MV = Motor Vehicle; MVT = Motor Vehicle Theft. Bolded LQ values (both LQC and LQS) are those that reach the 2.0 threshold.

преступлений, связанных с оружием, на этих территориях также очень мало, что важно учитывать при использовании коэффициента $LQ_{(C)}$. Что касается окружения природных зон, в нем не наблюдается концентрации никаких типов преступлений. Фактически ни один из типов преступлений не имеет показателя $LQ_{(C)}$ выше 1,0, т. е. преступность на этих территориях ниже, чем по городу в целом.

При изучении таких зеленых зон, как парки (крупные и небольшие совместно), обнаружилось значительное превышение показателя для преступлений против личности ($LQ_{(C)} = 2,3$) и общества ($LQ_{(C)} = 2,4$), а также для таких подтипов, как грабеж ($LQ_{(C)} = 2,2$), простое нападение ($LQ_{(C)} = 2,3$), нападение с отягчающими обстоятельствами ($LQ_{(C)} = 2,5$), преступления, связанные с наркотиками ($LQ_{(C)} = 2,5$) и оружием ($LQ_{(C)} = 2,5$). Однако при разбиении парков на большие и небольшие в первых не наблюдалось такого превышения: ни одно из значений $LQ_{(C)}$ не достигло 2,0. С другой стороны, для небольших парков показатели превышены почти по всем широким категориям (и подтипам) преступлений. Только две категории не достигли порога 2,0 в этом типе зеленых зон: имущественные преступления в целом (умеренное превышение ($LQ_{(C)} = 1,8$)) и угон автомобиля (незначительное превышение ($LQ_{(C)} = 1,1$)). Однако число преступлений различных типов в этих зонах различно, как и степень их концентрации.

ВИ 3а: Специализируются ли различные зеленые зоны Портленда на различных типах преступлений?

Показатели специализации преступлений в различных типах зеленых зон также сходны с показателями их концентрации. В районных садах очень сильно превышен показатель запугивания: $LQ_{(S)} = 3,9$. Остальные категории и подкатегории преступлений не достигают порога на этой территории, хотя внутри категорий наблюдаются различия, в основном отвечающие общим тенденциям, выявленным нами при изучении концентрации на этих территориях. Вблизи городских садов значительно превышены показатели общественных преступлений ($LQ_{(S)} = 3,8$), и особенно преступлений, связанных с наркотиками ($LQ_{(S)} = 5,1$). В окружении природных зон ни один из типов преступлений не показал специализации, т. е. $LQ_{(S)}$ не достигает 2,0. Однако некоторые результаты для природных зон оказались интересными и неожиданными, что подчеркивает уникальную значимость коэффициента $LQ_{(S)}$. Например, хотя концентрация преступлений в них низка, т. е. их число ниже, чем ожидалось, доли преступлений по категориям имущественных, общественных преступлений и преступлений против личности совпадают с показателями по городу в целом. Кроме того, отдельные подтипы преступлений выделяются как имеющие умеренное превышение на этих территориях (кража из автомобиля ($LQ_{(S)} = 1,5$) и преступления, связанные с оружием ($LQ_{(S)} = 1,3$)). Это показывает, что, хотя общий уровень преступности в окружении природных зон ниже, относительный риск кражи из автомобиля и преступлений, связанных с оружием, на этих территориях выше.

Показатели специализации преступлений в таких зеленых зонах, как парки, в целом совпадают с показателями их концентрации. В парках ни один из категорий или подтипов преступлений не достиг порогового показателя специализации 2,0; все категории, показавшие значительное превышение по концентрации, показывают также умеренное превышение по специализации. Кроме того, при выделении крупных парков из этой категории указанное соответствие между концентрацией и специализацией сохраняется, при этом большинство категорий демонстрируют ожидаемое количество и пропорции показателей исходя из общегородских данных. Однако при выделении небольших парков обнаруживается, что эти локации существенно влияют на общие тенденции преступности в окружении парков. На этих территориях проявляется специализация нескольких категорий преступлений; так, показатели общественных преступлений и преступлений против личности значительно превышены ($LQ_{(S)} = 2,0$ и $2,2$ соответственно). Что касается подтипов преступлений, то так же сильно превышены показатели грабежа, простого нападения, преступлений, связанных с наркотиками и оружием. Это показывает, что в окружении небольших парков существует специализация по этим подтипам преступлений.

Обсуждение

Необходимость изучения взаимосвязей между преступностью и зелеными зонами определяется положительной и необходимой ролью последних в городской среде. В частности, в Портленде, штат Орегон, эти пространства образуют важную сферу в жизни горожан, так как большое число жителей взаимодействуют с ними в повседневной деятельности (Portland Parks and Recreation, 2017). Настоящая работа направлена на

углубленное изучение взаимосвязей между зелеными зонами и преступностью в Портленде и использует новейшую методологию пространственных исследований, состоящую в минимизации площади изучаемой территории для достижения более точного представления о ней. Первый вопрос данного исследования был нацелен на выяснение наличия концентрации преступности вблизи зеленых зон Портленда. Результаты показывают, что в целом преступность не концентрируется внутри и вблизи этих важных пространств и лишь незначительно превышает показатели. Этот вывод соответствует результатам Breetzke и соавт. (2020), которые отмечали, что наличие зеленых зон не связано с уровнем вооруженного насилия в Детройте.

Однако при разбиении преступности на более мелкие категории мы обнаружили различия в концентрации и специализации преступлений в окружении зеленых зон Портленда. Так, общие категории (преступность в целом, имущественные преступления, преступления против личности и общества) не демонстрируют концентрацию и специализацию вблизи зеленых зон. Однако для конкретных типов преступлений уровни концентрации разнятся от незначительно сниженных ($LQ_{(C)} = 0,8$ (угон автомобиля)) до сильно повышенных ($LQ_{(C)} = 2,1$ (преступления, связанные с наркотиками)). Аналогично специализация подтипов преступлений различается в зависимости от типа зеленых зон. Ни одна категория и ни один подтип преступлений не демонстрирует повышенных показателей $LQ_{(S)}$ в окружении зеленых зон, но для всех рассмотренных подтипов преступлений против личности и общества показатели умеренно превышены. Это означает, что, учитывая общую структуру преступных событий, происходящих в окружении зеленых зон, доли преступлений против личности и общества выше, чем ожидается на основе общегородских показателей. Эти отклонения в концентрации и специализации подтверждают правоту Andresen и Linning (2012), которые подчеркивали важность разбиения на подтипы при анализе преступности.

Различия показателей концентрации и специализации типов преступлений говорят о том, что, хотя зеленые зоны могут способствовать некоторым типам преступлений (например, преступлений, связанных с наркотиками), для других типов преступлений они не несут преимуществ (например, угон автомобиля). Вероятно, это объясняется сущностью зеленых зон как мест скопления людей. Будучи общественными пространствами, они дают возможность людям участвовать в разнообразной деятельности, как законной, так и незаконной. Таким образом, наблюдаемая вблизи зеленых зон значительная концентрация преступлений, связанных с наркотиками, может происходить из-за открытости и общедоступности этой категории мест, которые играют роль окраин, где могут находиться самые разные люди, не чувствуя себя неуместно. С другой стороны, мы видим более низкие, чем ожидалось, показатели концентрации и специализации угонов автомобилей в окружении зеленых зон. Это может объясняться тем, что в течение дня граждане в парках действуют как наблюдатели, предотвращая угоны автомобилей, а по вечерам и ночам отсутствие людей означает также отсутствие целей преступления (в данном случае автомобилей), т. е. меньше возможностей для совершения преступлений такого типа (Eybergen & Andresen, 2022).

Как и в случае разбиения категорий преступлений на подтипы, разбиение зеленых зон также позволяет увидеть различные уровни концентрации преступлений. Это говорит о том, что различные типы зеленых зон имеют разные взаимосвязи с преступностью. Наше исследование подчеркивает, что преступность как общая категория концентрируется внутри и вблизи небольших парков, что совпадает с выводами более ранних работ о таких объектах (Groff & McCord, 2011; McCord & Houser, 2017). Напротив, городские природные зоны, районные сады, городские сады и крупные парки не достигают порогового показателя $LQ_{(C)} = 2,0$ для общей категории концентрации преступности. В них не наблюдается заметной концентрации преступных событий – фактически в большинстве из них регистрируется средняя или более низкая концентрация преступлений, чем можно ожидать исходя из общегородских показателей. Это отклонение можно объяснить фундаментальными различиями в использовании этих пространств местными жителями.

Тонкие различия, связанные с использованием этих пространств и потенциальными рисками, можно выявить, разбив каждый тип зеленых зон на подтипы в зависимости от их уникального профиля преступности. Во всех типах зеленых зон, за исключением природных зон и крупных парков, наблюдается заметная концентрация как минимум одного типа преступлений. Исследование специализации преступности показывает, что субтерритории с высокой концентрацией конкретного типа преступлений часто (хотя и не всегда) также имеют высокую степень специализации внутри соответствующей категории. Например, кражи из автомобилей значительно сконцентрированы в окружении городских садов и их показатели специализации также умеренно превышены в тех же локациях ($LQ_{(C)} = 2,5$, $LQ_{(S)} = 1,8$). Это означает, что в окружении городских

садов происходит больше краж из автомобилей, чем в других типах зеленых зон и чем предсказывают общегородские показатели. Аналогично доля краж из автомобилей умеренно выше в общем числе преступных событий, совершенных в указанных локациях.

Способы использования городских садов, в частности, помогают понять, почему в их окрестностях происходит больше краж из автомобилей и доля этих преступлений выше, чем вблизи иных зеленых зон. Городские сады посещают самые разные люди, часто из других районов города, которые вынуждены оставлять свои автомобили без присмотра, пока гуляют в саду. В результате у мотивированных преступников появляется больше целей. Напротив, другие типы имущественных преступлений или преступлений против личности не концентрируются в этих локациях, так как внутри сада больше возможностей для контроля (часто как результат платного входа). Такой надзор за пределами парковочных мест приводит к снижению уровня таких преступлений и возможности специализации по ним.

Напротив, окружение городских садов отличается заметной концентрацией и специализацией по общественным преступлениям в целом и их подтипам. Этот результат объяснить сложнее – элементы надзора, снижающие уровень большинства имущественных преступлений или преступлений против личности, должны теоретически также предотвращать общественные преступления. Возможно, полученный результат объясняется в большей степени местоположением городских садов (Eybergen & Andresen, 2022). Напомним, что окружение территории формируется как сетевая буферная зона, захватывая дороги вокруг зеленой зоны; таким образом, в статистику включаются преступные эпизоды, произошедшие внутри зеленой зоны, но привязанные к ближайшей точке регистрации на дорожной сети рядом с ней. При этом в статистику включаются также и события, действительно произошедшие на границах между этими зелеными зонами и окружающими территориями, а на таких границах можно ожидать повышенной концентрации преступности, так как они по своей сути служат соединительными элементами между различными зонами городской среды (Brantingham & Brantingham, 1993). Данные о преступности, полученные в рамках нашей работы, не позволяют разграничить такие особенности пространства, где произошло преступное событие; поэтому необходимы дальнейшие исследования относительно использования примыкающих территорий, которые помогут определить, связаны ли показатели концентрации и специализации в большей степени с особенностями зеленой зоны или примыкающих территорий.

Ключевой результат нашей работы подчеркивает важность небольших парков как элементов городской среды Портленда. В их окружении повышена концентрация всех типов преступлений, кроме угона автомобилей. Поскольку небольшие парки предназначены для обслуживания жителей ближайших районов, они расположены, как правило, в крупных жилых массивах (в отличие от городских садов, природных зон и крупных парков). В результате они чаще посещаются местными жителями и их гостями. Это может способствовать повышению уровня надзора, а значит, иметь более низкую концентрацию преступлений; либо это приводит к увеличению числа целей преступников, т. е. в них более высокая концентрация преступлений (Groff & McCord, 2011). Наши результаты свидетельствуют в пользу последнего предположения, так как в окружении небольших парков повышена концентрация всех типов преступлений против личности и общества. При рассмотрении специализации мы получаем те же результаты. Доля преступлений против личности и общества в общем числе преступлений, совершаемых вблизи небольших парков, умеренно или значительно превышена, как и доли всех их подтипов. Это говорит о том, что такие преступления совершаются в окружении небольших парков как в больших количествах, так и в больших долях, чем можно ожидать исходя из тенденций в окружении других зеленых зон и в городе в целом. Этот результат представляет интерес и может указывать на то, что подобные городские локации служат точками притяжения преступлений и/или генераторами преступлений в своих районах, так как предоставляют возможности для взаимодействий. Для лучшего понимания механизмов концентрации преступлений необходим временной анализ преступности внутри и вблизи зеленых зон, который поможет прояснить взаимосвязи между присутствием людей и уровнем преступности в этих локациях.

В целом результаты данного исследования показывают, что различные типы зеленых зон дают возможности для совершения различных типов преступлений. Этот вывод согласуется с работой Wuschke и Kinney, где было обнаружено, что разбиение территорий на категории по типу использования помогает прояснить специфические взаимосвязи между преступностью и территорией (Wuschke & Kinney, 2018). Наши результаты также совпадают с выводами Eybergen и Andresen (2022), которые определили значимые отличия в местной преступности в зависимости от категории парков.

Полученные результаты имеют большое значение для законодательства и практики. Прежде всего, они подчеркивают, что стратегии предотвращения преступлений должны разрабатываться с учетом особенностей местности и типов преступности. Например, вблизи небольших парков в Портленде повышена концентрация преступлений со специализацией на грабежах, а также преступлений против личности и общества. Аналогичным образом, для других типов зеленых зон существуют свои уникальные показатели концентрации и специализации типов преступлений. Следовательно, стратегии предотвращения преступлений должны разрабатываться для этих конкретных пространств. Такую возможность дает продолжающаяся программа замещающих облигаций городских парков, так как средства направляются на дальнейшее изучение и борьбу с этими проблемами. Во внегородском масштабе наши результаты дополняют существующие исследования, подчеркивая разнообразие взаимосвязей между зелеными зонами и преступностью, а также важность проведения анализа на местном уровне для детального и динамического выявления указанных особенностей в городской среде (Eybergen & Andresen, 2022; Kimpton et al., 2017).

Кроме практических результатов на местном материале, в нашем исследовании представлены методологические разработки, демонстрирующие более широкие области их применения. Мы удалили из анализа территории, где совершение преступления или его регистрация невозможны, тем самым сократив площадь изучаемой области до небольших зон вокруг отрезков улиц. Это позволило избежать проблемы завышения оценки, которая обычно возникает при измерениях уровня показателей и является ограничением в работах с использованием коэффициента $LQ_{(C)}$ (Wuschke et al., 2021). При вычислении числа преступлений на единицу площади большой знаменатель (например, площадь всего города) приводит к заниженному значению уровня преступности в городе. Поскольку коэффициент $LQ_{(C)}$ показывает отношение долей, то он сравнивает относительно низкие значения, полученные для всего города, с уровнем преступности на более мелких территориях. В этом случае даже небольшое число преступлений на этих территориях представляется значительным. Удалив все зоны, где криминальные события не регистрируются, мы минимизируем влияние большого знаменателя и тем самым делаем измерение коэффициента $LQ_{(C)}$ точнее, не затрагивая коэффициент $LQ_{(S)}$. Этот метод был разработан с целью учета данных, ранее не регистрировавшихся в уличной сети или входивших в обобщенные данные по перекресткам и центрам кварталов. Методы, позволяющие лучше представить и измерить существующие закономерности, приобретают особое значение в связи с тем, что все больше отделов полиции открывают доступ общественности к данным о преступности (Wuschke et al., 2021). Такие данные Бюро полиции Портленда, как и других отделов, показывают места преступлений обобщенно с целью анонимизации. Таким образом, крайне важно совершенствовать инструменты измерения концентрации преступности с использованием общедоступных данных; это позволит продолжать исследования пространственного распределения преступлений.

Ограничения и будущие направления исследования

Настоящая работа вносит вклад в изучение взаимосвязей между зелеными зонами и преступностью, однако имеет ряд ограничений, на которые необходимо обратить внимание в ходе будущих исследований. Во-первых, в работе используются два варианта коэффициента локализации для измерения концентрации и специализации. Хотя это надежные и понятные инструменты, они имеют свои ограничения. Как и большинство инструментов на основе соотношений, они подвержены завышению, как это произошло в нескольких случаях, когда низкое число преступлений одного типа давало высокие показатели коэффициента либо из-за малой площади территории, либо из-за низкого количества преступлений в целом на данной территории. Использование двух вариантов коэффициента сглаживает эту проблему, так как дает дополнительную точку зрения на изучаемые взаимосвязи, однако важно учитывать число преступлений и значения коэффициентов при интерпретации результатов (Brantingham & Brantingham, 1998; Wuschke et al., 2021).

Кроме того, метод буферных зон уличной сети является быстрым и относительно простым в применении и позволяет существенно сократить анализируемые площади. Однако сами эти буферные зоны остаются по сути евклидовыми и охватывают любые зоны на расстоянии 20 футов от дороги. Это означает, что они могут создать ошибочную связь между двумя соседними улицами, даже если эти улицы физически не соединяются. Кроме того, окружения парков также евклидовы по характеру. Когда они присоединяются к уличному буферу, то могут захватить также территории, физически не относящиеся к парку (например,

тупиковую улицу внутри 60-футовой зоны окружения). Для целей настоящего исследования отсутствие физической связи через дорожную сеть, вероятно, оказывает минимальное влияние, так как существует огромное количество неформальных путей, соединяющих такие тупики с ближайшими дорогами. В тех исследованиях или областях, где точность топографических связей критически важна, следует применять анализ на основе сети (Wuschke et al., 2021). Однако простота и доступность гибридного подхода, использующего как уличные сети, так и общеизвестные инструменты пространственного анализа, делает этот подход ценным дополнением к аналитическому инструментарию для изучения пространственных явлений широким кругом пользователей.

Целью нашего исследования было определить, существует ли концентрация преступлений (различных типов преступлений) вокруг различных зеленых зон города Портленд, штат Орегон. Работа представляет собой важный вклад и необходимую предпосылку для будущих исследований парков и преступности в Портленде, однако является пробной по своему характеру. Она намечает ряд интересных направлений для дальнейшей разработки. Так, в рамках данной темы можно изучить влияние на преступность различных объектов в зеленых зонах, поскольку эти объекты смещают возможные способы использования парков в различные периоды суток (например, спортивные площадки, общественный транспорт; на основе работ Groff и McCord (2011) и McCord и Houser (2017)). Кроме того, влияние других характеристик местности (например, уровня бедности и социального неблагополучия) остается предметом исследования (Boessen & Hipp, 2018; Eybergen & Andresen, 2022). Используя анализ временных и пространственных аспектов, можно определить, когда и где парки могут служить защитными объектами либо точками притяжения и генераторами преступности и меняются ли эти роли одной и той же территории в течение суток. Также можно изучить влияние способа использования земли вблизи парков на преступность и особенности совершения преступлений за пределами парков. Это позволит лучше понять события, происходящие внутри и вблизи этих важных точек городской среды.

Заключение

Целью работы было изучение взаимосвязи между зелеными зонами и преступностью в городе Портленд, штат Орегон, с использованием адаптированного метода буферных зон уличной сети при измерении концентрации и специализации преступности вокруг зеленых зон. Этот метод, предложенный авторами, дает возможность более точного, но при этом простого измерения показателей концентрации и специализации преступлений с использованием общедоступных обобщенных данных и несложных геопространственных процедур. Предлагаемый подход отличается простотой вычислений и дает понятные результаты. Было обнаружено, что в целом зеленые зоны Портленда не являются местом концентрации преступности. Однако при разбиении категорий этих зон и преступлений на подтипы были выявлены новые закономерности. Мы определили, что небольшие парки в черте города демонстрируют значительные уровни концентрации и специализации преступности, причем этот эффект в основном сохраняется при разбиении общего массива преступлений на отдельные типы. В некоторых типах зеленых зон наблюдались концентрация и специализация определенных подтипов преступлений, т. е. они выступают точками притяжения и генераторами преступности в своей местности. Напротив, другие зеленые зоны демонстрируют потенциальные защитные функции против многих категорий преступлений и более низкие показатели концентрации, чем ожидалось. Наша работа показывает важность разбиения категорий на микроуровне при анализе для выявления уникальных взаимосвязей между преступностью и особенностями городской среды, а также для более эффективного применения превентивных мер. В работе также подчеркивается значение модифицированной методики, которая позволила объединить широко применяемые инструменты пространственного анализа и общедоступные данные для изучения взаимосвязей между преступностью и значимыми общественными пространствами. Это особенно важно, так как актуальная и конкретная информация об этих закономерностях может использоваться при проектировании будущих и реконструкции существующих пространств для снижения преступности и виктимизации на местном уровне. Поскольку в настоящее время в Портленде проводится активная деятельность по обновлению зеленых зон, методы и результаты нашего исследования могут служить практическим руководством для планирования и способствовать тому, чтобы столь ценимые городом зеленые зоны оставались безопасными и привлекательными для всех пользователей.

Список литературы / References

- Andresen, M. A., & Linning, S. J. (2012). The (in) appropriateness of aggregating across crime types. *Applied Geography*, 35(1–2), 275–282. <https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2012.07.007>
- Andresen, M. A., Linning, S. J., & Malleon, N. (2017). Crime at places and spatial concentrations: Exploring the spatial stability of property crime in Vancouver BC, 2003–2013. *Journal of Quantitative Criminology*, 33(2), 255–275. <https://doi.org/10.1007/s10940-016-9295-8>
- Andresen, M. A., Wuschke, K., Kinney, J. B., Brantingham, P. J., & Brantingham, P. L. (2009). Cartograms, crime and location quotients. *Crime Patterns and Analysis*, 2(1), 31–46.
- Bernasco, W., & Block, R. (2011). Robberies in Chicago: A block-level analysis of the influence of crime generators, crime attractors, and offender anchor points. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 48(1), 33–57. <https://doi.org/10.1177/0022427810384135>
- Boessen, A., & Hipp, J. R. (2018). Parks as crime inhibitors or generators: Examining parks and the role of their nearby context. *Social Science Research*, 76, 186–201. <https://doi.org/10.1016/i.ssresearch.2018.08.008>
- Bowler, D. E., Buyung-Ali, L., Knight, T. M., & Pullin, A. S. (2010). Urban greening to cool towns and cities: A systematic review of the empirical evidence. *Landscape and Urban Planning*, 97(3), 147–155. <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2010.05.006>
- Brantingham, P. L., & Brantingham, P. J. (1981). Notes on the geometry of crime. In P. J. Brantingham, & P. L. Brantingham (Eds.), *Environmental criminology* (pp. 27–54). Sage Publications.
- Brantingham, P. L., & Brantingham, P. J. (1993). Nodes, paths and edges: Considerations on the complexity of crime and the physical environment. *Journal of Environmental Psychology*, 13, 3–28. [https://doi.org/10.1016/S0272-4944\(05\)80212-9](https://doi.org/10.1016/S0272-4944(05)80212-9)
- Brantingham, P. L., & Brantingham, P. J. (1995). Criminality of place: Crime generators and crime attractors. *European Journal on Criminal Policy and Research*, 3(3), 5–26. <https://doi.org/10.1007/BF02242925>
- Brantingham, P. L., & Brantingham, P. J. (1998). Mapping crime for analytic purposes: location quotients, counts, and rates. In D. Weisburd & T. McEwan (Eds.), *Crime mapping and crime prevention* (pp. 263–288). Criminal Justice Press.
- Breetzke, G., Pearson, A., Tao, S., & Zhang, R. (2020). Greenspace and gun violence in Detroit, USA. *International Journal of Criminal Justice Sciences*, 15(2), 248–265. <https://doi.org/10.5281/zenodo.3865608>
- Cohen, L. E., & Felson, M. (1979). Social change and crime rate trends: A routine activity approach. *American Sociological Review*, 44(4), 588–608.
- Drawve, G., & Barnum, J. D. (2018). Place-based risk factors for aggravated assault across police divisions in Little Rock, Arkansas. *Journal of Crime and Justice*, 41(2), 173–192. <https://doi.org/10.1080/0735648X.2016.1270849>
- Eybergen, C., & Andresen, M. A. (2022). Public parks and crimes of property: get out there and enjoy the sunshine, lock your cars, and hide your bike. *Security Journal*, 35(3), 777–800. <https://doi.org/10.1057/s41284-021-00299-x>
- Groff, E., & McCord, E. S. (2011). The role of neighborhood parks as crime generators. *Security Journal*, 25(1), 1–24. <https://doi.org/10.1057/si.2011.1>
- Hart, T. C., & Miethe, T. D. (2014). Street robbery and public bus stops: A case study of activity nodes and situational risk. *Security Journal*, 27(2), 180193. <https://doi.org/10.1057/si.2014.5>
- Hipp, J. R., Corcoran, J., Wickes, R., & Li, T. (2014). Examining the social porosity of environmental features on neighborhood sociability and attachment. *PLoS One*, 9, 1–13. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0084544>
- Hodgen, Ch., & Wuschke, K. (2023). The Grass is Always Greener: Analyzing Crime Concentration and Specialization in Urban Greenspace Environs. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 24(1), 19–37.
- Kimpton, A., Corcoran, J., & Wickes, R. (2017). Greenspace and crime: An analysis of greenspace types, neighboring composition, and the temporal dimensions of crime. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 54(3), 303–337. <https://doi.org/10.1177/0022427816666309>
- Mason, S. G. (2010). Can community design build trust? A comparative study of design factors in Boise, Idaho neighborhoods. *Cities*, 27, 456–465. <https://doi.org/10.1016/i.cities.2010.07.003>
- McCord, E. S., & Houser, K. A. (2017). Neighborhood parks, evidence of guardianship, and crime in two diverse US cities. *Security Journal*, 30(3), 807824. <https://doi.org/10.1057/si.2015.11>
- McCunn, L. J., & Gifford, R. (2014). Interrelations between sense of place, organizational commitment, and green neighborhoods. *Cities*, 41, 20–29. <https://doi.org/10.1016/i.cities.2014.04.008>
- Openshaw, S. (1984). Ecological fallacies and the analysis of areal census data. *Environment and Planning A*, 16(1), 17–31. <https://doi.org/10.1068/a160017>
- Oregon Metro. (2022). *Regional Land Information System (RLIS) discovery*. <https://rlisdiscovery.oregonmetro.gov/>
- Portland Parks and Recreation. (2017). *Community needs survey results citywide analysis: Comprehensive report*. <https://www.portland.gov/parks/projects>
- Portland Parks and Recreation. (2022a). *Parks and Recreation*. <https://www.portland.gov/parks>
- Portland Parks and Recreation. (2022b). *Parks Replacement Bond*. <https://www.portland.gov/parks/parks-replacement-bond>
- Portland Police Bureau. (2022). *Crime statistics*. <https://www.portlandoregon.gov/police/71978>
- PortlandMaps. (2022). *Parks*. <https://gis-pdx.opendata.arcgis.com/datasets/PDX::parks/about>

- Ratcliffe, J. H. (2012). The spatial extent of criminogenic places: A changepoint regression of violence around bars. *Geographical Analysis*, 44(4), 302–320. <https://doi.org/10.1111/i.1538-4632.2012.00856.x>
- Shepley, M., Sachs, N., Sadatsafavi, H., Fournier, C., & Peditto, K. (2019). The impact of greenspace on violent crime in urban environments: An evidence synthesis. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 16(24), 1–19. <https://doi.org/10.3390/ijerph16245119>
- Sherman, L. W., Gartin, P. R., & Buerger, M. E. (1989). Hot spots of predatory crime: Routine activities and the criminology of place. *Criminology*, 27(1), 27–56. <https://doi.org/10.1111/i.1745-9125.1989.tb00862.x>
- Taylor, R. B., Haberman, C. P., & Groff, E. R. (2019). Urban park crime: Neighborhood context and park features. *Journal of Criminal Justice*, 64, 1322. <https://doi.org/10.1016/j.icrimus.2019.101622>
- Weisburd, D., Bushway, S., Lum, C., & Yang, S. M. (2004). Trajectories of crime at place: A longitudinal study of street segments in the city of Seattle. *Criminology*, 42(2), 283–321. <https://doi.org/10.1111/i.1745-9125.2004.tb00521.x>
- Wuschke, K., & Kinney, J. B. (2018). Built environment, land use, and crime. In G. Bruinsma & S. Johnson (Eds.), *The Oxford handbook of environmental criminology* (pp. 479–500). Oxford University Press.
- Wuschke, K., Andresen, M. A., & Brantingham, P. L. (2021). Pathways of crime: Measuring crime concentration along urban roadways. *The Canadian Geographer/Le Geographe Canadien*, 65(3), 267–280. <https://doi.org/10.1111/cag.12676>
- Wuschke, K., Henning, K., & Stewart, G. (2021). Dots versus density: The impact of crime mapping techniques on perception of safety, police performance and neighborhood quality. *Policing and Society*, 32(1), 1–17. <https://doi.org/10.1080/10439463.2021.1874950>
- Yang, J., McBride, J., Zhou, J., & Sun, Z. (2005). The urban forest in Beijing and its role in air pollution reduction. *Urban Forestry & Urban Greening*, 3(2), 65–78. <https://doi.org/10.1016/j.ufug.2004.09.001>

ПРИЛОЖЕНИЕ 1 / APPENDIX 1

Таблица 5

Кодирование различных типов парков и зон отдыха Портленда
Table 5. Portland Parks and Recreation Greenspace Type Coding

Тип / Classification Type	Код / Code	Примечания / Notes	Включено в исследование? / Included in Study?
Парк / Park	1		Да / Yes
Природная зона / Natural area	2		Да / Yes
Дендрарий / Arboretum Городской сад / Public garden Розарий / Rose garden	3	Сгруппированные как «городской сад» / Grouped as public garden	Да / Yes
Районный сад / Community garden	4		Да / Yes
Центр собраний и искусств / Community and arts center Местная школа / Community school	5	Сгруппированные как «центр собраний и искусств или школа» / Grouped as community and arts center or school	Нет / No
Мемориал / Memorial Музей / Museum	6	Сгруппированные как «мемориал/музей» / Grouped as memorial/museum	Нет / No
Бассейн (крытый) / Swim pool (indoor) Бассейн (открытый) / Swim pool (outdoor)	7	Сгруппированные как «бассейн» / Grouped as swimming pool	Нет / No
Поле для гольфа / Golf course	8		Нет / No
Беговая дорожка / Raceway	9		Нет / No
Прокат / Rental Facility	10		Нет / No

Об авторах

Шайенн Ходжен, магистр наук, аспирант Университета Калифорнии, г. Ирвин. Она получила степень магистра наук в области криминологии и уголовного правосудия в Университете штата Орегон в Портленде. Ее научные интересы включают пространственные аспекты преступности, а именно временные и пространственные зависимости при различных типах преступлений.

Кэтрин Вушке, доктор философии, является доцентом криминологии и уголовного правосудия в Университете штата Орегон в Портленде. Как преподаватель и ученый она занимается пространственными аспектами преступности, специализируясь на изучении приложений и методов географических информационных систем. Ее исследования направлены на разработку и тестирование методов измерения и представления связей между преступными событиями и искусственной средой на различных пространственных шкалах.

About the authors

Cheyenne Hodgen, M.S., is a PhD student at the University of California, Irvine. She received her Master of Science in Criminology and Criminal Justice from Portland State University. Her research interests focus on crime and place, specifically looking at the temporal and spatial patterns of different crime types at different locations.

Kathryn Wuschke, PhD, is an Associate Professor of Criminology and Criminal Justice at Portland State University. Her teaching and research interests focus on crime and place, specializing in Geographic Information Systems applications and methods. Her work centers on establishing and testing methods to measure and represent the connections between crime events and the built environment across spatial scales.

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 22.06.2023

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 30.07.2023

Дата принятия в печать / Accepted 10.08.2023

Ш. Ф. Эвертон¹,
Д. Каннингэм¹

¹Школа повышения квалификации офицерских кадров ВМС США, г. Монтерей, США

Устойчивость темных сетей в условиях враждебного окружения: оптимизация централизации и плотности

Переводчик Е. Н. Беляева

Контактное лицо:

Шин Ф. Эвертон, Школа повышения квалификации офицерских кадров ВМС США
E-mail: sfeverto@nps.edu

Дэниэл Каннингэм, Школа повышения квалификации офицерских кадров ВМС США

Аннотация

Цель: анализ правовой природы, структуры, особенностей насильственного экстремизма, а также выработка мер для предотвращения данного противоправного поведения.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический и социологический.

Результаты: в последние годы мир стал свидетелем возникновения насильственного экстремизма, что по-прежнему вызывает тревогу во всех странах. К изучению природы и структуры этого явления прилагаются большие усилия, призванные помочь выработке мер для предотвращения насильственных действий в будущем. Особый интерес аналитиков и исследователей вызывает выявление структурных особенностей, которые усиливают или снижают сопротивляемость насильственного экстремизма внутренним и внешним воздействиям. Часто отмечается, что насильственный экстремизм обычно стремится сбалансировать операционную безопасность и эффективность. Ряд ученых утверждают, что стремление экстремистов к секретности перевешивает их стремление к эффективности, в результате чего их организации становятся менее централизованными и имеют меньше внутренних связей. Другие доказывают, что централизация необходима, поскольку безопасностью легче поступиться, а внутренняя сплоченность повышает чувство солидарности и препятствует противостоящим влияниям. Естественно, обе позиции подкрепляются свидетельствами. В настоящей статье анализируется развитие террористической сети Нурдина Топа с целью изучения баланса между безопасностью и эффективностью с новой точки зрения. Было обнаружено, что процесс формирования различных структур сети гораздо сложнее, чем то, что описывается в современной научной литературе.

Научная новизна: в работе обосновано, что процесс формирования структуры темной сети более сложный, чем то, как он описан в современной научной литературе, а именно что структура сети на обоих концах континуумов сплоченности и централизации имеет потенциальные преимущества и недостатки в отношении ее устойчивости. В случае сети Нурдина Топа оказалось, что активное формирование внешних связей сети в периоды после терактов обеспечивало доступ к ресурсам, но, вероятно, стало одним из факторов обнаружения и последующего разрушения сети. Во многом аналогично ее предшественникам, организовавшим теракт Бали I, которые также активно устанавливали внешние связи после операции, эта сеть столкнулась со значительными потерями и была вынуждена

© Эвертон Ш. Ф., Каннингэм Д., 2023. Впервые опубликовано на русском языке в журнале *Russian Journal of Economics and Law* (<https://rusjel.ru>) 25.09.2023

Представленный материал публикуется без купюр, в интерпретации автора.

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica*. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала *Criminology, Criminal Justice, Law & Society (CCJLS)* и *The Western Society of Criminology*: CCJLS@WesternCriminology.org

Цитирование оригинала статьи на английском: Everton, S. F., & Cunningham, D. (2015). Dark network resilience in a hostile environment: optimizing centralization and density. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 16(1), 1–20.

URL публикации: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/341-dark-network-resilience-in-a-hostile-environment-optimizing-centralization-and-density>

перестраиваться немедленно после каждой операции. Эта тенденция, как и в целом принятие централизованной структуры, показывает, что сеть Нурдина сформировала субоптимальную структуру, которая в конечном итоге способствовала его гибели.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с противодействием экстремизму и терроризму.

Ключевые слова

Сеть Нурдина Топа, экстремизм, терроризм, экстремистская организация, террористическая организация, социальные сети

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Эвертон, Ш. Ф., Каннингэм, Д. (2023). Устойчивость темных сетей в условиях враждебного окружения: оптимизация централизации и плотности. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(3), 667–688. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.667-688>

Scientific article

S. F. Everton¹,
D. Cunningham¹

¹ Naval Postgraduate School, Monterey, USA

Dark network resilience in a hostile environment: optimizing centralization and density

Translator E. N. Belyaeva

Contact:

Sean F. Everton, Naval Postgraduate School, 1 University Circle, Monterey, CA, 93943, USA
Email: sfeverto@nps.edu

Dan Cunningham, Naval Postgraduate School

Abstract

Objective: to analyze the legal nature, structure, and features of violent extremism and to develop measures to prevent this illegal behavior.

Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, allowing to analyze them in historical development and functioning in the context of the totality of objective and subjective factors, which predetermined the following research methods: formal-logical and sociological.

Results: in recent years, the world has witnessed the emergence of violent extremists (VEs), and they have become an ongoing concern for countries around the globe. A great deal of effort has been expended examining their nature and structure in order to aid in the development of interventions to prevent further violence. Analysts and scholars have been

The article was first published in English language by *Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica*. For more information please contact: CCJLS@WesternCriminology.org

The submitted material is published in full, as interpreted by the author.

For original publication: Everton, S. F., & Cunningham, D. (2015). Dark network resilience in a hostile environment: optimizing centralization and density. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 16(1), 1–20.

Publication URL: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/341-dark-network-resilience-in-a-hostile-environment-optimizing-centralization-and-density>

particularly interested in identifying structural features that enhance (or diminish) VE resilience to exogenous and endogenous shocks. As many have noted, VEs typically seek to balance operational security and capacity/efficiency. Some argue that their desire for secrecy outweighs their desire for efficiency, which leads them to be less centralized with few internal connections. Others argue that centralization is necessary because security is more easily compromised and that internal density promotes solidarity and limits countervailing influences. Unsurprisingly, scholars have found evidence for both positions. In this paper, we analyze the Noordin Top terrorist network over time to examine the security-efficiency tradeoff from a new perspective. We find that the process by which they adopt various network structures is far more complex than much of the current literature suggests.

Scientific novelty: the research showed that a dark network's adoption of a network structure is far more complex than what current literature suggests, namely that a network structure at either side of the cohesion and centralization continuums offers potential advantages and disadvantages in terms of network resilience. In the case of Noordin Top, it appears that his network's focus on establishing external ties after its operations provided it possible access to resources but likely became a factor contributing to its exposure and eventual disruption. The network, much like its Bali I predecessors who also focused on establishing external ties after their operation, faced significant losses and needed to reconstitute itself immediately following each operation. This tendency, along with the general adoption of a centralized structure, suggests that Noordin's network adopted a suboptimal structure that ultimately contributed to his demise.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering the issues related to fighting extremism and terrorism.

Keywords

Noordin Top network, extremism, terrorism, extremist organization, terrorist organization, social networks

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Everton, S. F., & Cunningham, D. (2015). Dark network resilience in a hostile environment: optimizing centralization and density. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(3), 667–688. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.667-688>.

Введение

Экстремистские сети (также известные как скрытые сети, темные сети) представляют собой постоянную проблему для государств по всему миру. Их сущность и структура подвергаются всестороннему изучению в целях выработки мер, которые позволили бы дестабилизировать, разрушить их или иным способом предотвратить будущие насильственные действия. Особый интерес вызывает выявление структурных особенностей, которые усиливают или снижают сопротивляемость таких сетей к внутренним и внешним воздействиям. Как часто отмечается, группы обычно стремятся установить равновесие между операционной безопасностью и эффективностью (см., например, Combatting Terrorism Center, 2006; Crossley et al., 2012; McCormick & Owen, 2000; Morselli et al., 2007). Однако до сих пор не решен вопрос о том, какие черты способствуют поддержанию такого равновесия в темных сетях. Так, в современной научной литературе предлагаются две в некоторой степени противоположные гипотезы о взаимоотношениях между структурой сети и операционной безопасностью. Ряд ученых утверждают, что, когда стремление к секретности перевешивает стремление к эффективности, темные сети становятся внутренне разрозненными и нецентрализованными (Baker & Faulkner, 1993; Enders & Su, 2007; Raab & Milward, 2003). Другие доказывают прямо противоположное: стремление к секретности приводит темные сети к повышению централизации и сплоченности. Централизация необходима, поскольку безопасностью можно поступиться, когда транзакции вынужденно проходят долгий путь, а это можно преодолеть через координацию деятельности из центрального узла (Lindelauf et al., 2009). Сторонники этой точки зрения также утверждают, что сплоченность является нормой в темных сетях, поскольку повышает чувство солидарности и препятствует противостоящим влияниям (Coleman, 1988), а также что рекрутинг происходит преимущественно по линии доверия (Erickson, 1981).

Различные точки зрения на проблему баланса между безопасностью и эффективностью подкрепляются свидетельствами (Crossley et al., 2012; Everton & Cunningham, 2013). Одна из причин большого расхождения в результатах и выводах состоит в способах измерения степени централизации и сплоченности (Crossley et al., 2012). Например, централизация часто оценивается по степени центральности (Freeman, 1979), но остается неясным, верно ли при этом характеризуется тип централизации темных сетей. Проблемы с измерениями существуют и в отношении сплоченности. Так, поскольку мера плотности обычно находится в обратной зависимости от размера сети, крупные и географически рассеянные сети являются менее плотными. Второй фактор, способствующий противоречиям во взглядах на баланс между безопасностью и эффективностью, состоит в том, что большинство исследований недостаточно учитывают многоаспектный характер темных сетей (Crossley et al., 2012) или не выделяют различные типы анализируемых отношений (Lindelauf et al., 2009). Большая часть работ фокусируется на каком-либо одном типе взаимоотношений, обычно это коммуникационные связи; однако члены темных сетей участвуют в целом спектре взаимоотношений. Наконец, еще одна причина в том, что во многих работах не учитывается окружение, в котором действуют эти скрытые сети. Такие сети редко бывают статичными. Они меняются не только в соответствии со своими операционными целями, но и со стратегическими выборами оппонентов.

В нашем исследовании мы изучили, как структура темных сетей может меняться в зависимости от их собственных целей и стратегий властей. Работа построена следующим образом. Прежде всего, мы рассматриваем стратегическое равновесие, существующее между террористами и другими мятежными группами. Эти группы обычно стремятся (или должны стремиться) к балансу между операционной эффективностью и безопасностью; мы операционализируем эти понятия в терминах централизации сети и взаимосвязанности соответственно. Отсюда возникает ряд гипотез относительно того, что можно ожидать от темной сети с течением времени. Далее мы обращаемся к эмпирической базе исследования, а именно к информации о терроризме и мятежах в Индонезии и о стратегических подходах властей этой страны в попытках борьбы с темными сетями. Затем мы обсудим данные и методы, применяемые при анализе. Далее представлены результаты исследования, которые демонстрируют, что процесс формирования различных структур темных сетей является гораздо более сложным, чем то, что описывается в современной научной литературе. В заключении мы описываем ограничения нашей работы и предложения для будущих исследований.

Обзор литературы о централизации сетей

Операциональная эффективность мятежных групп во многом зависит от их способности мобилизовать людей и ресурсы (McCormick, 2005; McCormick & Owen, 2000). Ряд ученых предполагают существование положительной связи между централизованными сетями и операциональной эффективностью (Baker & Faulkner, 1993; Morselli, 2009); считается, что они более эффективно мобилизуют людей и ресурсы, так как способствуют эффективности процесса принятия решений (Enders & Jindapon, 2010), тем самым улучшая стратегическое планирование и создавая систему подотчетности и стандартов деятельности среди членов сети (Tucker, 2008). Они могут также облегчать перенос ресурсов благодаря более коротким путям между руководителями и другими участниками сети (Lindelauf et al., 2009). Таким образом, неудивительно, что несколько относительно успешных темных сетей воспринимаются как централизованные сети, построенные вокруг харизматичных лидеров. Например, Enders и Sandler (2006) предположили, что централизованный характер секты «Аум Синрикё» позволил ей в 1990-е гг. успешно произвести теракт с распылением газа зарина в токийском метро, тогда как децентрализация «Аль-Каиды»¹ снизила ее способность осуществлять атаки с использованием химических, биологических, радиологических и ядерных веществ². Говоря точнее, многие из таких характеристик были в основном качественными, им не хватает стандартизированных мер анализа социальных сетей³. Тем не менее по ним можно судить, что централизация положительно связана с управлением и контролем над темными сетями.

¹ Организация признана террористической, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

² Другие примеры успешных централизованных скрытых сетей включают сеть по перевозке наркотиков Пабло Эскобара и сеть *Sendero Luminoso* («Светлый путь») в Перу.

³ Примечательное исключение – работа Koschade (2006) о первой сети, объединявшей бомбистов в Бали.

Однако преимущества централизации неоднозначны. Как показывают исследования, менее централизованные организации быстрее адаптируются к переменам (Arquilla, 2009) и меньше страдают от удаления ключевых фигур (Bakker et al., 2011; Sageman, 2003, 2004). Распространено мнение, что многие темные сети, особенно террористические, придерживаются ячеистой или распределенной структуры (Carley et al., 2003). Благодаря этому небольшие ячейки действуют относительно самостоятельно с небольшими операционными затратами, что, в свою очередь, позволяет им легче приспосабливаться к быстро меняющейся обстановке, чем иерархическим сетям (Kenney, 2007). Кроме того, менее централизованные сети лучше выдерживают шоковые воздействия, такие как захват ключевой фигуры, поскольку большая часть остальной сети не затрагивается и может продолжать свою деятельность. Однако чрезмерно децентрализованные темные сети могут столкнуться с проблемой мобилизации ресурсов. Более того, возникает риск, что отдельные члены или малые группы начнут действовать самостоятельно без согласования с действиями всей организации. Это говорит о том, что для подпольных сетей существует оптимальный уровень централизации и что он может меняться с течением времени. Можно показать, что темные сети повышают уровень своей централизации, когда их главной задачей становятся мобилизация и перераспределение ресурсов (например, непосредственно перед атакой). Напротив, централизация снижается, когда на первый план выходит задача адаптации, например, после проведенной операции. Кроме того, централизация сети почти наверняка зависит от окружения (Everton, 2012a). В относительно дружественном окружении, где приспособляемость менее важна и риск потери ключевых фигур невелик, подпольные сети будут, вероятно, более централизованными. Если же окружение становится более враждебным, они будут двигаться в сторону децентрализации. Например, считается, что до событий 11 сентября 2001 г. «Аль-Каида»⁴ была довольно централизованной, а после под давлением сил коалиции ее структура стала гораздо более децентрализованной (Sageman, 2008). Как бы то ни было, эти факторы показывают, что анализ методом поперечного среза не подходит для всестороннего понимания динамики сетей.

Внутренняя связность в сетях

Нет сомнений, что набор в группы происходит преимущественно через социальные связи. К примеру, в работе Lofland и Stark (1965; см. также Stark, 1996), посвященной переходу в «Церковь Объединения», было показано, что вступившие в нее обладали более прочными связями с членами этой группы, чем с людьми за ее пределами. Подобным образом Stark и Bainbridge (1980) обнаружили, что работа миссионеров-мормонов путем рекрутинга «от двери к двери» в основном безуспешна, однако если миссионеры встречались с немормонами в домах своих друзей-мормонов, то успешность рекрутинга достигала 50 %. Почему так происходит? Потому что такие встречи происходили лишь после того, как рядовые мормоны выстраивали тесные личные отношения с этими немормонами и вовлекали их в свои группы. Метаанализ, проведенный в работах Snow и соавт. (Snow et al., 1980), а также в исследовании McAdam (1986; см. также McAdam & Paulsen, 1993), посвященном кампании «Лето свободы» 1964 г., обнаружил сходную динамику: успешные общественные движения вовлекают новых членов в основном через социальные связи (Snow et al., 1980, p. 791). Наконец, анализ Sageman (2003, 2004) всемирного движения Салафитского джихадизма (GSJ) показал, что 83 % его членов были вовлечены через дружеские, родственные или наставнические связи.

Поскольку безопасность очень важна для темных сетей, они стремятся рекрутировать по линиям доверия (Passy, 2003). Иные пути представляют большую опасность, как показывает пример Рамзи Юсуфа, одного из участников атаки на Всемирный торговый центр в 1993 г. Привлекая новых членов через свои связи, он избегал внимания властей; удача закончилась после рекрутинга незнакомого ему южноафриканского студента. Юсуф попросил студента отнести подозрительный пакет в шиитскую мечеть, а тот позвонил в американское посольство, в результате чего Юсуфа арестовали и выслали из США (Sageman, 2004, pp. 109–110). Рекрутинг через тесные связи предполагает, что сети со временем становятся все более плотными, так как между ранее незнакомыми участниками возникают связи. Это происходит благодаря явлению, которое Granovetter (1973) назвал «запретной триадой»; в конечном итоге оно приводит к повышению плотности группы (рис. 1).

⁴ Организация признана террористической, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

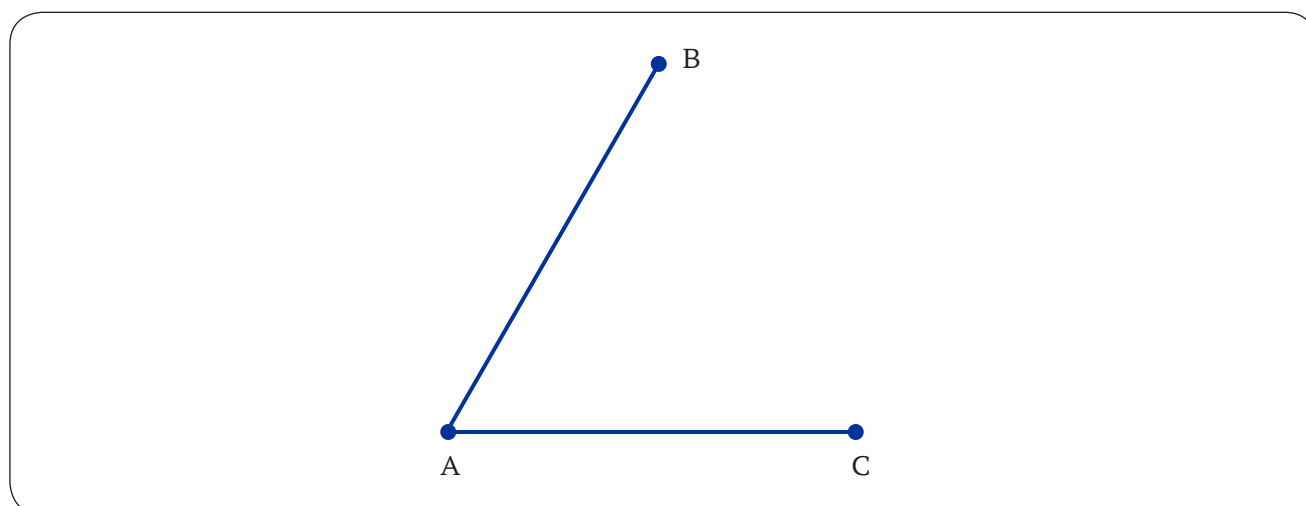

Рис. 1. Запретная триада Granovetter'a

Fig. 1. Granovetter's Forbidden Triad

Плотность сети, наличие многочисленных сильных связей дают темным сетям важное преимущество: они минимизируют количество отколовшихся членов, так как лучше отслеживают их поведение (Finke & Stark, 1992, 2005; Granovetter, 2005), используют соответствующие стимулы за солидарность (McAdam, 1982, 1999; Smith, 1991) и решают проблемы координации (Chwe, 2001). В целом темные сети, способные минимизировать отход своих членов, более успешны, чем неспособные на это. Фактически они зачастую «предпочитают», чтобы их членов убили, чем чтобы они покинули группу, поскольку «если один активист решит уйти, то вся организация оказывается уязвимой из-за его последующих действий» (Hafez, 2004, p. 40), и обычно в такой ситуации им приходится менять планы и прекращать деятельность на неопределенный период времени (Berman, 2009, p. 29).

Соображения безопасности заставляют темные сети не только набирать новых членов преимущественно через сильные связи, но и ограничивать свои связи с внешним миром, поскольку это позволяет минимизировать приток противоречащих им идей и других влияний, способных пошатнуть мировоззрение членов группы. Однако, хотя ограничение внешних связей повышает безопасность группы, полностью изолированные от внешнего мира темные сети вряд ли могут поддерживать свое существование в течение долгого времени (Jackson et al., 1960), так как им необходимы связи с другими группами для получения важной информации и других материальных и нематериальных ресурсов (например, оружия, материалов, новых членов). Как было ранее показано в литературе, внешние связи жизненно необходимы любой группе или организации, пытающейся выжить в быстро меняющемся окружении (Uzzi, 1996, 2008; Uzzi & Spiro, 2005), а в случае мятежных групп этот фактор приобретает особую остроту, так как они сталкиваются не только с постоянно меняющимся, но и с враждебным окружением.

Гипотезы

Поскольку темные сети стремятся поддерживать оптимальный уровень централизации и баланса между внутренними и внешними связями, следует ожидать, что эти уровни будут меняться в зависимости от текущих операциональных целей и событий. Разумеется, некоторые изменения в структуре сети происходят не намеренно, а случайно. Важным следствием из теории социальных сетей является то, что индивидуальный выбор участников (например, создание или прекращение связи) может иногда вызвать изменения в структуре сети, к которым они не стремились и даже не догадывались о них (Maoz, 2011). Тем не менее, как отмечалось выше, мы ожидаем, что темные сети будут двигаться в направлении централизации, когда главной целью группы является мобилизация ресурсов, например перед атакой; когда же фокус переносится на адаптивность и гибкость, например после атаки, тогда они будут стремиться к децентрализации. Эти положения можно формализовать следующим образом.

Гипотеза 1a: из-за необходимости мобилизовать ресурсы для операции темные сети будут становиться более централизованными непосредственно перед атакой.

Гипотеза 1b: из-за необходимости адаптироваться после операции темные сети будут стремиться к меньшей централизации после атаки.

Цели деятельности до и после операции могут также влиять на относительное число внешних связей. Особенно непосредственно перед операцией это число может повышаться, а после нее сети могут стремиться их ограничивать.

Гипотеза 2a: поскольку темные сети часто нуждаются в доступе к внешним ресурсам для выполнения операций, они будут увеличивать относительное число своих внешних связей перед атакой.

Гипотеза 2b: поскольку непосредственно после операции темные сети меньше нуждаются в доступе к ресурсам, они будут уменьшать относительное число своих внешних связей сразу после атаки.

Однако относительное число внешних связей темной сети и уровень ее централизации будут изменяться в зависимости не только от ее операциональных целей, но и от внешнего окружения, в частности, от попыток властей разрушить ее. При противодействии мятежам используется широкий спектр стратегий для разрушения темных сетей. В работе Roberts и Everton (2011) перечислены некоторые из них. Авторы разделяют такие стратегии на два типа: кинетические и некинетические. Первые предполагают применение агрессивных наступательных мер, таких как ликвидация и захват членов группы и их последователей, тогда как некинетические подходы являются более всеобъемлющими и включают различные ненасильственные меры, такие как институциональное строительство, психологические операции (*Psyops*), программы реабилитации и реинтеграции, информационные операции (*io*), отслеживание и мониторинг ключевых членов сетей (Everton, 2012a), с целью разорвать связи между местным населением и мятежниками, в конечном итоге лишив последних материальных и нематериальных ресурсов. По различным причинам мы ожидаем, что (успешные) кинетические и некинетические подходы приведут ко все большей изоляции темных сетей. Кинетические подходы достигают этого путем повышения враждебности окружения, в котором действуют темные сети, а некинетические – отрезая темные сети от местного населения.

Гипотеза 3a: поскольку кинетические операции создают враждебное окружение, темные сети будут становиться все более изолированными в результате их применения.

Гипотеза 3b: поскольку некинетические операции направлены на прекращение связей между темными сетями и местным населением, темные сети будут становиться все более изолированными в результате их применения.

Менее понятно, какое влияние кинетические и некинетические операции окажут на уровень централизации темных сетей, поэтому в данный момент мы не выдвигаем никаких гипотез относительно эффективности каждой стратегии; также неясно, какая из них является предпочтительной. С одной стороны, давление в сторону централизации темных сетей позволит им мобилизовать ресурсы; однако в то же время это повысит их уязвимость перед целенаправленными атаками. С другой стороны, давление в сторону децентрализации темных сетей может снизить их способность осуществлять атаки, но в то же время усложнит задачу наблюдения за ними и их уничтожения. Далее мы представляем краткий обзор ситуации в Индонезии, на примере которой проверим выдвинутые гипотезы.

Эмпирическая база: Индонезия

В начале 1950-х гг. в недавно возникшем независимом государстве Индонезия произошло несколько мятежей (Conboy, 2006, p. 5). Исламские активисты, помимо таких мотивов, как социально-экономические реформы, объединили мятежников под знаменами движения «Дарул Ислам» (далее – ДИ), во главе которого до своего ареста в 1962 г. стоял Секармаджи Мариджан Картосувирио. В течение 1960-х гг. движение пережило ряд трудностей, таких как массовые исходы членов, отсутствие руководства, ожесточенные споры вокруг стратегии. Все это привело к нескольким попыткам сплотить движение в 1970-е и 1980-е гг. Самым известным результатом этой деятельности стало создание группы *Komando Jihad (KJ)*, состоящей из нескольких ветеранов «Дарул Ислам», которые ставили цель вновь начать революцию против государственной власти, несмотря на ее сложные взаимоотношения с установившимся режимом Сухарто (Conboy, 2006).

Влияние движения «Дарул Ислам» и его первоначальных ответвлений на сегодняшние мятежные группы в Индонезии нельзя недооценивать. Почти все джихадистские организации в стране начиная с 1950-х гг. имеют корни в «Дарул Ислам», включая большинство групп, действовавших в последнее десятилетие, таких как «Джемаа Исламия»⁵ (*Jl*) и сеть *Noordin Top*. По мнению главного советника Международной кризисной группы Sidney Jones (2009), его влияние базируется на целом комплексе факторов, среди которых личные и родственные связи, охватывающие целые поколения и глубоко укорененные в современных кругах боевиков, использование таких тактических приемов, как Файи⁶, стратегия создания безопасной зоны операции⁷, активное участие в конфликтах, например, в Советско-афганской войне (1979–1989), в межобщинных конфликтах в Амбон и Посо, в конфликте на острове Минданао на юге Филиппин, с целью установить связи между организациями мятежников внутри Индонезии и во всем регионе.

После 11 сентября среди групп, берущих начало в «Дарул Ислам», наибольшую известность приобрела группа «Джемаа Исламия». Она возникла в период Советско-афганской войны как ответвление «Дарул Ислам». Ее основатели, Абдулла Сунгкар и Абу Бакар Баасийр, были известными членами ДИ и одними из первых в 1985 г. направили индонезийских бойцов в лагерь Садда в Пакистане, где обучались многие будущие лидеры «Джемаа Исламия». Организация, формально существующая с 1993 г., первоначально ставила своей целью создание индонезийского исламского государства, впоследствии расширив ее до установления регионального халифата. Деятельность «Джемаа Исламия» стала особенно агрессивной, когда эта группа начала участвовать в межобщинных конфликтах в Индонезии в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Она наиболее известна из-за теракта в октябре 2002 г. на Бали, когда от взрыва бомбы погибло 202 человека и о трагедии узнал весь мир. Власти Индонезии предприняли серьезные меры, и многие ключевые фигуры «Джемаа Исламия» были арестованы или убиты.

Все это освободило место на вершине власти, которое занял Нурдин Мохаммед Топ. Он был членом «Джемаа Исламия», но начал рвать свои связи с этой организацией в 2003 г., когда заполучил остатки взрывчатых веществ после терактов в канун Рождества 2000 г. (Everton & Cunningham, 2012). Объединившись с еще несколькими членами «Джемаа Исламия», он использовал эти ресурсы в первой операции своей новой сети: нападении на отель *JW Marriott* в 2003 г. В течение следующих двух лет его сеть, несколько раз сменившая название, провела ряд успешных атак на «западные цели» в Индонезии. Он опирался на глубоко внедренную сеть агентов, многие из которых были членами «Дарул Ислам» или ее ответвлений, и продолжал действовать в условиях усиления контртеррористической борьбы. В 2006 г. он попал в список ФБР как лицо, разыскиваемое за террористическую деятельность. В течение трех лет организация не совершала терактов, а затем, в августе 2009 г., были одновременно взорваны бомбы в отелях «Риц-Карлтон» и «Марриотт». Это привело к дальнейшему усилению полицейских мер. Вскоре после этого Нурдин и несколько его сподвижников были убиты, а сеть прекратила свое существование (Everton & Cunningham, 2013).

Смерть Нурдина нельзя расценивать как прекращение угрозы терроризма в Индонезии. Например, в 2010 г. группа джихадистов безуспешно пыталась организовать безопасную зону в провинции Ачех, которую они собирались использовать как базу для террористических атак для установления исламской власти в стране (International Crisis Group, 2010). Более того, группа «Джемаа Аншарут Таухид» (далее – *JAT*), организованная в 2008 г. Абу Бакар Баасийром, вступила в «Джемаа Исламия» в качестве поддержки этой организации в Индонезии. Фактически многие члены «Джемаа Исламия» и бывшие соратники Нурдина перешли в *JAT*, когда она была создана. Целью этой организации является создание исламского государства; она действует по преимуществу открыто. Однако некоторые ее члены обвиняются в участии в теракте Нурдина 2009 г., в предоставлении боевиков для небольших операций на территории страны и в непосредственном участии в деятельности в Ачехе в 2010 г. Наконец, значительную угрозу терроризма в Индонезии начали представлять небольшие группы менее опытных бойцов, вероятно, при поддержке «Джемаа Исламия» и «Джемаа Аншарут Таухид», хотя они преимущественно сосредоточиваются на нападениях на местные правоохранительные органы (International Crisis Group, 2011).

⁵ Исламская группа («Джамаат-и-Ислами») признана террористической организацией.

⁶ Файи (*Fa'i*) – метод, используемый многими группами для получения денег и ресурсов путем вооруженных ограблений.

⁷ Эту тактику безуспешно пыталась применить в 2010 г. группа под управлением Дулматина в провинции Ачех (International Crisis Group, 2010).

Власти Индонезии отвечают на рост исламского терроризма в основном двумя способами, которые дают нам своего рода возможность для естественной экспериментальной проверки влияния этих стратегий на сети. Первый способ состоит в формировании антитеррористического Отряда 88 (*Det 88*); второй – в образовании Джакартского центра сотрудничества правоохранительных органов (*Jakarta Centre for Law Enforcement Cooperation*, далее – *JCLEC*) совместно по инициативе индонезийского и австралийского правительств. Отряд 88 был сформирован в июле 2003 г. вскоре после первого теракта на Бали; он финансируется, экипируется и тренируется совместно США и Австралией. С момента создания отряд уже провел несколько успешных операций, например, аресты или ликвидацию сотен лиц, подозреваемых в терроризме, включая Ажари Хусина, близкого помощника Нурдина Топа и главного изготовителя бомб, а также самого Нурдина Топа в конце 2009 г. Однако тактика Отряда 88 все больше подвергается критике со стороны ряда влиятельных индонезийских и международных организаций за намеренное культивирование принципа «сначала стреляй» и возможные нарушения прав человека, такие как пытки подозреваемых в терроризме (Priamarizki, 2013; Roberts, 2013; Elite Indonesian Police Unit, 2013). Сообщается, что с 2010 г. этим отрядом уничтожено 50 человек, подозреваемых в терроризме, что также стало вызывать сомнения внутри страны и на международном уровне в правомерности этих действий. Действительно, есть основания считать, что Отряд 88 пользуется насильственными методами, ранее применявшимися военными подразделениями и принесшими результаты против мятежников из «Дарул Ислам» в 1950-х гг., но затем вышедшими из употребления (Kilcullen, 2010).

От этих методов кардинально отличаются принципы *JCLEC*, который был основан в 2004 г. в Семеранге, Индонезия. Цель этого центра – оказывать ресурсную поддержку правительствам стран Юго-Восточной Азии в борьбе с транснациональной преступностью и терроризмом. Центр предоставляет площадку для ученых и экспертов, изучающих ситуацию в регионе, а также дает новейшие практические рекомендации для борьбы с терроризмом и транснациональной преступностью (Solomon, 2007). С этой целью Центр предлагает широкий спектр обучающих программ, семинаров, мастер-классов в таких областях, как отмывание денег, работорговля, киберпреступность, компьютерно-техническая экспертиза, кризисные переговоры, работа с информаторами и техника проведения опроса, организованная преступность, исламское право и политика (*Jakarta Centre for Law Enforcement Cooperation*, 2005–2010). Центр также тесно сотрудничает с региональными правоохранительными органами, которые стремятся повысить свои возможности и использовать новые подходы (Ramakrishna, 2009). Коротко говоря, Центр предлагает более целостный подход к борьбе с террористической угрозой в Индонезии, что чрезвычайно актуально для этой страны (International Crisis Group, 2012).

Данные и методы

Сеть Нурдина Топа служит примером для изучения взаимоотношений между структурой темной сети, ее устойчивостью и антитеррористических стратегий в долгосрочной перспективе. Данная сеть, вероятно, наиболее ярко среди всех организаций в Индонезии за последние несколько десятилетий продемонстрировала удивительную способность противостоять как внутренним, так и внешним ударам. В работе мы использовали данные из двух отчетов Международной кризисной группы (далее – *ICG*): «Терроризм в Индонезии: сети Нурдина» (2006) и «Индонезия: база поддержки Нурдина Топа» (2009). Дополнением служили данные из открытых источников для создания временных кодов по месяцам с января 2001 по декабрь 2010 г., которые позволили учесть вступление участников в сеть и их возможное выбытие в связи с арестом или гибелью. Отчеты *ICG* по сетям Нурдина содержат богатые данные в одномодовом и двухмодовом режимах по широкому спектру отношений и связей (дружба, родство, встречи и т. д.), а также важные характеристики (образование, членство в группе, физическое состояние и др.). Эта информация позволила нам сконструировать пять сетей из нескольких подсетей, каждая в количестве 237 человек. Первая – это *сеть доверия*, объединившая в одномодовом режиме подсети одноклассников, друзей, родственников и членов одной религиозной группы⁸. Вторая сеть, названная *операциональной*, состоит из четырех одномодовых сетей,

⁸ Одномодовая сеть состоит из единственного набора участников и взаимоотношений между ними, которые могут быть любого типа, например, родство, дружба и т. д.

созданных из соответствующих двухмодовых сетей по аспектам логистики, встреч, операций и обучающих мероприятий. Третья сеть – это одномодовая *коммуникационная сеть*, отражающая картину коммуникаций между членами сети Нурдина. Четвертая сеть – *сеть бизнеса и финансов*, это одномодовая сеть, созданная из двухмодовой сети, отражающей деловые и финансовые связи членов сети Нурдина⁹. Наконец, мы сконструировали *комбинированную сеть*, которая сочетает в себе предыдущие четыре сети для получения общей картины сети Нурдина. Все описанные сети, кроме сети бизнеса и финансов, учитывались в дескриптивной части нашего анализа¹⁰, но основное внимание уделяется комбинированной сети, с помощью которой проводился поверочный анализ¹¹.

Чтобы проанализировать эти сети на большом промежутке времени, мы присвоили каждому участнику сети временные коды, обозначающие, когда этот участник вступил в комбинированную сеть Нурдина и когда покинул ее. При присвоении кодов мы предполагали, что связи между участниками остаются постоянными в течение всего периода. Иными словами, если два участника кодировались как друзья в какой-то момент времени, то мы считали, что они остаются друзьями в течение всего времени совместного нахождения в сети. Исключением из этого предположения является подсеть знакомств, поскольку, исходя из работы Krebs (2001), мы считаем, что такая связь не образуется, пока не произошло знакомство (разумеется, если связь не образовалась ранее в рамках таких отношений, как дружба или родство). Мы признаем ограничения этих предположений и их возможное влияние на оценку различных топографических характеристик, используемых в нашей работе. Однако мы считаем, что принятый в работе подход является рациональным и валидным.

Зависимыми переменными выступают различные меры степени централизации и связности сети Нурдина на протяжении исследуемого периода. Степень централизации сети вычислялась с помощью анализа социальных сетей на основе отклонения центральности участника (Wasserman & Faust, 1994). Большая степень центральности дает повышение степени централизации сети и наоборот. Поскольку стандартная оценка централизации (Freeman, 1979) показывает отклонение путем сравнения степени центральности каждого участника с соответствующей степенью самого центрального участника сети, постольку чем выше индекс централизации, тем больше вероятность, что центральным является единственный участник (Wasserman & Faust, 1994, p. 176). Другая мера, предложенная в работах Coleman (1964), Hoivik и Gleditsch (1975) и Snijders (1981), – это отклонение показателя центральности участника в сети. Она сравнивает соответствующий показатель каждого участника со средним показателем; т. е. чем выше индекс централизации, тем больше вероятность, что центральной является группа участников (а не единственный участник). В другой подобной мере – стандартном отклонении – также используется средний показатель всех участников, но она предпочтительнее предыдущей, так как возвращает нас к первоначальной единице измерения. При анализе, приведенном ниже, мы пользуемся показателями как стандартной централизации, так и стандартного отклонения, оба из которых могут быть вычислены для любой меры центральности. В работе применяются две меры централизации: степень и центральность по посредничеству. Поскольку первая из них учитывает число связей на каждого участника, она показывает, в какой степени один или несколько участников имеют множественные связи, которых не имеют другие. Напротив, центральность по посредничеству оценивает, насколько участники могут контролировать поток ресурсов, проходящий через сеть, поэтому этот показатель централизации говорит о том, в какой степени один или несколько участников обладают возможностями регулировать перемещение ресурсов в сети.

Для измерения связанности сети существуют различные показатели, самыми известными из которых являются степень плотности и средний показатель. Однако, как мы уже отмечали, стандартный показатель плотности проблематичен, поскольку он находится в обратной зависимости от размера сети; это ограничение можно обойти, используя среднюю степень центральности (de Nooy et al., 2011; Scott, 2000), но если сеть имеет ячеистую структуру, то локальные плотные участки могут наблюдаться при общей разрозненности

⁹ Двухмодовая сеть состоит либо из двух наборов участников, например, лиц и предприятий, либо из одного набора участников и одного набора событий или связей.

¹⁰ Сеть бизнеса и финансов была настолько разрозненной, что нет смысла анализировать ее как отдельную категорию.

¹¹ Эти сети можно было бы анализировать отдельно в разделе, посвященном многомерным регрессиям, но цель данного анализа – изучить общее поведение террористической сети Нурдина Топа с точки зрения устойчивости сети. При этом анализ каждой подсети может, разумеется, дать информацию об особенностях устойчивости сети.

сети. Мы избегаем этих проблем путем сравнения внешней и внутренней связанности сети, используя $E - I$ индекс (Krackhardt, 1994), который измеряет отношение связей членов группы с нечленами группы к количеству членов группы:

$$\frac{E - I}{E + I},$$

где E – количество внешних связей, I – количество внутренних связей. Таким образом, если все связи группы внешние, то индекс равен 1,0; если все связи группы внутренние, то индекс равен -1,0; если количество внешних и внутренних связей равно, то индекс равен 0. Мы ожидаем, что при прочих равных условиях $E - I$ индекс темных сетей будет ниже, чем у легальных сетей. Мы также ожидаем, что он всегда будет отрицательным. Разумеется, в данной работе мы не сравниваем темные сети с легальными, а изучаем изменения в конкретной темной сети в течение периода времени. Таким образом, мы ожидаем, что давление на данную сеть приведет к снижению ее $E - I$ индекса.

В анализ включены две переменные с целью изучить различные стратегии, применяемые властями Индонезии в изучаемый период: (1) первая переменная указывает на формирование и деятельность Отряда 88, (2) вторая переменная указывает на формирование и деятельность Центра *JCLEC*. Хотя Отряд 88 был сформирован в июле 2003 г., он достиг своей операциональной мощности в 400 человек лишь к середине 2005 г.; поэтому рост переменной показан на уровне 16 человек в месяц начиная с июля 2003 г. и до достижения 400 человек в июле 2005 г. Масштаб переменной уменьшен в 100 раз для удобства интерпретации коэффициентов. Центр *JCLEC* был основан в июле 2004 г., но до начала обучения большого количества слушателей на курсах прошло много времени. Таким образом, используя данные ежегодных отчетов *JCLEC* о количестве слушателей курсов (Jakarta Centre for Law Enforcement Cooperation, 2005–2010), мы вывели переменную, отражающую среднее количество слушателей, посещавших курсы *JCLEC* в предыдущие шесть месяцев. Другими словами, хотя Центр был основан в июле 2004 г., скользящее среднее за шесть месяцев на тот момент равняется нулю, так как в предыдущие полгода никто не посещал курсы *JCLEC*. Однако скользящее среднее за шесть месяцев на август 2004 г. равняется 8,167, потому что в июле 2004 г. 49 учащихся посещали курсы. Как и в случае Отряда 88, мы разделили скользящее среднее на 100, чтобы облегчить интерпретацию наблюдаемых эффектов.

Изучение структуры сети на временном отрезке требует включения переменных для учета значимых временных и событийных эффектов. В модель включены две переменные, описывающие криволинейный эффект, который параметр времени оказывает на различные переменные централизации (но не на индекс $E - I$, см. рис. 3–7): *помесячная* и *помесячная в квадрате*. Для индекса $E - I$ применяется только *помесячная* переменная. Еще четыре дополнительные переменные описывают критические события и периоды. Фиктивная переменная указывает на *гибель Нурдина и его ключевых сподвижников* и их последующее «отсутствие» в сети начиная с сентября 2009 г. и до конца анализируемого периода. Дополнительная фиктивная переменная описывает влияние возможности Нурдина сделать запас взрывчатых веществ после теракта в канун Рождества 2000 г. в Индонезии. Эта переменная, называемая «*взрывчатые вещества*», относится к периоду начиная от получения Нурдином взрывчатых веществ в декабре 2002 г. до момента их использования в первом теракте, проведенном сетью, в августе 2003 г. Мы также включили серию фиктивных переменных «*до и после операции*», охватывающих три месяца непосредственно до и после каждой из пяти крупных операций: Бали I, атака на отель *JW Marriott*, атака на австралийское посольство, Бали II, атака на отель в Джакарте. Поскольку сеть Нурдина стала непосредственно участвовать в терактах лишь после первой атаки на Бали, фиктивные переменные «до и после операции» для всех атак, кроме первой, объединены в одну переменную «до операции» и одну переменную «после операции», а переменные «до и после операции» для первой атаки на Бали рассматриваются отдельно.

Для выявления процессов адаптации и изменений, происходивших в сети Нурдина с 2001 по 2010 г. в ответ на внутренние и внешние факторы, мы включили описательные методы и многомерную регрессию обычного метода наименьших квадратов (далее – МНК). Поскольку условия социальных сетей отличаются от таковых при стандартных подходах МНК, мы использовали методы «вытаскивания» (бутстреппинг) для оценки стандартных ошибок; этот подход широко используется при работе с данными социальных сетей (Borgatti et al., 2002; Prell, 2011).

Результаты

На рис. 2–6 показаны графики централизации и значений индекса $E-I$ для действующих сетей Нурдина Топа в аспекте доверия, операций, коммуникаций и для комбинированной сети. А именно графики централизации (степень и посредничество), нормализованного стандартного отклонения (степень и посредничество) и индекса $E-I$ для каждой сети. Слева направо вертикальные темно-серые линии указывают на ключевые моменты в жизненном цикле сети Нурдина: первая атака на Бали (октябрь 2002 г.), атака на отель *JW Marriott* (август 2003 г.), атака на австралийское посольство (июль 2004 г.), вторая атака на Бали (октябрь 2005 г.), атака на отель в Джакарте (июль 2009 г.), смерть Нурдина и его ключевых сподвижников (сентябрь 2009 г.). Сравнение показателей степени централизации (рис. 2) и степени стандартного отклонения (рис. 3) позволяет сделать ряд интересных выводов. Оказалось, что степень централизации сети быстро стала высокой в самом начале ее существования, а затем, после небольшого снижения в 2004 г., оставалась относительно стабильной, во всяком случае до момента гибели Нурдина. Однако для степени стандартного отклонения картина иная. По этому аспекту наблюдается быстрый рост централизации в начале существования сети, затем снижение до первоначальных показателей и медленный рост в конце 2006 г. Этот показатель снижается до начала 2007 г., затем незначительно растет и остается относительно постоянным до гибели Нурдина в 2009 г. Сравнение этих двух наборов данных позволяет предположить, что Нурдин создал и поддерживал многочисленные связи

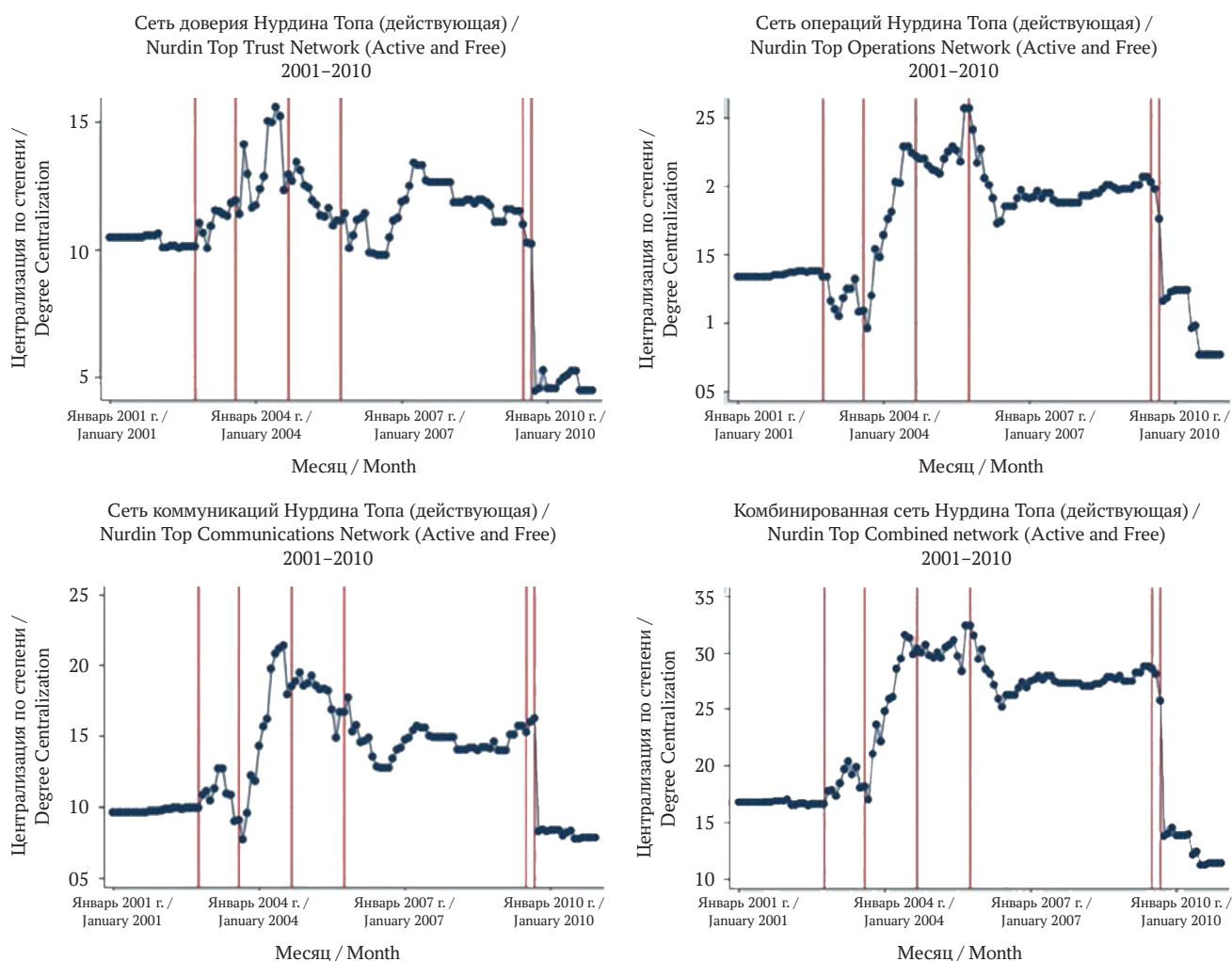

Рис. 2. Степень централизации действующей сети Нурдина Топа
Fig. 2. Degree Centralization of Alive and Free Noordin Top Network

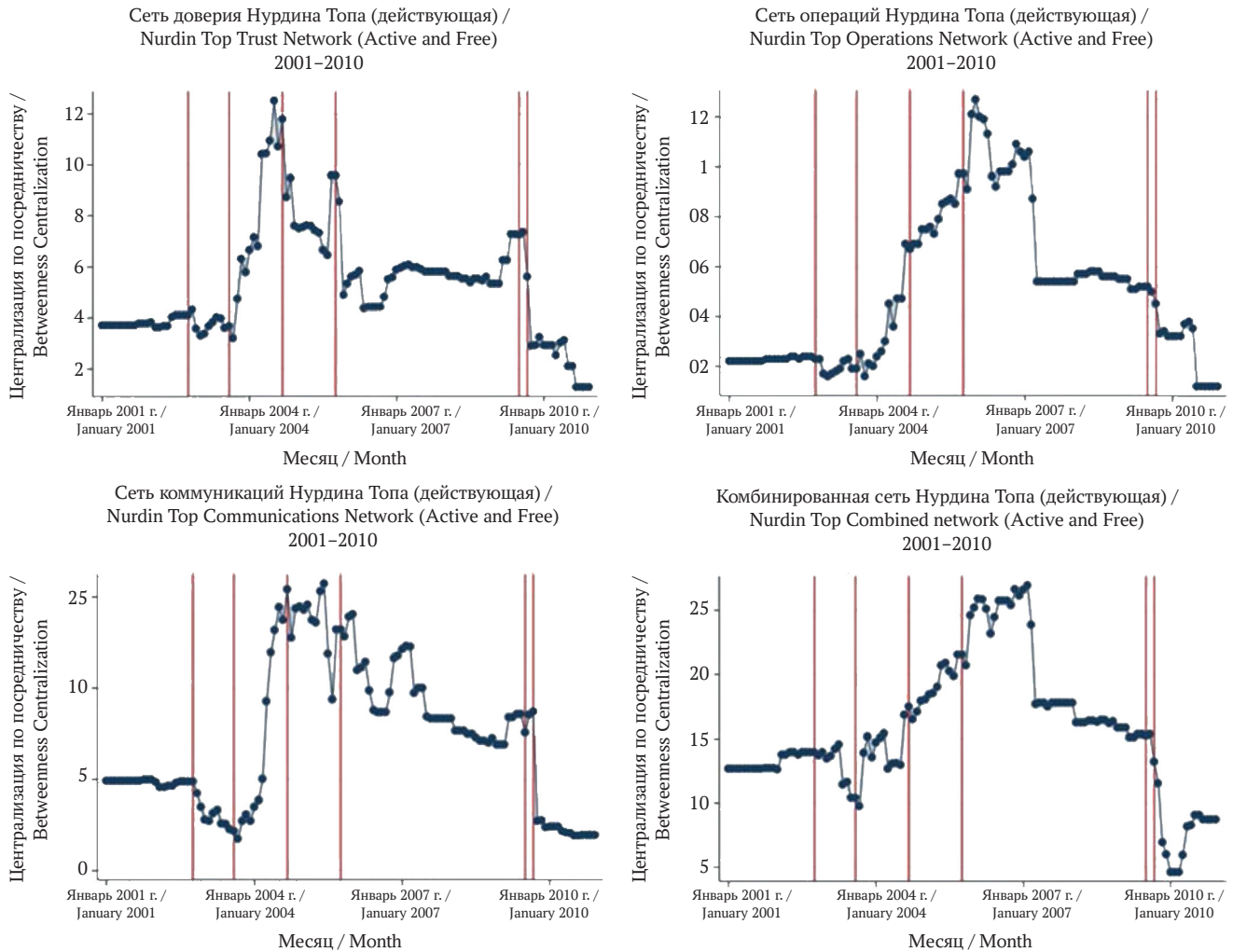

Рис. 3. Степень стандартного отклонения действующей сети Нурдина Тоба

Fig. 3. Degree Standard Deviation of Alive and Free Noordin Top Network

с членами группы, тем самым повышая степень централизации (рис. 2), однако его ближний круг не делал этого; это объясняет, почему, за исключением подъема в 2004 г., степень стандартного отклонения оставалась относительно стабильной в течение всего исследуемого периода (рис. 3). Этот вывод подтверждают коэффициенты временной переменной, показанные в табл. 1 («помесячная» переменная). В частности, коэффициент стандартной степени централизации (т. е. коэффициент Фримана) является положительным и статистически значимым, показывая, что с учетом всех остальных факторов степень централизации возрастала с течением времени. Напротив, коэффициент стандартного отклонения отрицателен, но статистически незначим, т. е. с учетом всех остальных факторов степень стандартного отклонения была относительно постоянной с 2001 по 2010 г.

Подобных взаимоотношений не наблюдается между централизацией посредничества (рис. 4) и стандартным отклонением посредничества (рис. 5). Здесь два набора показателей изменяются сходным образом, что говорит о том, что Нурдин и его ключевые сподвижники заняли в сети позиции посредников. Эти результаты также подтверждаются коэффициентами временной переменной, приведенными в табл. 1. Коэффициенты как централизации посредничества, так и стандартного отклонения посредничества положительны и статистически значимы, т. е. с учетом всех остальных факторов оба этих показателя возрастали в течение всего исследуемого периода.

Индекс $E - I$ (рис. 6) показывает, что комбинированная сеть становилась все более замкнутой большую часть периода наблюдения. Действительно, до большинства терактов, организованных Нурдином, за ис-

Таблица 1

Результаты многомерной регрессии для комбинированной сети Нурдина Топа (действующей)
 Table 1. Multivariate Regression Results for Noordin Top Combined Network (Alive and Free)

	Централизация / Centralization				Посредничество / Betweenness		Индекс E – I / EI Index			
	Степень / Degree		Стандартное отклонение / Std. Deviation		Стандартное отклонение / Std. Deviation					
	Фриман / Freeman	Стандартное отклонение / Std. Deviation	Фриман / Freeman	Стандартное отклонение / Std. Deviation	Фриман / Freeman	Стандартное отклонение / Std. Deviation				
Постоянное слагаемое / Intercept	17,821***	-455,258***	4,523***	44,611	12,504***	-339,603**	1,341***	-39,538***	-0,302***	12,626***
Отряд 88 / Detachment 88	3,651***	1,932***	-0,029	-0,107	2,354***	3,212***	0,151***	0,123***	-0,032***	0,006
JCLEC	-4,802***	-3,828***	-0,221	-1,050***	-2,474**	5,476***	-0,028	0,480***	-0,052*	-0,111***
Помесячная переменная / Month		1,687***		-0,164		1,462***		0,158***		-0,047***
Помесячная переменная в квадрате / Month ²		-0,001***		0,000		-0,002***		-0,000***		0,000***
До Бали I (2002) / Pre Bali I (2002)	-1,241***	-2,628***	0,018	-0,001	1,456***	1,700***	0,031	-0,014	0,036***	0,068***
После Бали I (2002) / Post Bali I (2002)	-0,357	-1,430	0,188	0,160	1,341***	1,656**	0,038	0,010	0,056**	0,080***
Взрывчатые вещества / Explosives	-0,311	-2,740**	-1,090***	-1,135***	0,083	0,678	0,003	-0,067	-0,089***	-0,033
До операций / Pre Ops	1,934**	1,964**	0,443*	0,307	-1,930*	-0,658	-0,174***	-0,098*	0,032*	0,025*
После операций / Post Ops	1,551**	1,371*	0,113	0,111	-0,197	-0,203	-0,038	-0,056	0,071***	0,076***
Гибель ключевых фигур / Key Deaths	-11,922***	-10,923***	-1,319***	-1,864***	-9,999***	-4,648***	-0,639***	-0,269**	-0,066**	0,018
Наблюдения / Observations	118	118	117	117	117	117	116	116	115	115
AIC	468,354	447,024	187,350	169,283	588,325	502,130	-51,878	-111,474	-376,270	-396,953
BIC	490,519	477,502	209,447	199,667	610,423	532,514	-29,849	-81,184	-354,311	-366,759
Скорректированные R ² / Adjusted R ²	92,77	94,16	54,24	62,04	65,62	84,07	67,48	81,17	73,68	78,73

Примечание: Коэффициенты нестандартизированные; бутстрепинг стандартных ошибок для оценки значимости * $p < 0,05$ ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$ (двусторонний).

Note: Coefficients are unstandardized; bootstrap standard errors used to estimate significance * $p < .05$, ** $p < .01$, *** $p < .001$ (two-tailed).

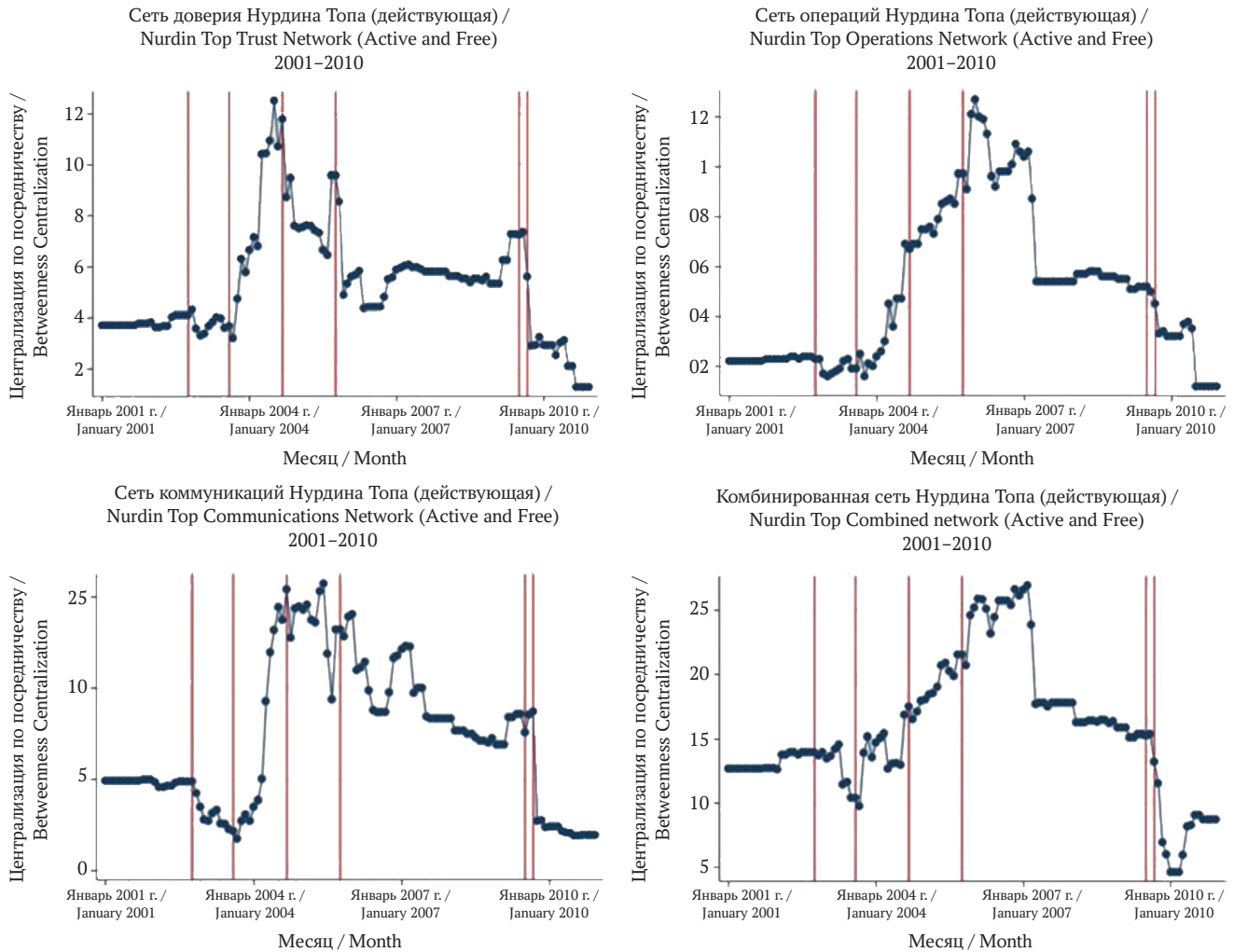

Рис. 4. Степень централизации действующей сети Нурдина Топа

Fig. 4. Degree Centralization of Alive and Free Noordin Top Network

ключением взрывов на Бали в 2005 г., сеть активно развивала внешние связи. Вероятно, эта тенденция отражает потребность в информации или других ресурсах, таких как материалы для изготовления бомб и деньги. С другой стороны, после терактов, организованных Нурдином, также за исключением атак 2005 г., сеть становилась очень закрытой. Эти перемены непосредственно перед большинством атак и после них показывают, что сплоченность сети в такие периоды подвержена изменениям. Особенно интересен феномен, когда непосредственно перед терактом в июле 2009 г. Нурдин начал формировать связи с членами сети вне своего близкого круга; есть вероятность, что это было его ошибкой, так как он погиб через два месяца после этих терактов.

В табл. 1 показаны результаты многомерного регрессионного анализа. Показаны модели с учетом и без учета *помесячной* и *помесячной в квадрате* переменных, поскольку между ними существует высокая коллинеарность. Поскольку в таблице отражены пять зависимых переменных для обеих моделей, а также десять независимых переменных для моделей с учетом *помесячной* и *помесячной в квадрате* переменной и восемь независимых переменных для моделей без учета последних, то общее количество коэффициентов достигает почти ста и обсудить их все невозможно. Таким образом, мы прокомментируем в основном модели без учета двух *помесячных* переменных и сконцентрируемся на общих тенденциях и на тех коэффициентах, которые являются одновременно существенно и статистически значимыми (McCloskey, 1995; Ziliak & McCloskey, 2008). Данные в табл. 1 позволяют сделать множество интересных выводов. Например, скорректированные R^2 для

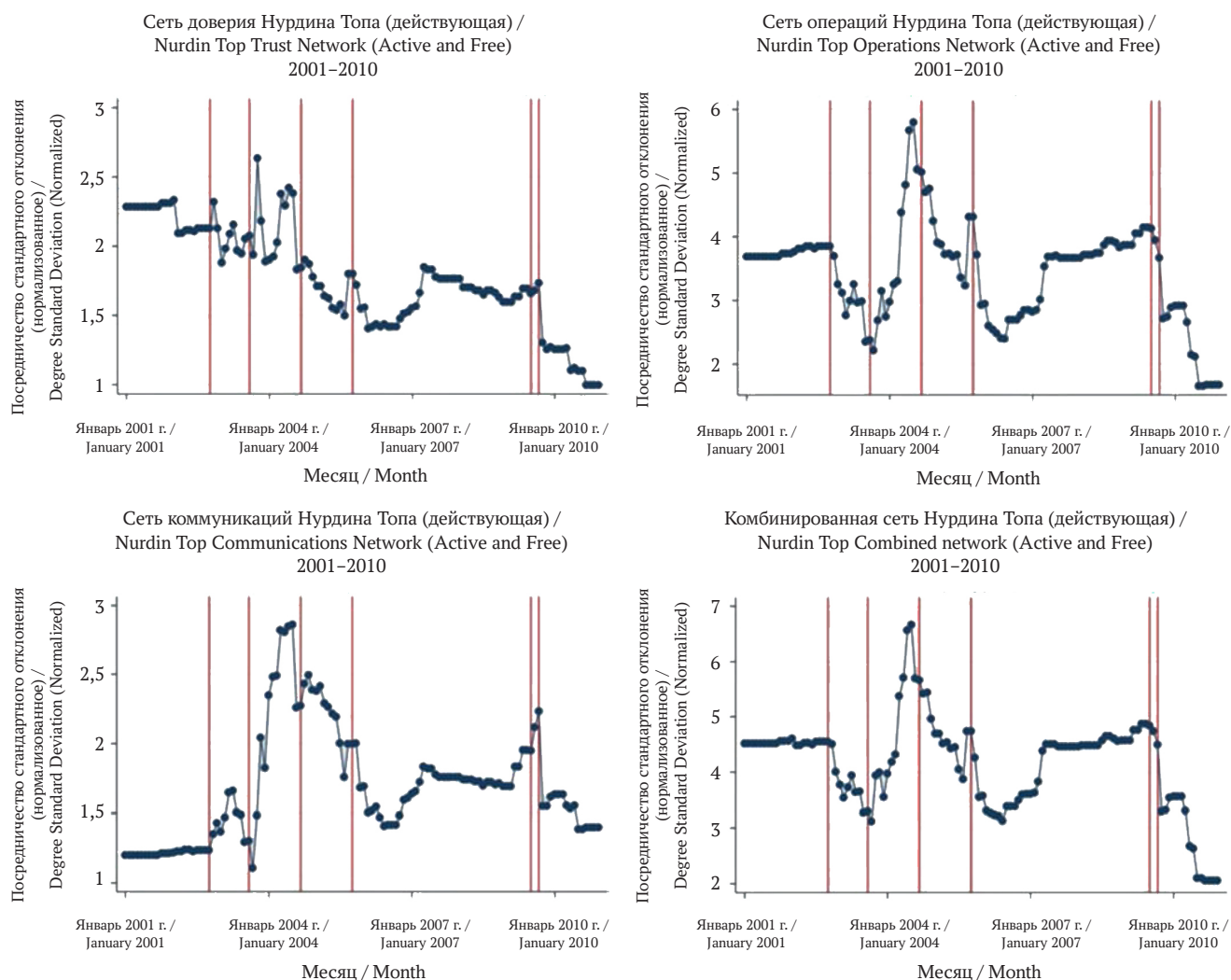

Рис. 5. Посредничество стандартного отклонения действующей сети Нурдина Тоба
Fig. 5. Betweenness Standard Deviation of Alive and Free Noordin Top Network

всех моделей чрезвычайно высоки, а значит, они отвечают за существенную долю вариативности зависимых переменных, а также внушают уверенность, что наши модели адекватно объясняют вариативность зависимых переменных¹².

Анализ поведения сети перед и после операций показывает, что до терактов сеть становилась более централизованной по показателю степени централизации, но не по показателю посредничества централизации, что в некоторой степени подтверждает Гипотезу 1а. Заметим, что первый показатель означает степень централизации сети вокруг участников, обладающих многочисленными связями, а второй – степень ее централизации вокруг участников, выполняющих роль посредников; следовательно, полученный результат говорит о том, что перед операцией централизация возникает по некоторым направлениям и не возникает

¹² Для определения потенциально влияющих случаев, которые, будучи удаленными, значительно меняют результаты регрессии, мы использовали различные графики диагностики регрессии (например, сравнивали остаточные и приведенные графики, графики пропорционального плеча, графики плеча и графики квадрата остатка). Затем для каждой модели мы оценили уравнение регрессии, включающее все случаи, а также уравнение, исключающее потенциально влияющие случаи. Затем с помощью информационного критерия Акаике (*AIC*) и Байесовского информационного критерия (*BIC*) в качестве меры соответствия, мы сравнили модели между собой. Результаты наибольшего совпадения моделей представлены в табл. 1.

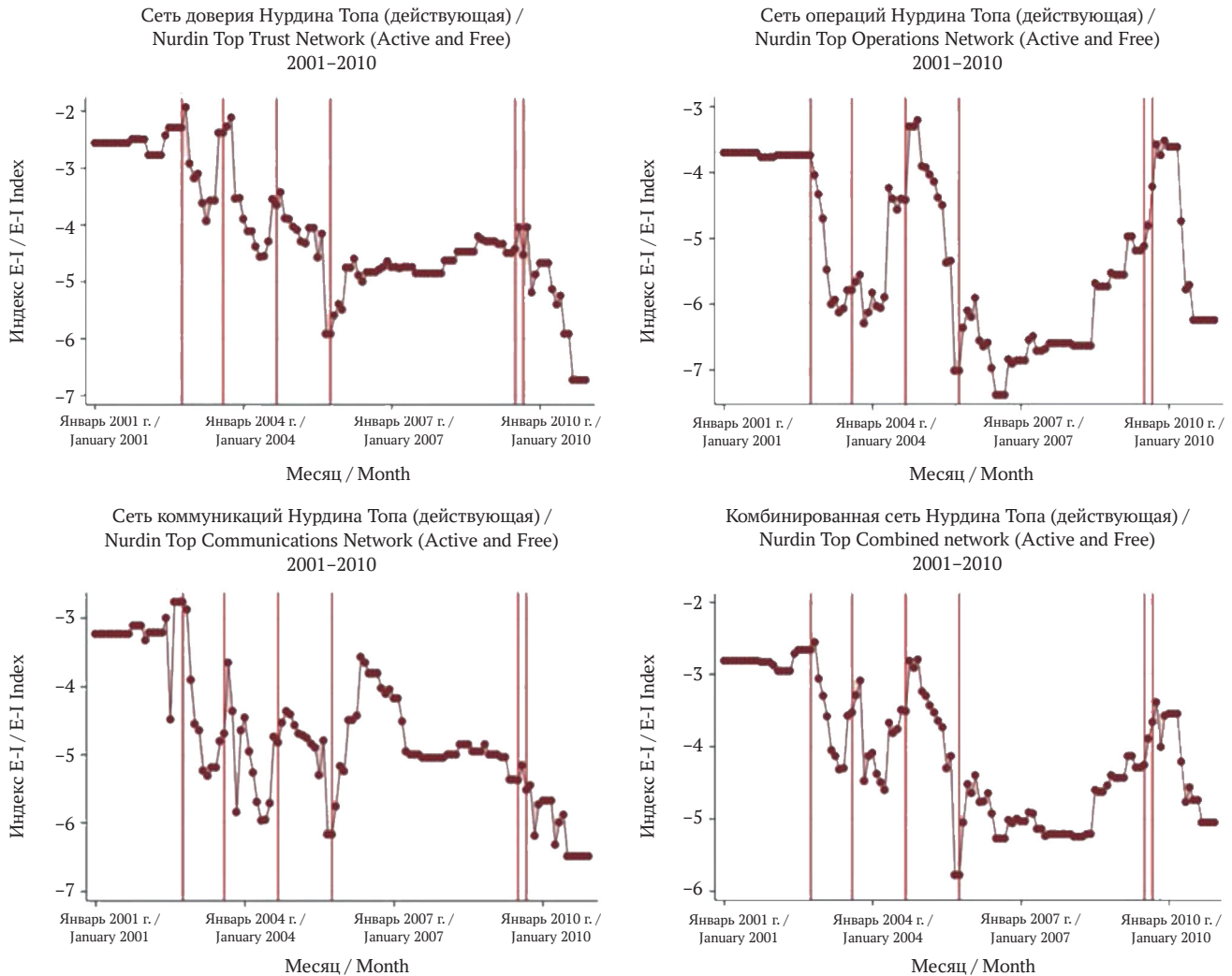

Рис. 6. Индекс E-I действующей сети Нурдина Тоба
Fig. 6. E-I Index of Alive and Free Noordin Top Network

по другим. Интересно, что после атаки сеть не стала децентрализованной, как мы ожидали (Гипотеза 1b)¹³. Фактически после атак процесс централизации продолжился. Это можно объяснить тем, что Нурдин не смог создать менее централизованную гибкую структуру сразу после теракта и это, возможно, делало его сеть уязвимой в такие периоды.

Интересно отметить, что перед атаками сеть действительно двигалась в направлении внешней стороны индекса E-I, что подтверждает Гипотезу 2a. Сеть вела себя таким же образом и после терактов (Гипотеза 2b), что могло способствовать гибели руководителя. Коэффициент После Бали I показывает тот же результат. Значительное разрушение сети после теракта Бали I говорит о том, что рост внешних связей в условиях враждебного окружения может привести к катастрофическим результатам. Другое объяснение состоит в том, что очевидная неспособность Нурдина децентрализовать свою сеть или сдержать движение к увеличению количества внешних связей отражает особенности нашего способа кодирования данных. Как отмечалось выше, мы предполагали, что однажды образованные связи продолжают существовать, а значит, мы не учитывали, что какие-то связи могли прекратиться (или, по крайней мере, стать неактивными) после теракта.

¹³ Рисунки 2–5 показывают, что для сетей операций это не выполняется.

Как и ожидалось (Гипотезы 3a и 3b), создание Отряда 88 и Центра *JCLEC* привело к повышению изоляции сети Нурдина, что подтверждают значения индекса *E-I* в табл. 1. Результаты показывают, что эти события заставили сеть становиться более замкнутой; это предполагает, что сеть ощущала давление этих двух групп и попыталась повысить свою безопасность, сосредоточившись на формировании и поддержании внутренних связей и ограничении внешних. Изоляция мятежников является, как правило, одной из задач антитеррористической деятельности, но она может также привести к росту радикализма группы (Sunstein, 2009). Однако в данном случае очевидно, что Нурдин и его последователи были уже в высокой степени радикальны (Griswold, 2010).

При этом влияние двух указанных организаций на централизацию сети различно. Вероятно, образование Отряда 88 подтолкнуло сеть к централизации, тем самым усиливая влияние и контроль со стороны Нурдина. Однако повышение централизации сети делало ее все более уязвимой для стратегий, направленных на ее обезглавливание, что, как мы уже отмечали, и разрушило сеть Нурдина. После гибели Нурдина и нескольких из его главных сподвижников осенью 2009 г. сеть в основном распалась. Влияние Центра *JCLEC* на степень централизации сети менее очевидно. Если сосредоточиться лишь на моделях, которые не учитывают две временные переменные, то окажется, что деятельность *JCLEC* снизила централизацию сети. Это означает, что *JCLEC* заставила Нурдина попытаться не только ограничить свои личные связи, чтобы уйти в тень, но и ограничить свою роль в качестве посредника, чтобы создать относительно более гибкую структуру в отношении распоряжения ресурсами. Таким образом, создание Центра *JCLEC*, вероятно, помогло снизить влияние и контроль Нурдина, но в то же время позволило сети сформировать более гибкую структуру. Тот факт, что коэффициент *JCLEC* резко меняется в отношении показателей посредничества централизации, когда в модели включаются временные переменные, повышает вероятность того, что, хотя давление со стороны *JCLEC* вынудило Нурдина уйти в тень, но оно не заставило его отказаться от позиции посредника.

Обсуждение и заключение

В данной статье исследовалась проблема устойчивости темной сети путем одновременного рассмотрения стратегических мер, предпринимаемых как темными сетями, так и контртеррористическими организациями. Результаты показывают, что эти действия обеих сторон способствуют формированию структуры темной сети, которая частично влияет на ее устойчивость. Было доказано, что процесс формирования структуры темной сети гораздо сложнее, чем описывается в современной научной литературе, а именно что структура сети на обоих концах континуумов сплоченности и централизации имеет потенциальные преимущества и недостатки в отношении ее устойчивости. В случае сети Нурдина Топа оказалось, что активное формирование внешних связей сети в периоды после терактов обеспечивало доступ к ресурсам, но, вероятно, стало одним из факторов обнаружения и последующего разрушения сети. Во многом аналогично ее предшественникам, организовавшим теракт Бали I, которые также активно устанавливали внешние связи после операции, эта сеть столкнулась со значительными потерями и была вынуждена перестраиваться немедленно после каждой операции. Эта тенденция, как и в целом принятие централизованной структуры, показывает, что сеть Нурдина сформировала субоптимальную структуру, которая в конечном итоге способствовала его гибели.

Аналогичным образом два во многом противоположных стратегических подхода (создание Отряда 88 и Центра *JCLEC*) сыграли решающую роль в разрушении сети путем изоляции ее от населения. Эти две организации оказали значительное давление на сеть, вынуждая ее становиться более замкнутой и выходить на свет, только когда она нуждалась в ресурсах; это, вероятно, способствовало гибели сети. В то же время они потенциально давали сети краткосрочные преимущества. Например, появление Центра *JCLEC* снизило влияние и контроль Нурдина и сделало сеть менее централизованной; однако при этом устойчивость сети могла повыситься, так как ее, вероятно, стало труднее отслеживать. Разумеется, эффект этих стратегий вряд ли был универсальным для всех выделенных групп сети Нурдина. Например, сеть коммуникаций приобрела совершенно иную структуру, чем комбинированная сеть, и эффекты наших независимых переменных на каждую выделенную группу (сеть доверия, сеть операций, сеть бизнеса и финансов и т. д.) пока неясны. Для оценки влияния этих стратегий на деятельность сетей потребуются дальнейший анализ.

Несомненно, баланс между безопасностью и эффективностью в отношении устойчивости темных сетей требует дальнейшего изучения. Одним из ограничений нашего анализа явилась невозможность выделить

конкретные меры и элементы стратегии, применявшиеся Отрядом 88 и Центром JCLEC против сети Нурдина. К примеру, Отряд 88 с большой вероятностью применял альтернативные стратегии, такие как *Psyop*, но открытые источники об этом не сообщают. Будущие исследования должны быть посвящены изучению различных вариантов стратегий, применяемых против темных сетей и их влияния на структуру сети в течение времени. Полезным было бы изучение этих стратегий по отношению к различным группам сетей, аналогично описательному анализу, представленному в нашей работе. Еще одним ограничением данной работы, как и многих лонгитюдных исследований темных сетей, является то, что она не вполне учитывает эндогенные эффекты и другие внутренние процессы, влиявшие на структуру сети Нурдина в течение времени. Например, с большой вероятностью некоторые из тенденций сети к внутренней сплоченности и повышению централизации объясняются особенностями личности Нурдина и процессов принятия решений. Наконец, не следует считать, что поведение террористической сети Нурдина Топа характерно для поведения любых террористических сетей, не говоря уже обо всех темных сетях. Результаты данной работы говорят лишь о том, что необходимо дальнейшее изучение баланса между безопасностью и эффективностью в отношении устойчивости сетей в иных контекстах, а также что будущие исследования должны учитывать стратегические позиции как контртеррористических организаций, так и темных сетей. Такие исследования могли бы не только помочь ученым лучше понять проблему устойчивости темных сетей, но и способствовать их отслеживанию, разрушению и дестабилизации.

Список литературы / References

- Arquilla, J. (2009). *Aspects of Netwar & the conflict with al Qaeda*. Monterey, CA: Information Operations Center, Naval Postgraduate School.
- Baker, W. E. & Faulkner, R. R. (1993). The social-organization of conspiracy: Illegal networks in the heavy electrical-equipment industry. *American Sociological Review*, 58(6), 837–860. <https://doi.org/10.2307/2095954>
- Bakker, R. M., Raab, J., & Milward, H. B. (2011). A preliminary theory of dark network resilience. *Journal of Policy Analysis and Management*, 31(1), 33–62. <https://doi.org/10.1002/pam.20619>
- Berman, E. (2009). *Radical, religious, and violent: The new economics of terrorism*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Borgatti, S. P., Everett, M. G., & Freeman, L. C. (2002). *UCINET for Windows: Software for social network analysis*. Harvard, MA: Analytical Technologies.
- Carley, K. M., Dombroski, M., Tsvetovat, M., Reminga, J., & Kamneva, N. (2003). *Destabilizing terrorist networks*. Paper presented at the 8th International Command and Control Research and Technology Symposium, National Defense War College, Washington DC.
- Chwe, M. S. (2001). *Rational ritual: Culture, coordination, and common knowledge*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Coleman, J. S. (1964). *Introduction to Mathematical Sociology*. New York, NY: Free Press.
- Coleman, J. S. (1988). Free riders and zealots: The role of social networks. *Sociological Theory*, 6(1), 52–57. <https://doi.org/10.2307/201913>
- Combating Terrorism Center. (2006). *Harmony and disharmony: Exploiting al-Qaida's organizational vulnerabilities* (pp. 55). West Point, NY: Combating Terrorism Center at West Point.
- Conboy, K. (2006). *The second front*. Jakarta, Indonesia: Equinox Press.
- Crossley, N., Edwards, G., Harries, E., & Stevenson, R. (2012). Covert social movement networks and the secrecy-efficiency trade off: The case of the UK suffragettes (1906–1914). *Social Networks*, 34, 634–644. <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2012.07.004>
- deNooy, W., Mrvar, A., & Batagelj, V. (2011). *Exploratory social network analysis with Pajek* (Revised and expanded ed.). Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Elite Indonesian police unity under fire over torture, unlawful killings (2013, March 30). *South China Morning Post: Asia*. <http://www.scmp.com/news/asia/article/1202787/elite-indonesian-police-unit-under-fire-over-torture-unlawful-killings>
- Enders, W., & Jindapon, P. (2010). Network externalities and the structure of terror networks. *Journal of Conflict Resolution*, 54(2), 262–280. <https://doi.org/10.1177/0022002709355439>
- Enders, W., & Sandler, T. (2006). *The political economy of terrorism*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Enders, W., & Su, X. (2007). Rational terrorists and optimal network structure. *Journal of Conflict Resolution*, 57(1), 33–57. <https://doi.org/10.1177/0022002706296155>
- Erickson, B. (1981). Secret societies and social structure. *Social Forces*, 60(1), 188–210. <https://doi.org/10.1093/sf/60.1.188>
- Everton, S. F. (2012a). *Disrupting dark networks*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Everton, S. F. (2012b). Network topography, key players and terrorist networks. *Connections*, 37(1), 12–19.
- Everton, S. F., & Cunningham, D. (2012). Detecting significant changes in dark networks. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 5(2), 94–114. <https://doi.org/10.1080/19434472.2012.725225>

- Everton, S. F., & Cunningham, D. (2013). Terrorist network adaptation to a changing environment. In C. Morselli (Ed.), *Crime and Networks* (pp. 287–308). London, UK: Routledge.
- Everton, S. F., & Cunningham, D. (2015). Dark network resilience in a hostile environment: optimizing centralization and density. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 16(1), 1–20.
- Finke, R., & Stark, R. (1992). *The churching of America, 1776–1990: Winners and losers in our religious economy*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
- Finke, R., & Stark, R. (2005). *The churching of America, 1776–2005: Winners and losers in our religious economy* (2nd ed.). New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
- Freeman, L. C. (1979). Centrality in social networks I: Conceptual clarification. *Social Networks*, 1, 215–239. [https://doi.org/10.1016/0378-8733\(78\)90021-7](https://doi.org/10.1016/0378-8733(78)90021-7)
- Granovetter, M. (1973). The strength of weak ties. *American Journal of Sociology*, 73(6), 1360–1380. <https://doi.org/10.2307/2776392>
- Granovetter, M. (2005). The impact of social structure on economic outcomes. *Journal of Economic Perspectives*, 19(1), 33–50. <https://doi.org/10.1257/0895330053147958>
- Griswold, E. (2010). *The tenth parallel: Dispatches from the fault line between Christianity and Islam*. New York, NY: Farrar, Straus, and Giroux.
- Hafez, M. M. (2004). From marginalization to massacres: A political process explanation of violence in Algeria. In Q. Wiktorowicz (Ed.), *Islamic activism: A social movement theory approach* (pp. 37–60). Bloomington, IN: Indiana University Press.
- Hoivik, T., & Gleditsch, N. P. (1975). Structural parameters of graphs: A theoretical investigation. In H. M. Blalock (Ed.), *Quantitative sociology* (pp. 203–222). New York: Academic Press. <https://doi.org/10.1007/BF00192487>
- International Crisis Group. (2006). *Terrorism in Indonesia: Noordin's networks* (Asia Report No. 114). http://www.crisisgroup.org/~media/Files/asia/south-east-asia/indonesia/114_terrorism_in_indonesianoordin_s_networks
- International Crisis Group. (2009). *Indonesia: Noordin Top's support base* (Asia Briefing No. 95). http://www.crisisgroup.org/~media/Files/asia/south-east-asia/indonesia/b95_indonesianoordin_tops_s_support_base.pdf
- International Crisis Group. (2010). *Indonesia: Jihadi surprise in Aceh* (Asia Report No. 189). <http://www.crisisgroup.org/~media/Files/asia/south-east-asia/indonesia/189%20Indonesia%20-%20Jihadi%20Surprise%20in%20Aceh.pdf>
- International Crisis Group. (2011). *Indonesian jihadism: Small groups, big plans* (Asia Report No. 204). <http://www.crisisgroup.org/~media/Files/asia/south-east-asia/indonesia/204%29Indonesian%20Jihadism%20%20Small%20Groups%20Big%20Plans.pdf>
- International Crisis Group. (2012). *Indonesia: The deadly cost of poor policing* (Asia Report No. 218). <http://www.crisisgroup.org/~media/Files/asia/south-east-asia/indonesia/218%20Indonesia%20-%20The%20Deadly%20Cost%20of%20Poor%20Policing>
- Jackson, M., Petersen, E., Bull, J., Monsen, S., & Richmond, P. (1960). The failure of an incipient social movement. *Pacific Sociological Review*, 3, 35–40.
- Jakarta Centre for Law Enforcement Cooperation. (2005–2010). *Annual reports*. http://www.jclec.com/index.php?option=com_content&task=catview&gid=113&Itemid=42
- Jones, S. (2009). Noordin's dangerous liaisons. *Tempo*. <http://www.crisisgroup.org/en/regions/asia/south-east-asia/indonesia/op-eds/jones-noordins-dangerous-liaisons.aspx>
- Kenney, M. (2007). *From Pablo to Osama: Trafficking and terrorist networks, government bureaucracies, and competitive adaptation*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press.
- Kilcullen, D. (2010). *Counterinsurgency*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Koschade, S. (2006). A social network analysis of Jemaah Islamiyah: The applications to counterterrorism and intelligence. *Studies in Conflict & Terrorism*, 29, 559–575. <https://doi.org/10.1080/10576100600798418>
- Krackhardt, D. (1994). Graph theoretical dimensions of informal organizations. In K. M. Carley, & M. J. Prietula (Eds.), *Computational organization theory* (pp. 89–111). Hillsdale, NJ: L. Erlbaum Associates.
- Krebs, V. (2001). Mapping networks of terrorist cells. *Connections*, 24(3), 43–52.
- Lindelauf, R., Borm, P., & Hamers, H. (2009). The influence of secrecy on the communication structure of covert networks. *Social Networks*, 31, 126–137. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1096057>
- Lofland, J., & Stark, R. (1965). Becoming a world-saver: A theory of conversion to a deviant perspective. *American Sociological Review*, 30, 862–875. <https://doi.org/10.2307/2090965>
- Maoz, Z. (2011). *Networks of nations: The evolution, structure, and impact of international networks, 1816–2001*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- McAdam, D. (1982). *Political process and the development of Black insurgency, 1930–1970*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- McAdam, D. (1986). Recruitment to high risk activism: The case of Freedom Summer. *American Journal of Sociology*, 92, 64–90. <https://doi.org/10.1086/228463>
- McAdam, D. (1999). *Political process and the development of Black Insurgency, 1930–1970* (2nd ed.). Chicago, IL: University of Chicago Press.
- McAdam, D., & Paulsen, R. (1993). Specifying the relationship between social ties and activism. *American Journal of Sociology*, 99, 640–667. <https://doi.org/10.2307/2781286>
- McCloskey, D. (1995). The insignificance of statistical significance. *Scientific American*, April, 32–33.
- McCormick, G. (2005). *The Diamond Insurgent/COIN Model*. Department of Defense Analysis, Naval Postgraduate School.

Monterey, CA.

McCormick, G., & Owen, G. (2000). Security and coordination in a clandestine organization. *Mathematical and Computer Modelling*, 31, 175–192. [https://doi.org/10.1016/S0895-7177\(00\)00050-9](https://doi.org/10.1016/S0895-7177(00)00050-9)

Morselli, C. (2009). *Inside criminal networks*. New York, NY: Springer.

Morselli, C., Giguere, C., & Petit, K. (2007). The efficiency/security trade-off in criminal networks. *Social Networks*, 29, 71–98. <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2006.05.001>

Passy, F. (2003). Social networks matter. But how? In M. Diani & D. McAdam (Eds.), *Social movements and networks: Relational approaches to collective action* (pp. 21–48). Oxford, UK: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/0199251789.003.0002>

Prell, C. (2011). *Social network analysis: History, theory & methodology*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications.

Priamarizki, A. (2013). Counter-terrorism in Indonesia: The end of special detachment 88? *RSIS Commentaries*, 062/2013. <http://www.rsis.edu.sg/publications/Perspective/RSIS0622013.pdf>

Raab, J., & Milward, H. B. (2003). Dark networks as problems. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 13(4), 413–439. <https://doi.org/10.1093/jpart/mug029>

Ramakrishna, K. (2009). Governmental responses to extremism in Southeast Asia: 'Hard' versus 'soft' approaches. In A. de Borchgrave, T. Sanderson & D. Gordon (Eds.), *Conflict, community, and criminality in Southeast Asia and Australia: Assessments from the field* (pp. 31–36). Washington, DC: Center for Strategic and International Studies.

Roberts, G. (2013). *Indonesian anti-terror squad killings prompt revenge attacks*. <http://www.abc.net.au/am/content/2013/s3686010.htm>

Roberts, N., & Everton, S. F. (2011). Strategies for combating dark networks. *Journal of Social Structure*, 12(2). <http://www.cmu.edu/joss/content/articles/volume12/RobertsEverton.pdf>

Sageman, M. (2003). *Statement to the National Commission on Terrorist Attacks Upon the United States*. <http://www.9-11commission.gov/hearings/hearing3/witnesssageman.htm>

Sageman, M. (2004). *Understanding terror networks*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press.

Sageman, M. (2008). *Leaderless jihad: Terror networks in the twenty-first century*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press.

Scott, J. (2000). *Social network analysis: A handbook* (2nd ed.). Thousand Oaks, CA: Sage Publications.

Smith, C. S. (1991). *The emergence of liberation theology: Radical religion and social movement theory*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Snijders, T. A. B. (1981). The degree variance: An index of graph heterogeneity. *Social Networks*, 3, 163–174. [https://doi.org/10.1016/0378-8733\(81\)90014-9](https://doi.org/10.1016/0378-8733(81)90014-9)

Snow, D. A., Zurcher, L. A., & Eklund-Olson, S. (1980). Social networks and social movements: A microstructural approach to differential recruitment. *American Sociological Review*, 45, 787–801. <https://doi.org/10.2307/2094895>

Solomon, D. (2007). *Pillars of power: Australia's institutions*. Sydney, Australia: The Federation Press.

Stark, R. (1996). *The rise of Christianity: A sociologist reconsiders history*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Stark, R., & Bainbridge, W. S. (1980). Networks of faith: Interpersonal bonds and recruitment to cults and sects. *American Journal of Sociology*, 85(6), 1376–1395.

Sunstein, C. R. (2009). *Going to extremes: How like minds unite and divide*. Oxford, UK: Oxford University Press.

Tucker, D. (2008). Terrorism, networks and strategy: Why the conventional wisdom is wrong. *Homeland Security Affairs*, 4(2), 1–18.

Uzzi, B. (1996). The sources and consequences of embeddedness for the economic performance of organizations: The network effect. *American Sociological Review*, 61(4), 674–698. <https://doi.org/10.2307/2096399>

Uzzi, B. (2008). A social network's changing statistical properties and the quality of human innovation. *Journal of Physics A: Mathematical and Theoretical*, 41, 1–12. <https://doi.org/10.1088/17518113/41/22/224023>

Uzzi, B., & Spiro, J. (2005). Collaboration and creativity: The small world problem. *American Journal of Sociology*, 111(2), 447–504. <https://doi.org/10.1086/432782>

Wasserman, S., & Faust, K. (1994). *Social network analysis: Methods and applications*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Ziliak, S. T., & McCloskey, D. N. (2008). *The cult of statistical significance*. Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press.

Об авторах

Шин Ф. Эвертон является преподавателем кафедры анализа обороны и заместителем директора лаборатории CORE в Школе повышения квалификации офицерских кадров ВМС США (*Naval Postgraduate School, NPS*). Профессор Эвертон получил степень магистра и доктора философии в области социологии в Стэнфордском университете (2007). Он имеет публикации в областях анализа социальных сетей, социологии религии, экономической социологии, политической социологии. В настоящее время специализируется на применении анализа социальных сетей для выявления и уничтожения темных сетей (например, криминальных и террористических сетей).

Монография Шина Ф. Эвертона, посвященная применению анализа социальных сетей для выработки стратегий уничтожения темных сетей (*Disrupting Dark Networks*), была опубликована издательством Кембриджского университета в конце 2012 г.

Дэниэл Каннингэм является преподавателем кафедры анализа обороны в Школе повышения квалификации офицерских кадров ВМС США (*Naval Postgraduate School, NPS*) в Монтерее (Калифорния), где он читает лекции по визуальному анализу темных сетей. Он также является помощником исследователя в лаборатории Общих операционных исследований окружающей среды (*Common Operational Research Environment, CORE*) при кафедре анализа обороны и курирует работу лаборатории с практикантами. В 2009 г. он получил степень магистра в области международной политики в Институте международных исследований Мидлберри (*Middlebury Institute of International Studies, MIIS*), специализируясь на проблемах изучения терроризма, и опубликовал несколько статей по проблемам темных сетей.

About the authors

Sean F. Everton is an Assistant Professor in the Department of Defense Analysis and the Co-Director of the CORE Lab at the Naval Postgraduate School (NPS). Professor Everton earned his MA and PhD in Sociology at Stanford University (2007). He has published in the areas of social network analysis, sociology of religion, economic sociology, and political sociology, and he currently specializes in the use of social network analysis to track and disrupt dark networks (e.g., criminal and terrorist networks). His monograph on using social network analysis for the crafting of strategies for the disruption of dark networks (*Disrupting Dark Networks*) was published by Cambridge University Press in late 2012.

Daniel Cunningham is an Associate Faculty for Instruction in the Defense Analysis Department at the Naval Postgraduate School (NPS) in Monterey, CA, where he lectures on the visual analysis of dark networks. He is also a Research Associate in the Defense Analysis Department's Common Operational Research Environment (CORE) Lab and he is the supervisor for the lab's outreach efforts with practitioners. Dan earned his MA in International Policy Studies with a focus in Terrorism Studies at the Middlebury Institute of International Studies (MIIS) in 2009 and has published several articles on dark networks.

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 22.06.2022

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 20.06.2023

Дата принятия в печать / Accepted 10.08.2023

ИНФОРМАЦИЯ О РЕДАКТОРАХ РУБРИК / INFORMATION ON THE RUBRICS EDITORS

Гафурова Гульнара Талгатовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит», Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань

Gulnara T. Gafurova, Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor of the “Finance and Credit” Department, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Крамин Тимур Владимирович, доктор экономических наук, профессор, директор НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова, г. Казань

Timur V. Kramin, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor, Head of the Chair of Financial Management, Director of Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Григорьев Руслан Аркадиевич, доктор философии в области экономики (Великобритания), заместитель директора НИИ проблем социально-экономического развития, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань

Ruslan A. Grigoryev, PhD in Economics (UK), Deputy director at Scientific-Research Institute, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

Бегишев Ильдар Рустамович, доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова, г. Казань

Ildar R. Begishev, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Professor of Department of Criminal Law and Procedure of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Никитин Андрей Геннадьевич, кандидат юридических наук, декан юридического факультета, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань

Andrey G. Nikitin, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Dean of the Faculty of Law, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Бикеев Игорь Измаилович, доктор юридических наук, профессор, первый проректор, проректор по научной работе Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова, г. Казань

Igor I. Bikeev, Doctor of Law, Professor, Vice Editor-in-Chief, First Vice-Rector, Vice-Rector on Scientific work, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Кабанов Павел Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминологии, Нижегородская академия Министерства внутренних дел России, г. Нижний Новгород

Pavel A. Kabanov, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminology, Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation, Nizhniy Novgorod

Шаббар Джеффри, доктор философии в области экономики, профессор, Портсмутская бизнес-школа, Университет г. Портсмут, г. Портсмут, Великобритания

Jaffry Shabbar, PhD in Economics, Professor, Portsmouth Business School at University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

о журнале “Russian Journal of Economics and Law”

Журнал “Russian Journal of Economics and Law” является научным и информационно-аналитическим изданием в области экономических и юридических наук. Выходит 4 раза в год. Учредителем журнала является частное образовательное учреждение высшего образования «Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова». Издатель – ООО «Татарский центр образования «Таглитат».

Тематика журнала представлена в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников.

Журнал осуществляет научное рецензирование (двойное слепое) всех поступающих в редакцию статей с целью экспертной оценки по следующим специальностям:

5.2. Экономические науки:

5.2.1. Экономическая теория.

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика.

5.1. Юридические науки.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.

Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

Журнал придерживается стандартов редакционной этики в соответствии с международной практикой редактирования, рецензирования изданий и авторства научных публикаций и рекомендациями Комитета по этике научных публикаций, Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ).

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

журнала “Russian Journal of Economics and Law”

Редакция, редакционная коллегия и рецензенты научного журнала Russian Journal of Economics and Law просят авторов, направляющих статьи для публикации, руководствоваться следующими правилами при оформлении статей.

Статья и сопроводительные материалы отправляются в электронном виде по почте или загружаются через личный кабинет автора на сайте журнала: <https://www.rusjel.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines> (если не удастся отправить файлы через эту форму, материалы можно присылать на e-mail: RusJEL@ieml.ru).

Для публикации научной статьи автор (авторы) должен подготовить рукопись статьи и сопроводительные документы к ней.

Электронная версия статьи записывается в формате Microsoft Word или RTF. Оформляется строго в соответствии с правилами оформления материалов (<https://www.rusjel.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>).

Редакция оставляет за собой право не рассматривать статьи, оформленные не по правилам.

Рекомендованный объем статьи: 40 000 знаков. Минимальный – не менее 30 000 знаков с пробелами (без аннотаций и списка литературы).

Сопроводительные документы к рукописи статьи должны включать в себя:

- заявление на обработку персональных данных каждого из авторов;
- заявление о согласии на распространение персональных данных каждого из авторов;
- лицензионный договор, подписанный каждым из авторов.

Автор, направляющий статью в журнал Russian Journal of Economics and Law, выражает тем самым свое согласие на ее опубликование в журнале, размещение в открытом доступе на сайте журнала в сети Интернет, на передачу текста статьи (в том числе ссылок, библиографической информации и т. д.) лицам, предоставление которым данных сведений носит обязательный характер, либо иным лицам в целях обеспечения возможности цитирования публикации.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и воспроизводится в Российской научной электронной библиотеке (URL: <http://www.elibrary.ru>), HeinOnline, Cyberleninka, RePec, Doaj, ProQuest.

Ответственность за приводимые в статьях фактические материалы и данные несут авторы.

Если в статье упоминается запрещенная в Российской Федерации организация (http://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret), то после первого ее упоминания в статье обязательно должно быть указано, что деятельность данной организации запрещена на территории РФ.

Решение о публикации или отклонении материалов принимается редакционной коллегией.

Все публикации бесплатны для авторов и читателей: платиновый открытый доступ (Platinum Open Access). Все опубликованные статьи доступны для чтения, загрузки и распространения сразу после публикации, при условии что исходный источник и авторы цитируются Creative Commons Attribution License - NonCommercial 4.0 (CC BY-NC 4.0).

Авторский гонорар за издание статей не выплачивается. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Рукописи не возвращаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

(в соответствии с ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания.
Издательское оформление публикуемых материалов»)

Оформление статьи. Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word в формате .doc или .rtf. Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 pt. Междустрочный интервал – полусторонний. Все поля – 20 мм. Абзацный отступ – 0,5 см (3 знака).

Выравнивание основного текста – по ширине.

Все слова внутри абзаца разделяются только одним пробелом. Перед знаком препинания пробелы не ставятся, после знака препинания – один пробел.

Не допускаются: два или более пробелов; выделения в тексте подчеркиванием; формирование красной строки с помощью пробелов; автонумерация (нумерованных и маркированных списков) в главах и абзацах. Все набирается вручную.

Пример.

1. Текст ...

2. Текст ...

Формулы должны быть набраны в формульном редакторе Microsoft Equation.

Латинские буквы набираются курсивом, греческие и русские буквы – прямо. Цифры имеют прямое начертание.

В тексте обязательно должна быть ссылка на рисунки и таблицы. Таблицы располагать в тексте. Обязательно указывать номер таблицы и ее название. Рисунки можно вставлять в текст, используя только редакторы, надежно совместимые с редактором Word. Желательно представление рисунков отдельным файлом с указанием номера рисунка и названия статьи.

Аннотация должна кратко излагать содержание статьи. Объем аннотации – от 150 до 250 слов. Печатается в начале статьи. Заглавие статьи не должно повторяться в аннотации. Не рекомендуется включать в аннотацию ссылки на литературу.

Литература, составленная в порядке очередности цитируемых материалов, приводится в конце статьи. Ссылки на первоисточники в тексте заключаются в квадратные скобки.

Подробнее см. на сайте журнала: rusjel.ru

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

на журнал “Russian Journal of Economics and Law”

Журнал “Russian Journal of Economics and Law” распространяется по подписке.

Наш индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 86303.

Периодичность выхода издания – 4 номера в год.

Подписка на журнал может быть оформлена через редакцию.

Для получения издания в редакции достаточно передать туда письмо-заявку о желании получить журнал с указанием номера и года издания и требуемого количества журналов и перечислить на расчетный счет ООО «ТЦО «Таглитат» 400 руб. за один экземпляр с пометкой «Журнал “Russian Journal of Economics and Law”».

Наши реквизиты: ИНН 1653007123, Р/с 40702810762000000536, К/счет 30101810600000000603. Отделение «Банк Татарстан» № 8610 (за журнал).

Оплату может произвести любое лицо.

По заявке, направленной в редакцию, отдельные номера журнала высылаются наложенным платежом.

Копия платежного документа в обязательном порядке высылается в редакцию издания.

Журналы будут высылаются по почте на адрес плательщика или на иной адрес по доверенности плательщика.

Адрес редакции:

420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Московская, д. 42, редакция журнала “Russian Journal of Economics and Law”

Факс (843) 292-61-59

Тел. (843) 231-92-90

E-mail: apel@ieml.ru

GENERAL INFORMATION

about Russian Journal of Economics and Law

The Russian Journal of Economics and Law is a scientific and informative-analytical publication in the sphere of Economics and Law Sciences. It is issued 4 times a year. The founder of the Journal is the private educational establishment of higher education "Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov". The publisher is "Tatar Center for Education "Taglimat" Ltd.

Titles and contents of sections correspond to branches of science and groups of specialties of scientists according to Nomenclature of specialties for scientists.

For complex expert evaluation all manuscripts undergo bilateral blind review.

All reviewers are acknowledged experts in areas they are responsible for. Reviews are stored in the publishing house and publishing office for 5 years.

Editorial staff sends to the authors of the submitted materials copies of reviews or a substantiated refusal.

The Journal adheres to editorial ethics standards in compliance with the international practice of editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications and the recommendations of the Committee on Ethics of scientific publications, Association of scientific editors and publishers (RASEP).

RULES FOR AUTHORS

of Russian Journal of Economics and Law

The Editorial office, Editorial Board and reviewers of the Russian Journal of Economics and Law request the authors submitting articles for publication to follow these rules when formatting the manuscripts.

The article and the accompanying materials shall be sent by e-mail or downloaded via the author's personal area in the Journal website: <https://www.rusjel.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines> (if you cannot send the files via this form, send them to e-mail: RusJEL@ieml.ru).

To publish a scientific article, the author(s) must prepare the article manuscript and the accompanying documents.

An electronic copy of the article should be prepared in Microsoft Word or RTF format. It should be formatted in strict compliance with the formatting rules (<https://www.rusjel.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>).

The Editorial Board reserves the right not to review the articles prepared with violations of the rules.

The recommended volume of articles is 40,000 characters. The minimal volume is 30,000 characters, including spaces (excluding abstract and references).

Accompanying documents must include the following:

- consent of each author to the processing of their personal data;
- consent of each author to the distribution of their personal data;
- license agreement signed by each author.

The author submitting an article to the Russian Journal of Economics and Law, expresses thereby their consent for its publication in the Journal, open access placement on the Journal website in the Internet, transference of the article (including references, bibliographic information, etc.) to the persons, to whom transference of such data is obligatory, or other persons for the purpose of providing the possibility of citing the publication.

The Journal is included into the database of the Russian Index for Scientific Citation (RISC) and is reproduced in the Russian Scientific Electronic Library (URL: <http://www.elibrary.ru>), HeinOnline, Cyberleninka, RePec, Doaj, ProQuest.

The authors shall be responsible for the factual materials and data presented in the articles.

In case an organization prohibited in the territory of the Russian Federation (http://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret) is mentioned in the article, after the first mention of such organization in the article there must be a notification that the activity of such organization is prohibited in the territory of the Russian Federation.

The decision on publication or rejection of the materials shall be made by the Editorial Board.

All publications are free of charge for the authors and readers (Platinum Open Access). All published articles are open for reading, downloading and distribution immediately after publication, provided their original source and authors are cited under the Creative Commons Attribution License – NonCommercial 4.0 (CC BY-NC 4.0).

The author's fees for the articles published are not paid. The Editorial office does not charge fees for preparing, placement and publishing of the materials.

Manuscripts shall not be returned.

REQUIREMENTS FOR THE TYPESCRIPTS TYPOGRAPHY (according to GOST 7.5-98 “Journals, collections, information publications. Publishing typography of the published materials”)

The article typography. The text should be typed in Word text-based editor in .doc or .rtf format. Type Times New Roman, font size – 14 pt. Line-to-line spacing – 1.5. All margins – 20 mm. Indention – 0.5 cm (3 characters).

Main text justification – by width.

All words inside a paragraph are divided by just one space. No space is put before a punctuation mark, one space is put after a punctuation mark.

Not allowed: two or more spaces; highlighting of the text by underlining; indention with the help of spaces; autonumeration (of numerated and marked lists) in chapters and paragraphs. Everything is typed by hand.

Example.

1. Text ...

2. Text ...

The formulae should be typed in Microsoft Equation formula editor.

The Latin letters are typed in italics, the Greek and Russian ones – straight. The numbers are typed straight.

The text should contain a reference to pictures and tables. The tables should be placed in the text. The table number and its title should be given. It is advisable to submit figures as separate files indicating the article title and the figure number. It is desirable to submit pictures on a separate sheet with the picture number and the article title.

Summary should render the contents of the article in short. The abstract should contain between 150 and 250 words. It is published at the beginning of the article. The article heading should not be repeated in the summary. It is not recommended to include the bibliographic references into the summary.

Literature, in the order of the materials cited, should be placed at the end of the article. The references to original sources in the text are put into square brackets.

For more details visit: rusjel.ru

CONDITIONS FOR SUBSCRIPTION to the Journal “Russian Journal of Economics and Law”

The Journal “Russian Journal of Economics and Law” is distributed by subscription – index 86303 in the United Catalogue “Press of Russia”. The Russia citizens can subscribe to the Journal in all post offices.

The Journal is issued 4 times a year.

The subscription for the Journal from any issue can be made through the editorial board.

To obtain the Journal in the editorial board one should submit a letter of application to the editorial board with indication of the issue number and year and the required number of copies, and to transfer a sum of 400 roubles for one copy of the Journal to the settlement account of “Tatar Educational Centre “Taglimat” Ltd, with a mark “The Journal “Russian Journal of Economics and Law”.

Bank details: INN 1653007123, Current Acc 40702810762000000536, Corr Acc 30101810600000000603. Otdeleniye “Bank Tatarstan” #8610 (for the Journal).

The payment can be transferred by any organization or private person.

By an application submitted to the editorial board, separate issues of the Journal are sent “collect on delivery”.

A copy of payment document must be sent to the editorial board.

The journals will be sent by post to the payer’s address or to any other address per procuracionem of the payer.

The Journal editorial board address:

420111, Tatarstan Republic, Kazan, 42 Moskovskaya St., the Journal “Russian Journal of Economics and Law” editorial board

Fax (843) 292-61-59

Tel. (843) 231-92-90

E-mail: apel@ieml.ru

